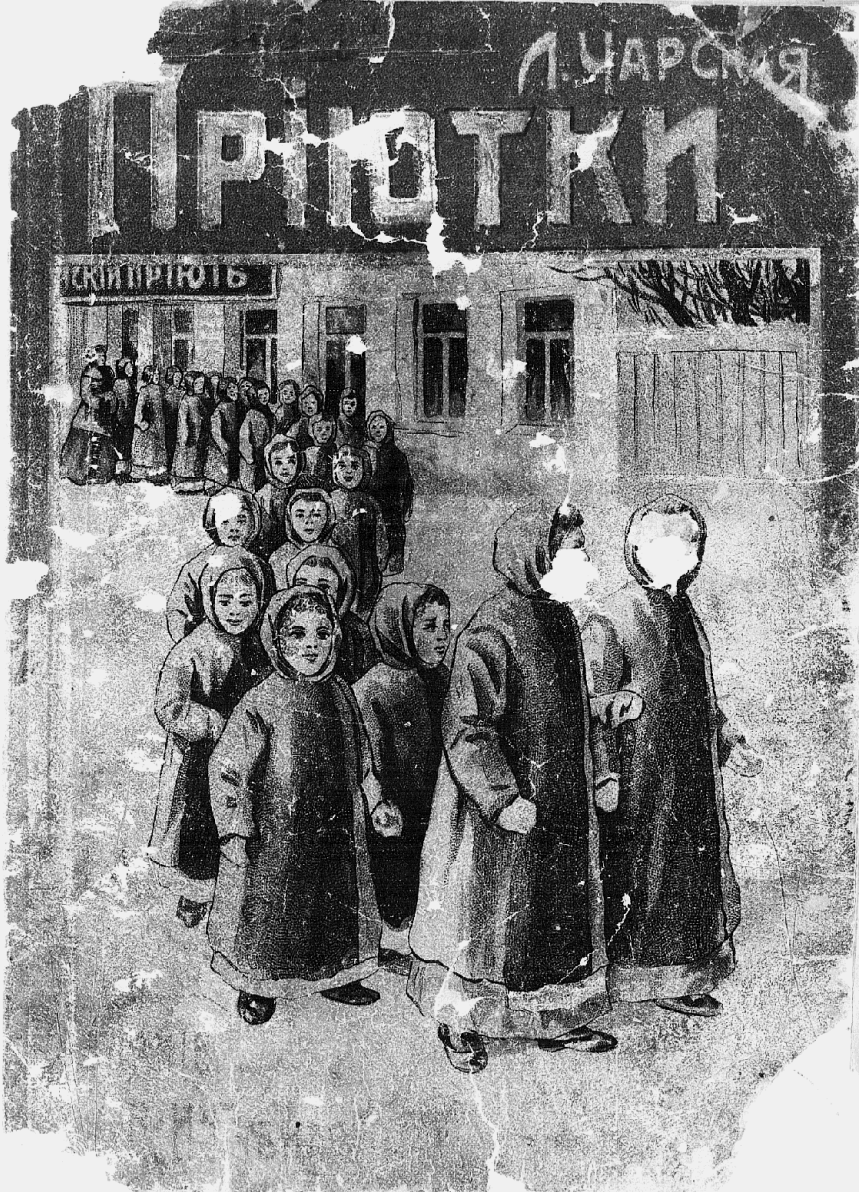

Л. ЧАРСКАЯ
ПРЯТКИ
КНИГИ

801-11
90

...я Чарская.

И 482
60

ПРІЮТКИ.

ПОВѢСТЬ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ ХУДОЖНИКА **М. А. АНДРЕЕВА.**

ГРАВИРОВАЛИ: В. Адтъ и Р. Шублеръ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ В. И. ГУБИНСКАГО.

Сочиненія Л. А. ЧАРСКОЙ.

„СѢВЕРНЫЙ БОГАТЫРЬ“ Александръ Васильевичъ Суворовъ—вездѣ великій человѣкъ. Иллюстрированное изданіе. Соч. **Л. А. Чарской.** Дивный предметъ изученія представляетъ Суворовъ, какъ лицо историческое, какъ полководецъ, какъ Русскій самобытный геній, создавшій свою науку „побѣждать“. Суворовъ, покоритель Праги и Варшавы, побѣдитель на Рымникѣ, рѣшитель судебъ Польши и пр. пр.

***СВѢТЛЫЙ ВОИНЪ. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.** Историческая повѣсть временъ царствованія Бориса Годунова, Лжедимитрія и Василія Шуйскаго. Соч. **Л. А. Чарской,** съ рисун. художника М. Андреева и др. 365 стр. Спб., ц. 2 руб.

СИНІЯ ТУЧКИ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняго возраста **Л. А. Чарской,** съ 49 рисунками, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

***СТРУЙКА ЗА СТРУЙКОЙ—ВОЛНА ЗА ВОЛНОЙ.** Пересказы нѣмецкихъ дѣтскихъ писателей **Л. А. Чарской.** Съ 40 рис., художника М. Андреева; въ папкѣ ц. 1 р. 25 к.

***СОЛНЫШКО** Сборникъ разсказовъ для дѣтей **Л. А. Чарской.** Съ рисунками, художн. М. Андреева: въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

***ЯРКІЯ ЗВѢЗДОЧКИ.** Разсказы для дѣтей младш. возраста **Л. А. Чарской,** съ 60 рис. и заставк. худ. И. Зубрилова и др.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

ГИМНАЗИСТКИ. 10 разсказовъ. Съ рисунками художн. М. Андреева, гравир. Ю. Шублеръ, А. Смирновъ и М. Морозовъ; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

ГИМНАЗИСТЫ.—*Сирена.*—*Въ глуши.* Три разсказа **Л. А. Чарской.** Съ рисун. художн. М. Андреева: въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

СКАЗКИ. Соч. Фр Гофмана въ пересказѣ **Л. А. Чарской.** Съ рис. художн. Я. Сизова. Спб., ц. 1 р. 35 к.

ОГОНЬКИ. Разсказы для юношества **Л. А. Чарской.** Съ рисунками художн. А. Шлипера; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

БѢЛЫЯ ПЕЛЕРИНКИ. Двѣ повѣсти изъ институтской жизни: *Южаночка и Некрасивая.* **Л. А. Чарской.** Съ рис. художн. М. Андреева; 296 стр. въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

СМѢЛЫЕ, СИЛЬНЫЕ, ХРАБРЫЕ. Три истор. повѣсти **Л. А. Чарской.** *Содержаніе:* Долой Перуна! (Крещеніе Руси). — Подъ вѣчевымъ колоколомъ. (Марѳа Посадница).—Сююнбека царица Казанская (Покореніе Казани). Съ рис. художн. М. Андреева и Б. Чорикова; ц. 1 р. 50 к.

ЦАРЕВИЧЪ-ОРЛЕНОКЪ. Историческій разсказъ временъ Петра I **Л. А. Чарской.** Съ рисунками.

ЛАРА БЕЗСОНОВА. Повѣсть **Л. А. Чарской.** Съ рисунками; М. Андреева. 256 стран. въ папкѣ. Ц. 1 35 к.

ПРІЮТКИ. Повѣсть изъ пріютской жизни **Л. А. Чарской.** Съ рис. художн. М. А. Андреева. Ц. 1. 50 к., въ папкѣ.

ОСОБЕННАЯ. Повѣсть и разсказы; съ рис., худож. М. А. Андреева, въ папкѣ.

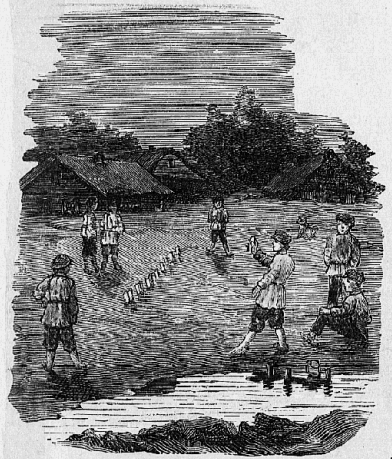
Типографія П. Ѳ. Вощинской. Спб. Ярославская ул., 1—9.

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина
И 482/60
12598-61
2007465709

ПРІЮТКИ.

ПОВѢСТЬ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Первымъ сознательнымъ воспоминаніемъ Дуни было: невѣроятно теплый уголъ лежанки, крошечное оконце, выходящее на лугъ и на синѣющія деревья лѣса, молчаливо-прекраснаго и стройнаго тамъ, вдалекѣ...

Когда выплывало солнце, бѣлые зайчики бѣгали по стѣнѣ избушки, а отецъ Дуни, чернобородый мужикъ съ добрыми глазами подходилъ къ лежанкѣ, подхватывалъ дѣвочку своими огромными руками съ мозолями на ладоняхъ и, высоко подкидывая ее надъ головою, приговаривалъ весело

— Вотъ мы какъ! Знай нашихъ! Ай, да Дуняша, отцова дочка! Вотъ мы какъ! И Дуняша смѣялась невеселымъ, какимъ-то недѣтскимъ смѣшкомъ.

Такъ не смѣются двухлѣтнія... И глаза у нея были недѣтскіе, большіе, задумчивые, глубоко ушедшіе въ орбитахъ, голубые и ясные, какъ лѣсные ручьи.

*

Потомъ, Дуня уже не прыгала на рукахъ отца Порфирія Прохорова. Порфирій Прохоровъ уѣхалъ на заводъ въ городъ. Недостатки были въ деревнѣ и большая часть кормильцевъ отправилась на заработки въ Петербургъ.

Осталась Дуняша въ родной избѣ со старой бабушкою Маремьяной, да съ котомъ Игнашкой. Матери у нея уже не было въ ту пору. Дунина мать умерла, произведя на свѣтъ дѣвочку. Каждую Ѳомину недѣлю, въ дни поминовенія усопшихъ, бабушка Маремьяна стряпала кутью, увязывала парочку яицъ въ платокъ и шла на могилку дочери вмѣстѣ съ Дунсй, поминать покойницу. Погостивъ на могилкѣ, бабушка клала на нее круто сваренныя яйца и сыпала кутью на могильный холмикъ, предварительно часть которой съѣдала тутъ-же, не забывъ угостить ею и Дуню. Налетали птицы, подбирали сладкія крупинки риса, а бабушка улыбаясь говорила, что радуется въ эти минуты душенька усопшей дочери. Дуня любила эти походы на кладбище. Изъ церкви, несся переливчатый, серебрянный звонъ, бурое окрашенное лукомъ, либо красное яичко заманчиво выдѣлялось среди молоденькой весенней травки, а тамъ, издалеча призывно шумѣлъ зеленымъ шумомъ лѣсъ и подкравшаяся весна сулила немалыя утѣхи дѣвочкѣ.

Въ три года Дуня бѣгала туда уже съ ребятишками по ягоды, ходила по грибы съ бабушкой Маремьяной въ лѣсную чащу. Любила Дуня лѣсъ, его темные своды и мягкій коверъ травы, испестренный цвѣтами. Любила гомонъ пташекъ и стрекотъ кузнечиковъ и пестрыхъ бабочекъ, такихъ нарядныхъ, похожихъ на цвѣты. Объ ушедшемъ отцѣ думала мало. Бабушка постоянно говорила внучкѣ, что вернется тятька лишь только сколотитъ деньгу пошибче и гостинцевъ принесетъ своей Дуняшѣ. Безпримѣнно вернется годика черезъ три, четыре. Покамѣсть на ихъ крестьянской полосѣ орудовалъ подряженный бабушкой сосѣдъ и отсутствіе отца только и сказывалось въ часы полдника или ужина: въ

прежнее время, бывало, заполняла всю ихъ крошечную избу его громоздкая фигура съ большой головою, добрыми глазами и черной окладистой бородой. Да еще никто больше не подбрасывалъ Дуню на сильныхъ рукахъ съ веселымъ смѣхомъ, никто не ласкалъ ее сердечной, простою отцовской лаской.

Положимъ, теперь-бы и отецъ не подбросилъ дѣвочку,—подросла Дуня. Бабушкѣ въ избѣ помогаетъ, за водой ходитъ къ колодцу, въ лѣсъ бѣгаетъ съ ребятами. Печь умѣетъ растопить, коровушкѣ кормъ задать, полы вымыть...

Бабушка не по днямъ, а по часамъ старѣетъ. Все лицо излучилось морщинами, ходитъ не иначе, какъ опираясь на палку и все кряхтитъ.

— Ничего, до весны, дастъ Господь, протянетъ, а тамъ и хозяинъ съ завода вернется, толковали сосѣдки, не стѣсняясь присутствіемъ Дуни, поглядывая на старуху.

Теперь Дуня стала нетерпѣливѣе поджидать отца. Съ возможностью скорой бабушкиной смерти, она уже успѣла примириться и, поплакавъ тишкомъ, стала больше думать о приходѣ тятьки, о которомъ кстати, сказать, имѣла сейчасъ очень смутное воспоминаніе.

И вотъ, неожиданно случилось то «страшное», что на всю жизнь осталось памятнымъ дѣвочкѣ.

Изъ Питера, съ завода, гдѣ работалъ Порфирій Прохоровъ пришло нацарапанное каракулями письмо.

А извѣщалось въ томъ письмѣ, что, Божіей волею, случилось съ Прохоровымъ несчастье. Попалъ онъ подъ колесо машины и умеръ мученической смертью, раздробленный ею на сотню мелкихъ кусковъ.

Несмотря на свои восемь лѣтъ, Дуня плохо поняла, однакожъ, весь ужасный смыслъ полученнаго извѣстія.

За то, бабушка Маремьяна, какъ дослушала конецъ Питерской цидулки, прочтенной ей ея крестникомъ, сосѣдскимъ сыномъ Ванюшей, такъ и опрокинулась на лавку, почернѣла какъ уголь, и уже больше не поднялась.

А черезъ три дня положили ее рядышкомъ съ Дуниной матерью, подъ деревянный крестъ на погостѣ, у котораго сама она частенько молилась за упокой души покойницы-дочки. Сосѣди подобрали Душю, скорѣе испуганную неожиданностью, нежели убитую горемъ. Бабашку Маремьяну Дуняша больше побаивалась, нежели любила. Сурова была бабушка, взыскательна и требовательна не въ мѣру. Чуть что и за косичку и за ушенко оттрепетъ и безъ ужина отправитъ спать.

А все же жаль ее было дѣвочкѣ. И горько заплакала она когда бабку Маремьяну зарывали въ землю.

Черезъ недѣлю пришло письмо съ завода съ бумагою за печатью и съ деньгами. Въ бумагѣ говорилось о томъ, что малолѣтняя Авдотья Прохорова, усердными хлопотами заводскаго начальства, принята въ пріютъ, какъ круглая сирота и дочь погибшаго при исполненіи своихъ обязанностей рабочаго, и прилагаемыя деньги посылались Дунѣ на дорогу.

II.

Въ нѣсколько часовъ собрали сосѣди дѣвочку и отправили съ попутчикомъ въ Питеръ.

Попутчикъ, глуповатый парень Микешка, ѣхавшій наниматься въ извозъ, всю дорогу прикладывался къ стекляной посудинѣ, что хранилъ за пазухой, закусывалъ огурцами и добродушно угощалъ Дуню.

Но та отнѣкивалась и отупѣлыми, распухшими отъ слезъ глазами, смотрѣла въ окно. Въ окнѣ бѣжали деревья, будки, дома, деревни, коровушки паслись на лугу... И опять деревья... будки...

Все видѣнное въ окнѣ напоминало только что покинутое, родное сердцу: вотъ мелькнула деревня—пѣсколько домовъ по откосу, вспомнилась своя деревенька, изъ которой съ растерзаннымъ сердцемъ уѣзжала нынче Дуня... Вотъ кладбище—и выплывало передъ полными слезъ глазами свое кладбище, родная могилка матери, пасхальныя яички, сладкая кутья съ изюмомъ, молитвы и причитанія покойной бабушки. Коровушка на лугу—точь въ точь своя Буренка, та самая Буренка, которую порѣшили продать «міромъ» и вырученныя деньги положить въ Сберегательную кассу въ городѣ на имя Дуни... Вонъ лѣсъ опять начался за окномъ вагона...

И выступили ярко воспоминанія въ дѣтской головкѣ Дуни... Походы по грибы и ягоды... Тѣнистая прохлада, зеленый шумъ, пѣніе птахъ и звонъ кузнечиковъ въ мягкой муравѣ...

Слезы душили горло... Все миновало и не вернется никогда. Везутъ ее, Дуню, въ чужой городъ; въ чужое мѣсто, къ чужимъ людямъ. Ни лѣса тамъ, ни поля, ни деревни родной. Ахъ, Господи! За что прогнѣвался Ты Милостивецъ на нее сиротку? Чѣмъ досадила она Тебѣ?

И мучительно, до боли захотѣлось дѣвочкѣ прежней вольной жизни: потянуло въ душную бѣдную избу, захотѣлось услыхать неизмѣнную воркотню бабушки Маремьяны. Почувствовать (куда ни шло!) ея крѣпкіе костлявые пальцы на замершемъ отъ боли ухѣ, услышать сердитое шипѣнье раздосадованнаго голоса:

— Опять въ лѣсу, непутевая, слонялась? Ну, постой ты у меня! Дай срокъ! Ужо будетъ тебѣ крапивой!

Все миновало... Поѣздъ несется, такъ быстро точно гонится кто за нимъ. На встрѣчу бѣгутъ по прежнему поля, коровушки, деревни.. Лѣсъ... Милый лѣсъ, родненькія деревни! Не быть тамъ больше Дунѣ... Никогда! Никогда!

* * *

Большое коричневое зданіе на перекресткѣ двухъ улицъ. Вокругъ дома садъ, опоясанный чугуннымъ поясомъ рѣшетки. А кругомъ дома, огромные, чуть не до неба (таково было мнѣніе Дуни) и рядомъ маленькіе, словно избы въ перемѣшку поставленные съ большими.

Ѣхали они сюда съ Микешкой—попутчикомъ долго, долго... Такъ долго, что у Дуни отъ сидѣнья даже ноги затекли. Сначала на чугункѣ, потомъ вышли на вокзалѣ и чуть не потерялись въ окружившей ихъ сразу толпѣ.

Однако, дошли до электрички, забрались въ вагонъ и опять поѣхали.

У Дуни отъ первой этой поѣздки въ жизни по желѣзной дорогѣ и отъ всей этой суматохи, грохота, шума и тряски въ ушахъ звенѣло и голова стала тяжелая, какъ капустный кочанъ.

Парень Микешка, бывалъ уже не разъ въ городѣ и объяснялъ своей спутницѣ про попадавшія имъ навстрѣчу чудеса въ видѣ огромныхъ домовъ, трамваевъ, каретъ, колясокъ и велосипедовъ.

За всю ночь проведенную въ трясномъ вагонѣ, Дуня не сомкнула глазъ, раздавленная, разбитая массою новыхъ впечатлѣній и теперь, все проносилось передъ ней, какъ въ туманѣ. Наконецъ, доѣхали до мѣста. Сошли. Держа въ одной рукѣ узелокъ съ ея убогимъ приданымъ и уцѣпившись другою за руку Микешки, Дуня вошла въ подъѣздъ, коричневаго дома, показавшагося ей дворцомъ.

Передъ ними очутился сторожъ съ медалями на груди и съ сивыми очень внушительнаго вида отвислыми усами.

Микешка, у котораго вчерашній хмѣль еще не вышелъ изъ головы, сталъ сбивчиво объяснять сторожу что-то, путая о заводѣ, о погибшемъ подъ машиннымъ колесомъ Порфиріи Прохоровѣ и вскользь упомянулъ о Дуняшѣ, пугливо прижавшейся къ его рукѣ.

— Стало быть, новую воспитонку привезъ, толку отъ тебя не добьешся! Деревенщина! — презрительно

бросилъ сторожъ, едва выслушавъ разсказчика и окинувъ Дуню уничтожающимъ взглядомъ.

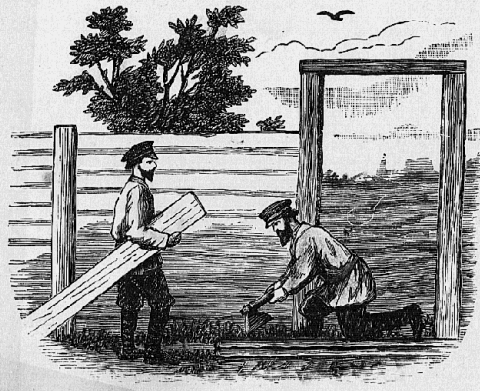
— Ждите. Сейчасъ помощницу призову,—добавилъ онъ уже въ дверяхъ, бросивъ черезъ плечо еще одинъ небрежный взглядъ по адресу вновь прибывшихъ.

Микешка, умаявшись долгимъ путемъ, присѣлъ на лавку тутъ же, въ прихожей, большой свѣтлой комнатѣ со скамейками вдоль стѣнъ и съ вѣшалкой внушительныхъ размѣровъ въ углу.

— Дунька, сажайся, гостьей будешь! — усмѣхнулся онъ, грубовато-ласково, проведя мозолистой рукой по бѣлокурой головкѣ дѣвочки...

Та молча повиновалась.

И лишь только почувствовала себя на твердо стоявшей безъ колебанія (не какъ въ поѣздѣ и въ электричкѣ) скамейкѣ, завела глаза и уснула сразу, точно провалилась въ какую-то темную пропасть въ тотъ же мигъ.



III.

— Привезъ! Ну, и отлично! Бумаги съ тобой? Прекрасно! Давай сюда. Восемь лѣтъ, говоришь? Маленькая! По росту меньше дать можно! Ну, вотъ и ладно. Можешь идти. Спасибо, что въ сохранности довезъ. Ступай!..

Все это сквозь сонъ слышала Дуня и незнакомый голосъ и отвѣты Микешки. Потомъ, что-то легко коснулось ея плеча.

— Проснись, дѣвочка, проснись. Спать не время! уже у самаго своего уха услышала Дуня и сразу открыла глаза.

— Ахъ!—вскрикнула она, отъ неожиданности и испуга. Во снѣ это или на яву? Микешкинъ слѣдъ давно простылъ... Она сама сидитъ на скамейкѣ въ свѣтлой прихожей. Тотъ же сторожъ съ сивыми усами смотритъ на нее внимательно и зорко, а передъ нею... Господи Іисусе! Маленькое, кривобокое съ большимъ горбомъ за плечами существо близко, близко стоитъ около Дуни и держитъ исхудалую сухую руку у нея на плечѣ. У горбуньи длинное желтое лицо, полусѣдые, полутемные волосы остриженные до плечъ съ загибающимися кверху концами, подхваченные двумя гребенками у ушей и темные глаза... Такихъ глазъ еще отродясь не видывала Дуня. Большіе, глубокіе, серьезные, занимающіе чуть-ли не цѣлую треть лица, они полны тепла, ласки и какого-то изнутри выливающагося свѣта.

И глядя въ эти темные, теплые, лучащіеся глаза, забывалось, какъ-то, общее впечатлѣніе, полученное отъ искалѣченной горбомъ фигуры и длиннаго желтаго некрасиваго лица.

Прочтя испугъ и недоумѣніе въ обращенныхъ на нее глазахъ Дуни, горбунья улыбнулась. И отъ этой улыбки еще больше и теплѣе засіяли ея необыкновенные глаза.

— Здравствуй, дѣвочка, здравствуй! — заговорила незнакомка, — вотъ ты и у насъ. Не бойся! тебя никто не обидитъ. У насъ добрыя милыя дѣвочки, а начальница у насъ ласковая, сердечная, и тебѣ будетъ очень хорошо. Не боишься меня, а?

Дѣвочка хотѣла сказать, что боится, но взглянувъ въ лучистые глаза робко промолвила противъ собственной воли:

— Нѣтъ.

— Вотъ и хорошо! вотъ и хорошо,—обрадовалась горбунья. — А теперь пойдемъ въ лазаретную, тамъ тебя вымоемъ, обстрижемъ, въ казенное платье обря-

Пріютки. (Стр. 10).

димъ и будешь ты у насъ такая краля, что не въ сказкѣ сказать ни перомъ описать,—пошутила горбунья и, взявъ Дуню за руку, повела куда-то.

По дорогѣ она распрашивала дѣвочку, хорошо ли ей было ѣхать, не обидѣлъ ли ее кто въ пути и, похлопывая Дуню по плечу, все прибавляла, какъ-бы ободряя ее послѣ каждаго ея односложнаго отвѣта:

— Ладно, ладно. Ты не бойся. У насъ хорошо. И Екатерина Ивановна и дѣвочки всѣ добрыя, ласковыя, любить будутъ. Только сама умницей будь. Слышишь? будь умницей, Дуня!

Такимъ образомъ дошли они до какой-то двери.

Горбунья толкнула ее и Дуня очутилась въ большой свѣтлой комнатѣ съ нѣсколькими рядами кроватей. На встрѣчу имъ поднялась старушка въ бѣломъ чистомъ халатѣ, застегивающемся на спинѣ.

— А-а... тетя Леля привела новенькую—произнесла старушка, поправляя очки и улыбаясь большими толстыми губами.

— Дуня Прохорова. Нынче изъ деревни только. Фаина Михайловна, ужъ вы потрудитесь,—произнесла горбунья, названная старушкой тетей Лелей.

— Садись, дѣвочка сюда. Прежде всего тебя остричь надо,—проговорила старушка и выдвинувъ изъ промежутка между двумя кроватями деревянный табуретъ, посадила на него Дуню.

— Считай сколько у тебя пальцевъ на рукахъ,—засмѣялась тетя Леля,—до десятаго не дочесть, какъ уже все готово будетъ.

Дѣйствительно «все» было готово очень быстро. Машинка для стрижки съ удивительной быстротой заработала вокругъ Дуниной головки и изъ подъ нихъ посыпались жиденькія косицы свѣтлыхъ и мягкихъ, какъ ленъ, волосъ. Вскорѣ голова дѣвочки, лишенная растительности, стала похожа на гладкій шарикъ и еще рельефнѣе выступили теперь среди загорѣлаго личика ребенка серіезные голубые не дѣтски задумчивые глаза.

— Ну, а теперь мыться!—скомандовала Фаина Михайловна.

Въ маленькой жарко натопленой конуркѣ стояла ванна, наполненная водою. Ничего подобнаго не видѣла въ своей жизни Дуня. Въ «черныхъ» деревенскихъ баняхъ онѣ съ бабушкой Маремьяной шибко парились по субботамъ, но тамъ не было ни намека на то, что она встрѣтила здѣсь.

Крѣпко намыливъ мочалку Фаина Михайловна (завѣдующая лазаретнымъ отдѣленіемъ, она-же и бѣльевая надсмотрщица частнаго ремесленнаго пріюта), старательно вымыла ею все тѣло Дуни.

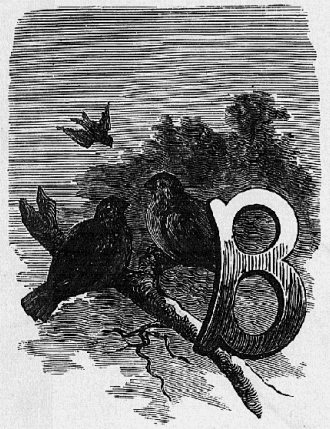
Потомъ, подогрѣтою у печки простынею тщательно вытерла дѣвочку и велѣла ей одѣваться.

Грубое холщевое бѣлье, вязанные домодѣльные чулки, шлепанцы туфли и сѣрое ситцевое платье съ розовымъ полосатымъ передникомъ, все это показалось воистину царскимъ по роскоши одѣяніемъ для маленькой деревенской дѣвочки, ходившей до сихъ поръ въ убогихъ лохмотьяхъ. А когда обомлѣвшую отъ неожиданности Дуню Фаина Михайловна вывела за руку изъ душной ванной въ лазаретную комнату и подвела ее къ висѣвшему между двухъ оконъ зеркалу, Дуня ахнула отъ неожиданности, увидя отраженную въ его стеклѣ аккуратную, маленькую фигурку въ безупречно чистомъ скромномъ нарядѣ, съ круглой, какъ шарикъ, голой головой.

— Вотъ-бы такъ-то пройтись обряженной по моей деревнѣ, небось-бы и не призналъ никто, мелькнула быстро-быстро въ стриженой дѣтской головкѣ наивная мысль.

— Ну, вотъ и готово. Говорила тебѣ въ кралю писанную тебя превратимъ, вотъ оно такъ и вышло,— пошутила горбатенькая тетя Леля и, быстро, наклонившись къ Дунѣ, неожиданно обняла и поцѣловала ее въ лобъ.

— А теперь къ Екатеринѣ Ивановнѣ, — добавила она бодрымъ, веселымъ тономъ и, наскоро пожавъ руку лазаретной надзирательницѣ, почти бѣгомъ выбѣжала изъ комнаты, увлекая за собой Дуню.



IV.

— Вотъ и мы, Екатерина Ивановна, просимъ любить да жаловать!

Горбатенькая тетя Леля, все еще не выпуская Дуниной руки, стояла посреди свѣтлой, уютно убранной гостиной, обставленной мягкой, темно-красной мебелью, съ пестрымъ недорогимъ ковромъ на полу, съ узкимъ трюмо въ простѣнкѣ между двухъ оконъ, съ массою портретовъ и небольшихъ картинъ на стѣнахъ. У письменнаго стола, пріютившагося у одного изъ оконъ, поставивъ ноги на коврикъ шкуру лисицы, сидѣла, низко склонившись съ перомъ въ рукѣ, пожилая женщина въ черномъ платьѣ.

Дунѣ бросилась въ лицо худенькая почти дѣтская фигурка, костлявыя руки и маленькое сморщенное лицо съ большими, близорукими ежесекундно щурившимися глазами.

— Подойди сюда ближе, дѣвочка! Покажись,—разслышала она тихій голосъ.

Костлявая рука подняла за подбородокъ личико приблизившейся Дуни. Большіе глаза прищурившись, зорко заглянули въ ея зрачки.

— Ну, дѣвочка, будь умна, послушна, прилежна. Исполняй все, что отъ тебя требуется и никто не оби-

дить тебя. Ты сирота и съ этихъ поръ становишься воспитанницей нашего ремесленнаго пріюта. Тебя будутъ учить грамотѣ, Закону Божію, счету и ремеслу. Когда ты выростешь тебѣ найдутъ мѣсто, словомъ, мы всячески будемъ заботиться о тебѣ.

Худенькая женщина мотнула головою и снова схвативъ перо, принялась за прерванное занятіе.

Тетя Леля шепнула Дунѣ:

— Поцѣлуй ручку у Екатерины Ивановны. Поблагодари твою благодѣтельницу. Она вамъ, дѣвочкамъ здѣшнимъ, мать родную замѣняетъ. Поняла?

Но Дуня не двигалась съ мѣста.

Худенькая женщина, которая, какъ узнала впослѣдствіи Дуня, была начальницей N-скаго пріюта Екатериной Ивановной Наруковой, снова мотнула головою.

— Уведите ее, Елена Дмитріевна. Мнѣ некогда. Надо свести счеты за текущій мѣсяцъ.

— У начальницы всегда надо ручку цѣловать при встрѣчѣ,—учила горбунья Дуню, когда онѣ выйдя изъ квартиры завѣдующей пріютомъ, поднимались по широкой лѣстницѣ въ большой свѣтлый корридоръ.

— Ну, да ладно, пока тебѣ все это вновѣ, пріобвыкнешь потомъ, — снисходительно прибавила Елена Дмитріевна и, снова открыла какую-то дверь.

Дуня остолбенѣла...

Посреди огромной свѣтлой комнаты стояло нѣсколько столовъ, заваленныхъ кусками полотна, коленкора, холста и ситца. Вокругъ столовъ, на узкихъ деревянныхъ скамьяхъ сидѣло больше сотни дѣвочекъ, возрастомъ начиная съ восьми лѣтъ и кончая совсѣмъ взрослыми восемнадцатилѣтними дѣвицами. Стриженныя головки младшихъ воспитанницъ были похожи на шары, недлинные волосы у подростковъ, заплетенные въ косы или уложенныя на затылкѣ прически взрослыхъ, вотъ въ чемъ было существенное отличіе между тремя отдѣленіями N—скаго пріюта.

Дѣвушки и дѣти, до сихъ поръ прилежно занятыя работою, тотчасъ же при появленіи Елены Дмитріевны и Дуни, какъ по командѣ, повернули головы въ ихъ сторону и тихій шопотъ пробѣжалъ по столамъ...

— Новенькая! Новенькая! Глядите, новенькую привели, дѣвицы!

— Тише! Молчать! Нашли время шептаться. За работу, сію-же минуту, лѣнтяйки вы этакія!—послышался въ ту же минуту громкій окрикъ непріятнаго, рѣзкаго голоса, отъ перваго же звука котораго дрогнуло невольно сердечко Дуни.

Она подняла испуганные глаза на говорившую. Это была высокая, плечистая женщина съ румянымъ лицомъ, съ длиннымъ красивымъ носомъ, съ черными усиками надъ малиновыми губами энергичнаго правильнаго рта и съ круглыми, какъ у птицы зоркими, ястребиными глазами.

Что-то непріятное было въ этомъ своеобразно красивомъ лицѣ и въ круглыхъ птичьихъ глазахъ, непріязненнымъ взоромъ вскинувшихся на вошедшихъ.

И Дуня инстинктивно прижалась къ ласковой горбуньѣ, какъ-бы ища у нея защиты отъ высокой женщины. Тетя Леля словно угадала настроеніе дѣвочки и молча крѣпко пожала ея дрогнувшую рученку.

— Павла Артемьевна, — произнесла она вслѣдъ за этимъ,—вотъ вамъ новенькую привела. Покажите ей на первыхъ порахъ работу полегче.

Высокая женщина сдвинула свои темныя брови, такъ что онѣ сошлись на переносицѣ и оттого все лицо ея стало еще энергичнѣе и строже.

— Ты шить умѣешь?—отрывисто и рѣзко бросила она Дунѣ.

Та молчала, испуганными глазами глядя въ лицо вопрошавшей.

— Тебя спрашиваютъ? Или ты глухая?—снова точно оборвала Павла Артемьевна.

Дуня снова вздрогнула всѣмъ тѣломъ и все-же молчала.

— Деревенщина!—не то насмѣшливо, ни то снисхо-

дительно процѣдила сквозь зубы Павла Артемьевна.— На вотъ тебѣ пока... Сшивать полотнища умѣешь?

Но Дуня и слова-то такого не знала, что означаетъ «полотнища», и только потупившись, глядѣла въ полъ.

Тогда горбунья съ тихимъ ласковымъ смѣхомъ обняла ее за плечи и, подведя къ концу стола, усадила на край скамейки, коротко приказавъ черненькой какъ мушка, стриженой дѣвочкѣ:

— Подвинься, Дорушка, да покажи новенькой какъ полотнища сшивать.

Дѣвочка лѣтъ девяти, съ живыми, бойкими карими глазами и вздернутымъ носикомъ, поспѣшила исполнить приказаніе горбуньи. Она взяла со стола кусокъ бѣлаго коленкора, разорвала его на двѣ ровныя части и, приложивъ одну часть къ другой, придвинула работу близко къ лицу Дуни, показывая какъ надо сшивать края.

Иголка быстро заскользила въ ея искусныхъ рученкахъ и Дуня видѣла, какъ легко и живо подвигалась работа у Дорушки.

Когда Елена Дмитріевна отошла отъ стола, Дорушка передала работу Дунѣ, сняла съ пальца наперстокъ и надѣла его на палецъ сосѣдки.

— На вотъ... Шей. Поняла?

Дуня поняла мало, но побоялась сознаться и принялась кое-какъ за работу.

А вокругъ нея носился чуть слышный шопотъ, точно жужжало сотни пчелокъ въ іюльскій полдень. Дѣвочки не разжимая ртовъ и не поднимая головъ, быстро дѣлились впечатлѣніями по поводу новенькой:

— Маленькая еще... Вчера изъ деревни. Голубоглазая... Сиротка, видать. За обѣдомъ узнаемъ какъ звать ее и все прочее... Тетя Леля намедни про нее сказывала... — жужжали двуногія пчелки.

— Опять шептаться! Къ печкѣ захотѣлось? Спину погрѣть? Къ Онѣ Лихаревой въ сосѣдство?—снова прозвучалъ рѣзкій голосъ Павлы Артемьевны, на всю рабочую комнату, послѣ чего смолкъ въ одно мгновеніе и

безъ того чуть слышный шопотъ. И точно ему на смѣну раздалось тихое всхлипываніе изъ дальняго угла комнаты.

Дуня невольно подняла глаза и повела ими въ ту сторону, откуда слышался плачъ.

Обернувшись лицомъ къ присутствующимъ и прислонясь спиной къ большой изразцовой печкѣ, стояла дѣвочка немногимъ старше самой Дуни.

Ея хорошенькое свѣжее личико было сморщено въ жалкую гримасу, синіе бойкіе глаза—полны слезъ. Маленькіе пальцы теребили конецъ передника. Она всхлипывала съ каждой минутой все громче и громче, и слезы все обильнѣе лились изъ ея покраснѣвшихъ глазъ.

Елена Дмитріевна въ первую минуту своего появленія въ залѣ не замѣтила наказанной. Но вотъ ея теплые лучистые глаза разглядѣли дѣвочку у печки.

Вмигъ доброе желтое лицо горбуньи вытянулось и приняло сердитое выраженіе. Брови нахмурились. Багровыя пятна выступили на скулахъ.

— Павла Артемьевна за что вы ее? — сдержанно и сухо обратилась она къ завѣдующей рабочимъ классомъ брюнеткѣ.

— За дѣло, не безпокойтесь, милѣйшая. Зря не обидимъ никого. Эта негодница Лихарева работать незахотѣла. А когда я ее заставлять стала, палецъ себѣ наколола до крови нарочно, чтобы настоять на своемъ... Ну, вотъ я ее и послала къ печкѣ. Пусть постоитъ да поразмыслитъ на досугѣ, хорошо-ли такъ поступать!

Павла Артемьевна говорила съ плохо скрытымъ раздраженіемъ въ голосѣ, причемъ птичьи глаза ея поминутно сердито, скашивались въ сторону наказанной дѣвочки.

Та услыша послѣднія слова рукодѣльной наставницы, заплакала громче, уже въ голосъ, на всю комнату.

— Перестань, Оня! Покажи мнѣ лучше твой палецъ!—прозвучалъ надъ ея головою знакомый тихій голосъ горбуньи.

Елена Дмитріевна бережно взяла маленькую ру-

ченку, внимательно взглянула на уколотый палецъ и покачала головою.

Кровь изъ Онинаго пальца сочилась непрерывно, а самый палецъ распухъ вдвое, противъ своей обычной величины.

Горбунья даже въ лицѣ измѣнилась, увидя это.

— Послушайте, однако, Павла Артемьевна,—сурово сдвинувъ брови обратилась она къ завѣдующей рукодѣльнымъ, классомъ,—такъ и до Антонова огня дѣвочку довести можно.

— Скажите до могилы лучше!—захохотала та, презрительно передернувъ плечами.

Горбунья вспыхнула.

Полнымъ негодованія взглядомъ, окинула она брюнетку и, демонстративно повернувъ ей спину, обняла стоявшую у печки Оню и проговорила серьезно:

— Что ты не хотѣла работать—это очень дурно, Оня, а что ты палецъ наколола умышленно, это еще хуже. Надо сейчасъ-же итти въ лазаретъ попросить Фаину Михайловну перевязать руку и приложить какое-нибудь лекарство къ больному мѣсту. Слышишь? Извинись-же передъ Павлой Артемьевной и идемъ со мною.

Наказанная дѣвочка пролепетала что-то въ родѣ:—Простите, Павла Артемьевна, и поспѣшила слѣдомъ за Еленой Дмитріевной, въ лазаретъ.

V.

— Ну, что ты тутъ паковыряла?—послышался недовольный голосъ надъ головой Дуни.

Она со страхомъ подняла глазенки и встрѣтилась взоромъ съ круглыми птичьими глазами Павлы Артемьевны.

— Батюшки-святители! Вотъ напутала! Самъ домовой не разберетъ!

Энергичныя брови надзирательницы сжались на переносицѣ, глаза сердито блеснули.

— Деревенщина, какъ есть деревенщина! Шва сточать простого не умѣетъ! Неужто не приходилось тебѣ ничего зашивать?—и брезгливо поджимая губы, Павла Артемьевна выхватила изъ рукъ Дуни неумѣло сточенную по шву тряпочку и разорвала ее снова по шву.

Едва успѣла она продѣть въ иглу новую нитку, какъ сторожъ съ медалями встрѣтившій нынче Дуню съ Микешкой въ передней, вышелъ въ залъ и сказалъ, обращаясь къ Павлѣ Артемьевнѣ:

— Барышня къ вамъ братецъ съ женой пожаловали. Въ комнатѣ дожидаются. Просятъ на минутку.

— Ага! Сейчасъ приду! — сразу оживилась та и, вскочивъ съ мѣста съ живостью дѣвочки зашагала къ двери. На порогѣ она остановилась, погрозила пальцемъ по адресу всѣхъ работницъ большихъ и маленькихъ и произнесла своимъ рѣзкимъ, непріятнымъ голосомъ.

— А вы—шить! Слышите? Съ мѣста не вскакивать и работать до моего прихода. Кто-нибудь изъ старшихъ присмотритъ. Памфилова Женя, ты! Съ тебя взыщется если опять шумъ будетъ. А я сейчасъ вернусь

И скрылась за дверью рабочей комнаты. Вслѣдъ за тѣмъ произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное для Дуни.

Лишь только представительная крупная фигура надзирательницы исчезла за порогомъ, поднялась необычайная суматоха и шумъ въ рабочей комнатѣ.

И взрослыя дѣвушки и подростки и маленькія стрижки, какъ называли малышей въ пріютѣ за ихъ на голо остриженныя головенки, все это повскакало со своихъ мѣстъ и окружило Дуню.

Послышались неутомимые вопросы. Откуда она? Изъ какой губерніи? Какъ зовутъ? Сирота-ли? Есть-ли родственники или знакомые въ Питерѣ. Платная она или казенка.

Дѣвочка, испуганная, ошалѣвшая, недоумѣвающая, не успѣвала открыть рта, а вопросы все сыпались и сыпались на нее градомъ. Дѣвушки и дѣти все тѣснѣе и тѣснѣе окружали ее.

Больше, впрочемъ, задавали вопросы „стрижки“ и среднія, два младшихъ отдѣленія пріюта. Старшія-же ограничивались лишь молчаливымъ разглядываніемъ Дуни и только изрѣдка перебрасывались замѣчаніями на ея счетъ.

— Некрасивая...

— Худящая очень...

— Это съ голодовокъ...

— У нихъ въ деревнѣ, не больно-то густо на счетъ ѣды!

— А глаза—ничего себѣ.

— Ну, вотъ еще выдумала! Глаза какъ глаза...

— Обыкновенные...

— Деревенская она, увалень, видать по всему.

— Обломается еще!

— У горбуньи, не обломается. Ей бы въ среднія, къ „Пашкѣ“... Та оборудуетъ живо.

— Что и говорить!

Но вотъ, растолкавъ ряды старшихъ воспитанницъ, откуда-то вынырнула миніатюрная фигурка „стрижки“.

— Новенькая! Ты въ Москвѣ не была?—задала она вопросъ Дунѣ. И не успѣла та отвѣтить ей ни да ни нѣтъ,

какъ неожиданно, чьи-то цѣпкія руки схватили Дуню за уши и потянули кверху.

— А крикунъ волосокъ гдѣ у тебя? Знаешь? И чья-то быстрая рука ущипнула за шею дѣвочку.

— А... вскрикнула отъ боли Дуня.

— Ай поѣхалъ въ Китай. Остался его братъ Пай. А братъ Пай просилъ насъ: не обижай! скороговоркой протрещалъ чей-то задорный дѣтскій голосокъ.

— Полно тебѣ, Сидорова! Не тронь новенькую!—вступилась бѣленькая, какъ снѣжинка подростокъ дѣвочка лѣтъ тринадцати съ черными, какъ коринки глазами.

— Новенькая! А ты гостинца деревенскаго съ собой не привезла? зазвенѣлъ другой голосокъ, по другую сторону Дуни. И опять она не успѣла отвѣтить, потому что третій запищалъ ей въ самое ухо.

— А знаешь-ли, ты, что ждетъ тебя здѣсь, новенькая И новый голосъ умышленно забасилъ въ другое ухо Дуни.

— Утромъ уборка, днемъ шитье, работа да мутовка, а вечеромъ порка отъ восьми до девяти.

— Порка! Порка! захохотали кругомъ стрижки.

— Да полно вамъ, полно! удерживали ихъ старшія — нечего зря пугать бѣдняжку!

Неожиданно прозвенѣлъ звонокъ за дверью и сразу наполнилъ своими звуками, всѣ уголки пріюта.

— Динь, динь, динь, динь! заливался колокольчикъ.

Въ ту же минуту большіе стѣнные часы въ рабочей отбили двѣнадцать ударовъ.

— Обѣдать, дѣвицы. Обѣдать! Становитесь въ пары. Я за Павлу Артемьевну нынче оставлена. Безъ разговоровъ! Въ столовую попарно. Маршъ!

И Женя Памфилова, некрасивая рыжеватая дѣвушка, любимица Павлы Артемьевны, подражая надзирательницѣ, захлопала въ ладоши.

— Ишь ты, командиръ какой!—насмѣшливо кричали Женѣ старшія, но не рѣшались ослушаться ее, однако.

Спѣшно становились въ пары пріютки, занимая мѣста. Взрослыя впереди, маленькія сзади.

Одна Дуня оставалась стоять около своего стола, не зная къ кому подойти, растерянная и оглушенная всѣмъ этимъ непривычнымъ для нея шумомъ и суетою.

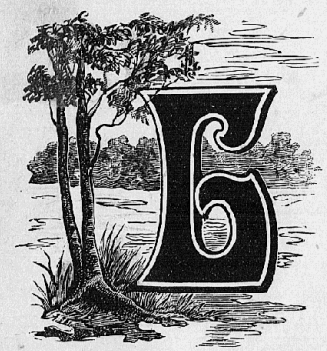
— Послушай, новенькая! Становись со мною. У меня пары нѣтъ. А мы съ тобою подъ ростъ.

Дуня подняла голову и увидѣла передъ собою крошечную дѣвочку, ростомъ лѣтъ на пять, на шесть, но со старообразнымъ лицомъ, на которомъ рѣзко выдѣлялись красныя пятна золотухи, а маленькіе глазки смотрѣли какъ у запуганнаго звѣрька изъ-подъ бѣлесоватыхъ рѣдкихъ рѣсницъ.

— Меня Олей звать, Оля Чуркова. А тебя?—освѣдомилась малютка.

— Дуня Прохорова,—отвѣтила Дуня, но такъ тихо, что ее едва-едва можно было услыхать.

Въ слѣдующую же минуту онѣ, взявшись за руки, встали позади всѣхъ «парою» и зашагали внизъ по холодной лѣстницѣ, ведущей въ столовую пріюта.



VI.

БОЛЬШАЯ, узкая, длинная, похожая на свѣтлый коридоръ комната, находившаяся въ нижнемъ этажѣ коричневаго зданія, выходила своими окнами въ садъ. Деревья, еще не обездоленныя безжалостною рукою осени, стояли въ ихъ осеннемъ желтомъ и красномъ уборѣ, за окнами комнаты. Сѣрое небо глядѣло въ столовую.

— Послѣ обѣда въ садъ пойдемъ!—успѣла шепнуть маленькая Чуркова Дунѣ, когда онѣ входили сюда.

За длинными столами воспитанницы размѣстились

по отдѣленіямъ. На каждое отдѣленіе приходилось по четыре стола. Прежде нежели сѣсть за столы, всѣ онѣ хоромъ пропѣли предобѣденную молитву.

Дежурныя по кухнѣ пріютки разнесли миски съ горячей похлебкой. Въ похлебкѣ плавали маленькіе кусочки мяса и Дуня, только, развѣ, по большимъ праздникамъ лакомившаяся мясными щами у себя въ деревнѣ, съ жадностью набросилась на ѣду.

Впрочемъ, и ея товарки отъ нея не отставали. Дѣвочекъ поднимали рано, въ половинѣ седьмого утра. Въ семь часовъ имъ давали по кружкѣ горячаго чая и по куску ситника. Немудрено, поэтому, что къ обѣденному времени всѣ онѣ чувствовали волчій аппетитъ.

Послѣ перваго горячаго блюда слѣдовало второе. Жирно сдобренная масломъ гречневая каша.

Въ то время какъ стрижки и подростки и среднія накидывались на кашу, старшія воспитанницы почти не притрогивались къ ней.

— Въ чемъ дѣло? Въ чемъ дѣло? суетился волнуясь толстенькій, маленькій человѣчекъ экономъ Павелъ Семеновичъ Жилинскій, перебѣгая отъ стола къ столу.

— А въ томъ дѣло, что масло несвѣжее въ кашѣ! рѣзко отвѣтила одна изъ болѣе храбрыхъ воспитанницъ Таня Шингарева, взглянувъ въ лицо эконома злыми, недовольными глазами.

— Воображеніе-съ! Все одно воображеніе-съ. Видно голодать не приходилось! — зашипѣлъ на нее маленькій человѣчекъ, кубаремъ откатываясь къ сосѣднему столу.

— Принцессы какія! Королевны, скажите пожалуйста! Масло имъ, видите-ли, не свѣжее! Ха, ха!..—ворчалъ онъ, шарикомъ катаясь по столовой.—Небось забыли, что въ подвалахъ-то въ дѣтствѣ, не ѣвши днями высиживали. Привередницы! Барышни! Сдѣлай милость!—все больше и больше хорохорился толстякъ.

— Вы это о чемъ? неожиданно, какъ-бы изъ подъ земли вырытая передъ толстенькимъ человѣчкомъ, произнесла Павла Артемьевна, появляясь въ столовой.

Жилинскій такъ и вскинулся.

— Матушка моя,—завопилъ онъ,—чтожъ это такое, на вашихъ барышень не угодишь. Вчера была, видите-ли картошка плохая, нынче масло... Не рябчиками-же ихъ кормить прикажете! Ахъ, ты Господи!

— Это еще что за новости! Кому масло показалось плохо? Кто бунтуетъ? такъ и закипѣла въ свою очередь Павла Артемьевна, въ одну минуту очутившись у крайняго стола старшаго отдѣленія, гдѣ сидѣла недовольная Таня.

— Татьяна Шингарева? Ты? Опять ты? Вставай и за черный столъ маршъ!—прокричала она надъ ухомъ испуганной дѣвочки.

Отдаленный ропотъ пронесся по рядамъ старшихъ.

— Не имѣетъ права... Никакого права... У насъ своя надзирательница есть. Пусть она и паказываетъ... Антонина Николаевна пускай разберетъ — слышались глухіе, сдержанные голоса старшихъ.

— Ага! Бунтовать? Роптать?.. Что? Кто недоволенъ? Пусть выходитъ. Къ Екатеринѣ Ивановнѣ маршъ. Здѣсь шутки плохи! Сейчасъ за начальницей схожу и конецъ!—Надрывалась и шумѣла Павла Артемьевна, сдѣлавшаяся мгновенно красной, какъ ракъ. Ея птичьи глаза прыгали и сверкали. Губы брызгали слюной. Стремительно кинулась она изъ столовой и въ дверяхъ столкнулась съ высокой, тоненькой дѣвушкой лѣтъ двадцати шести.

Антонина Николаевна Куликова еще сама недавно только окончила педагогическіе курсы и поступила сюда прямо въ старшее отдѣленіе пріюта. Съ воспитанницами она обращалась скорѣе какъ съ подругами нежели съ подчиненными и, будучи немногимъ лишь старше ихъ, со всею чуткостью и нѣжностью молодости блюла интересы пріютокъ.

— Въ чемъ дѣло? спокойно обратилась она къ взволнованной до нельзя надзирательницѣ средняго отдѣленія.

— Полюбуйтесь на вашихъ сокровищъ, милѣйшая!

Хваленая ваша Танечка Шингарева рябчиковъ пожелала вмѣсто каши съ масломъ. Вотъ и бунтуютъ другимъ въ соблазнъ!—снова зашипѣла Павла Артемьевна!

— Сладить невозможно-съ, на барышень, помилуйте-съ, не угодить!—вторилъ ей экономъ.

— Масло не свѣжее? спокойнымъ тономъ, подойдя къ столу, за которымъ сидѣла Таня, спросила Антонина Николаевна. И, взявъ тарелку съ кашей у первой попавшейся воспитанницы попробовала кушанье.

На мигъ ея некрасивое, умное лицо съ маленькими зоркими глазами, отразило гримасу отвращенія.

— Каша, дѣйствительно, подправлена испорченнымъ, горькимъ масломъ. Дѣти совершенно правы,—проговорила она тѣмъ-же спокойнымъ тономъ,—надо попросить Екатерину Ивановну дать имъ къ чаю бутерброды съ колбасою, а то онѣ голодныя останутся нынче.

— Совершенно вѣрно! подхватила незамѣтно подошедшая «тетя Леля», какъ называли маленькія пріютки, а за ними и всѣ остальныя свою горбатенькую надзирательницу.

Жилинскій побагровѣлъ. Павла Артемьевна зашлась отъ злости и ни слова не говоря, помчалась къ своему среднему отдѣленію, гдѣ состояла въ качествѣ надзирательницы, сочетая эту должность съ должностью завѣдующей рукодѣльнымъ классомъ.

Горбатенькая тетя Леля обняла Антонину Николаевну и что-то оживленно разсказывая ей, увлекла ее въ уголъ столовой. Горбатенькая надзирательница очень любила свою молодую сослуживицу и онѣ постоянно были вмѣстѣ къ крайней досадѣ Павлы Артемьевны, которая терпѣть не могла ни той, ни другой.

* * *

Точно въ какомъ-то полуснѣ прошелъ весь остальной день для Дуни. Послѣ обѣда воспитанницы снова пропѣли хоромъ молитву и наскоро вставъ въ пары вышли изъ столовой, въ «одѣвальную», небольшую

комнату примыкающую къ передней, гдѣ висѣли ихъ косынки и пальто. Тутъ-же стояли и неуклюжіе кожанные сапоги для гулянья.

Тетя Леля поманила къ себѣ Дуню и помогла ей надѣть чье-то чужое пальто.

— Это одной больной воспитанницы, завтра подберемъ тебѣ другое по росту,—проговорила она, ласково глядя на дѣвочку!

Большой по осеннему убранный садъ напомнилъ хотя и очень отдаленно любимый лѣсъ Дунѣ. Она пробралась подальше, за густо разросшіеся кусты сирени, теперь ужс на половину пожелтѣвшіе и осыпавшіеся, и присѣвъ на срубленный пень дерева, глубоко задумалась...

Нестерпимо потянуло ее назадъ, въ деревню... Коричневый домъ съ его садомъ казались бѣдной дѣвочкѣ какимъ-то заколдованнымъ мѣстомъ, чужимъ и печальнымъ, откуда нѣтъ и не будетъ возврата ей, Дунѣ. Мучительно забилось сердечко... Повлекло на волю... Въ бѣдную родную избенку, на кладбище къ дорогимъ могилкамъ, въ знакомый милый лѣсъ, къ коту Игнаткѣ, въ ея уютный уголокъ, на теплую лежанку... Дуня и не замѣтила, какъ слезинки одна за другою скатывались по ея захолодѣвшему личику, какъ губы помимо воли дѣвочки, шептали что-то...

Вдругъ, неподалеку отъ себя она услышала заглушенный шопотъ, тихій смѣхъ и взволнованный говоръ трехъ, четырехъ голосовъ. Дѣвочка чутко насторожилась. Голоса не умолкали. Кто-то восхищался, захлебываясь отъ удовольствія, кто-то шепталъ звонкимъ восторженнымъ дѣтскимъ шопоткомъ:

— Какіе они красивенькіе! Гляньте-ка-съ, дѣвоньки! Вонъ этотъ мой съ черными крапинками... У ты мой хо-ло-сый!

— А мой энтотъ вотъ! Душенька!

— Матушки мои!.. Ротикъ разинулъ! Ахъ, ты прелестненькій!

— А черненькій-то, черненькій! У-у, красоточки!

— Дѣвоньки! Идетъ кто-то!

— Старшія, никакъ!

— А вдругъ «Пашка»!

— Помилуй Богъ! Спуску не дастъ!

— Тише ты, Канарейкина... Молчи!

Любопытство разобрало Дуню. Она тихонько приподнялась съ пня, раздвинула кусты и просунула сквозь нихъ голову.

— Ахъ! вырвалось изъ груди нѣсколькихъ дѣвочекъ, окружавшихъ большой, бокомъ опрокинутый на травѣ ящикъ.

Дѣвочекъ было пятеро. Всѣ онѣ были, приблизительно, Дуниныхъ лѣтъ или чуть постарше. Ихъ лица обращенныя къ Дунѣ выражали самый исподдѣльный испугъ при видѣ появившейся повенькой.

Потомъ, двѣ изъ нихъ, повыше ростомъ, встали передъ ящикомъ, заслоняя его отъ Дуни.

Взглянувъ на одну изъ дѣвочекъ, Дуня сразу признала въ ней темноглазую миловидную Дорушку, помогавшую ей въ рабочей.

Но и Дорушка смотрѣла на нее теперь неувѣренно, подозрительно и съ самымъ откровеннымъ испугомъ. Дуня смутилась. Краска залила ея щеки. Она уже раскаялась въ душѣ, что заглянула сюда. Хотѣла нырнуть за кусты обратно, но тутъ чья-то быстрая рука схватила ее за руку.

Дуня взглянула на костлявую дѣвочку повыше и узнала въ ней одну изъ тѣхъ, что смѣялась надъ нею нынче.

— Слушай, новенькая,—заговорила костлявая,—ты насъ нечаянно накрыла, такъ ужъ и не выдавай. Никому не проговори, что здѣсь видала, а не то мы тебя... знаешь какъ! Дѣвочка подняла кулачокъ и внушительно потрясла имъ передъ лицомъ Дуни.

— Она не скажетъ, что ты! вмѣшалась Дорушка и ея каріе глазки облас кали Дуню.

— А ты побожись. Побожись, что никому не скажешь. Мы за то дружиться съ тобою будемъ.

— Не надо, чтобъ божилась. Грѣшно это, Васса! проговорила некрасивая смуглая дѣвочка. Съ лицомъ недѣтски серьезнымъ и печальнымъ.

— Ну-ужъ ты, Соня, тоже выдумаешь, — разсердилась костлявая Васса.—А какъ выдастъ?

— Я не выдамъ! понявъ, наконецъ, что отъ нея требовалось проговорила Дуня. Вотъ те Христосъ не выдамъ! и истово перекрестилась глядя на сѣрыя осеннія небеса.

— Ну, такъ гляди-же. Рука отсохнетъ ежели...— тутъ Васса снова погрозила Дунѣ своимъ костлявымъ пальцемъ. Потомъ, двѣ дѣвочки отошли отъ ящика и Дуня увидѣла лежавшихъ тамъ въ сѣнѣ крошечныхъ слѣпыхъ котятокъ.

Онѣ были еще такъ малы, что даже не мяукали и казались спящими съ ихъ малюсенькими носишками, уткнувшимися въ солому.

Дуня даже руками всплеснула отъ неожиданности и, опустившись на колѣни, умильно, почти съ благоговѣніемъ смотрѣла на забавныхъ маленькихъ животныхъ.

А на нее въ свою очередь смотрѣли пять дѣвочекъ, жадно ловя въ лицѣ новенькой получившіяся впечатлѣнія. Потомъ, костлявая Васса съ птичьимъ лицомъ и длиннымъ носомъ, проговорила:

— Это Маруськины дѣти. Маруська—наша и дѣти наши. Мы ихъ нашли вчера въ чуланѣ, сюда перенесли, сѣна въ сторожкѣ утащили. Надо-бы ваты, да ваты нѣтъ. Не приведи Господь ежели Пашка узнаетъ. Мы и отъ тети Лели скрыли. Не дай Богъ найдетъ ихъ кто, дѣтокъ нашихъ, въ помойку выкинутъ, да и намъ не сдобровать. Вотъ только мы пятеро и знаемъ: я—Васса Сидорова, Соня Кузьменко, Дорушка Иванова, Люба Орѣшкина да Канарейкина Паша. А теперь и ты будешь знать. Побожись еще разъ, что не скажешь.

Дуня опять побожилась и еще разъ перекрестилась широкимъ деревенскимъ крестомъ.

— Ну, смотри-же!

— Классы скоро начнутся, идтить надо! проговорила хорошенькая, похожая на восковую куклу, Люба Орѣшкина.

— И то, дѣвоньки! Не хватились-бы!—согласилась Дорушка.

— Докторъ, докторъ пріѣхалъ! На осмотръ, дѣвицы! прозвенѣли точно серебрянные колокольчики по всему саду, свѣжіе молодые голоса.

Въ мигъ птичье лицо Вассы съ длиннымъ носомъ приняло лукавое выраженіе.

— Ну, дѣвонька!—обратилась она гримасничая къ Дунѣ,—и будетъ-же тебѣ нынче баня!

— Б-а-ня! испуганно протянула та.

— Ха, ха, ха! Захохотала Васса. — Спервоначалу докторъ Миколай Миколаичъ тебѣ палецъ разрѣжетъ, чтобы кровь посмотрѣть, а окромя того...

— Кровь? испуганно роняла Дуня.

— А потомъ оспу привьетъ!—съ торжествомъ закончила Сидорова.

Дуня дрожала. Глаза ея забѣгали, какъ у испуганнаго звѣрка

— Полно пугать, Васса! вмѣшалась Дорушка. Стыдно тебѣ! Ты всѣхъ пасъ старше, да глупѣе.

— Отъ глупой слышу,—огрызнулась Васса.

Дорушка пожала плечиками.

— Не бойся, новенькая, — ласково обратилась она къ Дунѣ.—Никто тебѣ пальца рѣзать не будетъ. А что оспу, можетъ быть, привьютъ такъ это пустое. Ничуть не больно. Всѣмъ прививали. И мнѣ и Любѣ и Орѣшкиной.

— Мнѣ было больно,—повысила голосокъ дѣвочка съ кукольнымъ лицомъ.

Дорушка презрительно на нее сощурилась.

— Ну, ты извѣстная нѣженка. Баронессина любимка. Что и говорить!

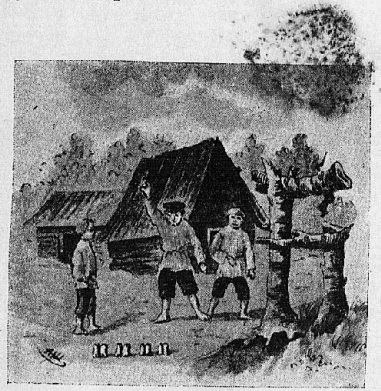
— А тебя завидки берутъ? нехорошо улыбнулась Люба.

— Я одну тетю Лелю люблю... А баронесса...—начала и не кончила Дорушка.

— Къ доктору, къ Николаю Николаевичу! гдѣ-то уже совсѣмъ близко зазвучали голоса.

— Бѣжимъ, дѣвоньки! Ни то набредутъ еще на котятокъ нашихъ,—испуганно прошептала Соня Кузьменко небольшая девятилѣтняя дѣвочка съ недѣтски серьезнымъ, скуластымъ и смуглымъ личикомъ и крошечными, какъ мушки глазами, та самая, что останавливала отъ божбы Дуню.

— И то, бѣжимъ. До завтра, котики, ребятки наши,—звонко прошептала Дорушка и схвативъ за руку Дуню, первая выскочила изъ кустовъ...



VII.

— Ба, новенькая! Фаина Михайловна, давайте-ка намъ ее сюда на расправу!—услыш Дуня веселый сочный систый голосъ, нап нившій сразу всѣ уголк комнаты, куда она вышла вмѣстѣ съ тетей Лелей и тремя четырьмя дѣвочками младшаго отдѣленія. Знакомая уже ей старушка, лазаретная надзирательница, взяла за руку дѣвочку и подвела ее къ небольшому столику. За столикомъ сидѣлъ огромный плечистый господинъ съ окладистой бородою съ широкимъ русскимъ лицомъ, румяный, бодрый, съ легкой просѣдью въ вьющихся черныхъ волосахъ. Одѣтъ онъ былъ въ такой же бѣлый халатъ-передникъ, какъ и Фаина Михайловна. Въ рукахъ у него былъ какой-то странный инструментъ.

Дуня, испуганная однимъ уже видомъ этого огромнаго, басистаго человѣка, замѣтя странный инструментъ въ его рукѣ, неожиданно вырвала руку изъ руки надзирательницы, метнулась въ сторону, и забившись въ уголъ комнаты, закричала отчаяннымъ наполненнымъ страха и животнаго ужаса, крикомъ:

— Батюшки!.. Свѣты. Угодники! Не дамся рѣзаться! Ой, свѣтики, родненькіе, не дамся, ни за что!

— Что съ нею?—недоумѣвая, произнесъ здоровякъ докторъ.

— Испугалась, видно. Вчера изъ деревни только. Бываетъ это!.. отрывисто проговорила взволновавшаяся тетя Леля.—Вы ужъ Николай Николаевичъ, поосторожнѣе съ нею,—тихо и смущенно заключила горбунья.

— Да, что вы, матушка Елена Дмитріевна, да когда же это я живодеромъ былъ?

И докторъ Николай Николаевичъ Зарубовъ раскатился здоровымъ сочнымъ басистымъ смѣхомъ, отъ котораго заколыхалось во всѣ стороны его огромное туловище.

— Дуня... Дуняша... Успокойся, дѣвочка моя!—зашептала горбунья, обвивая обѣими руками худенькія плечи голосившей дѣвочки.

Богатырь докторъ посмотрѣлъ на эту группу добродушно-насмѣшливымъ взоромъ, потомъ прищурилъ одинъ глазъ, прищелкнулъ языкомъ и скроивъ уморительную гримасу, крикнулъ толпившимся передъ его столикомъ, дѣвочкамъ:

— Ну, курносенькія, говори... Которая съ какою немощью притащилась нынче?

— У меня палецъ болитъ. Наколола, ненарокомъ.— И румяная мордастенькая не въ примѣръ прочимъ худымъ, побольшей части, и изжелта блѣднымъ пріюткамъ, Оля Лихорева выдвинулась впередъ.

Докторъ ласково взглянулъ на дѣвочку.

— У-у, безстыдница—притворно ворчливо затянулъ

онъ.—Небось, нарочно наколола, чтобы въ рукодѣльномъ классѣ не шить?—а?

— Что вы, Миколай Миколаичъ! — вся вспыхнувъ проговорила Оля,—да я ей Богу-же...

— Ой, курносенькая, не божись! Языкъ вретъ, а глаза правду матку рѣжутъ. Не бери, курносенькая, на душу грѣха. Правду говори!

Большія руки доктора упали на плечи шалуньи. Сѣрые па выкатѣ глаза впились въ нее зоркимъ пронзительнымъ взглядомъ.

— А ну-ка, отрѣжь мнѣ правду, курносенькая? Нарокомъ что-ли наколола? Говори!

Темные глазки Лихоревой забѣгали, какъ пойманныя въ мышеловку мышки. Ярче вспыхнули и безъ того румяныя щеки дѣвочки.

— Я... я...—залепетала чуть не плача шалунья,—я... я... нарочно наколола... Только «самой» не говорите ради Господа, Миколай Миколаевичъ,—тихо чуть слышно прошептала она.

— Вотъ люблю Оню за правду!—загремѣлъ веселый, сочный басъ доктора,—на тебѣ за это, получай!— И запустивъ руку въ огромный карманъ своего фартука-халата, онъ извлекъ оттуда пару карамелекъ и подалъ ихъ просіявшей дѣвочкѣ. Затѣмъ, осмотрѣвъ палецъ Они, приложилъ къ нему, предварительно промывъ уколотый суставъ, какую-то примочку и забинтовавъ руку, отпустилъ дѣвочку.

Потомъ принялся за другихъ, больныхъ воспитанницъ.

Однѣ изъ нихъ жаловались на головную боль, другія на животъ, иныя на кашель... Всѣхъ тщательно выслушалъ, выстукалъ, внимательно осмотрѣлъ докторъ и прописалъ каждой лекарство. Въ толпѣ подругъ воспитанницъ средняго отдѣленія, стояла бѣленькая, четырнадцатилѣтняя Феня Клементьева, изящная и нѣжная, какъ барышня.

— Ты что? Что у тебя болитъ, курносенькая?—обратился къ ней докторъ.

— Небось отъ урока удрала? Закона Божія у васъ нынче, урокъ?—пошутилъ онъ.

Оеня вспыхнула, опустила глазки и передернула худенькими плечиками.

— Напрасно вы это, Николай Николаевичъ,—протянула она съ ужимочкой.

— А вотъ увидимъ, покажи-ка языкъ!

Оеня покраснѣла пуще и, плотно закусила мелкими, какъ у мышенка зубками верхнюю губу.

— Покажи-же языкъ, курносенькая! — уже нетерпѣливѣе приказалъ докторъ.

Оеня, пущовая, потупилась и не рѣшалась высунуть языка.

— Оедосья! Тебѣ говорятъ! прикрикнула на нее Фаина Михайловна.

— Не могу! — простонала Оеня — не могу я, хоть убейте! Не могу!

— Да отчего-же?—живо заинтересовался здоровякъ докторъ. Молчаніе было ему отвѣтомъ.

— Оеня?!

Новое молчаніе...

— Что съ нею, кто знаетъ? Курносенькія, говори! Николай Николаевичъ удивленными глазами обвелъ толпившихся вокругъ него дѣвочекъ.

Подошла Елена Дмитріевна...

Ея лицо было строго. Глаза сурово обратились къ Оенѣ.

— Клементьева, не дури! Что за глупости! Нужноже Николаю Николаевичу узнать по языку о твоемъ здоровьѣ...

— Низачто... Не могу... Языкъ... Не могу... Хоть убейте меня, не покажу низачто. И слезы хлынули внезапно изъ хорошенькихъ глазокъ Оени. Быстрымъ движеніемъ закрыла она лицо передникомъ и пулей вылетѣла изъ лазаретной.

— Ничего не понимаю, хоть зарѣжьте!—комически развелъ руками докторъ.

— Глупая дѣвочка! Истеричка какая-то! Все романы тишкомъ читаетъ, на дняхъ ее поймала,—желчно заговорила горбунья и длинное лицо ея и прекрасные лучистые глаза приняли сердитое непріятное выраженіе.

— А все-таки не спроста это. Ее лечить надо. А чтобы лечить, надо причину знать, отъ чего лечить,—произнесъ раздумчиво богатырь докторъ.—А ну-ка, курносенькія, кто мнѣ возьмется разъяснить, что съ Ѳеней?—совершенно инымъ тономъ обратился онъ къ смущенно поглядывавшимъ на него воспитанницамъ-подросткамъ.

— А я знаю!—краснѣя до ушей выступила впередъ рябая, некрасивая дѣвочка лѣтъ четырнадцати.

— Шура Огурцова? Что-же ты знаешь? Скажи.

— Знаю, что Ѳеня васъ обожаетъ, что вы ейный предметъ Николай Николаевичъ. А языкъ предмету въ жизнь свою показывать нельзя. Срамъ это! — бойко отрапортовала дѣвочка.

— Что?

Докторъ остолбенѣлъ. Елена Дмитріевна вспыхнула.

— О-о, глупыя дѣвочки!—ни то сердито, ни то жалостливо проговорила она и болѣзненная судорога повела ея лицо съ пылающими на немъ сейчасъ пятнами взволнованнаго румянца.

И она, наскоро удаливъ воспитанницъ, стала объяснять доктору про глупую, ни на чемъ не основанную манеру пріютокъ «обожать» старшихъ и сверстницъ, начальство, учителей, надзирательницъ, попечителей и наконецъ другъ друга.

— Конечно, и обвинять ихъ нельзя за это, бѣдныхъ ребятокъ,—проговорила она своимъ чистымъ, совсѣмъ молодымъ, нѣжнымъ голосомъ, такъ дисгармонировавшимъ съ ея некрасивой, старообразной внѣшностью калѣки,—бѣдныя дѣти, сироты, сами лишенныя ласки съ дѣтства, имѣютъ инстинктивную потребность перенести накопившуюся въ нихъ нѣжную привязанность къ кому бы то ни было, до самозабвенія. Но это стремленіе, эта потребность, благодаря неправильному до-пріютскому воспитанію, часто извратившему фантазію ребенка, принимаетъ уродливую форму, въ выраженіи любви романтическаго характера, въ обожаніи учителей, административнаго персонала, старшихъ подругъ, другъ друга .. Я борюсь съ этимъ, какъ могу, борются и мои коллеги, но...

Елена Дмитріевна не докончила начатой фразы.

Прятавшаяся до сихъ поръ въ углу Дуня, неожиданно чихнула и этимъ обратила вниманіе присутствующихъ на себя.

Николай Николаевичъ улыбнулся ей ласково и кивнулъ головою.

— А—ну-ка, курносенькая, подойди! Видишь небось сама, что я не кусаюсь, подругъ твоихъ, что были здѣсь, не обидѣлъ и тебя, дастъ Господь, не съѣмъ...

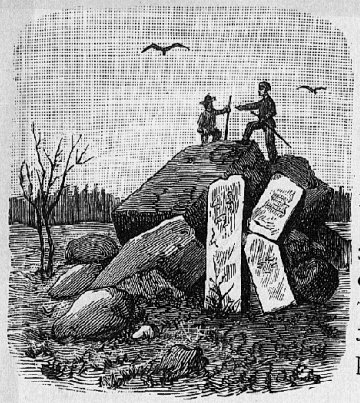
И, вынувъ изъ кармана карамельку, онъ издали протянулъ ее Дунѣ.

Ласковое лицо доктора, его добрый голосъ, а главное леденецъ, протянутый ей, возымѣли свое дѣйствіе и Дуня робко вылѣзла изъ своего угла и подошла къ врачу.

Тотъ тщательно выслушалъ ей грудь, сердце. Осмотрѣлъ горло, глаза, причемъ страшный предметъ, испугавшій на первыхъ порахъ дѣвочку и оказавшійся докторской трубкой для выслушиванія, теперь уже не страшилъ ее. Покончивъ съ освидѣтельствованіемъ новенькой, Николай Николаевичъ сказалъ:

— Субъектъ здоровый на рѣдкость. За эту ручаюсь. Ни истеріи, ни „обожаній“ у нея не будетъ. Крѣпкій продуктъ деревни. Дай-то намъ Богъ побольше такихъ ребятъ.

И поцѣловавъ смущенную малютку, онъ пожалъ руки обѣимъ надзирательницамъ и уѣхалъ изъ пріюта, пообѣщавъ быть завтра, сказавъ, что въ прививкѣ оспы пока что, новенькая не нуждается.



IX.

КОРОТКІЙ осенній день клонится къ вечеру.

Въ классныхъ пріюта зажжены лампы. Въ старшемъ отдѣленіи педагогичка-воспитательница Антонина Николаевна Куликова даетъ урокъ русскаго языка.

Въ среднемъ отдѣленіи пріютскій батюшка отецъ Модестъ, еще молодой, худощавый человѣкъ съ лицомъ аскета и строгими пытливыми глазами, разсказываетъ исторію выхода іудеевъ изъ Египта.

Въ младшемъ отдѣленіи горбатенькая надзирательница рисуетъ на доскѣ печатныя буквы и заставляетъ дѣвочекъ хоромъ ихъ называть.

— Это «а...», «а», а вотъ «б». Повторите.

И дѣвочки хоромъ повторяютъ на-распѣвъ:

— А... б...

Дуня съ изумленіемъ оглядываетъ непривычную ей обстановку.

Въ большой классной комнатѣ до двадцати партъ. Темные деревянные столики съ покатыми крышками, къ нимъ придѣланы скамейки. На каждой скамьѣ помѣщается по двѣ дѣвочки. Подлѣ Дуни сидитъ Дорушка... Черезъ небольшой промежутокъ (скамейки поставлены двумя рядами въ классной, образуя посерединѣ проходъ)— костлявая Васса, рядомъ съ ней хорошенькая Любочка Орѣшкина. Направо виднѣется золотушное личико Оли Чурковой.

Все здѣсь поражаетъ несказанно Дуню. И черныя доски, на которыхъ можно писать кусочками мѣла и покатые пипитры и чернильницы, вдѣланныя, словно вросшія въ нихъ.

— В... Г...—выписываетъ тетя Леля.

— В... Г...—повторяютъ дружнымъ хоромъ малютки-стрижки.

Бѣлыя буквы рябятъ въ глазахъ Дуни. Устало клонится, наполненная самыми разнородными впечатлѣніями головка ребенка...

Двѣнадцати-часовой переѣздъ на «чунгукѣ...» Новыя лица... Тетя Леля... Докторъ... Садъ... Плачущая Ѳеничка... Котята.. И эти буквы, бѣлыя, какъ молоко, на черномъ полѣ доски...

— Не спи, не спи! Слышь?.. Въ четыре чай пить будемъ! — послѣднею сознательною фразою звенитъ въ ея ушахъ знакомый уже Дунѣ Дорушкинъ голосокъ и измученная въ конецъ, она падаетъ головой на пипитръ.

* * *

Снова столовая... Послѣ двухъ часовъ съ десятью минутами перерыва занятій „научными предметами", то-есть уроками Закона Божія, грамотой и ариѳметикой, воспитанницъ ведутъ пить чай.

Та же мутная жидкость въ кружкахъ и куски полубѣлаго хлѣба разставлены и разложены на столахъ. Проголодавшаяся Дуня съ жадностью уничтожаетъ полученную порцію и аппетитный бутербродъ съ колбасой, исходатайствованный у начальницы Антониной Николаевной послѣ неудачнаго масла за обѣдомъ.

Послѣ чая до пяти часовъ дѣти свободны. Въ пять урокъ пѣнія.

Маленькій, худенькій, желчнаго вида человѣчекъ съ козлиной бородкой ждалъ ихъ уже въ залѣ, просторной, почти пустой комнатѣ съ деревянными скамейками вдоль стѣнъ, съ портретомъ Государя Императора на стѣнѣ и съ цѣлымъ рядомъ поясныхъ фотографій учредителей и попечителей пріюта. Въ одномъ углу залы стоитъ большой образъ, съ теплющейся передъ нимъ

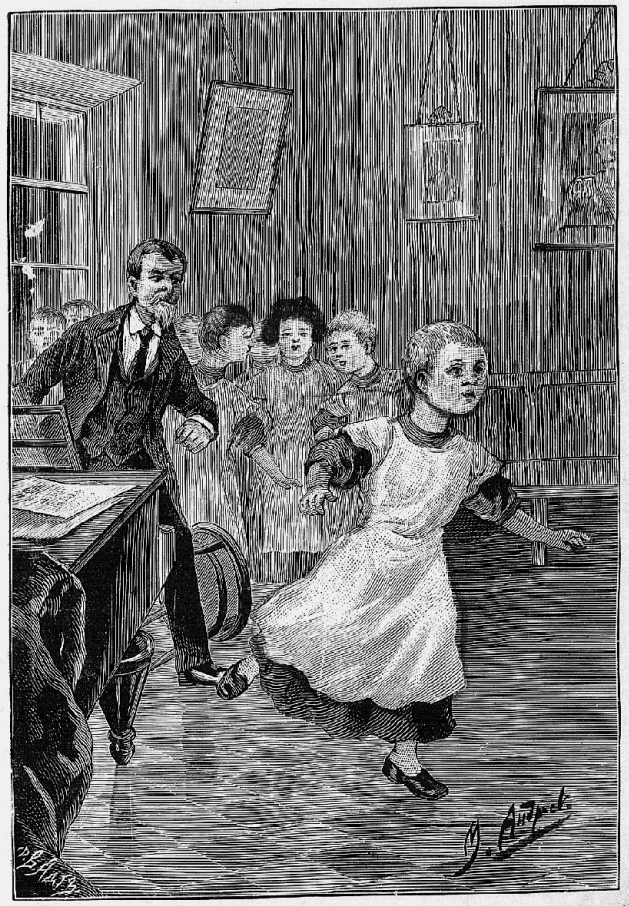
лампадой, изображеніе Христа-Спасителя, благословляющаго дѣтей. Въ другомъ небольшое піанино.

Онуфрій Анисимовичъ Богоявленскій, едва киваетъ головою на привѣтствіе воспитанницъ и бросается съ такой стремительностью къ инструменту, что старшія не выдерживаютъ и фыркаютъ отъ смѣха.

Учитель [illegible] изъ семинаристовъ, болѣзненный, раздражительный, изъ неудавшихся священниковъ, предназначавшій себя къ духовной дѣятельности и вышедшій изъ семинаріи за какую-то провинность, золъ за свою исковерканную жизнь на весь міръ. Пріютокъ онъ считаетъ за своихъ личныхъ враговъ и нѣтъ дня, чтобы онъ жестоко не накричалъ на ту или другую изъ воспитанницъ.

Главнымъ образомъ, послѣ шитья, здѣсь въ пріютѣ требуется церковное пѣніе. Каждый праздникъ и канунъ его, всѣ посты, всѣ службы, воспитанницы N-скаго пріюта поютъ въ сосѣдней богадѣленской церкви на обоихъ клиросахъ. За это, онѣ получаютъ довольно щедрое вознагражденіе. Деньги эти вмѣстѣ съ вырученными отъ продажи по бѣлошвейной, вышивальной и мѣтельной работамъ, идутъ на поддержку и благосостояніе пріюта. Хотя общество благотворителей, основавшихъ пріютъ и заботится всячески о его существованіи помогая постоянными взносами и пожертвованіями, но расходы сильно превышаютъ доставляемые благотворителями суммы и самимъ воспитанницамъ пріюта, приходится усиленнымъ заработкомъ, рукодѣліемъ и участіемъ въ церковномъ хорѣ, вносить посильную лепту въ содержаніе своего заведенія. Къ тому-же, своекоштныхъ воспитанницъ здѣсь очень мало. Какихъ-нибудь полсотни, а то и меньше. Остальную часть приходится кормить и одѣвать изъ благотворительныхъ и заработанныхъ ими самими суммъ.

Онуфрій Ефимовичъ или «Фимочка», какъ его прозвали два старшихъ отдѣленія пріюта, сразу замѣтилъ Душю.



Пріютки. (Стр. 39).

— Новенькая?—ткнувъ пальцемъ по направленію дѣвочки, кратко освѣдомился онъ.

— Новенькая, Онуфрій Ефимовичъ!—хоромъ отвѣчали воспитанницы.

— Подойди сюда! — поманилъ онъ Дуню, усаживаясь на кругломъ табуретѣ передъ піанино

Дѣвочка нерѣшительно приблизилась

— Тяни за мною

Учитель ударилъ пальцемъ съ размаху по клавишѣ Получился жалобный, протяжный звукъ

Также жалобно протянулъ голосомъ и Богоявленскій.—До-о-о-о...

Дуня испуганно вскинула на него глазами и пятясь назадъ, молчала...

— Что-же ты, пой!—раздраженно крикнулъ учитель.

Дѣвочка еще испуганнѣе шарахнулась въ сторону...

— Вотъ глупая! Чего боится! Никто тебя не тронетъ!—крикнулъ снова учитель,—поди сюда!

Но вся дрожа, Дуня не трогалась съ мѣста.

Старшія громко перешептывались на ея счетъ, среднія и младшія вытягивали любопытныя рожицы и таращили глаза на новенькую.

— Поди сюда! Поди сюда! — завопилъ внезапно обозлившійся учитель, срываясь съ мѣста.

Ужасъ обуялъ Дуню. Она метнулась въ сторону, забѣжала за рояль и, испуганно выпучивъ голубые глазенки, вся трясясь какъ листъ, уставилась оттуда на Богоявленскаго.

— Ага! Ты что-же это? Шутить со мною вздумала!— приходя неожиданно въ бѣшенство закричалъ „Фимочка“ и снова рванулся за дѣвочкой.

Не помня себя, Дуня, бросилась улепетывать отъ него, не чуя ногъ подъ собою. Красный какъ морковь, „Фимочка“ метнулся за нею.

Они описали кругъ, другой, обѣжавъ рояль, Дуня впереди, Богоявленскій сзади...

Старшія уже не стѣсняясь, фыркали и хихикали,

закрывая ротъ руками. Среднія слѣдовали ихъ примѣру. Младшія любопытными глазенками слѣдили за учителемъ и новенькой, съ ужасомъ поджидая что будетъ.

— Да стой-же! Тебѣ говорятъ стой! Вотъ-то глупая!—задыхаясь кричалъ Богоявленскій преслѣдуя Дуню.

Къ счастью, растворилась дверь залы и на порогѣ ея показалась горбунья.

— Что такое? Зачѣмъ вы пугаете дѣвочку?—сдвинувъ брови и сверкнувъ глазами, накинулась на учителя Елена Дмитріевна.

Дуня со всего размаха уткнулась ей въ колѣни и истеричнымъ голосомъ зарыдала на весь залъ.

— Тетенька, спаси! Тетенька! — высокими пронзительными нотами кричала она, обхватывая ручонками колѣни надзирательницы и продолжая трястись отъ страха.

— Ну, и голосокъ, — сдѣлалъ гримасу Богоявленскій — нечего было и добиваться «ноты» у этой зарѣзанной курицы. Хорошенькій голосокъ—нечего сказать!

— Вы-бы лучше толкомъ объяснили дѣвочкѣ, что отъ нея требуется, нежели такъ пугать, —укоризненно произнесла тетя Леля и, обнявъ Дуню, повела ее въ рабочую.

Тамъ сидѣло нѣсколько „безголосыхъ“ то-есть не неимѣвшихъ настолько голоса, чтобы пѣть въ хорѣ воспитанницъ.

Къ своему удовольствію Дуня увидѣла въ ихъ числѣ и Дорушку.

Дѣвочка прилаживала платье изъ цвѣтныхъ лоскутковъ на тряпичной куклѣ, лицо которой было довольнотаки искусно разрисованно красками.

— Займи новенькую, Дорушка, — приказала тетя Леля дѣвочкѣ, а сама отправилась снова въ залу.

Дорушка ласково обняла Дуню.

— Хочешь играть со мною? Я буду куклина мама, ты няня, а это — (тутъ она любовно прижала къ себѣ куклу) маленькая Дорушка, моя дочка?

Та молча кивнула головою и дѣвочки увлеклись игрою.

Изъ залы до нихъ доносились мотивы церковнаго пѣнія. Здѣсь въ рабочей шумѣли маленькія и о чемъ то съ увлеченіемъ шушукались среднія и старшія воспитанницы.

Но Дуня и Дорушка ничего не замѣчали, что происходило кругомъ.

Играя, Дорушка какъ-бы отъ имени куклы-дочери распрашивала няню-Дуню о деревнѣ.

Дуня, дичившаяся сначала, теперь разговорилась, увлекшись воспоминаніями: и про тятьку покойника и про бабушку Маремьяну и про лѣсъ, и про цвѣтики въ лѣсу. Особенно про лѣсъ...

Дорушка, раскрывъ ротикъ, слушала ее съ расширенными отъ удивленія глазами.

Дорушка была кухаркина дочка. Пока она была маленькою, то жила за кухней въ комнаткѣ матери и съ утра до ночи играла тряпичными куколками. А то, выходила на дворъ погулять порѣзвиться съ дворовыми ребятами. На дворѣ ни деревца ни садика, однѣ помойки да конюшня. А тутъ, вдругъ, и лѣсъ поле въ Дуниныхъ разсказахъ, и кладбище. Занятно!

Щечки разгорѣлись у обѣихъ дѣвочекъ. Глаза заблестѣли. Онѣ и незамѣтили какъ пробѣжало время до ужина.

Ровно въ семь раздался звонокъ. Появилась тетя Леля. Засуетились дѣвочки. Стали спѣшно строиться въ пары. Распахнулась дверь изъ залы и ватага «пѣвчихъ» воспитанницъ высыпала въ рабочую.

— Ужинать! ужинать! крикнула горбатенькая надзирательница.

Въ столовой глаза Дуни слипались точно въ нихъ пескомъ насыпало. Сквозь непреодолимую дремоту слышала дѣвочка, какъ пропѣли хоромъ вечернія молитвы, видѣла какъ въ туманѣ безпокойно снующую фигуру эконома, перелетавшаго какъ на крыльяхъ съ одного конца столовой на другой.

Кто-то невидимый наложилъ ей на тарелку горячей каши, сдобренной масломъ... Она машинально ѣла изнемогая отъ усталости, пока ложка не выпала у нея изъ

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР

рукъ, а стриженая головка не упала на столъ, больно ударившись о его деревянную доску.

— Съ шишечкой честь имѣю поздравить! засмѣялась костлявая Васса, сидѣвшая по близости Дуни.

— Молчи. Зачѣмъ смѣяться? Нешто она виновата, что уморилась... — прозвенѣлъ ласковый голосокъ Дорушки и стрижки прокричали хоромъ:

— Тетя Леля! Тетя Леля! Новенькая уморилась. Походя спитъ!

Что было потомъ, Дуня помнитъ плохо.

Двѣ худенькія жилистыя руки горбуньи подхватили ее и повели куда-то.

Куда? Она сознавала мало...

Какъ въ туманѣ мелькнула лѣстница... Не то корридорчикъ не то комната съ мѣднымъ желобомъ, прикрѣпленнымъ къ стѣнѣ, съ такими-же мѣдными кранами надъ нимъ, вдѣланными въ стѣну... Дверь... И снова комната, длинная съ десятками четырьмя кроватей поставленныхъ изголовьемъ къ изголовью, въ два ряда.

Всѣ кровати одинаково застланы жидкими нанковыми одѣялами съ крѣпкими подушками въ головахъ, въ грубыхъ холщевыхъ наволочкахъ.

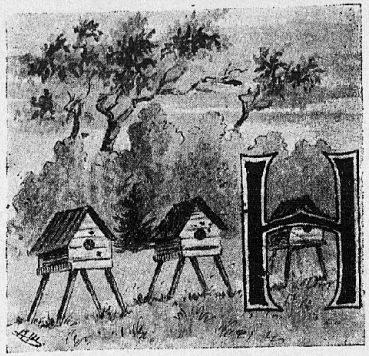
— Раздѣвайся скорѣе и ложись... Ужъ Богъ съ тобою, мыться не надо. Глаза не смотрятъ, вижу, — произнесла Елена Дмитріевна и собственноручно раздѣвъ сморившуюся Дуню, уложила дѣвочку въ постель.

Эта постель показалась чѣмъ-то сказочнымъ для деревенскаго ребенка. У бабушки Маремьяны спала она на жесткой лавкѣ, застланной какимъ-либо старымъ тряпьемъ, и прикрытыя одежей. Здѣсь-же, былъ и матрацъ и одѣяло. Маленькое тѣльце съ наслажденіемъ вытянулось на кровати.

— Спи! Христосъ съ тобой! проговорила горбунья и, перекрестивъ Дуню, быстро нагнулась и поцѣловала стриженую головку въ лобъ.

Но Дуня уже не слышала и не чувствовала ничего.

Она крѣпко заснула въ одну минуту.



X.

НЕНАСТНОЕ осеннее утро...

Снѣгъ падаетъ большими мокрыми хлопьями и таетъ на лету, не достигая земли.

Динь! Динь! Динь! Динь! звенитъ заливается колокольчикъ.

Тоненькая фигурка дежурной по пріюту воспитанницы мелькаетъ по корридору, проскальзываетъ въ дортуары, не переставая звонить убійственно нуднымъ нестерпимо рѣзкимъ звономъ, заходитъ въ спальни. Дежуритъ нынче Липа Сальникова, воспитанница средняго отдѣленія.

У нея тупое, скуластое, некрасивое лицо, толстыя вывороченныя губы и заспанные сердитые глаза.

Разбудивъ старшихъ, она перебѣгаетъ въ свою спальню, гдѣ ночуютъ среднія, ея однокашницы.

— Вставать, дѣвицы, вставать! бойко покрикиваетъ она, остановливаясь на порогѣ.

Потомъ, спѣшитъ въ „младшій“ дортуаръ, къ стрижкамъ.

— Стрижки, вставать! — разносится ея голосъ по комнатѣ. — Нечего, нечего лѣнтяйничать, на уборку опоздаете, того и гляди. Живо у меня, не то водой окачу.

Маленькія круглыя, какъ шарики головенки быстро отрываются отъ подушекъ... За ними и сами обладательницы „шариковъ“ соскакиваютъ съ постелей.

Дѣти знаютъ отлично, что съ дежурными шутки плохи. Либо одѣяло сдернетъ, либо еще хуже обольетъ водою. А въ дортуарѣ холодно и безъ того! Такъ выстудило за ночь...

Липа торопливой походкой устремляется на середину комнаты. Тамъ, задернутая темнымъ абажуромъ, чуть мерцаетъ висячая лампа—ночникъ.

Въ одну минуту выдвинутъ табуретъ проворной рукой на середину комнаты, Липа вскакиваетъ на него, прибавляетъ въ лампѣ огня повернувъ свѣтильню, потомъ снимаетъ абажуръ...

Въ дортуарѣ сразу становится свѣтлѣе. Теперь ясно видно кто изъ дѣвочекъ не всталъ и лежа прохлаждается въ кроватяхъ.

— Вставать! Вставать! гиточнымъ голосомъ кричитъ Липа, и срываетъ мимоходомъ два, три, одѣяла съ заспавшихся малышей.

— Ай! Ай! Оставь! Липочка! Родненькая! Миленькая! Золотенькая! молитъ жалобный голосокъ.—Хо-о-лодно Ли-и-па-а! Но Сальникова въ отвѣтъ торжествующе смѣется.

— А холодно такъ вставай! Чуркова! ты это что же, дряннушка этакая! До молитвы лежать будешь? и Липа, стремительно схвативъ съ предпостельнаго столика кружку, бѣжитъ съ нею въ умывальную. Черезъ минуту она возвращается, сіяя тою-же торжествующей недоброй улыбкой.

— Ты не слушаться? Такъ на-же тебѣ! и все содержимое въ кружкѣ цѣликомъ выливается на малютку Олю.

Липа неистово хохочетъ. Оля мокрая, дрожащая въ залитой сверху до низу рубашенкѣ, вскакиваетъ съ постели съ испуганными глазенками впивается въ свою мучительницу.

Она хочетъ сказать что-то и не можетъ. Заикается, путается и, лязгая зубами, дрожитъ.

— Ну двигайся! Что ровно истуканъ стоишь? На молитву опоздаешь!—рѣзко прикриваетъ Липа.

— А ты не смѣй Олю обижать. Она у насъ слабенькая, того и гляди заболѣетъ!—выскакивая впередъ крикнула Дорушка.

— Не смѣй! Не смѣй! Что за командирша такая! запищали и другія стрижки, окружая внезапно тѣснымъ кольцомъ Липу.

— Ахъ, вы, такія, сякія, малыши! Грозить еще вздумали! Захорохорилась Липа.

— А ты не смѣй! насѣдали на нее дѣвочки.

— Ахъ, сдѣлай милость, испугалась, сейчасъ заплачу! насмѣшничала Липа.

— А вотъ и испугалась! Небось насъ сорокъ а ты одна! крикнула внезапно, словно изъ подъ земли выросшая Васса.—Небось попадетъ тебѣ!

— Попадетъ! Попадетъ за Олю' защищали стрижки.

— Цыцъ, молчать! Не то няньку Варвару крикну?—пригрозила Липа.

Нянькѣ Варварѣ, спавшей, обыкновенно, въ спальнѣ малышей въ углу, у печки, вмѣнялось въ обязанность присматривать за стрижками и помогать горбатенькой Еленѣ Дмитріевнѣ въ уходѣ за малышами. Сейчасъ нянька какъ разъ, отсутствовала, на несчастье Липы. Окинувъ быстрымъ взоромъ спальню, дѣвочки убѣдились въ этомъ.

Липа Сальникова растерялась немного... Прямо на нее лѣзла Васса, сжимая въ кулачки свои костлявыя ручонки десятилѣтки. Красная отъ гнѣва Оня Лихарева, обычная заступница болѣзненной Чурковой, грозила ей изъ-за плечъ Вассы.

Любочка Орѣшникова, кричала въ уши!—Злая Липа, злющая! Бесстыдница, ишь, что выдумала—маленькихъ обижать! Тетѣ Лелѣ скажемъ! Липа Сальникова разомъ взвѣсила свое положеніе. Приходилось плохо. Надо было идти на мировую со всей этой милюзгой. Быстро сунувъ руку въ карманъ Липа вынула оттуда залежавшійся пыльный кусокъ сахара и протягивая его плачущей Онѣ, произнесла, смягчая свой рѣзкій голосъ:

— Ну, ладно ладно! Будетъ! Ладно ужъ, поревѣла и будетъ! На сахарцу. Эка невидаль подумаешь! Душъ заставили принять ненарокомъ. Не зима еще... Не

помрешь. А вотъ, дѣвоньки, послушайте меня, что я вамъ скажу-то! Цыганка у насъ объявилась. Гадальщица. Слышите? Такъ твою судьбу тебѣ разскажетъ, что любо дорого. Что съ какимъ человѣкомъ черезъ годъ будетъ все увидишь. Приходите нынче вечеромъ въ нашъ средній дортуаръ. Гадалку вамъ покажемъ.—Тараторила Липа и глаза ея лукаво поблескивали на скуластомъ лицѣ.

— Я боюся! пропищала Оля Чуркова съ невыспавшими еще глазами сосавшая сахаръ.

— А я приду! смѣло крикнула Васса,—кто со мною?

— Я! отозвалась Оня Лихарева.

— И я! взвизгнула Канарейкина.

— Ужъ и я, такъ и быть! и девятилѣтняя Алексаша Кудрина вынырнула изъ-за подругъ.

— А кто гадаетъ-то? съ любопытствомъ освѣдомилась Любочка Орѣшкина.

— Ишь-ты такъ тебѣ и скажи! усмѣхнулась Липа—придешь увидишь! приходи только! Настоящая цыганка, говорятъ тебѣ!

— Липочка-душенька, скажи, скажи—кто? пристали со всѣхъ сторонъ къ подростку Сальниковой малыши стрижки,—гадалку позови, Липа!

— Ладно, подождете, скороспѣлки. Будете много знать скоро состаритесь,—хохотала большая дѣвочка и не переставая смѣяться, выбѣжала изъ дортуара.

— Я пойду, ужо вечеромъ. погляжу на гадалку! рѣшительно заявила Оня, всегда прежде своихъ сверстницъ отзывавшаяся на всякія шалости.

— И мы и мы!—запищали другія.

— Нѣтъ, ужъ сидите дома. Мы съ Вассой идемъ, съ Любочкой, да Алексашу прихватимъ, кто постарше. А вы дома съ нянькой Варварой останетесь,—съ важностью говорила Оня.

Въ младшемъ отдѣленіи какъ и въ старшемъ и въ среднемъ были дѣти разнаго возраста. Принимали сюда дѣвочекъ отъ восьми до одиннадцати лѣтъ. Съ одиннадцати до пятнадцати воспитанницы составляли второе

среднее отдѣленіе, и съ пятнадцати до восемнадцати старшее выпускное. Среди стрижекъ, поэтому были совсѣмъ еще несмышленныя малютки восьмилѣтки, и девятилѣтнія и десятилѣтнія дѣвочки въ родѣ Любочки Орѣшниковой, Дорушки Ивановой, Вассы, Они и Сони Кузьменко.

Долго спорили и припирались стрижки кому идти къ гадалкѣ въ «среднее» въ гости, и сойдетъ-ли «походъ» благополучно, тайно отъ тети Лели, которая строго запрещала сходиться своимъ малышамъ со средними и старшими воспитанницами.

Внезапно раздавшійся звонокъ къ молитвѣ, прервалъ волненіе малютокъ. Изъ сосѣдней комнаты появилась знакомая горбатенькая фигура и тетя Леля, хлопая въ ладоши, стала сзывать свое маленькое стадо, обычнымъ призывомъ:

— Въ пары, дѣти, въ пары!

Начинался однотонный, сѣрый, пріютскій день.

XI.

Отъ восьми до девяти вся внутренность коричневаго дома, какъ-бы выворачивалась на изнанку. Трудно узнать пріютъ въ этотъ утренній часъ.

Всюду, моютъ, скребутъ, натираютъ, метутъ, снимаютъ въ углахъ паутину... Старшія и среднія носятъ тяжелыя ведра съ водою моютъ полы, двери, окна, или тщательно оттираютъ мѣдныя заслонки у печей дверныя ручки и оконныя задвижки.

Малыши помогаютъ по мѣрѣ силъ и возможности, среднимъ и старшимъ.

Въ грязныхъ, грубыхъ, холщевыхъ передникахъ, съ раскраснѣвшимися лицами, дѣвушки и дѣти съ одинаковымъ усердіемъ работаютъ на уборкѣ.

Вонъ пробѣжала бѣленькая, хрупкая и изящная Ѳеничка Клементьева съ полнымъ до краевъ ведромъ мыльной воды... Та самая Ѳеничка, что часто сидя въ уголку, читаетъ потихоньку чудомъ попавшіе ей въ руки романы и обожающая богатыря доктора Николая Николаевича.

Сейчасъ Ѳеничку узнать нельзя. Вмѣстѣ съ Шурой Огурцовой, своей подружкой, она льетъ воду на доски корридора и начинаетъ энергично водить по полу шваброй, обвязанной тряпкой на концѣ.

— Маленькія! Стрижки!—кричатъ взапуски Ѳеничка и Шура,—тащите сюда мыла. Нянька Варвара дастъ...

Дорушка и Дуня, находившіяся по близости, устремляются по порученію среднихъ. И черезъ минуту несутся обратно, таща вдвоемъ большой кусокъ сѣраго мыла, добытый у няньки.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ живетъ въ пріютѣ Дуня.

Трудно повѣрить, что это та самая маленькая деревенская дѣвочка, которую четыре недѣли тому назадъ доставилъ въ пріютъ Микешка.

Личико Дуни вытянулось, заострилось. Здоровый деревенскій загаръ почти исчезъ съ него. Глаза стали больше, острѣе. Осмысленнѣе, сосредоточеннѣе глядятъ они теперь на Божій міръ. Многому уже научилась въ пріютѣ Дуня.

Умѣетъ она узнавать буквы русскаго алфавита; умѣетъ выводить склады. И шовъ стачать умѣетъ и сшить, что понадобится «впередъ иголку» и пѣсенкамъ кой-какимъ научилась, хотя и не участвуетъ въ церковномъ хорѣ потому, что сердитый «Фимочка» рѣшительно заявилъ, что у новенькой не голосъ, а «козлитонъ».

Впрочемъ, въ хорѣ стрижки участвовали лишь на

«подтяжку». Серьезнаго пѣнія отъ нихъ не требовалось, для этого онѣ были еще слишкомъ малы.

Все меньше и меньше тоскуетъ по деревнѣ Дуня... Уходятъ отъ нея куда-то далеко и лѣсъ и избушка и кладбище съ материнской могилкой... Другая жизнь, другіе люди, другія настроенія овладѣваютъ дѣвочкой...

А тутъ еще Дорушка Иванова скрашиваетъ ея жизнь, да тетя Леля, добрая горбунья всячески ласкаетъ сиротку.

Тетю Лелю Дуня любитъ, какъ родную. Бабушку Маремьяну она, такъ не любила никогда. Развѣ отца, да лѣсъ, да лѣсные цвѣточки. Отъ одного ласковаго голоса тети Лели, сладко вздрагиваетъ и замираетъ сердечко Дуни... Не видитъ, не замѣчаетъ она уродства Елены Дмитріевны, красавицей кажетъ ей надзирательница—калѣка.

И къ Дорушкѣ привязалась дѣвочка, за этотъ мѣсяцъ, какъ къ любимой сестричкѣ.

Совсѣмъ особенная эта Дорушка, такихъ еще и не видала дѣтей Дуня.

Всегда спокойная, ровная, одинаковая со всѣми. А ужъ такая добрая, что и сказать нельзя... Чуть отъ кого-нибудь перепадетъ, конфетка-ли, пастилка или просто кусокъ сахару Дорушкѣ, ни на минуту не задумываясь раздѣлитъ его на массу мелкихъ кусочковъ дѣвочка и раздаетъ подружкамъ, кто поближе стоитъ. А то и себя забудетъ, отдастъ и свой кусочекъ.

И никто, кромѣ Дорушки, не сумѣетъ примирить ссорящихся дѣвочекъ, заступиться за обиженную, пристыдить обидчицу. За то она—общая любимица. Даже завистливая Васса и задорная Оня Лихарева никогда не «наскакиваютъ» на Дорушку... И хитрая, лукавая, любящая сунуть во все, свою лисью мордочку, девятилѣтняя Паша Канарейкина и та, задѣвая другихъ, не рискуетъ затронуть Дорушку.

Подъ крылышкомъ Дорушки Ивановой легче жи-

вется Дунѣ. За нее заступается Дорушка, не даетъ и въ обиду.

Темно-каріе веселые и привѣтливые глазки Дорушки ни на минуту не выпускаютъ изъ виду Дуню.

И сейчасъ, участвуя въ уборкѣ, дѣвочки находятся неотлучно одна подлѣ другой.

Вытирая мокрой тряпкой пыль съ перилъ лѣстницы, Дорушка—впереди, позади нея Дуня съ сухой тряпкой; дѣвочки спускаются по ступенямъ переговариваясь между собою тихимъ шопотомъ.

Почти спустившись на нижнюю площадку лѣстницы, онѣ увидѣли бѣгущую къ нимъ рыженькую старшеотдѣленку Женю Памфилову, любимицу «Пашки».

— Дѣвоньки миленькія, стриженьки, голубоньки!— лепечетъ возбужденная и красная, какъ ракъ Женя,— мнѣ къ баронессину рожденью подушку гладью кончать надо, спѣшить, каждый часъ дорогъ, а нынче особенно... Вѣдь завтра-то рожденье—отсылать надо... А тутъ, Павлы Артемьевнина комната не убрана. Дорушка Иванова, либо ты, Дуняша Прохорова, уберите кто-нибудь! Ради Господа, за меня! И голосъ обычно грубоватой, любившей покомандовать Жени, зазвучалъ непривычными ему мягкими нотами. Дорушка и Дуня испуганно переглянулись.

Сварливую, требовательную и необычайно строгую Павлу Артемьевну, пріютки большія и маленькія боялись пуще огня. Она не умѣла прощать. Малѣйшая дѣтская провинность воспитанницы въ глазахъ Павлы Артемьевны принимала размѣры чуть-ли не настоящаго преступленія. И виновную постигала строгая кара.

Имѣя въ своемъ распоряженіи среднее отдѣленіе пріюта, Павла Артемьевна не ограничивалась, однако, своей воспитательною ролью среди ввѣренныхъ ея наблюденію подростковъ. Пользуясь своими правами рукодѣльной наставницы, она, то и дѣло, вмѣшивалась въ дѣла старшаго и младшаго отдѣленія. Постоянныя недоразумѣнія на этой почвѣ съ доброй и мягкой тетей Лелей

или сдержанной вдумчивой Антониной Николаевной отнюдь не умѣряли воспитательный пылъ Павлы Артемьевны.

На всѣ увѣщанія обѣихъ надзирательницъ она неизмѣнно отвѣчала одно и тоже:

— Ахъ, оставьте меня дѣйствовать по собственному усмотрѣнію! Вѣдь черезъ два три года, ваши дѣвченки, Елена Дмитріевна, перейдутъ ко мнѣ. Должна-же я наблюдать за ними исподволь, чтобы ознакомиться съ индивидуальностью каждой изъ нихъ!

И Павла Артемьевна «знакомилась...» Своимъ ястребинымъ окомъ, она слѣдила неустанно за каждой «стрижкой», преслѣдуя дѣтей всюду гдѣ только могла. Какъ это ни странно, но доставалось отъ Павлы Артемьевны больше всего, или черезъ-чуръ тихимъ или не въ мѣру бойкимъ дѣвочкамъ. Одобряла-же она сонныхъ, апатичныхъ воспитанницъ, да хорошихъ рукодѣльницъ. Не любила живыхъ и веселыхъ вродѣ Они Лихаревой и Любы Орѣшкиной. Не выносила тихонькую Дуню и болѣзненную слабенькую Олю Чуркову.

Дуню Павла Артемьевна не взлюбила болѣе всѣхъ. Клички: „деревенщина“, „обломъ“, „тюря“, „мужичка сиволапая“, обильно сыпались на дѣвочку во время рукодѣльнаго класса.

Къ довершенію несчастья, Дуня шила изъ рукъ вонъ плохо, еще хуже вязала и совсѣмъ не умѣла вышивать.

Ея руки, непривычныя къ тонкой работѣ, дѣлались какъ деревянныя въ тяжелый для дѣвочки классъ рукодѣлій.

Какъ могла, помогала своей подружкѣ Дорушка, мастерица и рукодѣльница на всѣ руки. Несмотря на свои девять лѣтъ, маленькая Иванова шила и вышивала гладью не хуже другой старшеотдѣленки, возбуждая восторгъ и зависть воспитанницъ. За искусство Дорушки Павла Артемьевна прощала многое и Дунѣ, какъ ближайшей ея подругѣ. Но Дуня не могла не чувствовать глубоко затаенной къ ея маленькой особѣ непріязни со стороны ея врага.

*

И сейчасъ, услыша просьбу Жени Памфиловой, она вздрогнула отъ одной возможности убирать комнату «страшной» средней надзирательницы.

Рыжая Женя выжидательно глянула на обѣихъ подругъ.

— Ну? — нетерпѣливо проронили ея пухлыя губы.

Дорушка и Дуня переглянулись снова.

— Чего глаза таращите! — вдругъ сразу разошлась Женя,—или, дурочки, не знаете, что я вамъ честь дѣлаю, предлагая убрать комнату самой Павлы Артемьевны? Чувствуйте!

Голосъ Жени зазвенѣлъ привычными ему «командирскими» нотами. Веснусчатое лицо приняло гнѣвное выраженіе.

— Ну-же, малыши! Будете вы слушаться или нѣтъ?

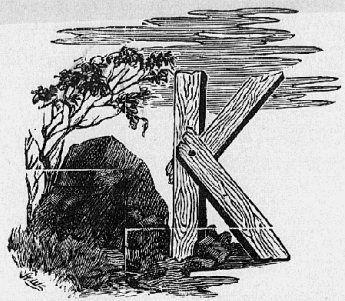
Бойкіе каріе глазки Дорушки испуганно вскинулись на грозную старшеотдѣленку.

— Мы... мы...

— Ну замычала, что твоя корова! — расхохоталась Женя.—Эхъ, дура я, дура, стала еще съ вами канителиться! По-просту, безъ разговора, надо было приказать! Живо у меня брать ведро, тряпку и къ Павлѣ Артемьевнѣ маршъ! Такъ-то лучше!

И съ разомъ измѣнившимся лицомъ, безъ малѣйшаго уже признака смѣха, Женя Памфилова топнула ногою и сверкнувъ маленькими глазками, схватила за плечи сначала Дорушку, потомъ Дуню и съ силой подтолкнула обѣихъ...

— Ступайте, ступайте, нечего прохлаждаться зря! Скоро къ рукодѣльнымъ часамъ зазвонятъ, управляйтесь поживѣе, не то нагоритъ и отъ Павлы Артемьевны и отъ меня получите на орѣхи! — крикнула она въ догонку подругамъ и, живо повернувшись, устремилась въ рабочую, гдѣ ее ждала почти оконченная, гладью вышитая нарядная подушка, завтрашнее подношеніе попечительницѣ пріюта.



XII.

АКАЯ красивая комната!

Обѣ дѣвочки попали сюда впервые. По странному капризу Павлы Артемьевны ея „квартиру“, какъ назывались крошечныя помѣщенія надзирательницъ на языкѣ пріютокъ, убирала любимица „Пашки“ Женя Памфилова. Стрижкамъ никогда не приходилось заглядывать сюда. Вотъ почему широко раскрытыми, блестящими любопытствомъ и восхищенными глазами Дорушка и Дуня впились въ непривычную для нихъ обстановку.

Зеленый пушистый коверъ, похожій на травку весною, покрывалъ больше трети комнаты. Мягкая оливковаго цвѣта мебель, широкое зеркало въ простѣнкѣ двухъ оконъ, скрытыхъ подъ бѣлыми тюлевыми занавѣсками, туалетъ изъ зеленаго крепона съ плюшемъ, за красиво расписанными по молочному фону ширмами кровать, похожая на большого сверкающаго лебедя своею нѣжной бѣлизной... Еще столикъ, и еще, въ одномъ углу и въ другомъ... А тамъ, на подзеркальникѣ и этажеркахъ цѣлая выставка красивыхъ бездѣлушекъ... Тутъ и гипсовыя статуйки, и вазочки изъ фарфора, и изящныя издѣлія изъ бронзы.

На стѣнахъ картины и портреты. Глаза у дѣвочекъ разбѣгались во всѣ стороны при видѣ всей этой непостижимой для нихъ роскоши.

— Гляди! Гляди! — изступленно зашептала вдругъ Дорушка и протянула впередъ свой маленькій указательный палецъ.

— Ахъ!

Дуня поднялась для чего-то на цыпочки и замерла отъ восторга. Прямо, противъ нея на высокой тумбочкѣ

стояла прелестная, закинутая назадъ головка какой-то красавицы изъ зеленаго, крашенаго гипса. Прелестный точеный носикъ, полуоткрытыя губки, сонной нѣгой подернутые глаза, все это непонятно взволновало дѣвочку своимъ красивымъ видомъ.

Зеленая статуэтка, казалось, улыбалась Дунѣ. Ея съуженные глаза и запрокинутая назадъ головка влекли къ себѣ дѣвочку.

Долго-бы простояла передъ зеленой гипсовой красавицей Дуня, если-бы Дорушка не окликнула свою маленькую подружку.

— Ну, что стала? Торопиться надо! Примемся за уборку. Не то на рукодѣльные часы опоздаемъ. Бѣда!— съ дѣловитымъ, озабоченнымъ видомъ зашептала Дорушка.—Давай-ка-сь ведро скорѣича. Я полы вымою, а ты пыль сотри, да ради Господа Бога, осторожнѣе, Дунюшка! Не приведи Господь, разобьемъ что. Со свѣта сживетъ Пашка! Ну, начнемъ, Дуня!

И осторожно отогнувъ уголъ ковра, Дорушка схватила швабру, обмотанную тряпкой, обмакнула ее въ мыльное ведро и добросовѣстно углубилась въ работу.

Вооружившись пыльной тряпкой, принялась за уборку и Дуня.

Почти съ благоговѣніемъ подходила она къ столамъ и стульямъ, и перетирала ручки и ножки хрупкихъ вещей съ трепетомъ и почти со страхомъ. Къ статуямъ, вазочкамъ и картинамъ она не рѣшилась прикоснуться, помня строгій наказъ рыжей Жени.

Осторожно подошла она къ дивану, собираясь провести тряпкой по его рѣзной съ украшеніями спинкѣ, случайно подняла глаза на висѣвшую надъ нимъ картину и тихо ахнула, вся охваченная сладкимъ восторгомъ.

— Деревня! Смотри, Дорушка, деревня! — восторженнымъ шопотомъ, произнесли дрогнувшія губки дѣвочки.

На картинѣ, висѣвшей на аршинъ выше головы Дуни, дѣйствительно была изображена деревня... Маленькая убогая деревенька пріютилась на краю поля... А за нею синѣлъ густою непроходимой стѣной лѣсъ... Любимый лѣсъ Дуни!

Крошечная колокольня бѣдной церковки съ прилегающимъ къ ней погостомъ довершали сходство съ родной Дуниной деревушкой, заставляя маленькое сердчишко пріютки биться удвоеннымъ темпомъ восторга и неожиданной радости.

Чтобы хорошенько разсмотрѣть знакомую ей, милую картину, не отдавая себѣ отчета, Дуня быстро сбросила съ ногъ неуклюжіе, пріютскіе «плепанцы» и, оставшись въ однихъ чулкахъ, взобралась „съ ногами“ на диванъ и прильнула къ картинѣ.

Пріютъ съ его непривѣтливыми мрачными стѣнами, толпа большихъ и малешькихъ дѣвочекъ, добрая ласковая тетя Леля, и злая Пашка, даже любимая нѣжно подружка Дорушка, все было позабыто ею въ этотъ мигъ.

Милый, милый лѣсъ, знакомыя избушки, темный погостъ съ крестами, высокая колоколенка—вотъ что захватило и поглотило сейчасъ все существо дѣвочки Дуни.

Желая разсмотрѣть поближе не ихъ-ли избенка нарисована тамъ, съ краю деревни, она придвинулась совсѣмъ близко къ картинѣ и горящимъ взоромъ приникла къ ней.

— Она! Какъ есть она!—вихремъ проносилось въ головѣ дѣвочки, — и радостная слезинка повисла на ея рѣсницѣ. За ней другая, третья... Выступили и покатились крупныя градины ихъ по заалѣвшемуся отъ волненія личику. Слезы мѣшали смотрѣть... Застилали туманомъ отъ Дуни милое зрѣлище родной сердцу картины... Вотъ она подняла руку, чтобы смахнуть досадливыя слезинки... и вдругъ что-то задѣла локтемъ неловкая ручонка... „Это что-то“ зашаталось, зашумѣло и съ сухимъ трескомъ поваленнаго дерева тяжело грохнулось на полъ.

— Дзизинзинъ!—прозвучало тотчасъ вслѣдъ за этимъ въ ушахъ Дуни, мгновенно приводя къ дѣйствительности

замечтавшуюся, словно заснувшую въ своихъ грезахъ дѣвочку.

Поблѣднѣвшая отъ неожиданности и испуга она отвела глаза отъ картины, опустила ихъ на полъ...

— Ай!— вырвалось полнымъ отчаянія звукомъ изъ груди Дуни.

— Ай!—вторила ей какъ эхо неменѣе ее испуганная Дорушка.

На полу лежала поваленная тумба, а подлѣ нея валялись зеленые черепки гипсовой красавицы, еще нѣсколько минутъ тому назадъ плѣнявшей Дуню.

По блѣдному испуганному лицу Дорушки, Дуня поняла, что случилось что-то ужасное, непоправимое, и отъ сознанія этого непоправимаго, сердце точно остановилось въ груди дѣвочки, замерло и лишь тихими неслышными туками, напоминало о себѣ.

Вдругъ, глаза Дорушки округлились отъ ужаса, лицо безъ тѣни румянца вытянулось и словно состарилось сразу, а побѣлѣвшія губы шепнули беззвучно:

— Павла Артемьевна идетъ! Пропали мы, Дуня! Господи Іисусе! Пропали совсѣмъ!

Дѣйствительно, тяжелые энергичные, какъ-бы мужскіе, шаги «среднсй надзирательницы» зазвучали по близости, въ корридорѣ. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Павла Артемьевна порывисто распахнула дверь своей комнаты.

Высокая красивая, крупная, фигура ея остановилась какъ вкопанная на порогѣ. Одного быстраго взгляда всевидящихъ глазъ надзирательницы было достаточно, чтобы замѣтить сразу и поваленную тумбу въ углу и гипсовые черепки разбитой головы!

Вмигъ густой румянецъ залилъ и безъ того розовое лицо пріютской наставницѣ. Грозно въ одну сплошную черную черту свелись на переносицѣ ея густыя, тонкія брови.

Пріютки. (Стр. 56).

— А-а?..—протянула она неопредѣленно и убійственнымъ взглядомъ оглянула Дорушку и Дуню.

Потомъ съ легкой гримасой румяныхъ губъ, съ тѣми-же сердито-вспыхивающими огоньками въ глазахъ, она шагнула къ послѣдней:

— Деревенщина! Косолапая! Вотъ ты какъ!—угрожающе прошипѣла Павла Артемьевна и протянула руку къ уху блѣдной, какъ смерть Дуни.

— Нѣтъ! Нѣтъ!—послышался въ ту же минуту, — скорѣе стонъ, нежели голосъ, бросившейся впередъ Дорушки.—Нѣтъ! Нѣтъ! Ради Бога! Не она это, не Дуня... Я... Павла Артемьевна, я... разбила куколку вашу... Я виновата... Меня накажите! Меня!

Теперь слова лились фонтаномъ изъ рта поблѣднѣвшей не менѣе Дуни Дорушки. Дѣвочка тряслась какъ въ лихорадкѣ, стоя между надзирательницей и въ конецъ уничтоженной маленькой подругой. Она молитвенно складывала рученки, протягивая ихъ къ Павлѣ Артемьевнѣ, а большіе, обычно живые каріе глазки Дорушки безъ словъ добавляли мольбу.

Что-то трогательное было во всей фигуркѣ самоотверженной дѣвочки и это „трогательное“ толкнулось въ сердце черствой и обычно немилостивой надзирательницы.

Она положила руки на плечи Дорушки и произнесла отчеканивая каждое слово и зорко пытливо глядя ей прямо въ зрачки:

— Это правда, Иванова это сдѣлала ты?

Каріе глазки заметались, забѣгали между темными полосками Дорушкиныхъ рѣсницъ.

Блѣдныя щеки дѣвочки залило густымъ, алымъ румянцемъ.

— Тетенька, простите... Павла Артемьевна, голубинька, простите, виновата!— залепетала Дорушка.

Надзирательница ближе придвинула свое свѣжее розовое лицо къ испуганному личику Дорушки.

— Это не ты сдѣлала, а Дуня! Скажи... — прозвучалъ громко и отчетливо ея энергичный голосъ.

Зеленая комната ходупомъ заходила въ глазахъ Дорушки... Волненіе дѣвочки было ей не подъ силу. Дорушка зашаталась, голова у нея закружилась, наполнилась туманомъ. Ноги подкашивались. Непривычка лгать, отвращеніе ко всему лживому, къ малѣйшей фальши глубоко претила честной натурѣ Дорушки и въ то-же время страхъ за Дуню, ея любимую глупенькую еще малютку-подружку заставляли покривить душой благородную чуткую Дорушку.

Быстро мелькнула въ сознаніи дѣвочки молнія—мысль:

— Если скажу, что я, мнѣ попадетъ меньше... Я—рукодѣльница, Павла Артемьевна меня скорѣе проститъ... А Дуню она не любитъ и накажетъ строже. Ахъ, Дуня! Бѣдная Дуня! И обливаясь потомъ, съ опущенными въ землю глазами, Дорушка прошептала чуть слышно:

— Я разбила... Меня накажите... Я виновата, Павла Артемьевна!

Что было потомъ, Дорушка и Дуня помнили смутно.

Какъ онѣ вышли отъ надзирательницы, какъ смѣнили рабочіе передники на обычные, «дневные,» какъ долго стояли, крѣпко обнявшись и тихо всхлипывая въ уголку корридора прежде нежели войти въ рукодѣльную,—все это промелькнуло смутнымъ сномъ въ маленькихъ головкахъ обѣихъ дѣвочекъ. Ясно представлялось только одно: счастье помогло, избѣгнуть наказанія. Дорушкѣ, да явилось сознаніе у Дуни, что съ этого дня, маленькая великодушная Дорушка, стала ей дороже и ближе родной сестры.

XIII.

— И сказалъ Господь Каину: — Каинъ, гдѣ братъ твой Авель! И отвѣчалъ Каинъ:—Господи! Я не слуга брату моему.—Тогда...

Голосъ отца Модеста звучитъ глуховато, рѣзко, безъ тѣхъ теплыхъ медуляцій и переливовъ, свойственныхъ священнику. Затаивъ дыханіе, слушаютъ разсказъ „стрижки". Глазенки ихъ, горящіе вниманіемъ, жадно прикованы къ устамъ законоучителя. Заалѣвшіяся личики пылаютъ...

Простымъ, доступнымъ дѣтскому пониманію языкомъ излагаетъ о. Модестъ своимъ малюткамъ слушательницамъ исторію Каина и Авеля. Внимательно слушаютъ его разсказъ стрижки.

Притихла бойкая Оня Лихарева... Потупила живые лукавые глазки. На задорномъ, своеправномъ лицѣ Вассы Сидоровой застыло странное недѣтское выраженіе угрюмой вдумчивости... Бѣленькая пѣжная хорошенькая Люба Орѣшкина, кажется, забыла о томъ, что она Любочка—пріютская «красоточка», попечительницына любимица, и вся ушла съ головою въ занимательный, поучительный и страшный своимъ трагизмомъ разсказъ. Востроносенькая Паша Канарейкина едва дышетъ отъ захватившаго ея волненія. Маленькая Чуркова полными слезъ глазенками впивается въ батюшку... А Дуня... Шибко бьется-колотится въ дѣтской груди маленькое Дунино сердце. Такъ жаль ей бѣдненькаго убитаго братомъ Авеля! Такъ негодуетъ она, такъ возмущается всей душою противъ его убійцы—брата!

И думаетъ, быстро соображая, восьмилѣтней душой — Вотъ-бы насъ туда... Съ Дорушкой... Дорушка-бы не попустила. Дорушка-бы не струсила. Заступилась-бы за Авеля... Не позволила-бы убить брата... Дорушка храбрая! Она самой Пашки не испугалась. Она бы Каина не побоялась-бы... Милая, родненькая Дорушка! И быстро набѣгаетъ теплая нѣжная волна въ душу Дуни... Волна безграничнаго влеченія къ ея маленькой подружкѣ. Незамѣтно поворачиваетъ голову Дуня и подъ партой протянувъ ученку, трогаетъ худенькіе пальчики Дорушки.

— Чего ты? удивленно не разжимая губъ, сквозь зубы роняетъ Дорушка, чтобы не быть услышанной законоучителемъ.

— Дорушка... Родненькая... Вспомнилось мнѣ какъ ты давеча... у Пашки въ горницѣ... Ахъ, Дору...

— Не разговаривать! мгновенно обрываетъ Дунинъ шопотъ голосъ отца Модеста.

— Кто тамъ шепчется? Нельзя на урокѣ говорить. Дуня Прохорова! Стыдно! Лучше-бы урокъ хорошенько слушала! стыдитъ ее батюшка.

Вся малиновая какъ вишня, Дуня сконфуженно ерзаетъ на скамьѣ.

Батюшка хмурится. Не выноситъ отецъ Модестъ невниманія въ классной.

— А ну-ка, умѣла развлекаться, умѣй и отвѣтъ держать,—говоритъ онъ еще строже, окидывая внимательнымъ зоркимъ окомъ тщедушную фигурку Дуни.— Разскажи-ка что слышала здѣсь о Каинѣ, убившемъ Авеля? А?

Еще пуще краснѣетъ Дуня. Слышала она многое: и какъ жертву приносили оба брата Богу, и какъ взвился голубоватый дымокъ къ небу отъ Авелевой жертвы, и какъ стлался по землѣ Каинова приношенія дымъ. И какъ озлобился Каинъ на брата, какъ завистью наполнилось его сердце, какъ заманилъ онъ Авеля и убилъ.

Все это прочно запало въ дѣтскую головку, все это

отлично запомнила Дуня. А разсказать не сможетъ, не съумѣетъ... Не связать ей двухъ словъ.

— Ну, какъ звали одного брата? — помогаетъ ей вопросомъ батюшка.

Молчитъ Дуня.

— Ну, другого помнишь, можетъ!

Тоже молчитъ.

— Кто помнитъ?—обращается къ сорока дѣвочкамъ батюшка—подними руку!

Два десятка ученокъ маленькихъ, худенькихъ и красныхъ съ неизбѣжными пятнами чернилъ (стрижки пишутъ уже буквы и склады у Елены Дмитріевны на ея урокахъ грамоты) поднимаются надъ головами.

— Ну ты, Соня Кузьменко, скажи!—обратился батюшка къ худенькой желтолицей скуластой дѣвочкѣ лѣтъ десяти, самой толковой и воспримчивой на научные предметы, особенно на Законъ Божій.

Соня Кузьменко встала и высокимъ писклявымъ голоскомъ отчетливо, ясно и толково разсказала исторію Каина и Авеля.

— Хорошо, — похвалилъ ее, батюшка, умница! Садись!—и онъ кивнулъ головой Сонѣ.

Отмѣтокъ пріюткамъ не ставили, экзаменовъ въ концѣ года здѣсь не было, какъ въ городскихъ школахъ. N-скій пріютъ считался ремесленнымъ заведеніемъ и на научные предметы здѣсь не обращали такого вниманія, какъ на ремесла.

Правда, съ нѣкоторыми дѣвочками, отличавшимися особой толковостью и способностями къ ученью, занимались усиленнѣе нежели съ остальными и по окончаніи воспитанія въ пріютѣ ихъ переводили въ школу учительницъ. Но таковыхъ было немного. Способность къ рукодѣліямъ наблюдалась больше, среди питомицъ ремесленнаго пріюта, нежели влеченіе къ научнымъ предметамъ.

А потому и требовалось отъ нихъ немного. Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, Символъ вѣры, Заповѣди, мо-

литвы, тропари къ двунадесятымъ праздникамъ. Изъ ариѳметики четыре правила, именованныя числа и дроби. Изъ русскаго языка, грамота, грамматика, чтеніе наизусть стиховъ, перекладъ разсказовъ и басенъ и несложная диктовка.

Начало географіи, и краткая отечественная исторія, преподаваемыя тѣми-же надзирательницами проходилось вмѣстѣ съ грамматикой и переложеніями разсказовъ изъ хрестоматіи въ двухъ старшихъ отдѣленіяхъ пріюта.

Съ малышей спрашивалось немногое, вродѣ счета и задачъ на четыре правила до ста и чтенія, начала каллиграфіи да заучиванія стиховъ. И еще краткіе разсказы Ветхаго Завѣта.

Изъ малышей стрижекъ особенно отличалась Соня Кузьменко.

Батюшка очень благоволилъ къ развитой, умненькой не по годамъ дѣвочкѣ.

Нравилось отцу Модесту и то, что десятилѣтняя Соня съ особеннымъ рвеніемъ молилась въ церкви и пѣла на клиросѣ со старшими. Ея писклявый дѣтскій дискантъ, врѣзывался тонкой струной въ грудные голоса старше и средне-отдѣленокъ.

— Примѣрная отроковица!—часто говорилъ отецъ Модестъ, гладя по головкѣ дѣвочку и подчеркивалъ передъ администраціей пріюта рвеніе Сони.

И теперь, выслушавъ съ удовольствіемъ свою любимицу, онъ долго улыбался еще вспоминая ея прекрасные отвѣты.

Потомъ, обводя классную глазами, батюшка остановилъ ихъ на маленькой, толстенькой и совершенно бѣлой, безъ кровинки въ лицѣ дѣвочкѣ, съ тупыми и вялыми движеніями и отсутствіемъ мысли на сонномъ лицѣ.

— Ну-ка, Маша Рыжова, разскажи теперь тоже самое и ты,—приказалъ бабюшка.

Задаваніе уроковъ къ слѣдующему дню не практиковалось въ пріютѣ. На выучиваніе ихъ не хватало времени, такъ какъ уборка, стирка, глаженіе, а больше всего

рукодѣльныя работы, занимали все время воспитанницъ. Заучивалось все съ «голоса» преподавателя, тутъ-же въ классной. Молитвы, стихи, грамматическія правила, названіе, имена, года, все это выписывалось на доскѣ наставницами и законоучителемъ и хоромъ затверживалось старшими дѣвочками.

Съ малышами приходилось нѣсколько иначе: ихъ учили «по слуху», то-есть наставники повторяли урокъ до тѣхъ поръ пока онъ усваивался дѣтьми крѣпко и прочно. Батюшка зналъ прекрасно на кого надо было обратить большее вниманіе.

Маша Рыжова, сонная и, вялая, девятилѣтняя воспитанница, являлась исключительнымъ среди пріютокъ типомъ, непонятливости, и безтолковой почти животной тупости. Сколько ни билась съ нею тетя Леля, и отецъ Модестъ, сколько не старались они надъ развитіемъ дѣвочки, оно не поддавалась ни на іоту. Глупая, апатичная, мечтающая только о томъ, какъ-бы хорошо поѣсть и сладко поспать, Маша оставалась вполнѣ равнодушной ко всему остальному. На урокахъ она дремала, въ часы рукодѣлій вяло ковыряла иглою, приводя этимъ въ неистовство Павлу Артемьевну, даже въ часы отдыха, въ свободное время пріютокъ, когда дѣвочки большія и маленькія рѣзвились въ залѣ, старшія танцуя, малыши взапуски гоняясь другъ за другомъ или устраевая шумныя игры, подъ руководствомъ той-же тети Лели, Машу ничто не занимало. Она забивалась куда-нибудь въ уголъ и цѣлыми часами просиживала неподвижно, глядя безсмысленными глазами куда-то вдаль и неустанно жуя что-то.

Это — «что-то» было или оставшіеся отъ обѣда и ужина корки хлѣба, которыя Маша подбирала съ жадностью маніячки на столахъ или перепадавшія изрѣдка на долю пріютокъ лакомства, въ видѣ пряниковъ, пастилокъ и леденцевъ, жертвуемыхъ попечительницею для неизбалованныхъ гостинцами воспитанницъ.

Сейчасъ, вызванная изъ своего тупого оцѣпенѣнія Маша, нехотя поднялась со своего мѣста.

— Отчего Каинъ убилъ своего брата Авеля?—обратился батюшка къ толстой рыхлой не по годамъ дѣвочкѣ.

Осовѣлые глаза пріютки безсмысленно уставились въ лицо отца Модеста.

— Надо было,—угрюмо буркнула Рыжова.

— Почему надо?—поднялъ брови батюшка. Паша Канарейкина подтолкнула локтемъ свою сосѣдку Глашу Ярову и обѣ фыркнули, прикрывъ рты руками.

— Потому что отъ костра чадно стало. По землѣ чадно. Вотъ изъ за чада этого. Отъ полѣнницъ, значитъ,—затянула деревяннымъ голосомъ Маша.

— Садись! Садись!—замахалъ на нее руками батюшка и краснѣя отъ досады кинулъ классу:

— Да растолкуйте вы этому неучу, дѣти, кто хорошо понялъ исторію! Оживите вы ее. Вѣдь этакъ она и совсѣмъ заснетъ!—кивнулъ онъ на Рыжову,—кто понялъ?

Почти сорокъ рученокъ, съ запятнанными чернилами пальцами, потянулись надъ шарообразными головенками.

— Я!

— Я!

— Я, батюшка!—послышались дѣтскіе голоса.

— Ай!—взвизгнулъ на всю классную кто-то.

— Это еще что?—строго освѣдомился батюшка.

Маша Рыжова, багрово красная, стояла на концѣ комнаты и усиленно терла руку.

— Щи-п-ле-т-ся!—протянула она забавно, трубочкой, вытягивая губы.

— Кто щиплется? — совсѣмъ уже сердито освѣдомился батюшка!

— О-онь-ка-а Ли-ха-ре-ва!—протянула Маша.

— Оня Лихарева! Ступай къ доскѣ!—раздался суровый голосъ отца Модеста.—Безстыдница! присовокупилъ онъ, когда красная, какъ вареный ракъ дѣвочка заняла указанное ей въ наказаніе мѣсто.

Стыдно обижать Машу. Она—глупенькая! Ее пожалѣть надо, а вы вмѣсто этого такъ-то! Не хорошо!

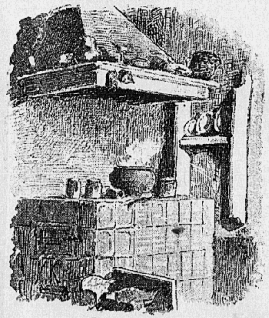
Батюшка хотѣлъ прибавить еще что-то, но внезапно раздавшійся звонокъ возвѣстилъ окончаніе урока, и онъ поднялся со стула.

— Дорушка! Читай молитву—приказалъ онъ дежурной.

— Благодаримъ Тебе Создателю, яко сподобилъ еси насъ зазвенѣлъ на всю классную звонкій голосокъ Дорушки, послѣ чего отецъ Модестъ благословилъ дѣвочекъ и вышелъ изъ классной. Проходя мимо доски и стоявшей подлѣ нея Лихаревой, батюшка строго взглянувъ на Оню и погрозилъ ей пальцемъ. Лишь только высокая чуть сутуловатая фигура законоучителя скрылась за дверью, Оня состроила лукавую рожицу и крикнула подругамъ:

— Вотъ и не потрафила. Самъ-же батя «оживить» просилъ... А теперь не ладно! Ахъ, ты Маша, Маша кислая простакваша и когда ты поумнѣешь только?—ударивъ по плечу проходившую мимо Рыжову, засмѣялась Оня. Та тупо глянула на нее и лѣниво поведя плечами произнесла:

— Надоѣла. Отстань... Тетѣ Лелѣ пожалюсь...—И утицей проплыла мимо.



XIV.

Нынче ужо, къ гадалкѣ! шопотомъ замирая отъ восторга, напомнила Васса подругамъ, столпившимся у окна.

За окномъ крупными хлопьями валилъ снѣгъ... Садъ оголился... Деревья гнулись отъ вѣтра, распластавъ свои сухія мертвыя сучья-руки. Жалобно каркая съ распластанными крыльями носились голодныя вороны. Сумерки скрывали всю неприглядную картину глубокой осени. А въ залѣ горѣли лампы, со стѣнъ привѣтливо улыбались знакомые портреты благодѣтелей.

Стрижки носились по залу, догоняя другъ друга съ веселымъ смѣхомъ и взвизгиваніемъ.

Старшія и среднія танцовали подъ звуки піанино, за которымъ сидѣла Елена Дмитріевна. Худенькія руки горбуньи искусно и быстро бѣгали по клавишамъ и глядя на эти искусно бѣгающіе пальцы съ разинутымъ ртомъ и выпученными глазами, жалась Дуня къ стоявшей тутъ-же подлѣ нея Дорушкѣ.

Ни такого «играющаго» инструмента, ни такой музыкантши не встрѣчала еще за всю свою коротенькую жизнь Дуня. Ежедневно съ половины восьмого до девяти часовъ вечера, время между ужиномъ и вечерней молитвой, когда воспитанницамъ пріюта разрѣшалось играть, плясать и рѣзвиться въ залѣ, и единственная музыкантша пріюта «тетя Леля», садилась за рояль, съ той самой минуты дѣйствительность переставала существовать для маленькой деревенской дѣвочки. Въ немудреныхъ несложныхъ мотивахъ польки, вальса, венгерки и кадрили (тетя Леля никогда не училась музыки и наигрывала танцы по слуху), Дунѣ чудилось что-то захватывающе прекрасное, что-то неземное. И, часто поднимая глаза на Дуню горбатенькая надзирательница ловила ея взоръ, мечтательный и недѣтскій, полный грусти и безотчетной, печальной радости, тонувшій въ пространствѣ.

Въ такія минуты обрывала игру Елена Дмитріевна и лаская бѣлобрысую головенку стрижки, старалась спугнуть это недѣтское, нездоровое, какъ ей казалось настроеніе Дуни.

— А ну-ка, Дуняша, сколько у тебя всего пальцевъ на рукахъ и на ногахъ? шутливо говорила она Дунѣ.

— Двадцать! слышался робкій отвѣтъ.

— А сжели я четыре зажму, сколько останется на свободѣ?

— Шестнадцать! подумавъ съ минуту рѣшила Дуня.

— Ну, а ежели пять своихъ ко всѣмъ твоимъ прибавлю, сколько всего.

— Двадцать пять!

— Молодецъ — Дуня! — радостно восклицала тетя Леля и цѣловала свою ученицу.

Отъ двухъ до четырехъ съ десяти-минутнымъ перерывомъ она ежедневно поучала своихъ стрижекъ и несказанно радовалась успѣхамъ малютокъ. И Дуня, деревенская дѣвочка Дуня, ни-чуть не отставала отъ своихъ сверстницъ. Она за короткое время успѣла выучиться складамъ и дѣлать простенькія устныя задачи по ариѳметикѣ, несказанно радуя этимъ горбатенькую тетю Лелю. Послѣдняя съ перваго-же дня поступленія въ пріютъ Дуни особенно нѣжно полюбила дѣвочку. Нравилась горбуньѣ непосредственная, здоровая душа дѣвочки, тихая мечтательность и безотвѣтная кротость малютки. Часто ласкала тетя Леля новенькую и разговаривала подолгу съ Дуней, распрашивая ее о деревнѣ, о быломъ житьѣ дома, о покойномъ отцѣ и бабушкѣ Маремьянѣ. И когда прочія стрижки съ шумомъ и визгомъ гонялись по залѣ или водили безконечные хороводы, съ пѣніемъ, «хороня золото» или бѣгая въ «кошки-мышки» и «гуси-лебеди», Дуня съ неизмѣнной Дорушкой присосѣживались къ сидѣвшей за піанино Еленѣ Дмитріевнѣ и съ мечтательно устремленными въ даль глазами слушали ея игру.

* * *

— Дунятка... Дорушка... Къ намъ подите!—послышался по другую сторону піанино прерывистый шопотъ Они Лихаревой и толстенькая, румяная мордочка шалуньи, выглянула изъ-за спинки инструмента.

— Ступайте къ намъ, играться будемъ! шептала Оня и ея живые бойкіе глазки поблескивали лукавыми огоньками надъ тонкими дугами бровей.

— А вы во что? Въ кошки-мышки или въ золотые ворота? освѣдомилась Дорушка дѣловымъ тономъ.

*

— Тамъ поглядимъ, къ окну ступайте, Васса Сидорова зоветъ. Считаться будемъ.

Васса Сидорова, дѣйствительно звала дѣлая имъ какіе-то знаки.

— Идемъ! рѣшительно сказала Дорушка и взявъ за руку Дуню, зашагала съ нею къ окну, около котораго собралась небольшая кучка стрижекъ въ центрѣ которой стояла высокенькая костлявая Васса съ темной головенкой-шаромъ сидѣвшей на необычайно тонкой шеѣ

Съ обычнымъ сосредоточеннымъ своимъ видомъ и внимательнымъ зоркимъ взглядомъ карихъ глазенокъ, Дорушка первая подошла къ группѣ.

— Наконецъ-то! А мы звали васъ, манили по вяцески, затараторила шопотомъ Васса, — ты, Дорушка, и ты, Дуня, пойдемъ нынче къ среднеотдѣленкамъ, въ спальню. Гадалку посмотримъ. А?—лукаво сощурясь предложила она.

— Не для чего?—отрѣзала Дорушка,—маленькія мы еще, на что намъ гадать-то!

— Вотъ дурочка, — засмѣялась Васса, — чего тамъ маленькія! Слыхала что Липа нынче говорила, утресь? Гадалка у нихъ заправская, все можетъ разсказать что съ нами дѣется будетъ черезъ день, черезъ два... занятно... Я-бы про Мурку знать хотѣла.

— Я-бы про Хвостика!

— И я про Хвостика! заволновались дѣвочки.

Мурка и Хвостикъ были двое оставшихся въ живыхъ котятъ, жившихъ въ уголку сада въ опрокинутомъ большомъ ящикѣ. Стрижкамъ удалось-таки скрыть присутствіе ихъ и отъ сторожа Михайлы и отъ администраціи пріюта. Неизвѣстно что сталось съ двумя другими коташками, но сѣрый Мурка и черненькій съ бѣлыми пятнами Хвостикъ жили и благоденствовали вотъ уже второй мѣсяцъ на иждивеніи малютокъ стрижекъ.

Дѣвочки, храня абсолютную тайну, ежедневно, во время, прогулокъ бѣгали навѣщать своихъ любимцевъ. Они кормили котятъ, вынося изъ столовой кусочки варе-

наго мяса, предназначенную имъ обычную порцію въ супѣ. Не доѣдая сами, маленькія пріютки старались накормить до сыта своихъ четвероногихъ друзей.

И мясо, и хлѣбъ, и жирная каша все это незамѣтно укладывалось въ крошечные фунтики и столь-же незамѣтно для начальническаго ока, распредѣлялось по карманахъ воспитанницъ.

Съ петерпѣніемъ ожидали дѣвочки часовъ прогулки. Ихъ любимцы, еще издали заслыша приближеніе своихъ маленькихъ благодѣтельницъ, принимались тихо и радостно мяукать, а завидя дѣвочекъ наклонившихся надъ ихъ «домикомъ», опрокинутымъ огромнымъ ящикомъ съ сѣномъ, махали хвостами и забавно облизывались, чуя вкусный запахъ съѣстного.

Сама судьба казалось оберегала коташекъ. Ихъ жилище находилось въ самомъ отдаленномъ углу большого пріютскаго сада, и никому въ голову не приходило забираться туда сквозь густые колючіе кусты шиповника. А самый ящикъ съ необходимыми для воздуха отверстіями, былъ плотно приставленъ къ забору, чтобы не было никакой возможности убѣжать изъ него коташкамъ.

Маленькихъ узниковъ выпускали изъ ящика, только въ часы прогулокъ. За это время они могли бѣгать и рѣзвиться вволю. Дѣвочки караулили своихъ «дѣтокъ», какъ они называли котятъ, чтобы послѣдніе не попались на глаза надзирательницамъ или еще того хуже «самой» (начальницѣ пріюта), такъ какъ присутствіе домашнихъ животныхъ, какъ переносителей заразы всевозможныхъ болѣзней, (такъ было написано въ пріютскомъ уставѣ), строго воспрещалось здѣсь.

Исчезновеніе двухъ другихъ котиковъ представляло изъ себя сплошную тайну, такъ какъ никто кромѣ дѣвочекъ—стрижекъ не зналъ о присутствіи въ большомъ ящикѣ котятъ.

Эта тайна исчезновенія и смущала и глухо волновала стрижекъ. Вѣдь чего добраго такимъ-же таинствен-

нымъ способомъ могли изчезнуть и сѣрый Мурка и черный Хвостикъ, послѣдніе любимцы дѣтей. И отъ одной этой мысли ни одно маленькое сердечко въ дѣтской груди било тревогу.

— Вотъ-бы спросить гадалку, гдѣ Чернуша и Бурятка! мечтательно предложила Васса.

— А она на картахъ гадать будетъ, что-ли?—освѣдомилась Паша Канарейкина.

— Ну, тамъ увидимъ... Пойдемъ и увидимъ, а занятно, дѣвоньки!—хитро улыбнулась Оня.

— Нѣтъ, ничего занятнаго,—рѣзко проговорила Дорушка, сердито взглянувъ на шалунью, — тетя Леля не велитъ ходить къ старшимъ, не велитъ дружить съ ними... И я не пойду и Дунѣ не велю ходить. Ей не о чемъ гадать, она маленькая!

— Хи, хи, хи! Эвона командирша-то! засмѣялась Васса. Небось, носъ тебѣ не откуситъ тетя Леля.—Ишь ты, сама не идетъ и Дуню не пущаетъ! Куды, какъ ладно! Дунюшка,—смягчая до нѣжности свой рѣзкій голосъ обратилась къ дѣвочкѣ Васса, — пойдешь съ нами я тебѣ сахарцу дамъ? и она заискивающе глянула въ глаза Дунѣ. Голубые глазки не то испуганно, не то недовѣрчиво поднялись на Вассу.

— Я съ Дорушкой! — проговорила тихо дѣвочка и краснѣя, потупилась.

— Вотъ умница!—проговорила ея старшая подружка и обнявъ за плечи Дуню, отвела ее отъ окна.

— Тихоня! Глупая! Примѣрница! Ну, ладно погоди! крикнула ей въ слѣдъ разсерженная Васса,—инъ будетъ, по мосму, чего захочу все будетъ,—торжественно заявила она подругамъ и стала быстро, быстро шептать окружавшимъ ее дѣвочкамъ:

— Безпримѣнно Дуню взять надо... и Любоньку Орѣшкину... Одна тети Лелина любимица, другая баронессина. Ежели попадемся, да поймаютъ насъ по дорогѣ, не такъ строго взыщется, потому много «любимицъ» ругать не будутъ... Безпримѣнно Дуню прихвачу!

И, рѣшивъ это, своимъ десятилѣтнимъ умомъ, лукавая дѣвочка, присоединилась къ играющимъ, наскоро условившись со своимъ кружкомъ собираться въ умывальной, какъ только захрапитъ нянька Варвара.

Въ этотъ вечеръ особенно шумно и весело игралось въ залѣ.

Старшія скоро побросали танцы и присоединились къ стрижкамъ.

Приняла участіе въ играхъ и тетя Леля и серьезная, всегда спокойная педагогичка Антонина Николаевна. Играли въ „гуси-лебеди“, въ „золотые ворота“ и въ „краски“...

— Гуси-лебеди домой, сѣрый волкъ подъ горой! — пронзительно, громкимъ голосомъ выкрикивала Любочка Орѣшкина и бѣжала впереди толпы дѣвочекъ съ одного края залы на другой, изображая лебединую матку.

И изъ-за піанино выскакивала рыжая старше-отдѣленка Женя Папфилова и съ крикомъ:

— Самаго жирнаго, самаго вкуснаго гусенка съѣмъ, съѣмъ! бросалась на Любочкино „стадо“. Отчаянный визгъ, писк, шумъ, хохотъ, суета и снова визгъ стономъ стояли въ большой пріютской залѣ.

Кричали и визжали стрижки, шумѣли, суетились среднія, хохотали и меньше дѣтей забавлялись старшія. Всѣ безнаказанно могли шумѣть, кричать и возиться въ указанное для игры время. Докторъ Николай Николаевичъ отвоевалъ это право дѣтямъ.

— Ничто такъ не развиваетъ легкія, какъ смѣхъ, здоровый хохотъ и крики увѣрялъ онъ Екатерину Ивановну Нарукову, приходившую въ ужасъ отъ всей этой кутерьмы.

И пріютокъ оставляли въ покоѣ шумѣть и, веселиться послѣ ужина, вплоть до вечерней молитвы.

Въ девять часовъ дрогнулъ первый звукъ колокольчика на порогѣ залы, и, вмигъ, затихла веселая, нестройная толпа дѣвушекъ и ребятишекъ.

— На молитву, дѣти, на молитву! послышались громкіе голоса надзирательницъ.

И черезъ пять минутъ длинные ряды пріютокъ уже выстроились передъ образомъ Спасителя. Дежурная выступила впередъ и стала читать молитву.

XV.

Вечеръ въ пріютѣ лучшее время для большихъ и маленькихъ воспитанницъ. Старшія и среднія пріютки, пользуясь свободнымъ часомъ, передъ отходомъ ко сну, каждыя въ своемъ дортуарѣ, проводятъ время по своему усмотрѣнію.

Но большей частью, собираясь у кого-нибудь на кровати, и оживленно бесѣдуютъ на тему о „будущемъ“... Въ это время зарождаются въ юныхъ головкахъ самыя свѣтлыя мечты, самыя радужныя надежды.

Строятся самые упоительные но, увы! мало осуществимые планы о томъ, что ожидаетъ ихъ „послѣ пріюта“. По большей части всѣ мечты сводятся къ одному общему желанію: открыть собственную бѣлошвейную мастерскую и стать „хозяйкой“. Иныя не прочь помечтать о мѣстѣ экономки или „чистой горничной“, безъ уборки комнатъ въ богатомъ графскомъ или княжескомъ домѣ. Иныя робко мечтаютъ о замужествѣ. Но „онъ“, неясный еще образъ будущаго мужа представляется совсѣмъ туманно... Обыкновенно на этой роли старшія опредѣляютъ типы вычитанныхъ въ романахъ героевъ... Но романы кромѣ классическихъ произведеній, читаемыхъ самими надзирательницами, строго воспрещены въ пріютскихъ стѣнахъ. Однако, кое-кто изъ страстныхъ любительницъ бульварной литературы, переводной дешевой стряпни или необычайныхъ похожденій Ната Пинкертона,

умудряется подъ величайшимъ секретомъ раздобыть ту или другую запретную книжку. Въ то время, какъ старшія и средне-отдѣленки оживленно шепчутся обмѣниваясь впечатлѣніями о прочитанномъ или строя планы одинъ другого невѣроятнѣе на недалекое таинственно-заманчивое будущее, въ дортуарѣ стрижекъ время проводится совсѣмъ иначе.

Нянька Варвара, огромная, плотная веснусчатая особа съ огненно рыжими волосами и вздернутымъ носомъ, съ голыми до локтей (по формѣ) руками тоже сплошь усѣянными темнымъ бисеромъ веснушекъ, сидитъ въ центрѣ спальной, на одной изъ дѣтскихъ кроватокъ.

А вокругъ нея, тутъ же, на постели, по бокамъ и за спиною няньки, у ея ногъ, часто на ея колѣняхъ, на полу и табуретахъ ютятся малыши.

Няня Варварушка, какъ ее называютъ дѣти, разсказываетъ... Ея обычно грубоватый голосъ, дѣлается растянуто-пѣвучимъ во время такихъ повѣствованій. Оттягивая конецъ каждаго слова на послѣднемъ слогѣ, она умышленно дѣлаетъ его таковымъ.

И мастерица-же разсказывать Варварушка! Какихъ только сказокъ она ни знаетъ! И про Илью Муромца и Соловья Разбойника и про Бову-Королевича и про Принца, обороченнаго медвѣдемъ; про Красавицу Золушку, мачехину падчерицу, словомъ про все то, что такъ жадно глотается разгорѣвшимися ушками малютокъ-стрижекъ.

И лишь только смолкаетъ, желая передохнуть немного Варварушка, четыре десятка паръ сіяющихъ любопытствомъ и восторгомъ глазенокъ поднимаются на нее съ плохо скрытымъ разочарованіемъ и мольбою...

— Няня! Нянечка! Нянюша! А еще? А дальше? несказанно волнуется заинтересованная дѣтвора.

— Ну, будетъ съ васъ, спать пора, полунощницы. Грубоватымъ, сразу потерявшимъ всѣ свои пѣвучія медуляціи, голосомъ говоритъ Варвара и рѣшительно встаетъ.

— Ня-неч-ка! лепечутъ чьи-нибудь плаксиво растянувшіяся губенки.

— Еще чего? пореви у меня! Вотъ ужо придетъ тетя Леля, такъ я!...

Еще грубѣе звучитъ голосъ, а веснусчатая рука вольнымъ или невольнымъ движеніемъ грубовато-ласково гладитъ стриженую головенку. Варварушка, не смотря на свой мужиковатый тонъ и рѣзкій голосъ ангелъ во плоти по своей отзывчивости и добротѣ. Для каждой изъ стрижекъ у нея на готовѣ привѣтливость и ласка. И заботится она о своихъ малюткахъ, какъ не заботится пожалуй другая мать. На днѣ объемистаго Варварушкинаго кармана вмѣстѣ съ неизбѣжными наперсткомъ, катушкой нитокъ и носовымъ платкомъ имѣется всегда запасъ квадратиковъ сахара или горсточка подсолнуховъ покупаемая ею изъ собственныхъ скудныхъ средствъ для ея «ребятокъ».

За то, все младшее отдѣленіе, начиная отъ большой десятилѣтней Вассы Сидоровой и кончая малюткомъ Оли Чурковой и Дуни Прохоровой, всѣ онѣ обожаютъ Варварушку. Каждая изъ дѣвочекъ видитъ въ ней что-то свое, родственное, простое и не смотря на то, что нянька иногда и ругнетъ и даже пихнетъ подъ сердитую руку, она, болѣе близка ихъ сердцу, болѣе доступна ихъ пониманію, нежели сама воплощенная кротость тетя Леля.

Тетя Леля все-же «барышня» и между нею и ея дѣвочками цѣлая пропасть, несмотря на всю нѣжность, доброту и заботливость горбатенькой воспитательницы.

А Варварушка «своя». Такос-же дитя подваловъ, видѣвшее и пережившее въ своемъ дѣтствѣ все то-же, что пережила большая часть воспитанницъ.

* * *

Спать, спать, ребятки!

Быстрыми ловкими руками прикрученъ фитиль на лампѣ. Зеленый абажуръ затянулъ и безъ того маленькій свѣтъ. Пріятная полутьма наполнила комнату, Варварушка, тяжело переступая огромными ногами, прошла въ свой уголъ.

Вотъ она долго стоитъ на колѣняхъ и прилежно отбиваетъ земные поклоны, прежде чѣмъ улечься въ постель.

Вотъ заскрипѣла жалобно кровать подъ ея здоровымъ, грузнымъ тѣломъ, вотъ она протяжно зѣвнула, вздохнула и затихла въ своемъ углу.

Затихъ вмѣстѣ съ нею и весь длинный дортуаръ младшеотдѣленокъ. Ночная тишина воцарилась надъ сорока узенькими дѣтскими кроватками. Кое-гдѣ уже слышалось мѣрное дыханіе спящихъ. И легкое всхрапываніе Варварушки очень скоро присоединилось къ нему.

Дуня лежала съ широко раскрытыми глазами на своей жесткой постелькѣ.

Дѣвочкѣ не спалось. Это случалось каждый разъ послѣ Варварушкиныхъ сказокъ.

Ничего подобнаго этимъ увлекательнымъ, интереснымъ сказкамъ она не слыхала у себя въ деревнѣ. Горячее воображеніе ребенка рисовало ей картины только что слышаннаго. Вотъ видится Дунѣ Иванъ-Царевичъ, скачущій на сѣромъ волкѣ. Вотъ въѣзжаютъ они на поляну, по середкѣ которой высится замокъ Кащея Безсмертнаго. Страшное чудовище сторожитъ замокъ, за стѣной котораго томится въ плѣну Краса Царевна. Нужно Ивану-Царевичу осободить изъ неволи красавицу..

Бросается онъ къ воротамъ, вздымаетъ кверху тяжелый, булатный мечъ и вдругъ отступаетъ невольно...

Худая костлявая фигура Кащея выходитъ изъ замка... Идетъ прямо на витязя-удальца. Но не струсилъ Иванушка. Гикнулъ, свистнулъ въ ухо сѣрому волку, обратился волкъ сѣрымъ коршуномъ, Иванушку-же пичужкой малой сдѣлалъ... И исчезъ коршунъ съ пичужкой, ровно братецъ старшій съ младшимъ, въ поднебесьѣ. А Кащей не исчезъ... Идетъ долго по полянѣ... Идетъ теперь прямо на Дуню, прямо на нее....

Сердце замерло въ груди дѣвочки... Похолодѣли конечности. Ужасъ сковалъ все существо.

Мечты перестали казаться мечтами и перешли въ дѣйствительность... Кащей идетъ худой и бѣлый въ сорочкѣ до пятъ съ горящими взорами... Только по мѣрѣ своего приближенія онъ все меньше и меньше дѣлается... Вотъ ростомъ немногимъ больше Дуни сталъ, а все-же приближается, все надвигается прямо на нее.

— Господи! Господи! едва шевелясь, шепчутъ поблѣднѣвшія губенки Дуни,—что-жъ это? Богородица Дѣва радуйся...—смятенно лепечетъ она, скованная страхомъ.

— Ай!

Бѣлый Кащей совсѣмъ придвинулся къ узенькой, дѣтской кроваткѣ и наклонился надъ Дуней.

— Ну, что кричишь! Не признала?—говоритъ страшный Кащей голосомъ Вассы Сидоровой,—няньку разбудить што-ли хочешь? А я за тобою! Къ гадалкѣ, къ средне-отдѣленкамъ пойдемъ! Страсть занятно. Оня, Паша, всѣ идемъ, ты будешь четвертая! Ну!

Голосъ Вассы звучитъ обычно присущими ему властными нотками и робкой, пугливой Дунѣ и въ голову не приходитъ ослушаться ее.

Она такъ рада, къ тому-же, своему исчезнувшему страху, такъ счастлива видѣть дѣвочку Вассу вмѣсто страшнаго чудовища изъ Варварушкиной сказки, что и разсуждать больше не зачѣмъ.

Мгновенно, вихремъ проносится въ головѣ короткая мысль:

— А Дорушка-то! Вѣдь она ходить не велѣла.

— А Дорушка?—смущенно прорывается вслухъ у Дуни.

— Эвона! Кого хватилась! безшумно расхохоталась Васса,—спитъ твоя Дорушка и, почитай, четвертый сонъ видитъ, да и что она тебѣ за указчица? Скажи на милость, няньку какую себѣ выискала! Дорушка сама по себѣ, ты сама по себѣ. И нечего много разговаривать, идемъ!

Васса вошла въ свою роль, какъ нельзя лучше и командовала теперь отрывистымъ, короткимъ шопотомъ.

— Сапоги не надо... Въ однихъ чулкахъ пойдемъ, чтобы не услыхали. Сама знаешь, по головкѣ не больно погладятъ, коли встрѣтитъ кто. Насъ и днемъ-то въ чужія отдѣленія не пущаютъ, а сейчасъ поймаютъ — бѣда! Юбку накинь... такъ... ну ладно. Ступай за мною.

И осторожно крадучись, на цыпочкахъ, Васса пошла впередъ. За нею, затаивъ дыханіе проскользнула сквозь дверь умывальной Дуня...

За другой корридорной дверью, щелкая зубами отъ холода и перепрыгивая съ ноги на ногу, ихъ ждали: Оня Лихорева и востроносенькая Паша Канарейкина, двѣ величайшія въ младшемъ отдѣленіи шалуньи.

— Прежде, чѣмъ идти надо сговориться, дѣвоньки—шопотомъ оживленно затараторила Васса.—Пашки нѣтъ, она содвора ушедши, такъ это хорошо, а все-же зѣвать не слѣдъ... Надо тутъ-же сейчасъ рѣшить о чемъ гадать будемъ.

— Я про Хвостика и Мурку спросить хочу,—рѣшила Паша Канарейкина,—не найдутъ ихъ у насъ, не отнимутъ-ли?!

— Ладно. А ты Оня?

— Я то? Оня задумалась на минуту. Потомъ глаза ея лукаво блеснули.

— Попаду-ли въ это лѣто на дачу! Вотъ о чемъ хочу спросить!

— Ну, а я на счетъ Ѳенички...—смущенно призналась Васса.

Ѳеничка Клементьева, знакомая уже читателямъ увлекающаяся фантазерка—Ѳеничка, въ свою очередь была предметомъ самаго пылкаго обожанія со стороны Вассы.

Но Ѳеничка пренебрежительно относилась къ поклоненію некрасивой, костлявой «стрижки».

Ѳеничка любила все красивое, изящное и, будучи избалована со стороны сверстницъ и подругъ, милостиво разрѣшала любить себя «малышамъ», очень мало заботясь о возбуждаемомъ ею восторженномъ чувствѣ послѣднихъ.

Вассу она игнорировала вполнѣ и не называла иначе, какъ «Костяшкой» за чрезмѣрную худобу дѣвочки.

Но Васса мечтала постоянно о дружбѣ съ хорошенькой бѣленькой «словно барышня» средне-отдѣленки...

Тяжелая, крикливая, властная и капризная Васса въ кругу своихъ однокашницъ стрижекъ, дѣлалась совершенно неузнаваема въ обществѣ Ѳенички. Тихая робкая и застѣнчивая, она едва рѣшилась отвѣчать односложными «да-съ» и «нѣтъ-съ» на вопросы своего куміра. Разумѣется и для «гаданья» Васса не могла найти болѣе подходящаго для нея вопроса полюбитъ-ли ее когда-нибудь Ѳеничка и подаритъ-ли своей дружбой или же этого не случится никогда.

И уже заранѣе волновалась услышать отвѣтъ на интересующую ей тему.

— А ты, Дуня, о чемъ гадать будешь?—неожиданно огорошила Оня Лихорева дѣвочку.

— Ха, ха, гадать! Куда ужъ гадать такой малышкѣ!—снова беззвучно разсмѣялась Васса,—пускай только идетъ съ нами. Попадемся,—она выручитъ. Тетя Леля и бранить не станетъ. Она Дунятку любитъ. А черезъ нея смотришь, спуститъ и память вину... Ну, айда, дѣвоньки, впередъ! И костлявая Васса, засеменила полуобутыми въ однихъ чулкахъ ногами по холоднымъ доскамъ коридора, держа крѣпко за руку Дуню. Оня и Паша поспѣшили за ей.

XVI.

— Смотрите, дѣвицы, стрижки пожаловали!

— Стрижки къ намъ пришли! Стрижки!—зазвенѣли по дортуару средне-отдѣленокъ веселые, возбужденно приподнятые голоса.

Четыре дѣвочки, робко и смущенно остановились у порога, боясь и нерѣшаясь войти.

— Ну, что-же вы послышался насмѣшливый и звонкій голосокъ Ѳенички и вся она тоненькая, стройная, вынырнула откуда-то изъ темноты.

— Что-жъ ты, Васса! Входи! Вѣдь ты не изъ робкихъ!—взявъ за руку смущенную и сіявшую отъ счастья дѣвочку, говорила она не то радушнымъ, не то насмѣшливымъ тономъ.

— Оня тоже явилась. Дѣвицы, „сорви голова—Оня Лихарева“ тоже пришла!—смѣясь кричала Шура Огурцова и легонько подтолкнула впередъ немало неробѣвшую среди «чужихъ» Оню.

Высокая полная дѣвочка, лѣтъ четырнадцати, подошла къ Дунѣ.

— А ты зачѣмъ пожаловала, малышка? наклонясь къ самому лицу, маленькой стрижки, спросила она.

Дуня увидѣла передъ собою пріятное, свѣжее личико и серьезные темные глаза.

— Это Гутя Рамкина! «Примѣрница», — на скоро шепнула ей Паша Канарейкина, знавшая все тайное и явное, происходившее въ стѣнахъ пріюта.

Гутя Рамкина сразу понравилась Дунѣ и она довѣрчиво протянула ей рученку.

— Ну, къ кому-же вы пришли, малыши?

Хорошенькое личико Ѳеинчки складывалось каждый разъ, какъ она обращалась къ стрижкамъ, въ чуть презрительную усмѣшечку.

Задыхаясь отъ счастья находиться такъ близко къ своему кумиру, Васса багровая и сіяющая заявила:

— Насъ Липочка Сальникова погадать пригласила... Говоритъ гадалка объявилась у васъ.

Веселый взрывъ смѣха вспыхнулъ и тотчасъ-же погасъ въ дортуарѣ...

— Шшш! усиленно зашикали на хохочущихъ «примѣрницы», то есть лучшія по успѣхамъ и поведенію воспитанницы.—Огалтѣли вы, что-ли? Тсс, непутевыя! Нашли время смѣяться тоже! Какъ разъ Пашка придетъ!—послышались несмѣлые голоса въ разныхъ концахъ спальни.

— Пашки нѣтъ! Пашка со двора ушла!—давясь отъ приступовъ смѣха, возражали шалуньи.

— А Антонина Николаевна? Небось забыли? Она замѣсто Пашки оставлена. Какъ разъ нагрянетъ!

— Придетъ лампу тушить въ половинѣ одиннадцатаго, а къ тому времени тихо будетъ, небось.

Среднія и старшія ложились спать на часъ позднѣе стрижекъ и этимъ объяснялось то обстоятельство, что во время абсолютнаго покоя въ спальнѣ малышей въ двухъ «старшихъ» дортуарахъ еще и не думали укладываться въ постели.

— Такъ это онѣ къ гадалкѣ притащились!

Ну, ладно будетъ вамъ и гадалка!—вытирая выступившія отъ смѣха въ ея крошечныхъ свиныхъ глазахъ слезы, говорила Липа Сальникова, задорно улыбаясь дѣтямъ.

Паланя,— обратилась она затѣмъ къ высокой, вертлявой, похожей на цыганку дѣвочкѣ, съ бойко поглядывающими на всѣхъ цыганскими-же глазами.—Паланя! Ты имъ погадаешь? А?

— Понятно, погадаю!—лукаво усмѣхнувшись, симпатичнымъ звонкимъ голосомъ отозвалась «цыганка», какъ прозвали подруги Паланю Заведееву, первую шалунью и заправилу всѣхъ проказъ въ среднемъ отдѣленіи пріюта.

— Гадать, такъ гадать! — разсмѣялась Ѳеничка и черные глазки ея шаловливо блеснули.

— А хныкать не будете? — сурово обратилась къ стрижкамъ рябая Липа.

— Не будемъ,— робко за всѣхъ отвѣчала Васса.

— Подумаешь — хныкать, какъ страшно тоже!— расхрабрившись крикнула Оня, упирая руки въ боки и задирая кверху свою и безъ того задорную рожицу.

— Ну, смотри! Кто зареветъ если, того во вѣки вѣчные въ нашъ дортуаръ не пустимъ, — пригрозила цыганка.

— А теперь глаза закрыть! Всѣ четверо закройте сразу и носомъ въ стѣну!.. Разъ! Два! Три!

Едва успѣла произнести послѣднее слово Паланя, какъ всѣ три „стрижки“ зажмурились крѣпко и однимъ поворотомъ оберпулись спинами къ тѣснившимся къ нимъ средне-отдѣленкамъ.

— Когда велю смотрѣть, можете открыть глаза снова!—командовала «цыганка».

— Ну, а ты, что-же?—наклонилась къ Дунѣ хорошенькая Ѳеничка,— дѣлай-же все то, что другія...

— Она еще мала! Я лучше ей у себя на постели книжку покажу съ картинками,—заступилась за малютку серьезная Гутя.

— Какія нѣжности—при нашей бѣдности!—расхохоталась Ѳеничка. — Кто ее звалъ, а разъ пришла, съ артелью, отъ артели ни на шагъ! Такъ-то, милыя вы мои!

И хорошенькая Клементьева безцеремонно повернула Дуню лицомъ къ стѣнкѣ.

Тутъ, между средними поднялось какое-то веселое, чуть внятное шушуканье, какая-то подозрительная бѣготня... Шорохъ... легкій звонъ... потомъ съ шумомъ былъ придвинутъ табуретъ подъ лампу и кто-то легко и

ловко вспрыгнулъ на него... Минутная пауза и та же быстрая рука уменьшила свѣтъ въ дортуарѣ.

Теперь, въ немъ царила полутьма. Съ трудомъ можно было разглядѣть лица.

— Готово!—громкимъ голосомъ заявила Липа Сальникова,—можете повернуться, малыши!

Четыре дѣвочки не заставили повторять приглашенія и любопытными глазенками окинули дортуаръ.

Четверо изъ среднихъ, Липа, Ѳеничка, Шура Огурцова и маленькая, худенькая Шнурова держали за четыре конца большой теплый платокъ на полтора аршина отъ пола. Подъ платкомъ на опрокинутомъ на-бокъ табуретѣ сидѣла «гадалка» Паланя. Въ темнотѣ подъ платкомъ черные глаза «цыганки» горѣли яркими огоньками, а изъ-за малиновыхъ губъ сверкали двѣ ослѣпительно бѣлыя полоски зубовъ.

— И впрямь цыганка-гадалка! — мелькнуло въ головкѣ Дуни и она пугливо шарахнулась въ уголъ.

— Кто не боится, кто не страшится, — загудѣлъ умышленно грубый глухой голосъ изъ-подъ платка,— пусть войдетъ въ мою палатку, и узнаетъ всю правду-матку и про то что было, и что есть и что будетъ, и гаданья моего во вѣкъ не забудетъ. Входи!

— Входи!—эхомъ откликнулись стоявшія по четыремъ угламъ платка дѣвочки.

— Я не пойду. Хоть убейте не пойду!—испуганно зашептала Паша Канарейкина.— Я съ Дунятқой лучше останусь.

— Трусихи!—презрительно фыркнула на нихъ Васса.—А я не боюсь... Глядите! Иду!

— И я тоже!—крикнула Оня.

— Я первая!—тономъ не допускающимъ возраженій проговорила Васса и шагнула впередъ, бросивъ на Ѳеничку взглядъ, безъ словъ выражавшій: «вотъ видишь, какая я храбрая! А ты и знать меня не хочешь».

Нѣсколькими секундами позднѣе она уже стояла подъ платкомъ передъ тоненькой фигуркой Палани.

— Я хочу знать... — начала Васса и тотчасъ-же смолкла.

Худенькая ручка Палани протягивала ей въ полутьмѣ какой-то холодный круглый предметъ. Такой-же точно предметъ держала въ рукѣ и сама «гадалка».

— Молчи и дѣлай все то, что я буду дѣлать! — произнесла заглушеннымъ до шепота голосомъ Заведеева и поднявъ кверху указательный палецъ правой руки, опустила его подъ дно небольшого предмета, оказавшагося самымъ обыкновеннымъ чайнымъ блюдечкомъ. Такое же точно блюдечко имѣлось и въ рукахъ Вассы.

— Повторяй всякое мое движенье!—еще разъ приказала цыганка.

Тутъ Васса тоже опустила палецъ подъ свое блюдечко и долго водила имъ тамъ, стараясь подражать Паланѣ.

Послѣдняя величавымъ торжественнымъ жестомъ перенесла палецъ отъ дна блюдца къ своему лицу и стала производить движенія у себя по лбу, по щекамъ, по носу, по обѣ стороны носа, вокругъ глазъ и подбородка. И въ то же время не переставала ронять слова глухимъ, дѣланнымъ голосомъ.

— Не спрашивай, ничего не спрашивай... Гадалка все видитъ, все знаетъ и безъ вопросовъ... Насквозь тебя глядитъ. Все примѣчай за мною, и дѣлай тоже и всѣ твои завѣтныя желанія исполнятся не позже конца недѣли...

И опять тоненькій палецъ Палани заскользилъ сначала по дну блюдца и затѣмъ, быстро перенесенный къ лицу, съ удивительной ловкостью забѣгалъ по носу, лбу, щекамъ и подбородку дѣвочки.

Затаивъ дыханіе, вся охваченная волненіемъ Васса продѣлывала со своимъ блюдцемъ и лицомъ то же самое. То-есть сначала водила своимъ дѣтскимъ пальчикомъ подъ дномъ блюдца, затѣмъ поднимала костлявую ученку и на своемъ собственномъ птичьемъ лицѣ, производила такія же движенія, что и Паланя.

*

Такъ длилось минутъ пять, можетъ быть, немного больше. Внезапно тотъ же глуховатый басъ произнесъ изъ-подъ края палатки:

— Кончено. Можно припустить свѣту. Уберите платокъ.

Съ тѣмъ же непонятнымъ для малышей-стрижекъ хихиканьемъ среднеотдѣленки отбросили на чью-то постель самодѣльную палатку. Затѣмъ, Липа Сальникова въ припрыжку кинулась къ лампѣ, вскочила на табуретъ и прибавила свѣта.

— Ахъ!

Это «ахъ» вылетѣло изъ нѣсколькихъ десятковъ грудей сразу. И въ тотъ же мигъ гомерическій хохотъ, громкой, безъ удержу стремительной волной, раскатился по дортуару...

И было чему смѣяться...

Посреди спальни стояла костлявая фигурка Вассы съ на-диво размалеваннымъ сажей лицомъ.

Индѣецъ не могъ бы придумать для себя лучшей татуировки. Глаза Вассы, замкнутыя въ черныхъ кольцахъ, были точно въ очкахъ... На концѣ носа сидѣла комическая клякса изъ сажи... Надъ бровями были выведены другія брови... Вокругъ рта, на лбу, на щекахъ цѣлая географическая карта рѣкъ съ притоками, морей и озеръ... Сажа, образовавшаяся отъ копоти надъ дномъ блюдечка, сдѣлала свое дѣло!

Не подозрѣвавшая о продѣлкѣ надъ нею, Васса, смущенная общимъ смѣхомъ, поворачивалась съ глупымъ, недоумѣвающимъ видомъ вправо и влѣво и всюду, куда-бы ни обращала это пестрое, какъ у зебры, черное съ бѣлымъ лицо, всюду вспыхивалъ съ удвоенной силой тотъ же гомерическій хохотъ.

Наконецъ, Оня Лихарева, хохотавшая вмѣстѣ съ Пашей Канарейкиной и робко хихикавшей Дуней, схватила съ ближайшаго ночного шкапика кѣмъ-то забытое здѣсь зеркало и поднесла его къ лицу Вассы.

— Ай!—вырвалось съ отчаяніемъ и испугомъ изъ горла послѣдней.

Мгновенное смущеніе захватило дѣвочку... И тотчасъ же перешло въ самое жгучее бѣшенство.

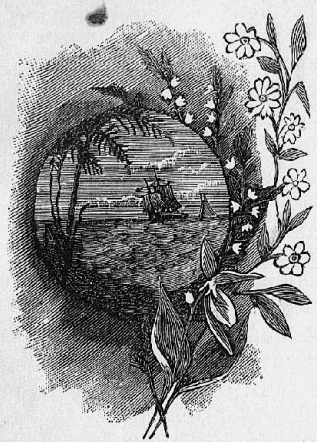
Она вся затряслась отъ злобы... Затопала ногами и внезапно, прежде, нежели кто могъ остановить ее, залилась цѣлымъ потокомъ слезъ и закрывъ лицо руками, кинулась вонъ изъ спальни среднеотдѣленокъ. За нею бросились бѣжать Оня, Паша и Дуня, все еще не переставшія смѣяться. А за ними летѣлъ тотъ же оглушительный смѣхъ и звучали насмѣшливые голоса:

— Что-же вы? Куда-же вы? Стрижки! Вернитесь! Не хочетъ-ли кто-нибудь распознать судьбу?.. Не погадать-ли кому еще? А? Да вернитесь-же! Ха! Ха! Ха! Вотъ такъ погадали! Небось! Долго не забудете! Ха, ха, ха, ха!

Дѣйствительно, долго не могли забыть дѣвочки своего «похода» къ гадалкѣ. Даже маленькая Дуня отъ души смѣялась, вспоминая потѣшную птичью физіономію Вассы, мастерски размалеванную «гадалкой».

Одна только Васса не раздѣляла общаго веселья. Въ оскорбленной, недоброй душѣ дѣвочки, глубоко, глубоко затаилась обида. Простая шутка получила въ глазахъ Вассы какую-то непріятную окраску.

— Ужо! отплачу, будете помнить, какъ надо мною издѣвки дѣлать! мысленно грозила она своимъ обидчицамъ. За этой обидой погасло и самое ея чувство къ хорошенькой Ѳсничкѣ, и она возненавидѣла ее почти также, какъ и смуглую цыганку—Паланю, одинъ видъ которой поднималъ теперь въ десяти-лѣтней Вассѣ далеко не дѣтскую глухую злобу и гнѣвъ.



XVII.

ОДНАЖДЫ, за двѣ недѣли до Рождества, когда всѣ три отдѣленія пріюта при свѣтѣ висячихъ лампъ (день выдался особенно тусклый, темный) и подъ неустанное покрикиваніе всѣмъ и всегда недовольной Павлы Артемьевны, прилежно работали, заготовляя рождественскіе подарки для попечителей и начальства, широко распахнулась дверь рабочей комнаты и пріютскій сторожъ торжественно возвѣстилъ во весь голосъ:

— Ея Превосходительство баронесса Софья Петровна пожаловали!..

И всѣ сразу засуетились и заволновались при этой вѣсти... Въ рабочей поднялась неописуемая суета. Дѣвушки и дѣвочки стремительно повскакали со своихъ мѣстъ и спѣшно стали приводить въ порядокъ свои платья и волосы.

— Баронесса пожаловала! Баронесса! перелетало съ одного края комнаты на другой.

Наказанныя,—а таковыхъ набиралось не мало за время рукодѣльныхъ часовъ Павлы Артемьевны,—не рѣшаясь отойти отъ печки, гдѣ стояли «на часахъ», по выраженію воспитанницъ, робко напомнили о себѣ жалобными, полными мольбы голосами:

— Баронесса пріѣхала! Простите ради Бога, Павла Артемьевна!

— Ради, Софьи Петровны только! буркнула имъ въ отвѣтъ Пашка и «часовые» получили желанное прощеніе.

Баронесса Софья Петровна Фуксъ главная попечительница и благодѣтельница N — скаго ремесленнаго пріюта была всегда желанною гостьей въ этихъ скучныхъ казенныхъ стѣнахъ. Желанной и рѣдкой. Баронесса Фуксъ, богатая независимая вдова генерала, большую часть своей жизни проводила заграницей со своей единственной дочерью, маленькой Нанъ, переименованной такъ по желанію матери изъ болѣе обыкновеннаго имени Анастасіи.

И теперь, баронесса Софья Петровна пожаловала сюда послѣ пятимѣсячнаго отсутствія изъ Петербурга Баронессу буквально боготворило все населеніе N—скаго пріюта.

Ея пріѣзды были чудеснымъ праздникомъ въ пріютскихъ стѣнахъ. Не говоря уже о ласковомъ, нѣжномъ обращеніи съ воспитанницами, не говоря о безчисленныхъ коробахъ съ лакомствами, жертвуемыхъ баронессой «своимъ дѣвочкамъ», какъ она называла пріютокъ самая личность Софьи Петровны была окружена какимъ-то исключительнымъ обояніемъ такъ сильно дѣйствующимъ на впечатлительныя натуры дѣтей.

Всеселая жизнерадостная, моложавая, она обладала драгоцѣнною способностью, умѣньемъ покорять людскія сердца вообще, а дѣтскія въ частности.

Баронесса вошла какъ разъ въ ту минуту, когда отрывистымъ, строгимъ шопотомъ Павла Артемьевна приказала лучшимъ рукодѣльницамъ разложить на видномъ мѣстѣ ихъ работы.

Эти лучшія рукодѣльницы были Васса и Дорушка, съ рѣдкимъ для такихъ маленькихъ дѣвочекъ искусствомъ вышившія подушку для дивана: средне-отдѣленки Ѳеничка Клементьева и Катя Шорникова, сдѣлали удивительныя мѣтки на батистовые платки, а старшія заготовлявшія тончайшее бѣлье на продажу, все вышитое гладью съ удивительными строчками и швами, похожими легкостью и воздушностью своей на мечту.

Но лучшей рукодѣльницей во всемъ пріютѣ считалась Паланя, «цыганка»... Передъ нею въ пяльцахъ была

растянута великолѣпно исполненная полоса англійскаго шитья, наложеннаго на клеенку. Хитрый, замѣчательно искусно выполненный рисунокъ бѣлымъ шелкомъ по французскому батисту не могъ не восхищать „понимающую» публику, знатоковъ дѣла. Паланя сама великолѣпно сознавала цѣну подобной работѣ и очень гордилась ею.

— Она съ особенной тщательностью разгладила пальцами прошивку и загорѣвшимися глазами любовалась ею.

— Вотъ ужо посмотритъ Софья Петровна, похвалитъ небось! мелькало въ черноволосой головкѣ «цыганки».

Точно солнце безчисленными своими лучами прорѣзало ненастье Декабрьскаго утра и заиграло въ большой рабочей комнатѣ N—скаго пріюта... Чѣмъ-то свѣжимъ, радостнымъ и счастливымъ пахнуло съ порога.

Въ дверяхъ залы подлѣ близоруко-щурившейся начальницы, стояла стройная тоненькая изящная какъ французская статуэтка, нарядно, почти роскошно одѣтая дама въ синемъ шелковомъ платьѣ и въ огромной шляпѣ со страусовыми перьями на головѣ. Изъ-подъ широкихъ полей шляпы весело улыбалось, сіяя безчисленными ямочками красивое совсѣмъ еще молодое лицо. Огромные бриллианты въ ушахъ, золотые часы на масивной цѣпочкѣ, масса драгоцѣнныхъ браслетъ и колецъ—все это еще болѣе подчеркивало изысканность и роскошь туалета вновь прибывшей. Подлѣ нея находилась другая фигурка, гораздо менѣе изящная, некрасивая и неуклюжая въ одно и тоже время.

Дочь баронессы Нанъ, являлась полной противоположностью ея матери. Худая, тонкая высокая, почти одного роста съ матерью, не смотря на свои одиннадцать лѣтъ, юная баронесса походила на покойнаго своего отца—барона. У нея были такіе-же бѣлобрысые волосы, худое тонкое некрасивое лицо съ длиннымъ птичьимъ носомъ, тонкими губами и умнымъ, черезъ чуръ про-

ницательнымъ для ребенка взглядомъ маленькихъ съ бѣловатыми рѣсницами глазъ.

За Нанъ и ея матерью, казавшеюся скорѣе сестрой своей дочери, тѣснились надзирательницы, нянька Варвара и неожиданно вызванный начальницею по случаю торжественнаго пріѣзда попечительницы Онуфрій Ефимовичъ Богоявленскій.

— Здравствуйте, милушки, здравствуйте, крошки мои! Душечки! Клопики! Пичужечки! Рыбиньки! Здравствуйте, мои пыжички, канареички, пташечки мои холосыя! зазвучалъ переливаясь на десятокъ нѣжнѣйшихъ интонацій и безъ того нѣжный и звонкій, какъ серебрянный колокольчикъ голосъ баронессы. И она протягивала впередъ свои такъ и сверкающія драгоцѣнными каменьями руки.

Здравствуйте, Софья Петровна! хоромъ радостныхъ веселыхъ голосовъ крикнули въ отвѣтъ дѣти.

Баронесса разъ и навсегда приказала называть себя по имени отчеству, безъ всякихъ прибавленій титула и наименованій «благодѣтельницы», такъ распространенныхъ въ пріютѣ.

—Какъ поживаете, рыбки мои? Гдѣ моя Любаша? Ѳеничка гдѣ? быстро обѣгая ряды заалѣвшихся отъ радости воспитанницъ глазами, спрашивала баронесса.

Ея «любимицы» выступили впередъ. Хорошенькая Любочка Орѣшкина по дѣтски бросилась въ раскрытыя объятія Софьи Петровны и прижавшись къ ней стала ласкаться, какъ котенокъ къ нарядной красивой попечительницѣ.

Степеннымъ шагомъ, какъ взрослая, улыбающаяся миловидная Ѳеничка приблизилась къ Софьѣ Петровнѣ и, быстро нагнувшись, прильнула къ ея рукѣ.

Это послужило какъ бы сигналомъ для другихъ.

Вся толпа большихъ и маленькихъ дѣвочекъ ринулась впередъ и окружила баронессу. Та едва успѣла опуститься на первый попавшійся стулъ, какъ все вокругъ нея уже запестрѣло сѣрыми платьями и розовыми

полосатыми передниками. Сидѣли на скамейкахъ около, стояли сзади, спереди, на колѣняхъ, на корточкахъ у ногъ всеобщей любимицы. Нѣсколько бритыхъ шариковъ -головенокъ прильнуло къ колѣнямъ Софьи Петровны. Тонкіе унизанные кольцами пальцы попечительницы, ея выхоленныя, розовыя ладони ласкали эти круглыя головенки, а нѣжный почти дѣтскій голосокъ звенѣлъ на всю рабочую комнату, не переставая:

Ну, птички, ну, рыбки мои! Ну, пичужечки милыя, что подѣлывали безъ меня? Ѳеничка, плутишка моя! Сколько книжекъ проглотила пока я пять мѣсяцевъ за границей была? А ты Любаша, какъ въ рукодѣліяхъ преуспѣваешь? Маруся Крымцева! Кра-са-ви-ца по прежнему? Все цвѣтешь, какъ роза, прелесть моя! А Паланя? Цыганочка черноокая! Все въ рукодѣліи преуспѣваешь? Оня Лихарева, баши-бузукъ ты этакій! Толстѣетъ все, и свѣжѣетъ, шалунишка этакая! А Дорушка, гдѣ наша умница-разумница? Не вижу Дорушки!

Тутъ я, Софья Петровна! И маленькая фигурка стрижки съ трудомъ протискалась впередъ.

А у насъ новенькая, Софья Петровна! «Деревенскую» привезли, Дуней Прохоровой звать! Ма-а-ленькая Съ Августа ужъ! Запищали со всѣхъ сторонъ младшеотдѣленки.

Какъ-же, какъ-же, знаю! Мнѣ Екатерина Ивановна, милая наша, писала о ней. А гдѣ она—новенькая эта? Дуняшей зовутъ, говорите? Гдѣ ты Дуняша?—зазвучалъ еще нѣжнѣе, еще мелодичнѣе голосокъ попечительницы.

Дуня! Дуняша! Дунятка! Прохорова! Къ Софьѣ Петровнѣ ступай! Софья Петровна Дуню Прохорову требуетъ! заливались кругомъ дѣтскіе голоса.

Раздѣлилась толпа воспитанницъ и голубоглазая, бѣлокурая дѣвочка, смущенная и испуганная очутилась передъ лицомъ нарядной барыни въ огромной шляпѣ.

Ахъ, душенокъ какой! Ахъ, ты прелесть моя! Пташечка! Букашечка! Червячокъ ты мой тоненькій!

восторгалась баронесса и душистой рукою потрепала по шечкѣ взволновавшую Дуню.

— Она уже привыкла немного, не такой дичокъ, какъ раньше! А вначалѣ бѣда съ ней была,—докладывала начальница попечительницѣ.—Теперь и басни знаетъ! Елена Дмитріевна, заставьте ихъ прочесть басни въ лицахъ!

Красная и не менѣе дѣтей взволнованная, горбатенькая надзирательница вынырнула изъ-за спинъ взрослыхъ пріютокъ.

— Сейчасъ! Сейчасъ! засуетилась она и, пристально оглядѣвъ свое маленькое стадо, крикнула веселымъ, приподнятымъ голосомъ:

— Дорушка Иванова, Соня Кузьменко и ты, Дуняша. Ну-ка, дѣтки, басню «Ворона и Лисица». Ты Дора, за лисицу, Дуняша за ворону, а Соня самую басню. Начинайте, ребятки, позабавьте Софью Петровну! Она васъ любитъ и лелѣетъ! Отплатите ей посильно, порадуйте ее!

Три маленькія стрижки выстроились чинно въ рядъ. И сложивъ рученки «коробочками» поверхъ пестрыхъ фартуковъ, вцились глазенками въ баронессу.

— Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру начала отчеканивая каждое слово Соня Кузьменко. Плавно безъ малѣйшей запинки потекло содержаніе басни... Заговорила съ неподражаемымъ комизмомъ лисица—Дорушка и это послужило сигналомъ къ смѣху. Что-то забавное было въ манерѣ передавать слова хитрой лисы у Дорушки и нельзя было не хохотать слушая дѣвочку. Когда-же молчавшая до сихъ поръ Дуня, неожиданно взмахнула руками какъ крыльями и «каркнула во все воронье горло», баронесса, начальство и дѣвочки громко расхохотались во весь голосъ. Крѣпко расцѣловавъ исполнительницъ, Софья Петровна и пожелала послушать еще декламацію пріютокъ.

Ея любимица Любочка съ Вассой Сидоровой и съ малюткой Чурковой прочли Лѣсного Царя, причемъ болѣзненная, слабенькая Оля Чуркова для своихъ восьми

лѣтъ прекрасно изобразила волненіе и страхъ больного мальчика, сына путника. Баронесса расцѣловала одобривъ и это тріо. Потомъ благодарила сіяющую тетю Лелю за ея плодотворныя занятія съ малютками.

На смѣну явилось пѣніе. «Фимочка» протискался впередъ, поднялъ неразлучный съ нимъ камертонъ и далъ ноту.

— Былъ у Христа Младенца садъ...—запѣли соединеннымъ хоромъ старшія, среднія и маленькія прелестную наивно-трогательную легенду Чайковскаго.

И много розъ взростилъ Онъ въ немъ...
Онъ трижды въ день ихъ поливалъ,
Чтобъ сплесть вѣнокъ себѣ потомъ.
Когда-же розы расцвѣли,
Дѣтей еврейскихъ созвалъ Онъ,
Они сорвали по цвѣтку
И садъ былъ весь опустошенъ.

Красиво, звучно и мелодично звучали низкіе грудные голоса старшихъ, высоко звенѣли еще не установившіеся среднихъ иколокольчиками заливались малыши.

Если кому-нибудь приходилось сфальшивить Фимочка бросалъ искрометный взоръ на преступницу и шипѣлъ какъ змѣй, дирижируя камертономъ.

Кончили тихимъ, обворожительнымъ піано, исполненнымъ благоговѣнія.

— Какъ ты сплетешь себѣ вѣнокъ?
Въ твоемъ саду нѣтъ больше розъ!
— Вы позабыли, что шипы
Остались мнѣ, сказалъ Христосъ.
И изъ шиповъ они сплели
Вѣнокъ колючій для Него
И капли крови вмѣсто розъ
Чело украсили Его

Совсѣмъ, совсѣмъ чуть слышно растаяла мелодія
И воцарилась минутная тишина

— Но они поютъ, какъ ангелы! Маленькія волшебницы! Что онѣ сдѣлали со мною! Я плачу, плачу! —восторженнымъ замирающимъ голосомъ говорила баронесса и прикладывала батистовый платокъ къ своимъ влажнымъ глазамъ.

На некрасивомъ умномъ личикѣ Нанъ, тоже примѣчалось волненіе... Бѣлыя брови сдвинулись, длинные большіе зубы прикусили нижнюю губу. Она смотрѣла въ окно и казалось была далека отъ окружающей ее обстановки.

— Ангелы! Ангелы!—шепнула Софья Петровна.—И подумать только, что многія изъ нихъ принуждены будутъ принять мѣста домашней прислуги, жить въ грязи, исполнять черную работу. О —совсѣмъ тихо заключила она

— Ваше превосходительство, — польщенный похвалою попечительницы, высунулся впередъ Фимочка — новую Херувимскую не желаете-ли прослушать?

— О, пойте! Пойте! — восторженно произнесла баронесса.—Я, какъ на небесахъ!

Фимочка задалъ тонъ, ударивъ камертономъ о лѣвую руку и хоръ запѣлъ Херувимскую... За Херувимской прослѣдовалъ еще цѣлый рядъ другихъ пѣсенъ, духовныхъ и свѣтскихъ и все закончилось «славой» посвященной желанной, дорогой гостьѣ

Баронесса улыбалась, счастливая, удовлетворенная... У Нанъ по прежнему были сдвинуты брови. Начальница щурилась добрыми близорукими глазами и въ тактъ пѣнію все время отбивала ногой.

Пылающія румянцемъ волненія за своихъ питомицъ воспитательницы сіяли и улыбались, улыбались и сіяли безъ конца.

Послѣ пѣнія Павла Артемьевна выступила впередъ.

— Софья Петровна, не откажите взглянуть на работы воспитанницъ.

Розовыя щеки удивительно маложавой попечительницы порозовѣли еще больше. Она до безумія любила всю эту смѣсь тончайшаго батиста и прошивокъ, рисунки гладью, тонкія строчки на нѣжномъ какъ паутинка бѣльѣ . Быстро приложивъ къ глазамъ черепаховую лорнетку, она устремилась къ рабочимъ столамъ, увлекая за собою Нанъ.

Вотъ передъ нею работы малышей стрижекъ. Ко

сыночки, фартуки, юбочки, сшитыя еще неискусными дѣтскими рученками, все это малозанятныя для блестящей свѣтской барыни вещицы... Дальше! Дальше...

Но что это? Глаза баронессы широко раскрылись отъ удовольствія... Предъ нею чудесная атласная подушка съ вышитой на ней по зеленому фону изображающему воду, бѣлой водяной лиліей. Подборъ красокъ и тѣней шелка изумителенъ. Лилія какъ живая.

— Какая прелесть! Неужели это сдѣлали мои крошки!—и Софья Петровна окинула недовѣрчивымъ взглядомъ тѣснившихся къ ней стрижекъ.

— Но кто-же? Кто-же? — допытывалась она. Пунцовая отъ счастья, выступила впередъ костлявая Васса.

— Лилію я вышивала Софья Петровна, а воду Дорушка.

— Рыбки мои! Однимъ широкимъ движеніемъ баронесса обвила головки Вассы и выглянувшей слѣдомъ за нею Дорушки и обѣихъ прижала къ груди...

— Пташеньки! Пичуженьки! Рыбки мои золотыя!— приговаривала она, лаская дѣвочекъ.—Такія крошки и такъ могли, такъ съумѣли исполнить работу, дивно, безподобно, прелестно!

И она гладила безъ конца двѣ черненькія головки, прильнувшія къ ея душистому платью и цѣловала то одинъ, то другой, эти гладенькіе живые шары.

Дорушка довольно спокойно принимала эти ласки, въ то время какъ Васса вся таяла отъ чувства удовлетвореннаго тщеславія.—Моя работа лучше всѣхъ! Я мотложе всѣхъ другихъ хорошихъ работницъ! Пѣло и ликовало въ глубинѣ души Вассы и она готова была вмѣстѣ съ душистыми ручками баронессы расцѣловать и свою прелестную лилію.

И вдругъ...

Что это?

Передъ баронессой стоитъ смуглая Паланя и двумя пальцами какъ самую хрупкую вещь держитъ свою драгоцѣнную вышивку, вынутую изъ пялецъ.

Лорнетъ снова у глазъ Софьи Петровны. Она съ удвоеннымъ вниманіемъ впивается въ работу. Какъ тонкій знатокъ, баронесса можетъ понять и оцѣнить всю искусную сложность и умопомрачительную трудность такой работы.

— Паланя! Душка моя! Да неужели это ты сама?— допытывается у дѣвочки Софья Петровна.

— Сама!—съ тихой гордостью проронила цыганка.

— Но вѣдь этому цѣны нѣтъ! Вѣдь это такая роскошь! Вѣдь это лучшее, что я видѣла до сихъ поръ въ этой комнатѣ. Паланя, птичка моя, ты волшебница! Ничего подобнаго не ожидала!—восторгалась Софья Петровна и, совершенно забывъ про Дору и Вассу, обняла и расцѣловала нѣсколько разъ подъ-рядъ смуглую Паланю. Потомъ, она вынула изъ кожанной изящной сумочки, миніатюрное портмонэ, достала изъ него новенькій золотой пятирублевикъ и вложила его въ смуглую ладонь Палани.—Вотъ тебѣ за твою работу умница. Въ четырнадцать лѣтъ съ небольшимъ быть такой мастерицей,— да это чудо, настоящее чудо, милка моя! Господь съ тобою,—совсѣмъ растроганнымъ голосомъ проговорила она.

— Ну, а теперь дѣти мои, въ столовую, ваша Софья Петровна хочетъ знать чѣмъ васъ кормятъ,—веселымъ тономъ обращаясь уже ко всѣмъ пріюткамъ, крикнула баронесса.

— Ну, дѣтки кто скорѣе добѣжитъ туда! А?—добавила она шаловливо, — и подобравъ юбки, шурша шелками и перебирая изящными ножками въ лакированныхъ туфляхъ и ажурныхъ чулкахъ, Софья Петровна съ легкостью молоденькой дѣвушки, кинулась изъ рабочей.

Огромная толпа большихъ и маленькихъ дѣвочекъ со смѣхомъ и взвизгиваніемъ бросилась за нею. Начальство поспѣшило тоже въ столовую. За нею надзирательницы, няньки. Комната опустѣла.

Одна только небольшая фигурка незамѣтно шмыгнувъ за столы, осталась въ рабочей.

Блѣдная, какъ смерть Васса Сидорова смотрѣла вслѣдъ уходившимъ.

Крѣпко стиснувъ зубы, нахмуривъ брови и блестя загорѣвшимися глазами, дѣвочка съ ненавистью перевела глаза на небрежно брошенную вышивку Палани, и самый образъ Палани, насмѣшливый и торжествующій, какъ живой всталъ въ ея воображеніи. Съ того самаго вечера когда лукавая шалунья «цыганка», такъ ловко провела Вассу и высмѣяла ее передъ всѣмъ отдѣленіемъ, уязвленная въ своемъ самолюбіи, Васса не имѣла покоя... Она возненавидѣла «цыганку» за продѣланную съ нею, Вассой, тамъ въ средне-отдѣленскомъ дортуарѣ шутку. Но до сихъ поръ эту ненависть десятилѣтняя дѣвочка умѣла затаить въ себѣ. Сегодня-же новый приливъ злобы противъ ненавистной Пашки, сжегъ до тла завистливую и ожесточенную душу Вассы.

И золотой подаренный баронессою ея счастливой соперницѣ и ласки, щедро расточаемыя мастерицѣ Паланѣ попечительницей и всеобщій восторгъ, вызванный дѣйствительно искусной работой «цыганки», все это озлобляло Вассу, населяло ея сердце непримиримой завистью и враждой. А тутъ еще, какъ на зло бѣлоснѣжная полоска хитро вышитая гладью англійскаго вышиванья, Паланина работа дразнила ея взоръ...

Какой-то глухой внутренній голосъ нашептывалъ въ оба уха дѣвочкѣ...

— Если-бы не она, не эта Паланька большеглазая, ты-бы, не смотря на малые годы, стала-бы первою въ рукодѣльной!

И умолкая на мгновенье, голосъ зашепталъ снова:

— Сейчасъ это еще можно исправить. Уничтожь, брось, спрячь куда-нибудь Паланину «полоску» и твоя подушка будетъ на первомъ мѣстѣ.

Васса вздрогнула съ головы до ногъ отъ одной этой мысли... Поблѣднѣла еще больше, потомъ снова вся залилась яркимъ, багровымъ румянцемъ Сердце ея забилось, какъ пойманная пташка въ клѣткѣ... Глаза вспыхнули, ярче, острѣе...

Капельки пота выступили на лбу. Она колебалась минуту, другую... И вдругъ, неожиданно для самой себя схватила со стола вышивку Палани, вмѣстѣ съ нею метнулась къ топившейся печи, въ дальній уголъ комнаты. Открыть дверцу и бросить въ огонь ненавистную работу своего врага было для Вассы дѣломъ одной минуты.

Когда злополучная вышивка Палани вспыхнула и занялась съ обоихъ концовъ, на худомъ птичьемъ личикѣ Вассы мелькнуло злорадно-удовлетворенное выраженіе. Черные глаза дѣвочки заискрились злымъ огонькомъ

— Вотъ и ладно... Вотъ и у праздника! Ну-ка, гадалка Паланя! Небось, не нагадала для своей работы судьбы!—и быстро захлопнувъ печную заслонку, Васса безшумно на цыпочкахъ выскочила въ корридоръ.

XVIII.

Въ столовую Васса попала, какъ разъ во время, когда воспитанницы садились за столъ.

Тетя Леля встрѣтила ее у двери.

— Гдѣ ты была, Васюта? — обратилась она къ дѣвочкѣ, глядя на нее своими добрыми лучистыми глазами. На мгновенье духъ захватило въ груди Вассы.

— Подъ краномъ руки мыла, чернила съ пальцевъ оттирала!—храбро солгала она и, не выдержавъ, взгляда лучистыхъ глазъ горбуньи, багрово покраснѣла. Горбатенькая надзирательница внимательно и зорко взглянула на воспитанницу, однако, не сказала ни слова. Васса поспѣшила къ своему мѣсту. Она издали еще замѣтила, что

попечительница сидитъ за однимъ изъ столовъ старшеотдѣленокъ, а худая бѣлобрысая чопорная Нанъ у нихъ младшихъ.

Васса подоспѣла, въ то время когда дежурная воспитанница разносила жидкій перловый супъ съ кусочками плавающаго въ немъ мяса.

— Неужели вы будете ѣсть эту бурду, мои пташечки? прозвучалъ въ эту минуту по всей столовой звонкій голосокъ баронессы.

— Что дѣлать, Софья Петровна, на лучшую пищу нѣтъ средствъ у пріюта! отвѣчала спокойнымъ и кроткимъ голосомъ Екатерина Ивановна и ея близорукіе глаза сощурились еще больше, а по лицу разлился чуть примѣтный румянецъ.

— Но это ужасно! волнуясь подхватила Софья Петровна.

— Ничего-съ, помилуйте, ваше превосходительство,—произнесъ невѣсть откуда вынырнувшій, Павелъ Семеновичъ Жилинскій и его шарообразная фигурка скорчилась въ трипогибели въ самомъ подобострастномъ поклонѣ,—помилуйте, не барышень-же мы ростимъ здѣсь, а будущую прислугу, и бѣдныхъ ремесленницъ... — продолжалъ онъ, нервно потирая руки.

— Но это ужасъ то, что вы говорите, monsieur, monsieur... волновалась баронесса.

— Жилинскій! предупредительно подхватилъ толстенькій экономъ.

— Monsieur Жилинскій, это невозможно! Тѣмъ болѣе невозможно, что этимъ бѣднымъ крошкамъ предстоитъ нелегкая будущность труда и, можетъ быть, лишеній... Надо, чтобы онѣ были сыты хоть въ дѣтствѣ, чтобы въ болѣе зрѣломъ возрастѣ...

— У насъ нѣтъ средствъ! послышался короткій отвѣтъ Наруковой и глубокій вздохъ полный затаенной печали всколыхнулъ грудь этой старой женщины.

— А на второе что дадутъ дѣтямъ?—спросила баронесса, хмуря свои тонкія брови.

— Кашу съ масломъ.

— Но она по крайней-мѣрѣ питательна и здорова! успокоившись немного, проронила Софья Петровна.

— Если не съ прогорклымъ масломъ, какъ давали осенью, -прозвучалъ рѣзко чей-то молодой демонстративный голосокъ.

Мгновенная тишина воцарилась за столомъ попечительницы. Багрово покраснѣла начальница. Блѣднѣе своей бѣлой манишки сталъ экономъ.

— Кто сказалъ это?—прозвучалъ затѣмъ спокойно и громко голосъ Екатерины Ивановны.

— Я! И высокая фигура Тани Шингаревой поднялась со скамьи.

— Танечка Шингарева—извѣстная бунтовщица! промямлилъ Жилинскій, нервно подергивая кончики усовъ.

Блѣдная не менѣе его самаго старшеотдѣленка Таня взглянула пристально и серьезно въ самые глаза баронессы.

— Это правда,—проговорила она, всѣ же помнятъ, что и осенью два раза и зимою, еще недавно, въ началѣ Декабря, было худое масло въ кашѣ и мы жаловались Екатеринѣ Ивановнѣ... Она намъ изъ своихъ денегъ колбасы покупала. А я не бунтовщица, а люблю правду Софья Петровна, повѣрьте мнѣ... Вонъ и Антонина Николаевна и тетя Леля не разъ заступались...,—и взволнованная Таня махнула рукой и опустившись на свое мѣсто, неожиданно, громко заплакала.

— Нервы-съ! Какъ у барышни, подумайте-съ! чуть слышно прошипѣлъ Жилинскій.

— Павелъ Семеновичъ, а вѣдь это правда... То есть правду Татьяна сказала, вмѣшалась Екатерина Ивановна и ея обычно прищуренные, плохо видящіе глаза, теперь раскрылись, широко, какъ у ребенка,—масло было дурное... Ну, да дѣло прошлое былаго не исправишь никакъ!

Вотъ мы съ Софьей Петровной попросимъ васъ поставщика смѣнить; можетъ быть другой молочный торговецъ будетъ лучше и станетъ поставлять продукты

*

свѣжѣе, и кивнувъ головой растерявшемуся Жилинскому, начальница заговорила съ попечительницей, присаживаясь тутъ же за столъ рядомъ со старшими пріютскими на ихъ скамейкѣ.

Получивъ должную мзду по заслугамъ шарообразный экономъ куда-то исчезъ, словно сквозь землю провалился.

— Ужасно, ужасно, все это! Бѣдныя дѣти! Милыя мои рыбки! Кто могъ знать, что онѣ голодали за время моего отсутствія. Ахъ, Боже мой! Боже мой! Искренне сокрушалась Софья Петровна.

Въ тоже самое время за столомъ младше-отдѣленокъ шла непрерывная бесѣда другого характера.

Бѣлобрысая Нанъ возсѣдая на почетномъ мѣстѣ, уступленномъ ей тетей Лелей, говорила:

— Мы давно не видѣлись. Ты, Дорушка, подросла, Соня Кузьменко тоже,.. И Васса... А вотъ новенькая у васъ-крошка! Новенькая, тебѣ не скучно больше въ пріютѣ? Домой не хочешь?

Маленькіе сѣрые глаза Нанъ обратились къ Дунѣ. Та, какъ разъ въ эту минуту вылавливала кусочки мяса изъ супа и укладывала ихъ въ бумажку.

Зоркимъ взглядомъ Нанъ замѣтила чѣмъ занималась новенькая и глазки ея зажглись любопытствомъ.

— Что это? Для кого это? Зачѣмъ ты прячешь мясо въ карманъ?

Ахъ, какъ растерялась Дуня! Она стала вся красная, какъ кумачъ и голубые глазенки ея испуганно замигали.

Растерянно молча смотрѣла она на бѣлобрысую «барышню», не смѣя произнести ни слова.

— Что же ты, молчишь? Ты—нѣмая? Дорушка, скажи мнѣ, она не нѣмая, нѣтъ?

Дорушка тихо подтолкнула подъ локоть свою подружку.

Пріютки. (Стр. 96).

— Что-жъ ты, Дунюшка, отвѣчай. Нанъ — добрая барышня, она не обидитъ.

Но Дуня не знала, что отвѣтить. Сказать, что мясо пряталось для Хвостика и Мурки было нельзя. Развѣ можно выдать «секретъ» отдѣленія? Развѣ эта бѣлобрысенькая Нанъ не скажетъ о немъ баронессѣ-матери, а та въ свою очередь Екатеринѣ Ивановнѣ и Хвостикъ съ Муркой будутъ изгнаны изъ пріютскаго сада...

Но тутъ Дорушка снова подтолкнула Дуню.

— Ничего, Дуняша, я скажу сама. Нанъ можно сказать, она не выдастъ. Нанъ, ты никому не скажешь?— перекрестись!—живо обернулась она къ маленькой аристократкѣ.

Бѣлобрысая Нанъ съ самымъ серьезнымъ видомъ перекрестилась, глядя на образъ.

— Ну, вотъ. Странно, что вы мнѣ не вѣрите. Развѣ я когда-нибудь выдавала васъ?

Дѣйствительно, бѣлобрысая Нанъ не выдавала сверстницъ своихъ—пріютокъ.

Она часто во время прошлой зимы навѣщала воспитанницъ и, привезенная сюда съ утра въ эти коричневыя стѣны, оставалась здѣсь до самаго вечера, присутствуя на урокахъ пріютокъ, играя съ ними до ужина въ большой залѣ. Передъ ужиномъ за нею присылалась худая, прямая какъ палка англичанка миссъ Топъ и Нанъ уѣзжала, обѣщая пріѣхать черезъ недѣлю.

Дорушку, Вассу, Любочку и прочихъ пріютокъ она знала по прошлымъ двумъ годамъ, а съ Дуней, поступившей за ея отсутствіе, еще не успѣла познакомиться. Но Дуня сразу понравилась своей кротостью, покорной и холодной по внѣшности Нанъ. Дуня же со страхомъ и смущеніемъ поглядывала на «барышню», обладавшую такими сдержанными манерами, каждое движеніе у которой было разсчитано, точно у взрослой.

Тутъ Любочка Орѣшкина наклонилась къ плечу Нанъ и стала ей оживленно шептать что-то. Любочка лучше другихъ знала маленькую баронессу, такъ какъ

ее, Оеню Клементьеву и еще кой-кого изъ «любимицъ» Софья Петровна часто брала на воскресенья и праздники къ себѣ для развлеченья Нанъ, казавшейся слишкомъ старообразной и не дѣтски серьезной безъ подходящаго общества, для своихъ лѣтъ. Эти побывки считались огромнымъ праздникомъ для дѣтей пріюта. Избранницамъ завидовали всѣ, такъ какъ мечтою каждой дѣвочки, не только стрижки, но и «старшей», было провести хоть часикъ въ роскошной квартирѣ баронессы, гдѣ было столько сказочно-прекрасныхъ вещей, гдѣ цѣлый день звучалъ рояль и подавались на обѣдъ такія царски-изысканныя блюда!

Хорошенькое личико Любочки почти вплотную приникло къ некрасивому большому уху маленькой баронессы. Слышны были только изрѣдка срывающіяся, слишкомъ звонко сказанныя отвѣтныя слова...

— Мурка... Хвостикъ... въ саду... Носили кушать ежедневно... Живутъ въ огромномъ ящикѣ... Мы придвинули къ забору, чтобы не ушли... Въ ящикѣ отверстіе есть, чтобъ не задохлись... Огромадный онъ, тотъ ящикъ... Имъ не скучно... Мы на два часа ихъ выпускаемъ... гулять... Хочешь покажемъ? Оставайся, до вечера!

Любочка хотѣла еще прибавить что-то, но тутъ пріютскій сторожъ внесъ огромную корзину съ лакомствами, купленными баронессою для «ея рыбокъ и пташечекъ». И дѣтскія головки закружились отъ предстоящей радости «пиршества».

Послѣ обѣда надзирательницы разобрали гостинцы и поочереди вызывали пріютокъ къ столу съ разложенными на немъ ровными горками леденцовъ, пряниковъ и мармеладокъ, и одѣляли ими всѣхъ поровну.

Нанъ, въ это время, стоя подлѣ стула Софьи Петровны, просила мать:

— Maman, будьте такъ добры, оставьте меня здѣсь до вечера. Миссъ Топъ пріѣдетъ за мною... Можно, да?

Софья Петровна мелькомъ оглянула всю нескладную

фигуру дочери... И опять какъ и въ милліонный разъ со дня рожденія дочери, подумала бѣгло:

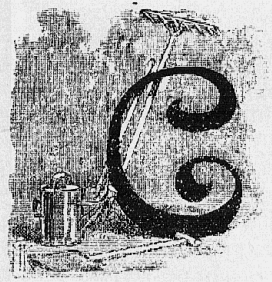
— Бѣдная Нанъ! Какъ она некрасива! Немного радостей дастъ жизнь этой дѣвочкѣ. И потомъ, этотъ характеръ! Ни приласкаться, ни поговорить не можетъ! Холодная, черствая, замкнутая натура! Странно, что у меня, такой жизнерадостной и откровенно-ласковой со всѣми, такая дочь?

Но она принудила себя улыбнуться дѣвочкѣ и потрепала ее по блѣдной, анемичной щечкѣ.

Та неловко чмокнула на-лету душистую ручку матери и ровнымъ, неторопливымъ шагомъ отошла къ стрижкамъ, сіявшимъ отъ щедрыхъ приношеній попечительницы.

Софья Петровна уѣхала тотчасъ-же послѣ раздачи лакомствъ, наскоро перецѣловавъ тѣснившихся къ ней ближайшихъ дѣвочекъ, указавъ Екатеринѣ Ивановнѣ, кого къ ней прислать въ ближайшее воскресенье и пообѣщавъ начальницѣ изыскать новыя средства для улучшенія стола пріютокъ.

Маленькая Нанъ осталась среди дѣтей.



XIX.

— Скорѣе! Скорѣе въ садъ! На прогулку, дѣвицы! — послышался послѣобѣденный призывъ и обычная суматоха поднялась снова въ коричневыхъ стѣнахъ пріюта.

Вслѣдъ за тѣмъ дѣвушки и дѣти высыпали шумной гурьбою въ побѣлѣвшій отъ инея красиво разубранный морозомъ обширный пріютскій садъ. Среди безо-

бразныхъ бурыхъ салоповъ и теплыхъ пріютскихъ капоровъ выдѣлялась рѣзкимъ пятномъ, франтоватая котиковая шубка Нанъ, ея щегольской беретъ и огромная, чуть-ли не съ ростъ дѣвочки, пушистая муфта.

— Въ задній уголъ, направо Нанъ, знаешь, тамъ гдѣ кусты лиловой сирени цвѣли прошлой весной.

Дорушка шепчетъ эти слова чуть слышно, не разжимая губъ и быстро, быстро впереди Любочки, Вассы, Они Лихаревой и Дуни спѣшитъ на заднюю дорожку. За нею сверкаетъ своимъ шелковистымъ отливомъ щегольская шубка Нанъ.

Сегодня, какъ нарочно, дежурная по «саду», то-есть по ежедневной прогулкѣ пріютокъ, «Пашка»... Тетя Леля сводитъ обычные въ концѣ недѣли (нынче суббота) счеты съ начальницей, Антонина Николавна помогаетъ старшеотдѣленкамъ сдавать бѣлье кастеляншѣ. «Пашка» же своимъ ястребинымъ взглядомъ видитъ ни только то, что происходитъ въ саду, но и «на томъ свѣтѣ», по мѣткому выраженію, кого-то изъ старшеотдѣленокъ.

— Дѣти! На заднюю дорожку не смѣть ходить. Тамъ намело снѣгу, ноги промочите,—слышенъ далеко по всему саду знакомый рѣзкій энергичный голосъ рукодѣльной начальницы.

— Какъ-бы не такъ!—замирая отъ предстоящей опасности и соединеннаго съ ней понятнаго, развѣ однимъ только дѣтямъ восторга, смѣется Оня Лихарева,—какъ-бы не такъ! Держи карманъ ширше! Такъ и послушались. По твоему Муркѣ съ Хвостикомъ поститься изъ за того, что снѣгъ всликъ на задней дорожкѣ! Небось!

Оня Лихарева дѣлаетъ рукою довольно-таки недвусмысленный знакъ, что-то въ родѣ длиннаго носа, по направленію исчезающей вдали фигуры Пашки, повернувшейся къ ней спиною и мчится въ запрещенное мѣсто.

За нею мчится Васса... За ними остальныя, увлекая за собою и Нанъ.

На душѣ Вассы камнемъ лежитъ мертвящая тяжесть... Происшествіе въ «рабочей» нѣтъ нѣтъ да и даетъ себя

знать. Ни то толчкомъ въ сердце, ни то палящей вереницей мыслей, ежеминутно напоминаетъ оно о себѣ. За обѣдомъ едва, едва принудила себя Васса проглотить нѣсколько глотковъ супа...

Все ей мерещится, что всѣ окружающіе поняли откуда она пришла и какой проступокъ совершила тамъ, въ пустой рабочей комнатѣ у горящей печи.

Не разъ встрѣчая на себѣ за столомъ во время обѣда, большіе, прекрасные, черные глаза тети Лели, Васса замирала отъ ужаса и холодѣла отъ мысли о томъ, что ея тайна можетъ быть открыта.

Но сильнѣе всего донекало опасеніе, какъ-бы убирая послѣ обѣда работы, дежурная воспитанница не хватилась вышивки Палани и донесла о ея пропажѣ!

Сердце Вассы то билось тяжелымъ молотомъ въ груди, то трепетало какъ крылья раненной птички... О, эти ужасны я минуты!

Чтобы заглушить, какъ-нибудь, все громче и громче поднимавшійся со дна души голосъ совѣсти, Васса старалась быть какъ можно веселѣе и развязнѣй. Первая, ныряя зайцемъ въ снѣгу, она добѣжала до завѣтнаго уголка сада и кинулась къ ящику.

— Васса, погоди! Погоди, Васса! Павла Артемьевна свернула на ближнюю дорожку, — шептало усиленнымъ шопотомъ нѣсколько заглушенныхъ голосовъ ей въ спину.

Но, было уже поздно... Подбѣжавшая первою къ ящику, Васса живо отбросила тяжелую махину.

— Вотъ они, Нанъ, смотри!—крикнула она преувеличенно весело и задорно.

Фыркая и отряхиваясь выскочили изъ ихъ временной тюрьмы Мурка и Хвостикъ, одинъ черненькій точно вымазанный дегтемъ съ блестящею, гладкою шерстью, сверкающею своимъ глянцемъ. Другой сѣрый, пушистый, съ прелестной розовой мордочкой; оба граціозные, какъ игрушки, прелестныя существа. Травинки сѣна, предохранявшаго ихъ отъ стужи, обильно снабжающаго ящикъ, запутались кое-гдѣ въ ихъ нѣжной шерсти. Ко-

тята выросли за три мѣсяца и стали почти взрослыми молоденькими котами.

— Какія душки! — прошептала съ благоговѣніемъ Любочка, въ то время какъ Дуня и Оня Лихарева, усѣвшись на корточки подлѣ ящика, кормили жадно накинувшихся на ѣду затворниковъ.

Нанъ, сдержанно ласкала котиковъ своей тонкой дѣтской рукой.

— Какіе они холодные! Бѣдные котятки! Какъ они должны зябнуть здѣсь! Вѣдь осень пришла! Почти зима. Сегодня такъ холодно на дворѣ!—говорила она своимъ обычно спокойнымъ, безъ тѣни волненія или чувства голосомъ, въ то время какъ въ маленькихъ глазкахъ подъ совсѣмъ почти бѣлыми рѣсницами зажигались и гасли какіе-то теплые огоньки.

— Пашка!—вдругъ неожиданно пронесся по задней дорожкѣ сада изступленный, полный ужаса шопотъ.

— Пашка идетъ! Сажайте котятъ! Задвигайте ящикъ!

Что-то неописуемое произошло въ ту-же минуту... Оня и Васса, схвативъ за шиворотъ Мурку съ Хвостикомъ и стали вталкивать ихъ въ отверстіе ящика, огромнаго, какъ собачья будка.

Но возмущенные такимъ неожиданнымъ насиліемъ коташки, привыкшіе пользоваться въ эти короткіе два часа полной свободой и прогулкой подъ наблюденіемъ своихъ юныхъ воспитательницъ, всячески воспротивились подобному произволу. Они фыркали, выгибали спину и урчали самымъ энергичнымъ образомъ.

Наконецъ черненькій Хвостикъ изогнулся дугою, выпрыгнулъ изъ рукъ державшей его Они Лихаревой и метнулся въ уголъ. Черезъ минуту граціозное животное уже карабкалось по стволу большой сучковатой липы... Оттуда перепрыгнуло на запушенную снѣгомъ вѣтку и обдавъ недоумѣвавшихъ испуганныхъ и смущенныхъ дѣвочекъ цѣлой тучей снѣжной пудры, очутилось на заборѣ, отдѣляющемъ отъ улицы пріютскій садъ.

— Ай!—вырвалось горестно изъ груди дѣвочекъ,— убѣжалъ! Хвостикъ убѣжалъ! Держите его, держите! Маленькая Чуркова метнулась впередъ, съ мольбой, простирая руки.

Хвостикъ былъ любимцемъ дѣвочки.—Оля считалась Хвостиковой мамой... Слезы градомъ посыпались изъ ея глазъ... Простирая покраснѣвшіе отъ холода пальчики по направленію къ забору, Оля опустилась на колѣни прямо на низенькій сугробъ наметеннаго снѣга и залепетала:

— Хвостинька, любименькій... хорошенькій, пригоженькій, вернись! Вернись Хвостинька, я тебѣ мясца дамъ и сахарцу! Душенька! Милушка! Послушай меня, вернись!

Оля стояла на колѣняхъ въ молитвенной позѣ. Остальныя шесть дѣвочекъ съ широко раскрытыми ртами слѣдили за Хвостикомъ. А виновникъ переполоха, какъ ни въ чемъ не бывало, приважно возсѣдалъ на заборѣ тщательно умываясь и охорашиваясь при помощи своего розоваго язычка и сладко мурлыкалъ:

— Что это, дѣти? Кошка! Откуда взялась кошка, отвѣчайте, откуда она у васъ?

Громъ небесный не могъ бы оглушить болѣе нежели эта произнесенная суровымъ голосомъ, не вѣсть откуда появившейся Павлы Артемьевны фраза и сама надзирательница въ своей суконной съ мѣховой опушкой шубкѣ и въ круглой мужской шапочкѣ, выросла передъ дѣвочками, точно изъ подъ земли.

Испуганныя на смерть стрижки не знали, что отвѣчать.

— Оля Чуркова!—загремѣла «Пашка» и глаза ея засверкали, обдавая маленькую Олю цѣлымъ фонтаномъ негодованія и гнѣва,—что съ тобою? Ты кажется молишься на кошку? Встать! Сейчасъ встать, скверная дѣвченка! Какъ ты смѣешь сидѣть на снѣгу. Въ лазаретъ захотѣла, что-ли?

Уничтоженная Оля сконфуженно поднялась съ колѣнъ.

Кстати сказать, оставаться въ прежнемъ положеніи уже не являлось никакой необходимости, такъ какъ коварный Хвостикъ, какъ разъ въ эту минуту, снова выгнулъ спину, махнулъ пушистымъ хвостомъ, пріятно мяукнулъ и... скрылся за заборомъ.

— А... Еще кошка! — внезапно примѣтивъ на рукахъ Вассы Сидоровой черненькаго Мурку, вскричала уже внѣ себя отъ гнѣва надзирательница.—И, какъ вы смѣете бѣгать сюда!.. Вѣдь я запретила. Всѣ будутъ наказаны... Всѣ... А кошку подай сейчасъ, Сидорова, я ее вышвырну за калитку! Сію-же минуту! Ну?

Дрожащими руками Басса подняла Мурку, но вмѣсто того, чтобы вручить своего любимца Павлѣ Артемьевнѣ слегка подбросила его и кинула на сугробъ.

Получивъ свободу, котикъ, счастливый и рѣзвый, бойко, какъ заяцъ запрыгалъ по снѣгу, поминутно отряхаясь и фыркая отъ удовольствія.

По сердитому лицу надзирательницы медленно поползъ багровый румянецъ.

— Ага... такъ то... не слушаться! Ну, хорошо-же! Хорошо!

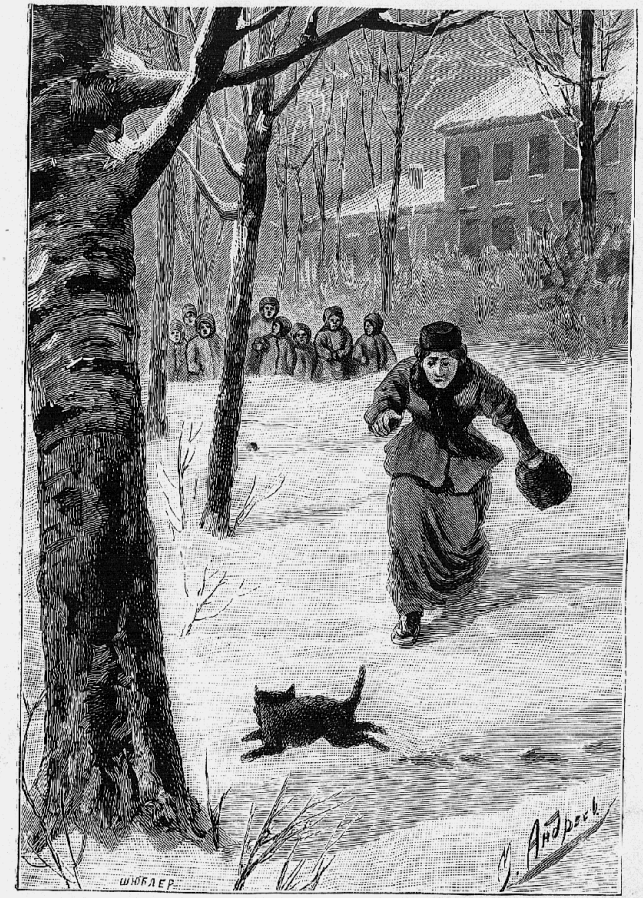
Не помня себя она ринулась за котенкомъ...

— Я проучу васъ... Я проучу... Будете знать, какъ слушаться. . А кошку вонъ, вонъ отсюда, чтобы духу ея здѣсь не было! кричала волнуясь и задыхаясь «Пашка», прыгая, не хуже самого Мурки по сугробамъ.

Ярко-красная, со сдвинутыми бровями и свирѣпымъ лицомъ она носилась размахивая муфтой по снѣжной полянѣ.

Стрижки съ испуганными взволнованными личиками слѣдили за «охотой...» Подоспѣвшія среднія и старшія тихо между собой хихикали, переговариваясь шопотомъ.

— Поймаетъ...
— Нѣтъ. Куда ужъ! У кошки четыре лапы.
— Что-жъ и Пашка на четверинки встанетъ.
— Куда ни шло вѣдь она волчица!
— Змѣя она!



Пріютки. (Стр. 108).

— Дѣвоньки, кто побиться объ закладъ хочетъ, я за кошку. Кошка убѣжитъ отъ Пашки?—Булку мою утреннюю ставлю! а?

— А я на четыре перышка пари держу, догонитъ Пашка!

— Глядите! Глядите, дѣвицы!

Котикъ все дальше и дальше убѣгалъ по полянѣ... Теперь, выбившаяся изъ силъ надзирательница едва поспѣвала за нимъ... Вотъ она повернула влѣво, гонясь за Муркой... Вотъ, подняла огромный сукъ, лежавшій на снѣгу и замахнулась на кошку.

— Не смѣйте бить! Не смѣйте! — вдругъ неожиданно раздался громкій голосъ и черная щегольская шубка Нанъ замелькала слѣдомъ за Павлой Артемьевной.

Это было такъ неожиданно, что надзирательница остановилась, какъ вкопанная по щиколотку въ снѣгу.

— Кисъ! Кисъ! Кисъ!—тихо поманила Нанъ Мурку и протянула къ котику руку, обтянутую щегольской перчаткой.

То, что случилось вслѣдъ за этимъ, произошло такъ быстро, что никто не успѣлъ опомниться.

Нанъ быстро и легко настигла Мурку, довѣрчиво поджидавшаго ея приближенія, подняла его на руки и сунула въ свою огромную муфту.

— Не безпокойтесь о немъ. Я его беру себѣ... Буду холить и баловать его... Увезу къ себѣ домой сейчасъ же... говорила она пріюткамъ. А вы, m-elle, обратилась она къ Павлѣ Артемьевнѣ остолбенѣвшей отъ неожиданности,—распорядитесь отправить меня домой съ кѣмъ-нибудь, я раздумала оставаться здѣсь до вечера—и кивнувъ головкой всѣмъ тѣснившимся въ сторонѣ и пораженнымъ изумленьемъ пріюткамъ, удалилась своей спокойной походкой взрослой маленькой дѣвушки, унося высовывающаго изъ муфты, мордочку, Мурку съ собою.

— Невоспитанная, взбалмошная дѣвченка!—зашипѣла ей въ слѣдъ надзирательница,—бѣдная баронесса—мать! Хорошенькій характеръ у ея доченьки! А вы, всѣ, бу-

дете строго наказаны, внезапно разразилась она по адресу жавшихся другъ къ другу младшеотдѣленокъ, — всѣ за ужиномъ стоять будете за непослушаніе и возню съ кошками, а теперь маршъ домой!

И едва переводя духъ отъ усталости, она зашагала по направленію крыльца. Смущенныя дѣвочки поплелись за нею.

XX.

Это случилось на другой же день, въ воскресенье...

Съ утра не было замѣтно никакихъ особенныхъ признаковъ предстоящей катастрофы въ обычно мирномъ гнѣздышкѣ посреди коричневыхъ стѣнъ.

Утромъ воспитанницы, по разъ установленному обычаю праздничныхъ дней поднялись въ семь съ половиной часовъ и вмѣсто будничной уборки послѣ чая съ воскресными калачами, отправились на спѣвку.

Въ десять онѣ были уже въ церкви.

Богадѣленская церковь находилась въ десяти минутахъ ходьбы отъ зданія пріюта.

Пѣвчіе подъ предводительствомъ Фимочки и второго регента красавицы старше-отдѣленки Маруси Крымцевой прошли на клиросы... Непѣвчихъ, преимущественно, стрижекъ тетя Леля провела на хоры, гдѣ вдали отъ приходящей публики, уже стояли старушки богадѣленки...

Подъ непрерывный шопотъ молитвъ, оханья и кряхтѣнья этихъ старушекъ Дуня Прохорова, стоя подлѣ Дорушки, истово крестилась и клала земные поклоны, по крестьянски, какъ ея учила съ дѣтства бабушка Маремьяна.

Рядомъ молилась Дорушка... Безъ размашистыхъ жестовъ и глубокихъ поклоновъ, дѣвочка была вся—олицетворенная молитва. Она казалось не слѣдила за ходомъ службы. И когда отецъ Модестъ, настоятель богадѣленской церкви, онъ же законоучитель и духовникъ пріюта, удивительно красивый въ своей блестящей ризѣ выходилъ на амвонъ съ обращеніемъ къ молящимся, Дорушка казалось, ничего не видѣла и не слыхала, погруженная въ свой молитвенный экстазъ. Она молилась, сама по себѣ, безъ молитвъ и вздоховъ, истово и горячо, не подѣтски, съ какою-то отчаянною силой.

И зараженная ея примѣромъ Дуня, тоже стала молиться «по своему»... Прочтя Отче Нашъ и Богородицу, прочтя «Вѣрую» и сказавъ про себя нѣсколько разъ недавно выученный тропарь Благовѣщенія дѣвочка тихонько подтолкнула локтемъ сосѣдку.

— Дорушка, о чемъ еще молиться?

Та точно проснулась... Перевела на нее невидящіе глаза и зашептала:

— Молись, молись, Дунюшка! За всѣхъ молись за начальницу-благодѣтельницу, за тетю Лелю ангельчика нашего, за Павлу Артемьеву.

— За Пашку не надо, она злая, шепнула Дуня.

— Надо! Надо! Что ты? Очнись! зашептала съ какимъ-то мистическимъ ужасомъ Дорушка, — за злыхъ молиться еще больше надо. Помнишь Боженьку—Христа! Онъ за враговъ молился на крестѣ... Батюшка въ проповѣди сказывалъ.

И, опять отвернувшись отъ Дуни, поднимала влажные глаза къ иконостасу и шептала что-то дѣтскими губками.

Послѣ службы батюшка отецъ Модестъ говорилъ проповѣдь.

— «Все тайное да будетъ явно» — вотъ что легло основною мыслью въ эту проповѣдь.

— Все что ни дѣлается тайнаго, злого, нечистаго въ мірѣ,—говорилъ, между прочимъ, батюшка, все будетъ явно, все узнается выплыветъ рано или поздно наружу. Остерегайтесь-же зла, сторонитесь дурныхъ поступковъ, знайте, что все дурное идетъ отъ дьявола, этого прелестника рода человѣческаго... Онъ злой геній всего живущаго, онъ сѣетъ разруху, ненависть, гнѣвъ, зависть, преступленіе. Берегитесь этого врага. Велика сила его...

На правомъ клиросѣ въ «дискантахъ» стоитъ Васса и глазъ не сводитъ со священника... А сердечко дѣвочки стучитъ да стучитъ... Передъ мысленнымъ взоромъ Вассы всплываетъ снова вчерашняя картина... Горящая печь и въ пламени ея извивающаяся змѣею Паланина вышивка.

«Все тайное да будетъ явно! Неужто такъ! Неужто не стращаетъ батюшка».

Глаза дѣвочки растерянно скользятъ по иконостасу... Сурово глядятъ съ него изможденные лики святыхъ. При трепетномъ миганіи лампадъ, въ ихъ невѣрномъ свѣтѣ кажется Вассѣ, что сдвигаются, хмурятся брови угодниковъ.

— Все тайное да будетъ явно! выстукиваетъ взволнованное сердце. Все злое отъ дьявола! И снова замираетъ отъ боли испуганная дѣтская душа.

Изъ церкви усталыя воспитанницы ходко спѣшатъ домой.

Сегодня обѣдъ въ три блюда съ праздничной кулебякой съ рисомъ.

А послѣ обѣда кое-кого изъ счастливицъ, у кого есть родные и родственники, придутъ навѣстить давножданные, дорогіе посѣтители. Этотъ часъ въ недѣли пріютскія дѣвочки любятъ больше всего.

Въ корридорѣ по стѣнамъ разставлены деревянныя скамейки. На нихъ съ узелками и коробочками въ рукахъ сидятъ отцы, матери, тетки старшія сестры пріютокъ; дряхлыя бабушки и дѣдушки подчасъ; подчасъ младшіе братишки и сестренки, такія же, по всей вѣроятности, будущія питомицы пріюта въ самомъ недалекомъ будущемъ.

Въ тюричкахъ и въ платочкахъ у посѣтителей припрятаны дешевыя лакомства вродѣ: рожковъ, маковниковъ, медовыхъ пряниковъ, паточныхъ карамелекъ, орѣховъ, подсолнышковъ. Еще чаще приносятся булки и сладкіе сухарики, иной разъ; кусочки колбасы на хлѣбѣ, иногда остатки кушаній отъ барскаго стола. Послѣднее въ томъ случаѣ, если мать, тетка или старшая сестра либо бабушка служатъ у господъ въ домѣ.

Мать Дорушки Ивановой, рыхлая добродушная толстушка лѣтъ 40 принесла нѣсколько сладкихъ пирожковъ, спеченныхъ ею на барской кухнѣ.

Пирожки вмѣстѣ съ леденцами и пряниками тотчасъ же исчезли въ глубокомъ карманѣ Дорушки.

— Что-жъ ты, ягодка, кушай со Христомъ... Чего прячешь! нѣвучимъ голосомъ уговаривала Аксинья дочку.

— Маменька, голубушка, погожу я... Одной то скушать не больно сладко. Съ Дунюшкой, съ подружками подѣлюсь... зазвучалъ ей въ отвѣтъ милый голосокъ дѣвочки.

— Ну, Господь съ тобою, какъ знаешь, какъ знаешь! любовно глядя на свою любимицу и лаская прильнувшую къ ней стриженую головку, роняла Аксинья. Знала она привычку дочурки, дѣлиться каждымъ кусочкомъ съ подругами, и сжимается сердце Аксиньи за ея милую Дорушку:

— Трудно будетъ ей прожить свой вѣкъ, такой добренькой, да хорошей! раздумываетъ, кухарка,—не дай Господь помру я рано; что будетъ съ Дорушкой? Спасибо еще въ пріютъ опредѣлили господа, все лучше. Мастерству выучится, не помретъ безъ куска хлѣба! И пуще ласкаетъ Аксинья любовно прильнувшую къ ея полной груди милую Дорушку.

А на сосѣдней скамейкѣ бойкая Оня Лихарева разска-

зываетъ, что то, размахивая руками, своему отцу сторожу при казенныхъ дровяныхъ складахъ—Ильѣ Лихареву.

— Вотъ уморушка-то, тятя, кабы ты видѣлъ только! Онъ отъ нея—она за нимъ... Онъ ровно заяцъ, она то волчицей... Гопъ-ля, гопъ-ля—чуть не поколѣна то снѣгу! Знатно выкупалась! Что и говорить!—И Оня сдержанно смѣется, прикрывая ротъ одною рукою, и запихивая въ него въ тоже время другою кусокъ медоваго пряника.

— Ахъ, баловныя! Ахъ, баловныя! Вотъ-бы, кажись, срѣзалъ я хорошую прутину, да прутиной-то васъ, баловныя! Узнали-бы какъ надъ благодѣтельницами смѣяться!—шевеля сивыми усами и улыбаясь помимо воли, шепчетъ Илья Ильичъ, смягчая свой грубый голосъ.

— Да какая-же она благодѣтельница, тятя, что ты! Она—Пашка!—громче смѣется Оня.

— Тсс! Что ты! Молчи, непутевая! Еще услышитъ кто!—испуганно машетъ рукою на свою любимицу отецъ.

— Это они про котятъ давишнихъ! — соображаетъ Дуня, подхвативъ чуткимъ дѣтскимъ слухомъ Онинъ разсказъ.

Дуня принадлежитъ къ числу тѣхъ пріютокъ, которыхъ никто не навѣщаетъ.

Съ непонятной ей самой завистью смотритъ дѣвочка на тѣхъ счастливицъ, которыя хотя-бы однажды въ недѣлю могутъ видѣть своихъ близкихъ и кровныхъ, повѣрять имъ свои маленькія пріютскія радости, горести и дѣла. Вотъ скромно въ уголку у печки сидитъ болѣе чѣмъ бѣдно одѣтая бабушка Оли Чурковой. Про нее говорятъ, что она нищая, побирается Христовымъ именемъ, а все-же видно сразу что дорога она своей внучкѣ Олѣ. Малютка Оля прильнула къ изсохшей груди бабушки, не замѣчаетъ ея ветхихъ лохмотьевъ, ея убогаго вида и ласкаетъ и милуетъ ее.

Дуня такъ задумалась, глядя на чужую радость, что не разслышала какъ Дорушка, сидѣвшая совсѣмъ близко отъ ея уголка, оживленно заговорила, прижимаясь къ матери.

— Вотъ она, мамочка... Видишь? Дунятка моя! Тихенькая она! Грустненькая! Скучаетъ по деревнѣ... Позови ее, мамочка! Приласкай. У нея ни тяти, ни мамы... Тятю подъ машиной смололо. Бабушка померла. Можно ее къ намъ подозвать, мамочка?

Зови, Дорушка, зови! Надоть пригрѣть сиротку!—очень охотно согласилась Аксинья.

И уже черезъ минуту, послѣ этого, Дуня совсѣмъ неожиданно для себя, очутилась подлѣ рыхлой, толстенькой женщины, между нею и Дорушкой.

Аксинья гладила Дунину головку, прижимала дѣвочку къ себѣ и говорила своимъ теплымъ пѣвучимъ голосомъ:

Сиротинушка ты моя болѣзная! Ишь ты злосчастненькая! Ну, Господь съ тобой. Съ Дорушкой дружи—вотъ тебѣ и сестричка... А я такъ и быть по праздникамъ и тебя въ нашу компанію приглашать стану. Все-жъ не такъ горько-то будетъ, не одна, ладно-ль такъ-то? Будешь приходить, Дунюшка?

Буду!—робко и смущенно прозвучалъ въ отвѣтъ тихій Дунинъ голосокъ. И какъ-то легче и радостнѣе становилось на сердцѣ одинокой дѣвочки.

* * *

Послѣ свиданья съ родными и дневнаго чая, пріютки шли въ залу, бѣгать и рѣзвиться вплоть до самаго ужина, по обыкновенію праздничныхъ дней.

Тетя Леля устраивала для нихъ безконечныя игры съ пѣніемъ, хороводами, привлекая къ участію старшихъ и среднихъ воспитанницъ.

Особенно любили дѣвочки веселыя, шумныя игры вродѣ „гусей-лебедей“, „коршуна“, „кошки и мышки“ и „золотыхъ воротецъ“.

— Въ коршуна! Тетя Леля! Въ коршуна!—кричали малыши на разные голоса.

— Васса Сидорова! Коршуномъ хочешь быть?—предложила надзирательница.

*

— Хочу! Хочу!—съ готовностью отзывалась Васса.

— А я насѣдкой!—заявляла толстенькая и подвижная, какъ ртуть, Лихарева.

— Будь по твоему! Ну-съ, дѣтки-цыплятки, живо становитесь за насѣдкой-маменькой!—командовала тетя Леля.

А у самой, какъ у ребенка разгорались глаза и на худыхъ желтыхъ скулахъ проступалъ румянецъ удовольствія. Добрая горбунья заранѣе наслаждалась мыслью потѣшить своихъ ребятокъ.

— Ну-же, скорѣе, дѣти!

Васса со всего размаху «плюхнулась» на паркетъ среди залы и, взявъ карандашъ, имѣвшійся всегда у тети Лели, стала дѣлать видъ что копаетъ въ полу ямку.

Оня Лихарева, растопыривъ руки на подобіе крыльевъ насѣдки, встала во главѣ цѣлаго отдѣленія малышей, державшихся за концы передниковъ одна за другою, длинной узкой шеренгой.

— Коршунъ, коршунъ, что ты дѣлаешь?—звонкимъ голосомъ вопрошала Вассу Оня.

— Ямочку копаю!—слышался отвѣтъ послѣдней.

— На что тебѣ ямочка?

— Иголочку ищу!

— На что [illegible] иголочка?

— Мѣшечекъ сшить!

— На что тебѣ мѣшечекъ?

— Твоихъ дѣтокъ сажать!

Съ этими словами Васса вскочила и метнулась на вереницу «цыплятъ»...

— Ай!—дружнымъ визгомъ огласилась зала.

Оня ловко завернула въ сторону и загородила путь Вассѣ къ «ея дѣтямъ», держа растопыренными руки.

— Ай! — снова завизжали „цыплята“ неистовымъ визгомъ.

— Оня! Не зѣвай! — поощряла съ пылающими щеками и счастливо возбужденнымъ лицомъ дѣвочку тетя Леля.

Завязалась веселая возня... Васса металась по залѣ, кидалась то въ одну, то въ другую сторону и старалась, во что бы то ни стало, выхватить изъ длинной вереницы „насѣдки“ хотя-бы одного „цыпленка“. Но ловкая, быстрая, разрумянившаяся, какъ персикъ, Оня не зѣвала. Тщательно охраняя своихъ „дѣтокъ“, она тоже кидалась вправо и влѣво, предупреждая каждое движеніе «коршуна».

Визгъ, хохотъ и крики «цыплятъ» доходили до неистовства.

Вдругъ неожиданно изловчилась Васса; „нырнувъ“ подъ рукою Они, она рванулась съ неописуемой быстротою и схватила находившагося въ самомъ концѣ вереницы самаго маленькаго цыпленка—Олю Чуркову.

— А-а-а-а!—не своимъ голосомъ на высокой пронзительной нотѣ закричала Оля.

— А-а-а-а!—глухо вторилъ ей съ порога чей-то отчаянный, полный трагизма крикъ.

Головы играющихъ дѣтей и всѣхъ находившихся въ залѣ повернулись въ ту сторону, откуда несся этотъ вопль.

На порогѣ залы стояла съ помертвѣвшимъ, бѣлымъ какъ снѣгъ лицомъ и расширенными отъ ужаса глазами Паланя Заведеева.

XX.

— Паланя! Что ты?

Тетя Леля опомнилась первою и бросилась къ дѣвочкѣ.

Паланя была внѣ себя. Ея худенькое стройное тѣльце пятнадцатилѣтняго подростка дрожало какъ въ лихорадкѣ. Какъ въ ознобѣ колотились зубы между полосками посинѣвшихъ трясущихся губъ.

Съ минуту «цыганка» не могла выговорить ни слова... Наконецъ, подняла обѣ руки, схватилась ими за

голову и съ тѣмъ же глухимъ отчаяннымъ стономъ повалилась на деревянную скамью, стоявшую у двери.

— Воды! Дѣти, принесите кто-нибудь воды Паланѣ!— приказала взволнованнымъ голосомъ, горбатенькая надзирательница.

Нѣсколько дѣвочекъ бросились бѣгомъ за водою изъ залы.

Тетя Леля опустилась на лавку подлѣ дрожащей, какъ листъ трепещущей, среднеотдѣленки.

— Паланя! Милая! О чемъ ты? Что случилось?

Ея нѣжный, ласковый голосъ проникъ, ей казалось, въ самую душу дѣвочки. Паланя вскочила со скамейки... Обвела помутившимся взглядомъ залу и снова закрывъ лицо руками, громко, истерически закричала на весь пріютъ прерывая взрывомъ рыданья каждое слово:

— Моя... моя вышивка... моя работа... про.. про... пала... а-а! Не знаю гдѣ искать... Точно... сквозь зе... зем-лю... Пошла пора-бо-тать, пока другія здѣсь ве-селят-ся... Хва... хва... тилась... А... а... ее... нѣтъ! Нѣтъ... Пой... мите! Про.. па... ла!

Тутъ Паланя не выдержала и, снова повалившись на лавку, зарыдала еще глуше, еще мучительнѣе

Воспитанницы, большія и маленькія, съ испуганными, взволнованными лицами, тѣснились вокругъ нея большой нестройной толпой.

Неожиданно, сквозь толпу эту протискалась незамѣтно подоспѣвшая въ залу Павла Артемьевна.

— Что случилось? Паланя, чего ты ревешь? Заведеева? Слышишь? Тебѣ я говорю... Елена Дмитріевна, позвольте! Дайте мнѣ сѣсть! И недружелюбно взглянувъ на уступившую ей мѣсто тетю Лелю, Павла Артемьевна съ видомъ власть имущей, опустилась подлѣ плачущей воспитанницы на лавку

Ну, пожалуйста, брось нюнить... Это еще что

Обрадовалась случаю. Слезы дешевы! Раскрыла шлюзы. Куда какъ хорошо! Примѣръ безподобный для

младшихъ, Паланя! Тебѣ говорятъ! Отвѣчай сейчасъ-же что случилось?

Словно загипнотизированная этимъ властнымъ голосомъ, Паланя, поднялась со скамейки и обратила залитое слезами лицо къ Павлѣ Артемьевнѣ. Прерывистымъ отъ слезъ голосомъ, плача и всхлипывая, дѣвочка разсказала надзирательницѣ про свое несчастье.

— Пропала,—говоришь ты? Пропасть не можетъ... Не могла пропасть, я тебѣ повторяю Кто-нибудь укралъ... Укралъ и спряталъ. Изъ зависти къ такой прекрасной вещицѣ. А можетъ быть и просто отъ того, что понравилась!—сердито бросала Павла Артемьевна, хмуря свои и безъ того суровыя брови.

— Этого не можетъ быть,—надорванный волненіемъ вдругъ зазвучалъ голосъ тети Лели,—среди нашихъ дѣтей, не можетъ и не должно быть воровокъ,—съ удареніемъ на каждомъ словѣ проговорила она.

— Разсказывайте, — досадливо отмахнулась надзирательница среднихъ — а кто-же взялъ? Святой духъ, что-ли? Дежурная! Кто убиралъ вчера въ рабочей? — неожиданно крикнула она на всю залу, окидывая толпившихся передъ скамьею воспитанницъ пристальнымъ взглядомъ своихъ зоркихъ ястребиныхъ глазъ.

— Я, Павла Артемьевна, я дежурила вчерась! — и блѣдная испуганная Ѳеничка Клементьева высунула свое хорошенькое личико изъ за спинъ подругъ.

— Ты убирала Паланину работу?—сурово обратилась къ ней надзирательница.

У хорошенькой Ѳенички даже ноги подкосились. Припомнилось сразу, какъ въ торопяхъ, обрадованная пріѣздомъ баронессы, она кое-какъ убрала рабочую наканунѣ, не замѣтивъ, что имение положила въ большой рабочій шкапъ.

— Я... я... не помню! — смущенно пролепетала Ѳеничка.

— То-то не помню...—накинулась на нее ея воспитательница.—То-то и горько, что не помните вы ничего,

вѣтеръ у васъ въ головѣ гуляетъ!.. Извольте припомнить, убирали работу или нѣтъ?—уже крикливо закончила свою рѣчь воспитательница.

Ѳеничка, тяжело дыша, молчала...

Павла Артемьевна долгимъ тяжелымъ взглядомъ смотрѣла на смущенную дѣвушку. Потомъ рѣшительно встала.

— Я пойду вечеромъ съ раппортомъ къ Екатеринѣ Ивановнѣ и буду просить наказать весь пріютъ, если работа Палани Заведеевой не найдется до вечера...—проговорила она.— Строго будутъ наказаны старшія, среднія и маленькія безъ различія. Послѣ дневнаго чая до ужина будутъ оставаться въ рабочей и работать штрафные часы. Или пусть та, кто подшутила такую злую шутку съ Заведеевой, отдастъ, возвратитъ ея работу. Поняли меня?

— Поняли!—чуть слышнымъ робкимъ вздохомъ пронеслось по залѣ.

Павла Артемьевна вышла изъ залы, сердито хлопнувъ дверью.

Теперь передъ взволнованными дѣвочками стояла не менѣе ихъ самихъ взволнованная тетя Леля.

— Дѣти,—говорила горбунья, и первый голосъ ея вздрагивалъ и срывался каждый мигъ, — дѣти, я боюсь допустить смыслъ, я боюсь повѣрить тому предположенію, которое высказала сейчасъ Павла Артемьевна. У моихъ добрыхъ чуткихъ дѣвочекъ, большихъ и маленькихъ не можетъ, не могло быть зависти по отношенію успѣха къ ихъ подругѣ. Мои милыя чуткія дѣвочки не могли завидовать Палашѣ, ея успѣшной работѣ... Не могли со зла или изъ зависти спрятать ея работу, даже ради злой шутки... Нѣтъ, не могу даже предположить этого, не смѣю! Я слишкомъ вѣрю въ моихъ дѣвочекъ, слишкомъ вѣрю! Всѣ вы прошли черезъ мои руки, всѣ начиная отъ самой старшей изъ васъ—Маруси Крымцевой, кончая хотя-бы одной изъ стрижекъ Вассой Сидоровой; я васъ знаю всѣхъ вмѣстѣ и каждую въ отдѣльности и вѣрю вамъ, какъ самой себѣ...

Большіе лучистые глаза горбуньи перебѣгали съ одного знакомаго ей до мельчайшихъ подробностей, юнаго лица на другое... На птичьемъ личикѣ Вассы они задержались дольше. Что-то необычайно тревожное, вспыхнувшее въ глубинѣ маленькихъ глазъ дѣвочки, привлекло невольно вниманіе [illegible]ти Лели. Неожиданно припомнилось запоздалое появленіе наканунѣ къ обѣду Вассы, ея встревоженное и безпокойное лицо. И румянецъ, пылавшій на этомъ лицѣ какъ вчера такъ и сегодня.

— Неужели? — вихремъ пронеслась недосказанная мысль въ головѣ Елены Дмитріевны и она до боли закусила побѣлѣвшія отъ волненія губы.

Между тѣмъ, что-то особенно скверное переживала Васса. То краснѣя, то блѣднѣя дѣвочка, едва сознавала окружающее. Безумный, почти животный страхъ, что вотъ-вотъ все откроется и ее выгонятъ какъ преступницу изъ пріюта не давалъ ей покоя. А дома что за жизнь! Съ содроганіемъ ужаса припомнился Вассѣ что ея отецъ, вѣчно пьяный, отовсюду выгнанный бывшій дворникъ, его побои, крики, жестокія выходки съ ними, дѣтьми... Забитая, запуганная мать, цѣлая куча вѣчно голодныхъ ребятишекъ. Неужели-же опять туда къ нимъ, послѣ сытной, хорошей пріютской жизни?.. Нѣтъ! Нѣтъ! Лучше умереть нежели вернуться! Пускай наказываютъ весь пріютъ... Пускай дѣлаютъ что хотятъ съ ними со всѣми, но она не сознается Васса! Ни за что! Ни за что!

Въ своемъ страшномъ волненіи, дѣвочка не замѣчала какъ мало-по-малу пустѣла зала, какъ одна за другой, по трое, по двое и въ одиночку выходили изъ нея пріютки по знаку, данному тетей Лелей, какъ сама она Васса съ багрово пылающимъ лицомъ стояла посреди залы, не замѣчая бросаемыхъ на нее недоумѣвающихъ взглядовъ расходившихся пріютокъ.

И очнулась только тогда, когда маленькая ручка легла на ея плечо.

Испуганно вскинула дѣвочка глазами и замерла на мѣстѣ...

Большіе лучистые глаза тети Лели точно вливались ей въ самую душу... Лицо строгое и спокойное въ одно и тоже время находилось на разстояніи двухъ вершковъ отъ ея, Вассинаго лица.

— Васса,—произнесъ твердый, спокойный голосъ,— я знаю все!

— Ахъ!

Это былъ и стонъ и выкрикъ отчаянія въ одно и тоже время, вырвавшійся изъ самыхъ глубинъ дѣтской души.

— Все тайное да будетъ явно! вихремъ пронеслась въ головѣ Вассы нечаянная мысль и она съ глухимъ истеричнымъ рыданіемъ кинулась на грудь горбуньи.

Та быстро обняла ее своими нѣжными руками и прижала къ себѣ.

— Дѣвочка моя! Дѣвочка! Какъ могла ты сдѣлать это! Поправь-же скорѣе дѣло, искупи свою вину, моя Васса. Верни унесенную тобою вещь!

Тутъ рыданія дѣвочки достигли крайняго предѣла.

— Не могу! Не могу!—разливаясь въ слезахъ, лепетала Васса...—Я сожгла... сожгла въ печкѣ... ее... работу Паланину... Сожгла! Сожгла!

И Васса судорожно прижалась къ горбуньѣ всѣмъ своимъ тонкимъ костлявымъ тѣломъ наголодавшагося въ раннемъ дѣтствѣ ребенка.

Руки тети Лели опустились.

Это было хуже нежели она предполагала.

— Несчастное дитя!—произнесла она, мысленно содрагаясь,—кто могъ подумать!

Но она съ внезапной стойкостью поборола свое волненіе и поднявъ залитое слезами лицо Вассы, за подбородокъ глубоко заглянула ей въ глаза и проговорила тихо и печально:

— Разскажи мнѣ откровенно и честно, какъ все это случилось, дитя мое!

Сбивчиво и прерывисто полилось изъ дрожащихъ дѣтскихъ губъ горячее признанье. Заливаясь ежеминутно слезами, рыдая и всхлипывая, Васса приносила свою чистосердечную исповѣдь.

И какъ ее снѣдала злость противъ «цыганки» и какъ она возненавидѣла Паланю и какъ завидовала вдобавокъ ей за то, что работа ея была много лучше ея Вассиной работы. Разсказавъ все безъ утайки дѣвочка смолкла и робко покосилась на тетю Лелю. Прекрасные глаза горбуньи были полны слезъ.

— Не хорошо... Не честно ты поступила, Васса... Это большой проступокъ, большой грѣхъ... глухо заговорила Елена Дмитріевна. Ты можешь облегчить его только полнымъ чистосердечнымъ раскаяніемъ и признаньемъ передъ всѣми своей тяжелой вины. Нельзя подвергать ради себя незаслуженному наказанію весь пріютъ, дѣвочка. Слушай, же, что я тебѣ скажу, вотъ въ чемъ будетъ состоять твое искупленіе: ты сегодня же, послѣ вечерней молитвы, выйдешь на середину столовой и разскажешь при всѣхъ Паланѣ о твоемъ поступкѣ. Попросишь прощенія у нея... Слышишь, Васса?

— Но, тогда всѣ узнаютъ и меня выгонятъ!—вскричала полнымъ отчаянія голосомъ дѣвочка.

— Тебя накажутъ, да, потому, что ты заслужила наказанія... Но я буду просить Екатерину Ивановну не исключать тебя...

— Она не послушаетъ васъ, и вернетъ меня домой! Къ отцу! О, Господи!—рыдала Васса.

Тетя Леля задумалась на минуту... Ея лучистые глаза померкли, потускнѣли... Рѣзкая складка обозначилась на лбу. Она помолчала съ минуту, потомъ заговорила снова:

— Тебя не выключатъ, слышишь Васса? А если-бы и случилось такое несчастье... Я помогу тебѣ перенести его. Я уйду вмѣстѣ съ тобою отсюда, буду воспитывать тебя и помогать тебѣ стать доброй и честной дѣвочкой. Я не оставлю тебя, Васса!

— О! — могла только произнести маленькая пріютка и снова слезы обильнымъ градомъ заструились по ея лицу.

* * *

Въ тотъ же часъ, отправивъ Вассу въ рабочую, горбатенькая надзирательница прошла къ начальницѣ пріюта.

— Екатерина Ивановна, мнѣ надо серіезно говорить съ вами!—произнесла тихимъ голосомъ тетя Леля, опускаясь въ кресло и безъ дальнихъ проволочекъ повѣдала начальницѣ обо всемъ случившемся.

Вся честная, прямая натура Наруковой возмутилась до глубины души поступкомъ Вассы.

— Вонъ! Ее надо выключить вонъ изъ пріюта, произнесла она рѣшительнымъ тономъ,—она испортитъ мнѣ другихъ дѣвочекъ... Дурную овцу изъ стада долой!..

— Но...

— Пожалуйста, не заступайтесь, Елена Дмитріевна,— вспыльчиво оборвала она надзирательницу.—Всѣмъ извѣстно, что вы обладаете ангельской добротою. Но на все есть границы, моя мила[illegible]

Маленькая фигурка [illegible] выпрямилась при этихъ словахъ, словно выросла сразу. Глаза вспыхнули. Лицо поблѣднѣло...

— Такъ вы непремѣнно удалите Вассу? — глухимъ голосомъ проговорила она.

— Обязательно! — прозвучалъ короткій отвѣтъ,— такіе проступки не могутъ быть терпимы въ стѣнахъ пріюта.

— Въ такомъ случаѣ, завтра-же, вы не откажите принять и мое прошеніе объ отставкѣ.

— Что? Близорукіе глаза Наруковой сощурились болѣе обыкновеннаго, стараясь разсмотрѣть выраженіе лица ея помощницы.

— Что вы хотите дѣлать? Но это сущее безуміе... Ради одной испорченной дѣвченки бросать насиженное мѣсто... бросать дѣтей, къ которымъ вы привыкли...

насъ, наконецъ ужъ не говорю о себѣ... кто васъ такъ любитъ... такъ цѣнитъ. Подумайте хорошенько. Елена Дмитріевна... Вы бѣдная дѣвушка безъ связей и знакомствъ... Куда вы пойдете? Гдѣ будете искать мѣста?

— Я все обдумала дорогая Екатерина Ивановна,— твердо произнесъ снова окрѣпшій голосъ тети Лели... И я вѣрю твердо тому что сказалъ Христосъ въ Своей притчѣ о заблудшей овцѣ... Помните, какъ бросилъ все свое стадо пастырь и пошелъ на поиски одной заблудшей овечки? Я возьму къ себѣ Вассу, если вы прогоните ее и приложу всѣ мои старанія исправить дѣвочку и сдѣлать изъ нея хорошаго человѣка. И вѣрю свято — мнѣ это удастся... Вѣрю, что душа у нея далеко не дурная—у этой бѣдной маленькой Сидоровой. Не испорченная, отнюдь... Откуда у ребенка можетъ быть дурная душа? Неправильное воспитаніе въ раннемъ дѣтствѣ, привычка лгать и притворяться, чтобы не быть битой, сдѣлали таковою Вассу. А зависть къ другимъ породила собственная неприглядная обстановка... Вы не знаете ея дѣтства? А я знаю... Нѣтъ, нѣтъ, если и преступница она по вашему понятію то преступница поневолѣ и я не могу бросить ее на произволъ судьбы. Повторяю, если вы исключите ее изъ пріюта, я уйду вмѣстѣ съ нею. Этого требуетъ мой долгъ!

— Долгъ! долгъ! — разсердилась Екатерина Ивановна. Богъ съ вами, неисправимая вы фанатичка долга. Успокойтесь! Никто не исключитъ вашей Вассы, разъ вы ставите такія ужасныя къ тому условія. Но, дѣвочку, надо наказать примѣрно.

— А не думаете-ли вы, что она наказана и безъ того достаточно? — тихо прозвучалъ вопросъ горбуньи.

— Чѣмъ это?

— Муками, угрызеніями совѣсти, волненіемъ и страхомъ за будущее и наконецъ публичнымъ признаніемъ ея проступка передъ всѣмъ пріютомъ, — отчеканивая каждое слово, говорила Елена Дмитріевна.

Екатерина Ивановна задумалась на мгновенье.

Легкая тѣнь промелькнула на ея добромъ лицѣ.

— А, пожалуй, вы и правы,—произнесли тихо губы начальницы.

Двѣ тонкія руки протянулись къ ней.

— Вы ангелъ, Екатерина Ивановна!—произнесла съ жаромъ горбунья и если вамъ не противно поцѣловать такого урода—поцѣлуйте меня.

— Богъ съ вами, милушка! Неисправимая вы фанатичка! Ишь что выдумала. Подавать въ отставку!—заворчала Нарукова, обнимая и цѣлуя любимую свою помощницу. — Ради какой-то негодной дѣвчешки и въ отставку... Куда какъ хорошо!

— Но вѣдь „негодная“ по вашему дѣвченка прощена стало быть и отставки не будетъ!—почти весело проговорила горбатенькая надзирательница и, пожавъ руку начальницѣ поспѣшила къ своимъ стрижкамъ.

* * *

Воспитанницы были очень удивлены въ тотъ вечеръ, когда послѣ вечерней молитвы услышали громкій возглазъ хорошо знакомаго имъ всѣмъ голоса тети Лели.

— Подождите минуту въ столовой, дѣти!

И горбатенькая надзирательница, остановившись у крайняго стола «стрижекъ», шепнула мимоходомъ Вассѣ:

— Ну, дитя мое, рѣшайся! Не задерживай насъ!

Чуть живая отъ волненія, Васса, едва держась на ногахъ, выступила впередъ... Пошатываясь на подгибающихся колѣняхъ, словно лунатикъ, не видя ничего передъ глазами, прошла она на середину столовой и обведя затуманеннымъ волненіемъ взоромъ столы пріютокъ, дрожащимъ, звонкимъ голосомъ, далеко слышнымъ по всей столовой, проговорила, срываясь на каждомъ словѣ:

— Паланя Заведеева... Прости, меня, Христа ради, прости... Я твою работу погубила... въ печкѣ сожгла изъ сердца... изъ зависти... прости, Паланя, Христа ради!

— А! — отозвался эхомъ рыдающій голосъ „цыганки...“—А!—и она дала волю слезамъ, упавъ головой на столъ.

Пріютки, взволнованныя и потрясенныя этой сценой, повскакали съ мѣстъ и частью окружили Паланю, частью бросились къ Вассѣ.

— Какъ! Ты? Сидорова! За что? Ахъ Господи! Грѣхъ-то какой! И съ чего ты это?

Но Васса, блѣднѣе известковой стѣны столовой, молчала и только съ мольбою глядѣла на тетю Лелю.

Расталкивая воспитанницъ, съ торжествующей улыбкой на губахъ къ ней подходила Павла Артемьевна.

— Ага! вотъ ты какъ! Такъ вотъ какъ!—заспѣшила она, волнуясь и задыхаясь,—полюбуйтесь на нее, дѣти! Хороша! Нечего сказать! Преступница! Дрянная злюка! Лгунья! Воровка! Ага! Осмѣлилась! Ну, да ладно получишь свое, по дѣломъ получишь! Подѣломъ! Маршъ со мною сейчасъ къ Екатеринѣ Ивановнѣ! И духу твоего завтра-же не будетъ у насъ, мерзкая дѣвченка! Тутъ надзирательница среднихъ, пылая негодованіемъ и гнѣвомъ схватила за руку потерявшуюся Вассу и потащила ее къ дверямъ.

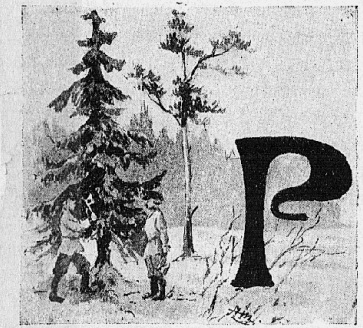
Въ тотъ же мигъ передъ ними, какъ изъ-подъ земли выросла маленькая фигурка горбуньи.

— Оставьте дѣвочку, Павла Артемьевна!—прозвучалъ твердо и рѣзко ея далеко слышный голосъ, и она въ волненіи провела рукою по своимъ стриженнымъ волосамъ.—Оставьте Вассу. Она поступила очень дурно и нечестно. Но и перенесла понятно тяжелое наказаніе укоровъ собственной совѣсти и того стыда, который пережила сейчасъ, и еще переживаетъ въ эти минуты. Къ Екатеринѣ Ивановнѣ-же ее не трудитесь вести. Екатерина Ивановна знаетъ все о ея поступкѣ и и простила дѣвочку.

При послѣднемъ словѣ горбатенькой надзирательницы, Васса вырвала свою руку изъ руки державшей ее

Павлы Артемьевны и, кинувшись къ тетѣ Лелѣ, разрыдалась у нея на груди...

— Никогда... Никогда... не буду больше... Вы увидите... Я исправлюсь... я другая буду... Спасибо вамъ! Спасибо Катеринѣ Ивановнѣ... Милая, родненькая тетя Леля. Золотенькая! Ангелочекъ! Вѣкъ... не забуду; вѣкъ! И прежде чѣмъ, кто-либо успѣлъ удержать ее, Васса скользнула на полъ къ ногамъ горбуньи и обвивъ руками ея колѣни, покрыла ихъ градомъ изступленныхъ поцѣлуевъ и слезъ...



XXI.

Рождество... Сочельникъ... Цѣлый день бушевала мятелица за окнами, пѣла, выла, и вѣтеръ крутилъ и плакался въ старомъ пріютскомъ саду... Къ вечеру вызвѣздило прояснившееся морозное небо... Ярче и красивѣе всѣхъ другихъ звѣздъ показалась голубовато-золотистая Виѳлеемская звѣзда.

Кучка малышей стрижекъ сгруппировалась у одного изъ оконъ и приникнувъ захолодѣвшими лбами къ стеклу, смотрятъ не отрываясь на притягивающую ихъ съ высоты своего небеснаго терема красавицу звѣзду, тихо перешептываясь между собою.

Въ другомъ, противоположномъ углу рабочей, тѣсно прижавшись другъ къ другу сидятъ Дуня съ Дорушкой.

Дорушка, блестя разгорѣвшимися глазками, оживленно разсказываетъ маленькой своей подружкѣ:

— Вотъ погоди, Дунюшка, откроютъ двери, тетя

Леля за рояль сядетъ, а мы войдемъ парами... На серединѣ залы елка... Зеленая... пышная... до потолка... А подъ елкой подарки и гостинцы на столѣ разложены... А кругомъ мы кружиться и хороводы водить будемъ. Пѣсни пѣть... А гости на насъ смотрѣть будутъ, слушать насъ... Гостей понаѣхало видимо невидимо, все важнющія барыни въ шелкахъ да бархатахъ... А потомъ баронесса подарки раздавать будетъ. Старшія плясать пойдутъ, а для насъ игры устраивать будутъ. Большіе играть съ нами станутъ тоже ... А на елкѣ свѣчи горятъ! Много... А потомъ елку уберутъ... На дворъ вынесутъ... Ты никогда не видала елки, Дуняша?

Не успѣла отвѣтить Дуня, какъ широко распахнулась дверь рабочей и тетя Леля, въ новомъ сѣромъ съ пелериной изъ кружевъ, скрывающей ея горбъ, платьѣ появилась на порогѣ комнаты.

— Въ залу, дѣтвора, въ залу... Въ пары стройтесь, клопики мои... Безъ шума только, безъ сусты... Тихонько!

Радостно взволнованные дѣтишки съ напряженно выжидательными рожицами, шумя новенькимъ ситцемъ праздничныхъ платьевъ, торопливо становились въ пары.

Шибко билось сердечко Дуни, когда она входила въ залу, гдѣ уже собралось все начальство, гости и два старшія отдѣленія, цѣлый день украшавшіе ель.

— Ахъ!—однимъ общимъ вздохомъ вырвался крикъ восторга изъ дѣтскихъ грудокъ.

Пышная зеленая красавица елка отягощенная грузомъ блестящихъ бездѣлушекъ въ видѣ стеклянныхъ шаровъ, звѣздъ и цѣпей, сверкающая безчисленнымъ множествомъ огней величественная и гордая стояла посреди залы, распространяя чудеснѣйшій и сладкій запахъ смолы и хвои далеко вокругъ себя.

Дуня даже рученки прижала къ сердцу, замирая отъ охватившаго ее при видѣ плѣнительнаго зрѣлища, восторга.. Ничего, ничего подобнаго не видѣла она еще въ своей коротенькой дѣтской жизни!

— Хорошо?—шопотомъ освѣдомилась у нея Дорушка!

— Ахъ!—могла только снова вздохнуть восхищенная дѣвочка.

Какъ и предсказывала Дорушка, тетя Леля сѣла за рояль.

Звуки рождественскаго тропаря огласили залу, наполненную блестящей толпою приглашенныхъ

Всѣ встали и повернулись къ образу, гости начальство и воспитанницы. «Рождество Твое Христе Боже нашъ»—зазвучало соединеннымъ хоромъ молодыхъ и дѣтскихъ голосовъ. За рождественскимъ тропаремъ слѣдовалъ національный гимнъ, по окончаніи котораго всѣ пріютки, какъ одинъ человѣкъ повернулись къ Наруковой и проговорили тѣмъ же дружнымъ хоромъ.

— Съ праздникомъ, васъ Катерина Ивановна. Затѣмъ отыскавъ изящную, нарядную въ бѣломъ роскошномъ платьѣ фигуру баронессы:

— Съ праздникомъ васъ, Софья Петровна!

Тѣмъ-же порядкомъ, обращаясь къ каждой изъ помощницъ, поименно поздравили всѣхъ трехъ воспитательницъ... Елену Николаевну, Павлу Артемьевну и всеобщую любимицу тетю Лелю. И наконецъ обратившись ко всѣмъ гостямъ:

— Съ праздникомъ васъ, господа наши благодѣтели.

Во время этихъ обязательныхъ ежегодныхъ поздравленій, глазенки малышей стрижекъ то и дѣло косили на правую сторону елки, о бокъ которой помѣщался длинный столъ съ лакомствами и подарками. По другую лѣвую сторону находился точно такой-же столъ съ подношеніями, начальству, съ рукодѣльными работами дѣвочекъ, предназначенными для попечителей, начальницы и почетныхъ гостей

Зоркіе дѣтскіе глазенки издали старались разсмотрѣть надписи на билетикахъ, прикрѣпленныхъ къ вещицамъ, уложеннымъ на правомъ столѣ. Каждая изъ дѣвочекъ мечтала о томъ, что придется на ея долю.

Вонъ, на самомъ краюшкѣ стола лежитъ недорогая куколка въ розовомъ платьѣ... Кому-то достанется она!

А вонъ ящикъ съ красками! Какой счастливицѣ достанутся краски! Дальше, прехорошенькая шкатулочка для работы... Кто-то получитъ ее!

Впрочемъ и старшія, волновались не менѣе малышей силясь разглядѣть подарки.

Куски батиста на кофточки, шерстяные платки, цвѣтные чулки, дешевыя муфточки, туфли, недорогія серебрянныя брошки съ эмалью, все это заставляло разгораться молодые выжидательно устремленные на подарки, глаза.

Но и дѣвушки и дѣти знали прекрасно, что прежде, нежели приступятъ къ раздачѣ подарковъ, пройдетъ еще цѣлая вѣчность. Пріютки по примѣру прошлыхъ лѣтъ помнили это. И дѣйствительно тотчасъ послѣ поздравленій начальства началась программа праздника.

Маруся Крымцева, регентъ пріюта, вышла на середину залы и своимъ звучнымъ красивымъ голосомъ разсказала исторію рожденія Спасителя въ Виѳлеемской пещерѣ.

Потомъ Ѳеничка Клементьева, прочла стихотвореніе на ту-же тему.

Затѣмъ, соединенный хоръ прошѣлъ подъ акомпаниментъ піанино, красивую старинную пѣсню о Рождествѣ Христа.

Наконецъ, крошка Оля Чуркова вышла впередъ съ огромной звѣздою, сдѣланной изъ золотой бумаги и заговорила скороговоркой:

Я, маленькій хлопчикъ
Сѣлъ на стаканчикъ,
Въ дудочку играю
Христа забавляю.

А васъ всѣхъ съ праздникомъ поздравляю—поклонилась низко и юркнула въ толпу стрижекъ, подъ всеобщій одобрительный смѣхъ.

— Дѣти окружите елку! – послышался наконецъ голосъ начальницы и стрижки чинно взявшись за руки, повели вокругъ зеленой красавицы огромный хороводъ, выпѣвая высокими пискливыми голосами:

— Елочка, елка,
Нарядная елка!
Гдѣ подростала?
Гдѣ поднималась?

Ты малымъ дѣткамъ
Дана на утѣху.
Вѣтки твои пышны
Свѣчечки ярки.
Радость несешь ты
Свѣтлую дѣтямъ!
Ты разскажи намъ
Пышная елка!
Въ дальнихъ лѣсочкахъ.
Въ хвойныхъ зеленыхъ.
Ты выростала
Ты хорошѣла
Дѣткамъ на радость,
Намъ на утѣху.

Празднично настроенная дѣтвора, съ замираніемъ сердца ожидающая счастливаго мгновенія — раздачи подарковъ, должна была степенно двигаться, выступая медленно и чинно подъ звуки заунывнаго, самимъ Фимочкой сочиненнаго пѣнія...

Ни одного нерасчитаннаго, рѣзкаго движенія... Ни одной восторженно-дѣтской нотки! Все монотонно, скучно и чинно. Задавленная искренняя дѣтская радость не пробивалась ни на іоту подъ этой непужной чинностью ребятъ.

Начальница, важные посѣтители и гости; старички въ нарядныхъ мундирахъ съ орденами и знаками попечительства о дѣтскихъ пріютахъ, не менѣе ихъ нарядныя дамы въ роскошныхъ свѣтлыхъ платьяхъ, все это внимательно слушало тихо и медленно топчущихся въ плавномъ тягучемъ хороводѣ дѣвочекъ, воспѣвающихъ монотонно пискливыми дѣтскими голосами:

Елочка! Елка!
Зеленая елка!

И никому, повидимому, не приходитъ въ голову мысль о томъ, что эти степенныя, чинныя по виду малютки таятъ въ глубинѣ своихъ дѣтскихъ сердчишекъ необузданное, страстное желаніе броситься, окружить столъ, стоящій по правую сторону елки, и прочесть на завѣтномъ билетикѣ свое имя!

Одинъ только человѣкъ во всей этой нарядной толпѣ гостей понималъ дѣтское настроеніе.

Этотъ человѣкъ огромнаго роста, широкій въ плечахъ, съ кудлатою, тронутой ранней просѣдью головою, казавшійся атлетомъ, давно уже слѣдилъ за пріютками, съ самаго начала ихъ появленія въ залѣ и на его подвижномъ, выразительномъ лицѣ поминутно смѣнялось выраженіе досады, жалости, сочувствія и какой-то почти женственной грусти.

Наконецъ, темныя густыя брови атлета-доктора энергично сдвинулись и онъ, наклонившись надъ кресломъ начальницы, шепнулъ на-ухо Екатеринѣ Ивановнѣ:

— И вамъ не надоѣло еще мучить ребятъ?

— Мучить? Она удивленно прищурила на него свои близорукіе глаза.

— А то нѣтъ, скажете! Да моимъ курносенькимъ до смерти хочется броситься къ столу, а вы велѣли имъ какую-то панихиду разводить на сметанѣ! Помилуйте, да развѣ это веселье!

— Вы правы! —согласилась также тихо начальница — Велите раздавать подарки дѣтямъ, Николай Николаевичъ.

Большой человѣкъ только, казалось, и ждалъ этой минуты. Вздохнувъ облегченно всею грудью, онъ съ чисто ребяческой стремительностью помчался съ пріятной вѣстью къ своимъ «курносенькимъ стрижкамъ».

Радостный возгласъ дѣтей огласилъ залу и веселая сустливая толпа взрослыхъ дѣвушекъ и ребятокъ въ тотъ же мигъ окружила столъ, подлѣ котораго тетя Леля громкимъ голосомъ уже выкликала имена осчастливленныхъ раздачей подарковъ старшихъ и маленькихъ пріютокъ.

— А ну-ка, курносенькія! Кто со мною въ кошки-мышки?—прозвучалъ далеко слышный по всей залѣ баситый голосъ доктора.

— Я...

— Я...

— Я ..

— Мы всѣ! Мы всѣ, Миколай Миколаевичъ! — радостно отозвались отовсюду веселые пискливые голоса.

Свѣчи на елкѣ давно догорѣли. Самую елку сдвинули въ сторону, въ уголъ. Подарки давно розданы и

дѣтямъ и взрослымъ. Фимочка, смѣнившій на этотъ разъ тетю Лелю за піанино, уже давно игралъ польку за полькой, кадриль за кадрилью...

Подъ нехитрые мотивы бальныхъ танцевъ, имѣющихся въ Фимочкиномъ распоряженіи, старшія и среднія плавно кружились или выступали по залѣ.

Къ нимъ присоединились кое-кто изъ гостей. Сама баронесса Фуксъ, легкая и воздушная какъ сильфида, носилась по залѣ, увлекая за собой своихъ любимицъ: то Любочку, выучившуюся, несмотря на свой дѣтскій возрастъ, танцовать не хуже старшихъ, то Ѳеничку Клементьеву, то Марусю Крымцеву, пріютскую красавицу-запѣвалу... Ея дочка Нанъ уклонилась отъ танцевъ и серьезными, не дѣтски строгими глазами слѣдила за всѣмъ, что происходило въ залѣ.

— Нанъ! Нанъ! — услышала она призывный голосъ Дорушки,—иди играть съ нами въ кошки-мышки!

Посреди залы, мѣшая танцующимъ, образовался огромный кругъ взявшихся за руки маленькихъ стрижекъ; здѣсь подъ наблюденіемъ добряка доктора, игра кипѣла во-всю.

Прижимая только что полученную куклу къ груди, не сводя съ бѣлокурой головки фарфоровой красавицы восхищеннаго взгляда, Дуня неохотно встала въ кругъ играющихъ. Шумная, суетливая толпа, веселый визгъ и хохотъ, бѣготня и возня, пугали и смущали робкую, застѣнчивую отъ природы дѣвочку.

Неожиданно, ровный, глуховатый голосъ Нанъ прозвучалъ подлѣ нея:

— А тебѣ Мурка клапяется. Всѣмъ стрижкамъ тоже. Онъ у меня совсѣмъ принцемъ сдѣлался... Спитъ на бархатной подушкѣ, кушаетъ молоко, шоколадъ, косточки отъ дичи, супы разные... Я ему розовую ленту на шею привязала, съ серебрянымъ колокольчикомъ. Хочешь къ намъ пріѣхать въ будущее воскресенье, посмотрѣть его?

Дуня испуганно взглянула на маленькую баронессу.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Не хочу!—испуганно вырвалось изъ ея тонкихъ губокъ.—Нѣтъ, нѣтъ! Не хочу! Боюсь!

Она, дѣйствительно, боялась и красивой Софьи Петровны, и ея угловатой, суровой на видъ дочери.

Ей была жутка самая мысль попасть въ важную, пышную обстановку, попечительскаго дома.

— Нѣтъ! Нѣтъ!—еще разъ испуганно произнесла она.

Нанъ досадливо передернула худенькими плечиками.—Глупая дѣвочка,—произнесла она сурово—никто не повезетъ тебя къ намъ насильно. Вотъ-то дурочка!—И она повернувшись спиной къ Дунѣ заговорила съ Дорушкой.

Между тѣмъ, кругъ играющій все увеличивался. Приходили „среднія“ и становились въ кругъ. И Дуня, помѣстила свою куколку между собой и Дорушкой, осторожно держа ее за замшевыя ручки, тоже примкнула къ игрѣ.

Дѣти медленно кружили и пѣли звонкими голосами:

— У нашего Васьки, — Пушистыя лапки
— Зеленые глазки, — И хвостикъ крючкомъ *).

А докторъ Николай Николаевичъ ходилъ, подражая кошкѣ, по кругу, фыркалъ, мяукалъ и отряхивался по кошачьему, строя уморительныя гримасы и приводя своими выходками въ полный восторгъ дѣтишекъ.

— Мяу! Мяу, опускаясь на корточки и забавно „умываясь лапкой“, какъ это дѣлаютъ кошки, мяукалъ докторъ.

— Я буду мышкой! рѣшительно заявила Оня Лихарева. И, выскочивъ изъ цѣпи, бросилась вдоль круга.

Неуклюже изгибаясь всей своей огромной фигурой докторъ помчался за нею.

— Ай ай-ай! визжали дѣвочки каждую минуту, когда огромная богатырская фигура Николая Николаевича приближалась къ толстенькой фигуркѣ юркой Лихаревой.

Но у толстушки Они были проворныя ноги. Она прыгала козою по кругу, перескакивала черезъ руки, подлѣзала на четверинкахъ въ кругъ и при этомъ отчаянно визжала и отъ удовольствія и отъ опасенія быть пойманной.

*) Взято изъ сборника дѣтскихъ стихотвореній.

По лицу [illegible] лились цѣлые потоки пота. Наконецъ, докторъ изловчился, подхватилъ Оню и при общемъ смѣхѣ посадилъ ее къ себѣ на плечо.

— Поросята хорошія! Продаю поросенка молочнаго, упитаннаго! Покупайте, господа, покупайте! — кричалъ онъ растягивая слова по образцу настоящаго торговца.

— Теперь я буду мышкой, а кто кошкой?—вызвалась Нанъ.

— Позвольте и мнѣ примкнуть къ вамъ, дѣтки! Примите и меня въ вашу веселую игру! — послышался по близости играющихъ приторно-сладкій голосъ.

И шарообразная фигура экономa Жилинскаго и его голая лысая голова появилась передъ дѣтьми.

— Милости просимъ! Милости просимъ! Мѣста на всѣхъ хватитъ,—добродушно пригласилъ его докторъ.

Дѣти, нелюбившіе Жилинскаго, глядѣли на него смущенно и непривѣтливо Слишкомъ уже досаждалъ онъ даже маленькимъ стрижкамъ, кормя ихъ несвѣжей провизіей въ ихъ, и безъ того, скудные обѣды.

— Пожалуйте! неохотно буркнули дѣвочки постарше.

Павелъ Семеновичъ не заставилъ повторить приглашенія. Сіяя сладкой улыбочкой и гладкой, словно отполированной лысиной, онъ погнался за убѣгающей Нанъ, семеня маленькими ножками.

Но противъ ожиданія толстякъ не уступилъ въ прыткости, быстроногой, вертлявой и живой маленькой баронессѣ.

— Сейчасъ поймаетъ! Сію минуту!— задыхаясь отъ волненія шептала Васса, поднимаясь на ципочки и слѣдя горящими глазами за катящимся шарикомъ толстой экономовой фигуры.

Маша Рыжова, отличавшаяся помимо своей лѣни, еще особенной любовью плотно покушать и не терпѣвшая особенно Жилинскаго за то, что тотъ такъ мало заботился объ улучшеніи стола пріютокъ, внезапно потеряла свое обычное спокойствіе

— Анъ, не поймаетъ! Анъ не поймаетъ! — съ несвойственной ей живостью проговорила она.

— А вотъ увидишь!—шептала не менѣе оживленно Васса. Ишь онъ какой прыткій, не убѣжать Нанъ.

— Ладно! Еще бабушка на двое сказала! Нанъ, Нанъ!—крикнула Маша и обычно сонное лицо ея оживилось еще больше.—Сюды бѣги, сюды, Нанъ!

Длинноногая Нанъ, съ быстротою молніи метнулась между Вассой и Машей. Тѣ подняли руки.. Пропустили бѣгущую и снова опустили ихъ передъ бросившимся слѣдомъ за дѣвочкой Жилинскимъ.

Но не успѣли

Павелъ Семеновичъ проскочилъ въ кругъ и помчался по нему, настигая Нанъ.

— Ага! Такъ-то ты!—озлилась Маша Рыжова, слѣдя недобрыми глазами за стремительно несущейся шарообразной фигуркой, словно катившейся на коротенькихъ ножкахъ.

И тутъ-то произошло что-то невѣроятное неожиданное и печально смѣшное въ одно и тоже время. Маленькая дѣтская нога въ пріютскомъ шлепанцѣ-туфлѣ выставилась впередъ, словно ненарокомъ на встрѣчу шарообразной фигуркѣ

Павелъ Семеновичъ не замѣтилъ маневра и несся впередъ съ прежней стремительностью

— Ахъ.

Что то метнулось вправо, потомъ влѣво, замахало короткими руками въ воздухѣ и шарообразная съ увѣсистымъ брюшкомъ фигура Жилинскаго со всего размаха шлепнулась на полъ.

Въ первую минуту толстякъ такъ смутился, что не могъ сообразить въ чемъ дѣло. Онъ силился подняться, встать на ноги и не могъ. Только безпомощно махалъ въ воздухѣ короткими толстыми руками. Докторъ бросился къ нему на помощь, подхватилъ подъ мышки смущеннаго Жилинскаго и поставилъ его на ноги.

— Не стукнулись-ли вы?—съ серьезнымъ озабоченнымъ лицомъ обратился онъ къ экономy.

Потомъ быстро принесъ стулъ и посадилъ на него окончательно растерянаго Жилинскаго, усиленно потиравшаго себѣ колѣно.

Дуня внимательными глазами смотрѣла на все происшествіе. Она замѣтила перемѣну въ лицѣ, очевидно, причиненную болью при паденіи, у злополучнаго эконома и ей стало безконечно жаль этого толстенькаго стараго человѣка, которому было очень больно, въ эту минуту. Привыкшая поступать по первому же влеченію своего чуткаго сердечка, она высвободила себя и свою куколку изъ общей цѣпи и рѣшительно шагнула къ сгорбившейся на стулѣ жалкой фигурѣ Жилинскаго.

Ея голубые глаза, полные состраданія приникли взглядомъ къ красному потному лицу Павла Семеновича.

— Тебѣ больно, дядя?—прозвучалъ далеко слышный дѣтскій голосокъ, звонкій какъ ручеекъ въ лѣсу лѣтомъ,— ну да ничего это, ничего пройдетъ. До свадьбы заживетъ, слышь? Такъ бабушка Маремьяна говорила. Да ты не реви, пройдетъ говорю, право слово! И поднявъ свою тоненькую ручонку она не смущаясь подняла ее къ гладкой, блестящей лысинѣ маленькаго, поникшаго головою человѣчка и нѣсколько разъ погладила и ласково похлопала эту мокрую отъ бѣга и паденія, совершенно лишенную волосъ, голову.

— О! Не то стономъ ужаса, не то задавленнымъ воплемъ смѣха прошуршало по кругу.

Николай Николаевичъ до боли закусилъ губу, чтобы не расхохотаться, отвелъ ручонку Дуни, приготовившуюся снова приласкать бѣднаго дядю по простотѣ невинной души.

Кое-кто изъ пріютокъ не выдержалъ и фыркнулъ въ руку.

Самъ Жилинскій взглянулъ было сердитыми глазами на Дуню, подозрѣвая [illegible] но увидя крошечную дѣвочку съ добрымъ кроткимъ личикомъ улыбающуюся ему милыми голубыми глазенками, смягчился сразу.

— Ну, ну! Ты хорошая, славная дѣвчурка, произнесъ онъ ласково и погладивъ одной рукой Дуню по головкѣ, другою полѣзъ въ карманъ, досталъ оттуда апельсинъ и подалъ его дѣвочкѣ.

Потомъ, чуть прихрамывая, пошелъ изъ круга.

Играющіе возобновили игру. Но уже не было въ ней прежняго веселья. Было жаль старика. Добрыя отъ природы дѣвочки поняли, что паденіе нелюбимаго, какъ они называли эконома, случилось не съ проста

Что-то неуловимое какъ дымка тумана повисло надъ дѣтьми. Смутная непонятная досада закипѣла въ справедливыхъ дѣтскихъ сердечкахъ.

А виновница происшедшаго чувствовала себя отвратительнѣе всѣхъ. Маша Рыжова поняла всю справедливость своего поступка и сердце ея мучительно и больно щемило сознаніемъ тяжелой вины.

Съ трудомъ добряку доктору удалось развеселить его курносенькихъ и только передъ окончаніемъ вечера снова закипѣлъ прежній веселый, дѣтскій смѣхъ въ большой праздничной залѣ.

XXII.

РОЛЕТѢЛО Рождество. Промчалась масляница. Заиграло солнышко на поголубѣвшемъ, по весеннему, небѣ. Быстрые ручьи побѣжали по улицамъ, образуя лужи и канавы... Снѣгъ быстро таялъ подъ волшебнымъ вѣяньемъ весны. Въ воздухѣ носилось уже ея ароматное вѣяніе.

Пріютскій садъ преобразился. Обнажились почернѣвшія дорожки... Освобожденная изъ подъ окововъ снѣга трава выглянула наружу... Кое-гдѣ уже зазеленѣли ранніе побѣги... Шла животворящая, молодая, радостная весна!

Великій постъ подходилъ къ концу. Пріютки говѣли на Страстной недѣлѣ.

Цѣлыми днями слышался заунывный благовѣстъ сосѣдней богадѣленской церкви. По два, а то и по три раза въ день шли туда стройными парами пѣвчія воспитанницы, шли по мокрымъ отъ стаявшаго снѣга улицамъ, входили въ церковь и занимали обычныя мѣста на обоихъ клиросахъ.

Фимочка самолично руководилъ правымъ клиросомъ, довѣряя лѣвый своей помощницѣ Марусѣ Крымцевой.

Въ залѣ между церковными службами то и дѣло происходили спѣвки. Пѣли пасхальныя тропари... и репетировали Свѣтлую заутреню. Подъ управленіемъ выходившаго изъ себя учителя, пѣли «Да исправится» и «Разбойника», особеннымъ концертнымъ напѣвомъ.

Меньше, рѣже теперь посѣщалась рабочая. Говѣнье, спѣвки, долгія церковныя службы отнимали большую часть времени у пріютскихъ воспитанницъ.

Дуня шла нынче на исповѣдь впервые Со страхомъ и трепетомъ прислушивалась она къ рѣчамъ Сони Кузьменко, самой набожной и религіозной дѣвочки изъ всего младшаго отдѣленія пріюта.

Соня садилась гдѣ-нибудь въ дальнемъ уголку залы, ее окружали стрижки, преимущественно тѣ, кому не удавалось еще побывать на исповѣди и жадно прислушивались къ каждому слову Сони.

Плавнымъ, дѣланно-тягучимъ голосомъ, десятилѣтняя Соня «наставляла» младше-отдѣленокъ

— Каяться надо чистосердечно, дѣвоньки, потому что самъ Господь Іисусъ Христосъ присутствуетъ невидимо на исповѣди,—говорила она...—Какъ за ширмочки къ отцу Модесту войдешь, такъ перво-на-перво земной поклонъ положить надоть, а тамъ на Крестъ Его Животворящей глядя, и грѣхи сказывать. Безъ утайки, какъ есть все...

— А ежели не все сказать? Утаить? расширяя глаза отъ ей самой непонятнаго страха и теряя обычную свою сонливость, освѣдомлялась Маша Рыжова, не попавшая въ первые два года своего пребыванія въ пріютѣ на исповѣдь, вслѣдствіе болѣзни.

— А вотъ это ужъ худо...—авторитетнымъ тономъ говорила Соня.— Спроси няньку Варварушку, она тебѣ разскажетъ, что на томъ свѣтѣ будетъ за то.

— А что?

— А спроси. Узнаешь!

Соня смолкаетъ, важная, торжественная, преисполненная таинственности и значенія предстоящаго событія.

Стрижки-первоговѣлки подчиняясь ея указанію, летятъ со всѣхъ ногъ отыскивать Варварушку. Та охотно соглашается на ихъ просьбы «разсказать». Огромная, рыжая, басистая, садится она подлѣ Сони и гудитъ своимъ «трубнымъ» басомъ о страшномъ судѣ, о праведникахъ и грѣшникахъ, о горячихъ сковородкахъ, которыя предстоитъ лизать лжецамъ и клеветникамъ на томъ свѣтѣ. О желѣзныхъ крючьяхъ, на которыхъ повѣсятъ за руку воровъ, за ребра преступниковъ... Варварушка сама наивно вѣритъ въ тѣ безсмысленныя бредни, которыхъ въ дѣтствѣ наслушалась сама отъ такихъ-же темныхъ людей. Передъ дѣтьми разворачиваются страшныя картины возмездія, пугая дѣтскіе впечатлительные умы...

Многія изъ «малодушныхъ» горько плачутъ отъ страха... Съ красными вѣками и распухшими отъ слезъ носами, бродятъ унылыя стрижки по коричневому зданію. Одна Оня Лихарева не унываетъ... Веселая по обыкновенію и разбитная шалунья, бойко трунитъ надъ подружками.

— Ладно... Ладно... сказывайте грѣхи, малыши, а батюшка-то отецъ Модестъ выведетъ на средину церкви, сядетъ тебѣ на спину многогрѣшную, да вокругъ храма Божія трижды на тебѣ и проѣдетъ. Не грѣши, молъ, милая, не грѣши!

— Что?

Новый страхъ, новое смятеніе.

Ужели такъ и поѣдетъ? А?—звучатъ робкіе голоса.

— Да полно тебѣ врать-то, непутевая... сердится Варвара,—имъ и безъ того боязно, а ты еще пугаешь, безсовѣстная! Не вѣрьте ей дѣвоньки! Ишь языкъ-то у нея безъ костей. Мели Емеля—твоя недѣля! Нѣтъ того грѣха, чтобъ не простился Господомъ, Батюшкой нашимъ Милосернымъ. Только проститься надо

— Какъ проститься?

— Передъ исповѣдью прощенія у всѣхъ испросить смиренно съ покаяніемъ о содѣянномъ... Передъ кѣмъ согрѣшили у того...—поучала Варвара.

— У всѣхъ?

Задумывается Маша Рыжова... Въ туповатой головѣ, не привычной къ мозговой работѣ тяжело ворочается мысль.

— Тогда... давеча... о Рождествѣ-то .. Она подножку эконому Павлу Семеновичу.. Неужто и ему покаяться? Прощенія просить... А какъ осерчаетъ да «самой» то и донесетъ? Что-то будетъ! Охъ, батюшки!

Въ тотъ-же вечеръ поздно, послѣ ужина незамѣтно задерживается у стола Маша Рыжова... Юркаетъ за шкапъ съ посудой. Дожидается пока не исчезли пары воспитанницъ одна за другою въ корридорѣ, смежнымъ съ дверью столовой.

Мимо, торопясь къ себѣ на квартиру, спѣшно прокатывается шарообразная фигурка эконома.

Блѣдная, трепетная, взволнованная появляется передъ нимъ дѣвочка.

— Павелъ Семеновичъ... простите... ради Христа... давеча... я ногу выставила, играючи... На елкѣ... А вы запнулись... и упали... Признаться боялась шибко... Попадетъ, думалось... Простите, извините, Христа ради! Нарошно вѣдь это я!

Жилинскій смотритъ въ блѣдное дѣтское лицо, слушаетъ рвущійся отъ страха и смущенія голосъ... Гнѣвная краска внезапно заливаетъ толстыя щеки, лобъ, лысину, шею...

— Ты смѣла? Нарочно, говоришь? За что?

Слезы брызжутъ фонтаномъ изъ глазъ Маши.

— Простите... не гнѣвайтесь... Нарошно... Ахъ, Господи... Обидно было... На васъ .. ради Христа... простите... Обидѣлась за то..., что кушать хотѣлось... А... кормятъ мало... и худымъ... Вотъ я... со злости, значитъ, отплатить думала. Ахъ, Ты Господи! Простите! На исповѣдь... Надо... Варварушка проститься велѣла... А я передъ вами грѣшна...

Маша уже не плачетъ, а рыдаетъ навзрыдъ на всю столовую...

Павелъ Семеновичъ испуганно косится на дверь. Не равенъ часъ, войдетъ еще кто-нибудь. Узнаютъ причину... И ему не лестно. Кормитъ онъ, дѣйствительно плохо воспитанницъ... По дешевой цѣнѣ скупаетъ продукты, чтобы экономію собрать побольше, показать при расчетѣ, какъ онъ умѣло хорошо ведетъ дѣло... Мѣстомъ дорожитъ... Семья у него... Дѣти... сынишка... Виноватъ онъ, правда, передъ воспитанницами. Ради собственной выгоды, ихъ не щадилъ... А эта дѣвочка, дурочка можно сказать, а его нехотя сейчасъ пристыдила...

И, живо наклонившись къ плачущей Машѣ, Павелъ Семеновичъ положилъ ей свою пухлую руку на плечо и проговорилъ ласково:

— Ну, полно, полно, не реви... Не сержусь я... Ну, ужъ ладно, ступай... Да не болтай зря-то никому объ этомъ... Слышишь? А кормить васъ лучше будутъ, я ужъ распорядился! Да не реви ты, экая глупышка!

И легонько и ласково онъ вытолкалъ плачущую дѣвочку изъ столовой

Сдержалъ слова Жилинскій Частью изъ страха за свою участь частью изъ-за смутно промелькнувшихъ угрызеній совѣсти по отношенію ребятъ. Но кормить онъ сталъ много вкуснѣе и лучше съ этого дня пріютокъ

Вечеръ... Только что прошла всенощная. Церковный сторожъ вынесъ ширмы изъ ризницы и поставилъ ихъ на правомъ клиросѣ богадѣленской церкви.

Въ черномъ подрясникѣ съ тускло-поблескивающимъ шитьемъ епитрахили и наперстнымъ крестомъ на груди, отецъ Модестъ, еще болѣе блѣдный и усталый, нежели зимой на урокахъ, проходитъ туда, гдѣ таинственно сверкаетъ золотомъ застежекъ евангеліе и крестъ на аналоѣ въ темномъ углу клироса. И сразу потянулись, длинной сѣрой вереницей старушки богадѣленки, на исповѣдь, за темныя ширмочки, къ отцу Модесту.

При слабомъ свѣтѣ лампадъ и единственныхъ свѣчей передъ образами, какъ-то особенно хмуро и сурово выглядятъ нынче на иконахъ аскетическія лица угодниковъ и святыхъ.

Дуня въ который разъ уже обѣгаетъ глазами хорошо знакомый ей за послѣдніе восемь мѣсяцевъ, проведенныхъ въ пріютѣ, иконостасъ. Сегодня и ей изображенные тамъ на иконахъ святители кажутся нѣсколько иными, болѣе суровыми и строгими, не какъ всегда. Легкій холодокъ страха забѣгаетъ въ душу дѣвочки. Съ жуткимъ чувствомъ вглядывается Дуня въ обычно милостивый и кроткій ликъ Богородицы. И онъ сегодня особый... Будто требовательнѣе и строже глядятъ на бѣдную маленькую стрижку обычно мягкіе ласковые глаза безгрѣшной Матери Бога. Въ вихрѣ мыслей, закружившихся въ дѣтской головкѣ, проносится цѣлая вереница грѣховъ передъ Дуней...

Сколько разъ она Дуня позабывала молиться по вечерамъ. Кое-какъ убирала по утрамъ въ горницахъ пріюта. Дорушкѣ частенько завидовала, что та не сиротка круглая, что у той мать есть. Оскоромилась намедни шоколадной конфеткой, что Маруся Крымцева дала. Пашку — то есть Павлу Артемьевну сколько разъ ругала заглазно. А когда всѣ пошли „артелью“ прощенія у той просить, она Дуня прыснула со смѣха, когда Оня

Пріютки. (Стр. 144).

Лихарева тишкомъ Пашку индюшкой назвала. Ну, какъ тутъ не сокрушаться, когда грѣховъ пропасть!..

— А что, ежели и впрямь за нихъ батя на спину сядетъ да по церкви погонитъ, — замирала она со страха.

— Все одно, утаить нельзя, грѣха ни единаго. Вонъ нянька Варварушка говоритъ, что за ложь на томъ свѣтѣ грѣшниковъ горячія сковороды заставятъ лизать. Что ужъ лучше перенести, одинъ Богъ знаетъ!

И маленькая, восьмилѣтняя говѣльщица стремительно опускается на колѣни, усердно отбиваетъ земные поклоны и шепчетъ молитвы пересохшими, робкими губами.

Отъ исповѣдовавшихся отдѣленки... Потянулись старшеотдѣленки къ правому клиросу... За ними среднія... Наконецъ дошла очередь до стрижекъ...

Сама ни своя стоитъ точно къ смерти приговоренная Дуня. И опять всякіе ужасы мерещутся ей. То отецъ Модестъ выѣзжаетъ на спинѣ той или другой „грѣшницы“ изъ-за ширмъ, то муки на томъ свѣтѣ мерещутся, раскаленныя до красна сковороды, горячіе крючьи, гвозди, уготованные для грѣшниковъ непрощенныхъ. А рядомъ Дорушка, какъ ни въ чемъ ни бывало, степенно крестится и кладетъ земные поклоны.

И Васса также... И Васса спокойна... А она-ли не грѣшница! Чужую работу въ печкѣ сожгла! А лицо спокойное, ясное! Будто ничего не боится Васса! И глядя на подружекъ, и сама, отходитъ сердцемъ Дуня.

Не успѣла замѣтить какъ пробѣжало время... Она за ширмой.

— Ну, дитятко милое, говори мнѣ твоему отцу духовному, какіе грѣхи за собой помнишь? звучитъ надъ ея склоненной головкой добрый, мягкій задушевный голосъ. Робко поднимаетъ глаза на говорившаго дѣвочка и едва сдерживаетъ радостный крикъ, готовый вырваться изъ груди.

Кто это? Не тятя-ли покойникъ передъ нею?

Его глаза, ласковые, добрые сіяютъ въ полутьмѣ клироса ей, Дунѣ. Его большая тяжелая рука ложится на ея стриженную гладкимъ шарикомъ головку. Онъ! Какъ есть, онъ!

— Тятя! Роднепькій! Не померъ ты! Ко мнѣ пришелъ! вернулся! шепчетъ словно въ забытьи дѣвочка и слезы катятся одна за другой по встревоженному и радостному Дуниному лицу.

А большая рука гладитъ маленькую головку и бархатными нотами звучитъ обычно прежде строгій голосъ отца Модеста...

Тускло поблескиваетъ крестъ и золотыя застежки Евангелія въ полутьмѣ за ширмами, и стятъ ярко голубые глазенки Дуни и огромная безсознательная радость пышнымъ цвѣткомъ распускается и рдѣетъ въ невинной дѣтской душѣ...

. . . . . .

На Пасхѣ отъ баронессы Фуксъ прислали огромныя корзины съ ветчиною, яйцами, куличами и пасхами для розговѣнья пріютокъ.

Сама баронесса, вся бѣлая, душистая, нарядная и розовая, какъ молодая дѣвушка, пріѣзжала съ особенно нескладной въ ея нарядномъ платьицѣ Панъ, христосоваться съ дѣтьми на второй день праздника. А на третій «любимицы» Софьи Петровны были приглашены къ попечительницѣ въ гости.

Назначили въ ихъ число и Дуню по желанію упрямой Нанъ но дѣвочка такъ расплакалась такъ крѣпко вцѣпилась въ свою подружку Дорушку, не попавшую въ списокъ приглашенныхъ, что на нее махнули рукой и оставили ее въ пріютѣ.

— Мнѣ она начинаетъ нравиться,—тономъ взрослой дѣвушки, не сводя глазъ съ Дуни, произнесла Нанъ, ни къ кому особенно не обращаясь,—у нея, у этой крошки, есть характеръ! И ея маленькіе глазки впились зорко въ голубые, какъ день Мая, глаза Дуни.

Пролетѣла какъ сонъ пасхальная недѣля. За нею

еще другія... Прошелъ мѣсяцъ. Наступило лѣто... Пышно зазеленѣлъ и разцвѣлъ лиловато-розовой сиренью обширный пріютскій садъ. Птичьимъ гомономъ наполнились его аллеи. Зеленая трава поднялась и запестрѣла на лужайкахъ... Надъ нею замелькали иные живые цвѣтики-мотыльки и бабочки. Зажужжали мохнатыя пчелы, запищали комары.. По вечерамъ на пруду и въ задней дорожкѣ лягушки устраивали свой несложный концертъ послѣ заката солнца.

Многихъ воспитанницъ родители брали домой на побывку на три лѣтніе мѣсяца. Завистливыми глазами поглядывали на уѣзжавшихъ счастливицъ ихъ менѣе счастливыя сверстницы.

Какъ ни печальна была доля бѣдныхъ дѣвочекъ проводить лучшее въ году лѣтнее время въ душныхъ помѣщеніяхъ «угловъ» и «подваловъ» или въ убогихъ квартиркахъ подъ самой крышей все-же они были «дома» на «волѣ», а не въ заперти, среди четырехъ стѣнъ казеннаго, мрачнаго зданія. И рвалась изъ казны «на эту волю» сложная дѣтская душа. Были между ними и такія счастливицы, которыя попадали на «дачу».

Часто матери, тетки, сестры, отцы, братья, дяди, дѣды и бабки, служившіе у «господъ» въ прислугахъ, испрашивали разрѣшеніе хозяевъ взять на лѣто въ свой жалкій уголокъ кухарки, либо кучера дочь или родственницу изъ пріюта.

Господа великодушно разрѣшали. И вотъ, осчастливленныя до безконечности дѣвочки попадали «на дачу». Не чуя отъ радости ногъ подъ собою, покидала она скучный пріютъ и душный городокъ, и ютясь, гдѣ-нибудь, на чердакѣ или въ боковушкѣ дачнаго барака, питаясь объѣдками съ барскаго стола, она съ наслажденіемъ вкушала всю прелесть дачной жизни. По четыре раза на днюкупалась въ рѣкѣ, бѣгала по лѣсу до изнеможенія, собирая цвѣты, ягоды, грибы позднѣе. А вечеромъ и рано утромъ старалась работой по дому вознаградить благодѣтелей за данное ей счастье: не во что считалась безпрестанная бѣготня

въ лавочку, раздуваніе самовара по двадцати разъ на день, чистка сапогъ, мытье половъ дачи, уборка дома и сада... А когда такая счастливица возвращалась снова въ пріютъ по осени, разсказамъ о проведенномъ «на волѣ» лѣтѣ не было конца и предѣла...

Впрочемъ, и въ самомъ пріютѣ за лѣто шибко измѣнялась обычная, сѣрая, скучная однотонная жизнь.

Отмѣнялись уроки и рукодѣльные часы въ рабочей. Уѣзжала въ отпускъ Павла Артемьевна и Антонина Николаевна и бразды правленія всецѣло переходили въ руки тети Лели, не рѣшившейся даже ради необходимаго отдыха покинуть своихъ дѣвочекъ.

Цѣлые дни проводились на воздухѣ, въ саду въ его тѣнистыхъ густо разросшихся аллеяхъ.

До обѣда шили, заготовляя приданное выходнымъ пріюткамъ: неизбѣжныя два платья, и по полъ-дюжины бѣлья для каждой покидавшей пріютъ и уходившей на мѣсто воспитанницы.

Послѣ обѣда, играли, качались на качеляхъ, состязались въ крокетъ на садовой площадкѣ, купались въ садовомъ пруду, обтянутомъ парусиной.

А когда спадала жара, снова шили и слушали чтеніе тети Лели умѣвшей выбирать книги, одинаково интересныя для взрослыхъ дѣвушекъ и дѣтей.

Въ первое-же лѣто своего пребыванія въ пріютѣ неожиданное горе поразило Дуню. Пріѣхала мать Дорушки и увезла дѣвочку на лѣтніе мѣсяцы на дачу.

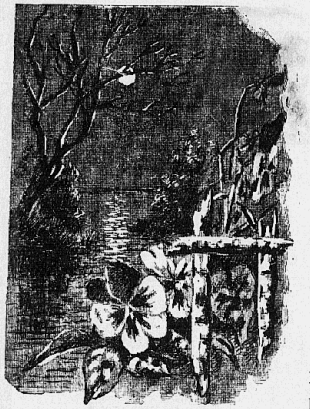
Горько плакала Дуня, разставаясь съ подружкой и совсѣмъ было слегла отъ слезъ, если-бы ни та же добрая тетя Леля не занялась дѣвочкой.

Не отходя ни на шагъ отъ ребенка, горбатенькая надзирательница со своей обычной изобрѣтательностью съумѣла развлечь осиротѣвшую малютку.

Она гуляла и играла съ Дуней, уводила ее въ свою уютную маленькую комнатку, показывала ей картинки, учила собирать и сушить цвѣты, играла ей на піанино, умѣло втягивала скучавшую дѣвочку въ общія шумныя

игры и добилась таки своего: Дуня повеселѣла, окрѣпла, поправилась за лѣто и загорѣла, какъ цыганенокъ, цѣлые дни проводя въ саду.

И когда вернувшаяся «съ дачи» Дорушка, увидѣла смуглую, краснощекую высокенькую дѣвочку, рѣзво выбѣжавшую къ ней навстрѣчу, то едва признала въ ней свою тихую, пугливую и робкую подружку.



Часть вторая.

I.

Прошли — промчались четыре года...

Та-же яркая, ясная и привѣтливая весна заглядывала въ хмурыя окна угрюмаго коричневаго зданія.

Въ нижнемъ этажѣ пріюта помѣщается огромная прачешная съ каменнымъ поломъ, съ большими мѣдными баками и гигантской печью-плитой.

Рыжая Варварушка, и ея двѣ помощницы, пріютскія служанки, въ это ясное весеннее утро, усердно стираютъ бѣлье на «волю» для «господъ» обычныхъ кліентовъ и кліентокъ N-скаго ремесленнаго пріюта.

Надъ двумя другими лоханками стоятъ двѣ дежурныя по прачешной воспитанницы и тщательно выполаскиваютъ въ пѣнящейся водѣ, тонкіе платки, кружева, чулки, воротнички и кружевныя и батистовыя кофточки, словомъ болѣе тонкія вещи.

Мелкое бѣлье, изящныя принадлежности туалета стираютъ сами воспитанницы средняго и старшаго отдѣленій пріюта.

Надъ одной изъ лоханокъ наклонилась худенькая бѣлокурая дѣвочка съ жидкой косичкой совершенно льняныхъ волосъ. Голубые глаза, нѣсколько, широкій носъ, тонкія темноватыя брови и длинные лучи рѣсницъ на блѣдномъ личикѣ все въ ней чрезвычайно привлекательно и мило. Что-то робкое, пугливое въ каждомъ движеніи тонсенькаго тѣла, въ каждомъ взглядѣ кроткихъ, дѣтски ясныхъ голубыхъ глазъ, что-то стремительное и покорное въ одно и тоже время.

Мечтательная улыбка изрѣдка трогаетъ тонкія губы и тотчасъ-же отражается въ голубыхъ, какъ лѣсныя незабудки глазахъ. Это Дуня. Двѣнадцатилѣтняя Дуня Прохорова, проведшая въ коричневыхъ стѣнахъ пріюта долгіе, однообразные четыре года. Еще пройдетъ годъ и она станетъ старшеотдѣленкой, самой молоденькой воспитанницей изо всѣхъ «выпускныхъ» старшихъ дѣвицъ. А тамъ черезъ два, три года и коричневыя стѣны раздвинутся передъ нею и выпустятъ на волю, на „мѣсто“, самостоятельной маленькой дѣвушкой эту тоненькую и гибкую, какъ тростинка бѣлокуренькую дѣвчурку, такую робкую и тихонькую отъ природы.

Рядомъ съ нею работаетъ Дорушка. Эта тоже сильно перемѣнилась за четыре года. Изъ хрупкой, нѣжной дѣвочки, Дорушка стала крупнымъ, рослымъ четырнадцатилѣтнимъ подросткомъ. У нея густая темная коса чуть не до пояса. Бойко и разумно глядятъ каріе немного выпуклые глаза. Увѣренно улыбаются на добромъ честномъ лицѣ пухлыя губы, Дорушкѣ нечего бояться будущаго. У ея матери оказались небольшія сбереженія, позволившія Аксиньѣ уйти отъ господъ и открыть свою собственную малюсенькую мануфактурную лавочку. За лавочкой есть двѣ небольшія свѣтлыя каморки-горницы, которыя Аксинья рѣшила обратить въ мастерскую «дамскихъ нарядовъ», (правда очень маленькую, крошечную мастерскую, но все же въ мастерскую), лишь только Дорушка окончитъ свое ученье въ пріютѣ.

Дѣвочкѣ своей она поручитъ мѣсто мастерицы и

закройщицы, возьметъ ей еще двухъ дѣвицъ швеекъ на помощь и дастъ Господь, они наработаютъ съ нею Аксиньей ни одну копейку на черный день.

Вотъ эти то планы матери и даютъ увѣренность въ свое счастье и Дорушкѣ; позволяютъ ей спокойно и ясно глядѣть въ невѣдомую жизненную даль.

Съ Дуней онѣ дружны, но не по прежнему.

Счастье Дорушки смущаетъ Дуню... Казалось ей какъ-то важнѣе и отчужденнѣе стала эта новая самоувѣренная и самодовольная Дорушка, толкующая уже теперь о предстоявшихъ заработкахъ «ея» мастерской У Дорушки нашлись неожиданно подруги изъ старшаго отдѣленія предлагавшія будущей юной хозяйкѣ мастерской свои рабочія руки.

Бѣдность и сиротство учитъ быть дальновидными и дѣти, помимо собственной воли, рано перестаютъ быть дѣтьми. Каждая пріютка съ дѣтства пріучается къ мысли о заработкѣ.

Вотъ почему теперь Дорушка, будущая хозяйка ходитъ въ досужіе часы, обнявшись со старшими. Около нея тѣснятся теперь Лина Сальникова, Паланя Заведеева, Шура Огурцова, ставшія уже два года тому назадъ старшеотдѣленками.

Что-же касается Ѳенички Клементьевой и еще двухъ или трехъ ея сверстницъ, ихъ судьба опредѣлялось ясно. Впереди ихъ ждутъ учительскіе курсы и мѣста сельскихъ учительницъ. О Ѳеничкѣ хлопочетъ сама баронесса, а этого уже достаточно, что-бы стать «человѣкомъ» по настоящему.

Однако и Дуня, не лишена дружбы Дорушки, очень доброй по природѣ. Несмотря на новыхъ подругъ послѣдней Дорушка попрежнему раздаетъ свои гостинцы подругамъ и дѣлится добрячка съ ними каждымъ кускомъ. По прежнему ровна и ласкова она со всѣми, а съ Дуней ласковѣе всѣхъ, но нѣтъ теперь времени Дорушкѣ посвящать всѣ свои досуги Дунѣ. Цѣлыми днями просиживаетъ она за работой. Изучаетъ выкройки,

образцы... Шьетъ больше, нежели требуется въ пріютѣ, словомъ всячески готовится къ сложной роли будущей хозяйки мастерской.

И Дуня измѣнилась ни мало...

Всегда молчаливая, съ книжкой въ рукахъ, или съ мечтательно устремленнымъ вдаль взоромъ дѣвочка невольно обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Подруги любятъ ее за «тихость», начальство за безотвѣтность, даже сама «страшная Пашка» снисходительно относится къ ней и «спускаетъ» Дунѣ, ея беззавѣтную привязанность къ «тетѣ Лелѣ», принявшей вновь поступившихъ новенькихъ младшеотдѣленокъ подъ свое покровительство. А всѣмъ хорошо извѣстно, какъ не долюбливаетъ «Пашка» горбунью...

Два года тому назадъ Дуня въ одинъ такой-же радостный празднично-яркій весенній день рыдала безвучно, прильнувъ къ худой и плоской груди горбатенькой тети Лели. Это былъ незабвенный день разставанья съ доброй надзирательницей.

— Не плачь, дитя мое, не плачь,—гладя дрожавшими руками бѣлобрысенькую головку, дѣвочки, шептала Елена Дмитріевна разставаясь съ нею,—не на вѣкъ расходимся, я же остаюсь въ пріютѣ только передаю васъ средней наставницѣ. А ты приходи ко мнѣ, какъ только сомнѣнье какое-нибудь тебя одолѣетъ или просто взгруснется, Душошка, ты и приди, непремѣнно, слышишь? А я тебѣ всегда рада буду, какъ родной, ты и Оля Чуркова самыя малюсенькія были у меня... Мнѣ васъ всѣхъ жальче поэтому, доченьки вы мои... крохотки бѣдненькія!—заключила прослезившись горбунья.

Вѣкъ не забудетъ этого дня прощанья Дуня... Ласковая, чуткая, сердечная, какъ мать родная любящая ихъ тетя Леля, оставляла ихъ, чтобы принять болѣе нуждающихся въ ея ласкѣ, новыхъ маленькихъ стрижекъ и сдавала ихъ на руки, строгой суровой и требовательной Павлѣ Артемьевнѣ, передавшей въ свою очередь своихъ подростковъ среднеотдѣленокъ «педагогичкѣ» Антонинѣ Николаевнѣ, воспитанницы которой уже были опредѣлены на мѣста.

Таковъ былъ обычай N-скаго пріюта... И не маленькимъ рыдающимъ отъ горя разставанья дѣвочкамъ было измѣнять его.

«Ангелъ-тетя Леля» оставляла ихъ... И «страшная Пашка» принимала на свое попеченіе не любившихъ ее воспитанницъ.

Перебирая въ своей памяти эту незабвенную картину прощанья съ обожаемой горбуньей, Дуня и сейчасъ ниже склоняется надъ лоханью и слезы невольно туманятъ ея обычно ясные, голубые глаза.

— Дѣвоньки, новость! Такая новость! Такая! Сейчасъ помереть на мѣстѣ! Рты разинете до ушей!

Въ облакѣ пара, наполнявшемъ прачешную, невысокая тонкая фигура Паши Канарейкиной и ея веснусчатое съ птицеобразнымъ носикомъ лицо выглядитъ очень забавнымъ...

Паша—это первая вѣстовщица и большая проныра среди своихъ среднеотдѣленокъ. Случалось-ли какое-нибудь изъ ряда вонъ выходящее событіе въ пріютѣ, происходила-ли какая-либо неожиданность въ хмурыхъ коричневыхъ стѣнахъ, Паша какимъ-то ей одной свойственнымъ нюхомъ, узнавала обо всемъ первая и въ тотъ-же часъ благовѣстила о «событіи» по всему пріюту.

И сейчасъ, появившись въ неурочное время среди прачешной, Паша явилась непремѣнно съ новостью самаго неожиданнаго свойства.

Дуня съ Дорушкой, нянька Варварушка и двѣ служанки съ любопытствомъ подняли отъ лоханей головы и воззрились на вошедшую.

— Ну, чего еще выдумала, непутевая?—дѣланно-сердитымъ тономъ заворчала Варварушка—убѣжала, небось изъ рукодѣльной, попадетъ на орѣхи отъ Павлы Артемьевны! Какъ пить дать, влетитъ!

— Ну, вотъ! Такъ вотъ тебѣ сейчасъ, какъ же, держи карманъ шире! Небось и Пашка, да и «сама» то, всѣ съ ногъ сбились. Не до насъ нынче. Такая новость! Такая!..

— Врешь ты все Паша, — усумнилась Дорушка и плечомъ поправила соскользнувшую на потную щеку прядь волосъ...

— Не я вру, сивый баранъ вретъ... А не любо не слушай коли вру...—усмѣхнулась ничуть не обидившаяся Паша.—Ужъ эта умница-разумница наша Дорушка, скажетъ тоже! Всѣ у нея вруньи, одна она только святоша!

— Да будетъ тебѣ! Говори кака така новость! освѣдомилась Варварушка и глаза ея блеснули понятнымъ любопытствомъ.

— Ага, разлакомились! торжествующе расхохоталась Паша,—ну, такъ и быть скажу:—барышня къ намъ въ пріютъ поступаетъ! Вотъ что! И довольная произведеннымъ эффектомъ дѣйствительно выдающейся новости, Паша обвела всѣхъ присутствующихъ сіяющимъ взглядомъ.

— Ну? не то недовѣрчивымъ, не то изумленнымъ звукомъ вырвалось у всѣхъ.

— Вотъ тебѣ и ну! Ну—лошадямъ кричатъ, а мнѣ Пашенькѣ за такую новость поклонъ и почтеніе! засмѣялась дѣвочка и даже руки въ боки уперла и притопнула ногою.

— Господи! Да неужто, барышня? Дорушка, а Дорушка? Вѣрно это?—зашептала Дуня, наклоняясь къ подругѣ.

— А то, вру?—неожиданно выкрикнула Канарейкина.—Вотъ-те святая пятница — Сама Пятидесятница! Всѣ Святители! Провались я на мѣстѣ — затараторила съ необычайной живостью дѣвочка.

— Пашенька! Не божись! О томъ свѣтѣ подумай!— остановила ее Варварушка.

— Да, вы послушайте новенькая-то какая! Сейчасъ пришла это она въ рукодѣльную. Барышня, какъ есть барышня! Платье суконное по два съ полтиной за аршинъ, не вру, ей Богу, локоны по плечамъ, ровно у херувима. А лицо—картинка. И въ корсетѣ, миленькія, сейчасъ помереть, въ корсетѣ. Совсѣмъ барышня... Сказывали генеральская воспитанница. Си-ро-то-чка! А чулки на ногахъ-то шелковые со стрѣлками. Сейчасъ помереть...

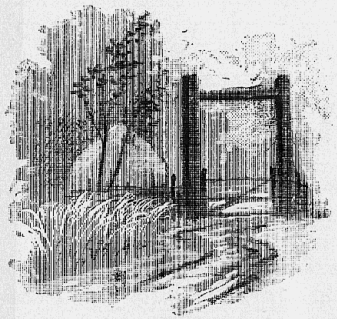
— Да брось ты клясться! Что это! И безъ того вѣримъ! строгимъ голосомъ остановила свою сверстницу четырнадцатилѣтняя Дорушка.

— Барышня говоришь? Да что-жъ это въ ремесленный пріютъ, и вдругъ барышня! удивленно проронили губы рыжей Варварушки.

— Вотъ те, Христосъ Святъ правда! такъ и вскинулась снова Канарейкина.—Сами увидите. Ой, батюшки! Что-жъ это я? Не хватилась-бы Пашка! Ой! Ой! Ой! Побѣгу я дѣвоньки! Счастливо оставаться! Барышнѣ отъ васъ передамъ поклонъ.

— Передать аль нѣтъ?

И хитро прищурившись, Паша мотнула головой и исчезла, какъ призракъ въ облакѣ дыма...



II.

НОВЕНЬКУЮ Дуня и Дорушка увидѣли только вечеромъ.

Веселое мартовское солнце еще заливало залу, когда обѣ дѣвочки управившись съ бѣльемъ и наскоро поужинавъ остывшимъ картофелемъ съ масломъ и селедкой вышли въ залу и сразу остановились какъ вкопанныя.

Тетя Леля сидѣла за піанино и играла по обыкновенію танцы.

Маленькія стрижки съ визгомъ гонялись другъ за другомъ по огромной комнатѣ, а посреди залы, окруженная старшими и средними воспитанницами стояла дѣвочка лѣтъ четырнадцати, въ черномъ траурномъ платьѣ, сшитомъ безспорно у очень дорогой портнихи, съ большимъ креповымъ поясомъ вокругъ таліи.

Платье доходило до щиколотки его владѣлицѣ, но тонкія ручки дѣвочки красивымъ движеніемъ подобрали его и такимъ образомъ обнажились тонкія стройныя ножки въ шелковыхъ чулкахъ и безукоризненныхъ лакированныхъ ботинкахъ.

Но не костюмъ, а лицо, поразило дѣвочекъ въ этой странной, необыкновенной новенькой. Короткіе пушистые кудри чудесной рамкой окаймляли это лицо, неправильное, рѣзкое, скорѣе некрасивое съ слишкомъ крупнымъ ртомъ и широкимъ мясистымъ носомъ. Но что-то было въ этомъ лицѣ такое, что сразу привлекало въ немъ каждаго, яркостью красокъ, огнемъ сверкающихъ, какъ темныя вишни подъ дождемъ, огромныхъ и прекрасныхъ глазъ, ослѣпительно яркой улыбкой обнажавшихъ бѣлые какъ сахаръ зубы, въ горделиво изогнутыхъ прихотливымъ изгибомъ бровяхъ, въ аломъ румянцѣ на молочно бѣлой кожѣ, во всей фигуркѣ высокой и стройной, какъ молодой тополь въ саду.

Дѣвочка обѣими ручками держала юбку, красиво округливъ локти и стройными ножками подъ музыку выдѣлывала какое-то па.

— Разъ! Два! Три! отсчитывала она звонкимъ какъ хрусталь голосомъ и медленно легко и плавно кружилась на мѣстѣ.

— Какая красотка! мелькнуло въ мысляхъ Дуни и она не сговариваясь со своей спутницей Дорушкой, быстро метнулась вмѣстѣ съ нею въ сторону танцующей дѣвочки и примкнула къ окружающимъ ея зрительницамъ.

Темнокудрая дѣвочка сдѣлала еще нѣсколько круговъ и остановилась на мѣстѣ, сіяя своими лучезарными глазами, сверкая необыкновенно красивой улыбкой.

— Какая прелесть! Какая душечка!—восторженно вскричала Ѳеничка Клементьева, теперь уже старшеотдѣленка и кандидатка на учительскіе курсы.

— Вамъ нравится этотъ танецъ? Онъ называется «pas d'Espagne» его всѣ нынче танцуютъ! Онъ—модный! [illegible] новенькая и обвела толпившихся вокругъ нея дѣвочекъ своимъ сіяющимъ взглядомъ.

— Какой душонокъ! Картинка!—Прелесть! Красавинька! вспыхивая до ушей, прошептала Ѳеничка влюбленными глазами глядя на дѣвочку.—Я выбираю ее своимъ предметомъ дѣвицы. Слышите? неожиданно обратилась она ко всѣмъ!

— Ха! Ха! Ха! Засмѣялась тѣми милыми металлическими звуками новенькая, какіе свойственны только дѣтямъ да еще очень молоденькимъ дѣвушкамъ.—Что это означаетъ «выбирать предметомъ?» Объясните!—уже повелительнымъ, властнымъ голосомъ точно приказала она окружающимъ.

Черноглазая бойкая Паланя Заведеева выступила впередъ и, непонятно краснѣя и смущаясь, стала объяснять новенькой, что значило на пріютскомъ языкѣ выбирать предметъ.

— Ага! Стало быть за меня будутъ исполнять всю черную работу! Превосходно!—весело разсмѣялась новенькая. Я ничего не имѣю противъ, чтобы за меня стирали въ прачешной и исполняли мое дѣло по уборкѣ пріюта. Я согласна! и она кивнула головкой снова вспыхнувшей Ѳеничкѣ и закружилась снова по кругу, припѣвая въ тактъ круженію:—Разъ, два, три! Разъ, два, три!

Потомъ, внезапно остановилась и щуря сіяющіе черные глаза, проговорила, чуть запыхавшись отъ танца.

— Ну, довольно! Показала вамъ модные па! А то вы топчитесь въ этомъ надоѣдливомъ вальсѣ и старой допотопной полькѣ. Скучно это. А сейчасъ мнѣ-бы хотѣлось выбрать кого-нибудь себѣ въ подруги. Только кого-бы? Всѣ вы въ этихъ сѣрыхъ платьяхъ на одно лицо

Это уже была совершенная неожиданность для воспитанницъ. Обычно новенькія поступали въ пріютъ, робкими, пугливыми стрижками, въ рѣдкихъ случаяхъ, средне-отдѣленками, но тѣ и другіе были застѣнчивы и тихи какъ мыши. Онѣ покорно дожидались, когда имъ предложатъ свою дружбу старенькія воспитанницы и не смѣли заикаться первыми о чемъ-либо подобномъ. Этажe смѣлая, странно-увѣренная въ самой себѣ дѣвочка, какъ куклами распоряжалась сейчасъ большими и маленькими пріютками чувствуя инстинктивно всю власть своего обаянія надъ ними. Она обвела зоркимъ, смѣлымъ взоромъ тѣснившихся вокругъ нея и ея сверстницъ и почти взрослыхъ старшеотдѣленокъ, вглядываясь внимательно чуть щурившимися глазами въ каждое дѣтское или молодое дѣвичье лицо.

И странное дѣло! Каждая изъ воспитанницъ N-скаго пріюта двухъ его старшихъ отдѣленій, по крайней-мѣрѣ, тѣснившихся вокругъ новенькой, чувствовало непреодолимое, жгучее желаніе въ глубинѣ сильно бьющагося сердечка быть избранной этой обаятельной дѣвочкой, этой барышней съ головы до ногъ, игрою слѣпого случая попавшей въ коричневыя стѣны ремесленнаго учебнаго заведенія.

— Я! Меня выберите!

— Нѣтъ, меня!

— Я-бы хотѣла быть вашей подругой, казалось говорили эти восхищенные дѣтскіе и дѣвичьи глазки. Ѳеничка буквально изъ себя выходила отъ волненія.

— Я ее предметомъ выбрала Обожать обѣщалась. Такъ ужли она подругу себѣ выберетъ другую! вихремъ проносилось въ хорошенькой головкѣ юной мечтательницы.

— Она точно переодѣтая принцесса! произнесла шопотомъ Паланя и ея цыганскіе глаза, какъ ножами врѣзались въ глаза новенькой.

Высокая, вытянувшаяся до смѣшного за эти четыре года и безъ того нескладная фигура Вассы такъ и лѣзла

впередъ вытягивая длинную шею, чтобы обратить на себя вниманіе «барышни».

Но блестящіе глаза «переодѣтой принцессы» мелькомъ пробѣжали по ней, задержались на мгновенье на хорошенькомъ личикѣ Любочки Орѣшкиной... скользнули равнодушно по шаловливо-лукавой мордочкѣ Они Лихаревой... Промелькнули мимо благоразумныхъ глазокъ Дорушки и внезапно остановились на лицѣ Дуни. Дуня густо покраснѣла подъ взглядомъ красивыхъ и бойкихъ глазъ новенькой.

— Какъ тебя зовутъ? услышала она неожиданно у своего уха звонкій, металлическій голосъ.

И едва съумѣла принудить себя отвѣтить чуть слышно, назвавъ свое имя.

— Ты мнѣ нравишься Дуня! проговорила тѣмъ-же увѣреннымъ голосомъ новенькая и жестомъ владѣтельной принцессы опустила ей руку на плечо.

— Дуняша, счастливица!—прошептала завистливо Ѳеничка.

— Есть чему завидовать! засмѣялась искренне Оня Лихарева—паша Дуня тихоня, святая! А эта новенькая—боецъ, видать по всему. На ней верхомъ станетъ ѣздить, на Дунѣ! Ей Богу!

— Правда! Правда! подхватила Васса.

— Богъ съ ней съ такой дружбой! Неровни онѣ! пробурчала Паланя и цыганскіе глаза ея сердито сверкнули.

Новенькая разсмѣялась снова. И такъ заразительно весело, что всѣ лица невольно при первомъ-же звукѣ этого смѣха растянулись въ улыбки. Дорушка зашептала на ухо Дунѣ.

— Ты... ничего... ты не бойся, Дуняша! Я тебя въ обиду не дамъ.

— А кто-же ее обижать намѣренъ? внезапно дѣлаясь серьезной произнесла новенькая.—Ее обижать незачто! Смотрите, какое у нея открытое честное лицо! Какіе добрые глаза! И она осторожно двумя пальцами, подняла за подбородокъ заалѣвшее личико Дуни.

Непонятная самой Дунѣ радость разлилась по ея лицу... Сердечко забилось шибко, шибко Хотѣлось броситься на шею этой «прелестной» барышнѣ новенькой и крѣпко расцѣловать ее въ розовыя щечки.

— Румянцева! послышался въ эту минуту громкій призывный голосъ Павлы Артемьевны неожиданно появившейся въ залѣ.

Новенькая повернула было въ полъ-оборота свою: отягощенную темными кудрями головку и тотчасъ же, какъ-бы незамѣчая воспитательницы, обратилась къ Дунѣ.

— Такъ мы будемъ друзьями съ тобою?

— Да,— прошептала Дуня,—и Дорушка тоже,—прибавила она тихо.

— Кто это Дорушка? — нахмурила свои гордыя бровки новенькая.

— Вотъ она! И Дуня вытащила впередъ Дорушку.—Мы съ нею ужъ четыре года дружимъ!—произнесла она смущенно.

— Ладно! Всѣ трое друзьями будемъ!—усмѣхнулась «барышня», пристальнымъ, зоркимъ взглядомъ, обдавъ Дорушку съ головы до ногъ.

— Румянцева!—снова настойчиво и громко прокричалъ рѣзкій голосъ Павлы Артемьевны.

И, быстрыми шагами подойдя къ кругу, она сердито нахмурившись, заговорила, обращаясь къ новенькой:

— Что-жъ ты? Тебя зовутъ Отчего ты не откликаешься?

Изящная фигурка барышни повернулась въ сторону надзирательницы.

— Меня зовутъ Наташа,—твердо отчеканивая каждое слово, произнесъ металлическій голосокъ,—Наташа Румянцева. Такъ вѣдь кажется у васъ называютъ въ пріютѣ? Я не откликалась вамъ, думая что фамилію Румянцевыхъ можетъ носить еще кто-нибудь изъ воспитанницъ, а Наташа Румянцева—я одна!—съ неуловимо гордымъ оттѣнкомъ въ голосѣ заключила дѣвочка.

Въ первую секунду глаза Павлы Артемьевны расширились и стали совсѣмъ круглыми какъ у птицы, а губы побѣлѣли отъ гнѣва.

Она съ минуту смотрѣла въ самые глаза новенькой, глаза, отвѣчавшіе ей невиннымъ, яснымъ и невозмутимымъ взглядомъ, въ то время какъ у самой надзирательницы багровый румянецъ то и дѣло все приливалъ и приливалъ къ лицу.

Тонкая, едва уловимая усмѣшка заиграла на губахъ Наташи Румянцевой.

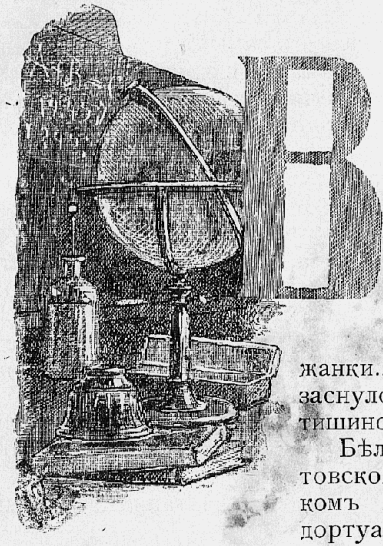
И вотъ буря разразилась внезапно...

— Ступай переодѣваться... Сію минуту... Нечего щеголять какъ барышня!..—закричала Павла Артемьевна, поймавъ, очевидно, эту тонкую, едва уловимую усмѣшечку.—Маршъ! Сѣрое платье и холстинковый передникъ... Живо... И помни: здѣсь надо оставить твои манеры барышни... Здѣсь этого не потерпитъ никто!

И схвативъ за руку новенькую, Павла Артемьевна рѣзкимъ движеніемъ вывела ее изъ круга и слегка подтолкнула по направленію дверей.

На прелестномъ яркомъ личикѣ Наташи не было ни тѣни протеста или неудовольствія.

Но черные глаза ея тихо смѣялись, насмѣшливо сверкая подъ стрѣлами длинныхъ рѣсницъ.



III.

ВЕСЕННЯЯ ночь тихо спустилась надъ коричневымъ домомъ. Крѣпко спитъ подъ ся прозрачной дымкой ремесленный пріютъ. Спятъ воспитанницы, надзирательницы, рыжая нянька Варварушка, спятъ другія служанки... Все тихо, безмятежно заснуло, пользуясь наступившей тишиной...

Бѣлѣсоватый полумракъ мартовской ночи сѣрымъ призракомъ вползаетъ въ огромный дортуаръ.

Ряды постелей... Неподвижныя головки мирно заснувшихъ дѣвочекъ и тишина... Глубокая, мертвая тишина. Изрѣдка только нарушается она соннымъ бормотаньемъ или вздохомъ, приподнявшимъ во снѣ юную грудь.

На крайней постели, у двери неподвижно лежитъ стройная фигурка «барышни-пріютки».

Вотъ уже около мѣсяца живетъ въ пріютѣ Наташа Румянцева, а все не можетъ привыкнуть ни къ пріютскимъ порядкамъ, ни къ новой жизни. Тяжела эта жизнь для дѣвочки, выросшей и проведшей свое дѣтство въ довольствѣ и холѣ... Правда, сверстницы-подруги и кое-кто изъ взрослыхъ старшеотдѣленокъ балуютъ Наташу, исполняютъ за нее «грязную» черную работу, по прачешной и уборки пріюта незамѣтно, тишкомъ отъ строгой Павлы Артемьевны шьютъ за нее въ рукодѣльной,

въ то время какъ она ковыряетъ что-либо «для отводки глазъ» во время рабочихъ часовъ иглою.

Но тѣмъ не менѣе, и эта облегченная ей чуть не втрое пріютская жизнь не подъ-силу ей, „барышнѣ“, какъ ее прозвали воспитанницы.

Не подъ-силу подниматься съ пѣтухами, не подъ-силу долгіе однообразные часы проводить на одномъ мѣстѣ за работой, не подъ-силу лежать на этой жесткой, гадкой пріютской постели и ѣсть простую грубую пищу пріютскаго стола.

Но больше всего не подъ-силу переносить ей, Наташѣ, окрики и придирки Павлы Артемьевны. Съ перваго же часа поступленія Наташи въ пріютъ надзирательница среднихъ возненавидѣла свою новую воспитанницу.

Павла Артемьевна, властная и гордая отъ природы, любила безпрекословное подчиненіе и слѣпое послушаніе себѣ во всемъ. Всякое неповиновеніе, проявленіе независимости и воли въ дѣвочкѣ-воспитанницѣ раздражало ее. А въ Наташѣ Румянцевой этой воли и независимости было больше чѣмъ во всѣхъ остальныхъ пріюткахъ вмѣстѣ взятыхъ. И глухая борьба разгорѣлась между надзирательницей и дѣвочкой. Особенно допекала Павлу Артемьевну эта самодовольная, яркая улыбка Наташи, насмѣшливый взглядъ смѣющихся глазъ и локоны... Особенно послѣдніе...

О, эти локоны! Прелестной, живописной рамкой обрамляющіе подвижное, неправильное, но очаровательное личико, они далеко не соотвѣтствовали пріютской скромной одеждѣ и положенію воспитанницы учебно-ремесленнаго заведенія. Но приказать остричь среднеотдѣленку было немыслимо.

Стригли только маленькихъ. Старшимъ же и среднимъ обрѣзали волосы исключительно по болѣзни, или же въ наказаніе. А наказывать Наташу было не за что. Несмотря на природную веселость, живость и шаловливую бойкость, она не дѣлала ничего такого, что не до-

пускалось-бы правилами пріюта. Правда, шила Наташа изъ рукъ вонъ плохо, пѣла на клиросѣ очень неохотно и постоянно перевирала слова тропарей и церковныхъ молитвъ, но зато прекрасно шла по научнымъ предметамъ, зная гораздо больше того, что полагалось знать старшеотдѣленкамъ. И какъ ни старалась Павла Артемьевна „поймать“ Румянцеву, ей это не удавалось.

Поминутные окрики, замѣчанія и бранныя слова сыпались дождемъ на Наташу, но по прежнему безмятежно было оригинальное, подвижное личико новенькой, и попрежнему чуть замѣтно насмѣшливо смѣялись ея черные какъ черешни глаза.

* * *

Ночь... Тихо вздыхаетъ рядомъ костлявая Васса... Въ головахъ ровно дышетъ голубоглазая Дуня, Наташина любимица... Дальше благоразумная, добрая и спокойная Дорушка... Всѣ спятъ... Не спится одной Наташѣ. Подложивъ руку подъ кудрявую голову, она лежитъ, вглядываясь неподвижно въ бѣлѣсоватый сумракъ весенней ночи. Картины недалскаго прошлаго встаютъ свѣтлыя и мрачныя въ чернокудрой головкѣ. Стучитъ сердце... Сильнѣе дышетъ грудь подъ напоромъ воспоминаній... Ни то тоска, ни то боль сожалѣнія о минувшемъ тѣснитъ ее.

Вспоминается то далекое свѣтлое... Какъ это было недавно и въ то же время давно!..

Большой домъ генерала Маковецкаго стоитъ въ самомъ центрѣ обширной усадьбы „Восходнаго“... А рядомъ, между сараями и конюшнями другой домикъ... Это кучерская. Тамъ родилась малютка Наташа съ черными глазами, съ пушистыми черными волосиками на круглой головенкѣ, точная маленькая копія съ ея красавца отца. Отецъ Наташи Андрей, служилъ уже девять лѣтъ въ кучерахъ у генерала Маковецкаго... Женился на горничной генеральши и схоронилъ ее черезъ два мѣсяца послѣ рожденія дѣвочки.

Побѣжали годы... Овдовѣвшій Андрей всѣ силы своей любви къ женѣ перенесъ на дѣвочку... Выписана была его мать изъ деревни для ухода за внучкой и подъ ея призоромъ росла и хорошѣла, что бѣлый цвѣтикъ въ полѣ хорошенькая дѣвочка Наташа.

Было яркое весеннее утро... Въ огородѣ Восходнаго сажали на грядахъ зелень... Пололи сорную траву, убирали гряды. Бабушка и Наташа, двухлѣтняя малютка съ сіяющими глазками, приплелись поглядѣть на работу женщинъ. Серебристый смѣхъ дѣвочки достигъ до чопорнаго дома Маковецкихъ. Вышелъ генералъ въ сюртукѣ съ пестрыми погонами „отставного“ покончившаго свою службу служаки, вышла генеральша въ тепломъ бурнусѣ, увидали Наташу и сразу очаровались прелестной дѣвочкой.

Позвали въ домъ съ бабушкой, угощали конфектами, шоколадомъ; картинокъ, бездѣлушекъ разныхъ надарили, кусковъ шелка и бархата на платьице... Заласкали, замиловали Наташу...

А вечеромъ, какъ поѣхалъ Андрей объѣзжать поля съ генераломъ, сталъ приставать баринъ къ любимцу кучеру:

— Отдай намъ въ домъ твою дѣвочку, Андрюша, мы ее какъ барышню воспитаемъ. Видишь, Богъ насъ съ генеральшей дѣтьми не благословилъ. А мы ее вырастимъ, всякимъ наукамъ выучимъ... Замужъ отдадимъ хорошо, снабдимъ приданымъ. Ужъ очень она у тебя уродилась пригожая... да веселенькая... точно принцесса. Не мѣсто ей въ твоей убогой кучерской, Андрей. А тебѣ запрета нѣтъ... Приходи взглянуть на дочку во всякое время... И къ себѣ бери ее на побывку когда захочешь. Гуляй съ нею вмѣстѣ, катайся... Не отвыкнетъ она отъ тебя, а для насъ съ генеральшей свѣтлымъ солнышкомъ будетъ. А? Андрюша? Согласенъ?

Не долго думалъ Андрей. Ужъ очень завидной показалась ему доля, выпадавшая его Наташѣ... Барышней

станетъ... образованной... богатой... Да можно-ли такой случай упускать.

И отдалъ въ генеральскій домъ свою Наташу.

А годы не идутъ, а мчатся...

Вспоминаетъ огромный, великолѣпный домъ Маковецкихъ Наташа... Всюду ковры... хрусталь .. бронза... Роскошная, удобная старинная мебель... бархатные портьеры на дверяхъ, такія же на окнахъ... Полъ гладкій какъ зеркало... паркетный... Въ деревнѣ живутъ точно въ городѣ... Со всѣми удобствами. Роскошно... богато...

У Наташи бонна нѣмка... Гувернантка француженка... Учитель музыки, учитель танцевъ. Изъ ближняго губернскаго города наѣзжаютъ три раза въ недѣлю... Русской грамматикѣ, исторіи, ариѳметикѣ учитъ учительница изъ женской губернской гимназіи. За тою Андрей ежедневно ѣздитъ въ коляскѣ, привозитъ и отвозитъ назадъ, благо недалеко, верстъ десять туда и обратно.

Батюшка отецъ Ѳеодоръ, настоятель сельской церкви, находящейся въ верстѣ отъ Восходнаго, преподаетъ Законъ Божій Наташѣ. Все это зимою, а лѣтомъ генеральша Марія Павловна ѣздитъ лечиться на теплыя воды и возитъ съ собою Наташу. Потомъ путешествуетъ по Европѣ.

Въ девять лѣтъ дѣвочка уже видитъ «заграницу... Знаетъ чопорный Берлинъ... Веселый Парижъ... Высокія Альпы... Изрѣзанную каналами Венецію «водяной городъ»... и нѣмѣетъ отъ восторга при видѣ Адріатическаго моря...

Генеральша души не чаетъ въ своей «Наточкѣ». Всѣмъ пыломъ своего старѣющаго сердца привязалась она къ дѣвочкѣ.

Отца Наташа видитъ мало и рѣдко... Самъ Андрей не знаетъ какъ держать себя съ дочкой-барышней... Смущается, будто робѣетъ даже. Но Наташа любитъ отца. Любитъ его открытое лицо не старѣющаго красавца, его мозолистыя руки, его зычный голосъ. Любитъ Наташа

до безумія птицей летѣть въ быстрой тройкѣ, управляемой отцомъ, по покрытымъ снѣгомъ полямъ «Восходнаго»... Рядомъ француженка m-lle Arlette, живая молоденькая, веселая какъ ребенокъ... Впереди отецъ... Стоитъ на передкѣ тройки, гикаетъ, свищетъ на быстрыхъ какъ вѣтеръ коней.

Въ коршо идетъ „Ураганъ“, Наташинъ любимецъ... Дѣвочка часто бѣгаетъ на конюшню, кормитъ его сахаромъ... Болтаетъ съ отцомъ. Андрей любуется подростающей дочуркой и хочетъ и не смѣетъ, смущается приласкать эту изящную, нарядную барышню, казалось и рожденную для того только, чтобы всѣ любовались ею...

За то, здѣсь въ тройкѣ, управляя ею съ рѣдкимъ мастерствомъ, Андрей ближе къ дочери чѣмъ когда-либо... Оба сливаются въ безумномъ экстазѣ восторга, быстроты и радости бѣшеной скачки среди родныхъ сердцу, плѣнительныхъ картинъ русской зимы...

— Хорошо-ли дочка? оглядываясь на дѣвочку, кричитъ кучеръ и его глаза такіе-же черные, яркіе и сверкающіе какъ у Наташи, любовно ищутъ навстрѣчу восхищенному взору ребенка.

— Ахъ, папаша! можетъ только выговорить она, захлебнувшись отъ счастія...

Возвращаются домой, возбужденныя, розовыя отъ мороза, радостныя, свѣжія...

У Маковецкаго гости... Сосѣди помѣщики... знакомые изъ города...

Среди нихъ нерѣдко наѣзжала въ Питеръ съ далекаго Кавказа подруга генеральши княгиня Маро одинокая богатая вдова обожающая Наташу, какъ другая врядъ-ли бы и могла любить собственное дитя.

— Natalie,—говоритъ Марья Павловна,—сыграй намъ, на роялѣ... А потомъ потанцуешь... Менуэтъ и русскую... M-lle Arletta vous allez jouer les danses... (Вы сыграете танцы).

Сначала Наташа играетъ... Потомъ танцуетъ. Мило

изящно граціозно... Генералъ съ генеральшей въ восторгѣ, гости въ восхищеніи. На прелестную дѣвочку сыпятся похвалы. Ей тонко льстятъ, какъ настоящей дочери богачей Маковецкихъ и богатой наслѣдницѣ...

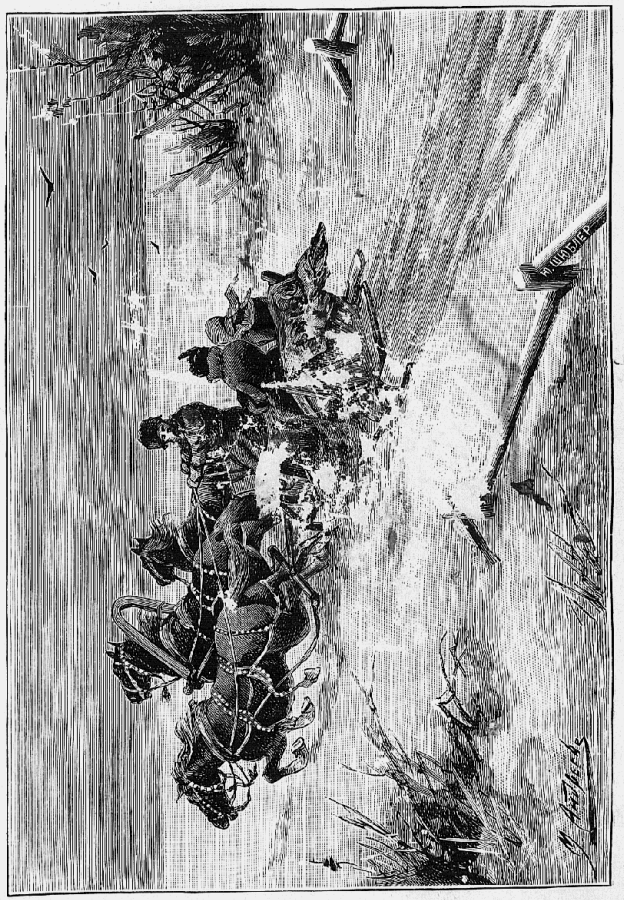
И потомъ она на самомъ дѣлѣ очаровательна, эта черноглазая Наташа! Кто скажетъ, что отецъ ея кучеръ, мать была горничною. Она прирожденная принцесса, эта граціозная дѣвочка съ кудрями Миньоны... Цѣлый дождь похвалъ сыпется на Наташу... Она принимаетъ ихъ, какъ должную дань съ снисходительной улыбкой. Она такъ привыкла, чтобы окружающіе восхищались ею. Генеральша цѣлуетъ, ласкаетъ ее... Цѣлуетъ и ласкаетъ княгиня Маро.—О, еслибы мнѣ отдали тебя я бы сдѣлала тебя настоящей княжною, шепчетъ старая грузинка!

И новыя радости льются потокомъ на Наташу сюрпризы, подарки, новые костюмы, отъ которыхъ и такъ ломятся шкапы...

— Прелестное дитя! Очаровательный ребенокъ, чернокудрая принцесса! Сказочная царевна! Прелесть! слышится изо всѣхъ угловъ барской гостиной. И отъ всѣхъ этихъ похвалъ кружится темная головка и недѣтская самоувѣренность, самодовольство и тщеславіе затопляютъ до краевъ юную душу.

Снова лѣто... На этотъ разъ, на берегу Женевскаго озера проводятъ его онѣ—генеральша, Марья Павловна, Арлетта и Наташа.

Одинъ особенно яркій и солнечный день особенно запалъ въ сердцѣ дѣвочки. Трагическій день... Изъ Россіи пришло письмо отъ генерала. У нихъ несчастье... Ужасъ... Непоправимое горе... Красавецъ Андрей, объѣзжая новую тройку дикихъ коней, до которыхъ генералъ Маковецкій большой любитель, былъ выброшенъ на всемъ скаку взбѣсившимися лошадьми и умеръ на мѣстѣ, ударившись о телеграфный столбъ головою. Его уже схоронили. Надо приготовить Наташу... Съ первыхъ-же словъ по блѣдному лицу своей благодѣтельницы, Наташа поняла въ чемъ дѣло и съ отчаяніемъ не привыкшаго



Пріютки. (Стр. 167).

сдерживать свои порывы избалованнаго ребенка, бурно отдалась горю.

— Гдѣ мой папаша! Я хочу къ папашѣ! кричала она неистово на весь отель и рвала волосы и билась головою объ полъ. Генеральша совсѣмъ растерялась. Но тутъ пришла на помощь молоденькая Арлетта.

— Ее надо развлекать Natalie! Il fout la jolument destraire!—посовѣтывала она испуганной Марьѣ Павловнѣ. Та стремительно ухватилась за эту мысль.

Наташу повезли въ Женеву, показали ей театръ-маріонетокъ... потомъ отправились въ Парижъ возили ее въ оперу, въ знаменитую Comedie Frangaise, въ первые же дни открытія сезона... Оттуда прокатились до Ниццы... И только когда горе дѣвочки притупилось среди массы разнородныхъ впечатлѣній, Маковецкая вернулась въ Россію.

Стоя у холмика отцовской могилы Наташа уже тщетно старалась вызвать слезы при воспоминаніи объ отцѣ... Въ ея душѣ жилъ еще образъ молодца кучера, управлявшаго тройкой, а съ нимъ рисовалась быстрая скачка по бѣлымъ полямъ, снѣжная пыль и звонкій голосъ, пониженный до шопота, любовно спрашивающій ее:

— Хорошо, дочка?

А мысль о мертвомъ отцѣ, лежавшемъ въ могилѣ, не уживалась какъ-то въ душѣ впечатлительной дѣвочки. За то, когда наступила зима и земля побѣлѣла отъ снѣга и веселая Арлетта опрометчиво предложила своей воспитанницѣ проѣхаться въ тройкѣ, дѣвочка разрыдалась неутѣшными слезами и долго страстно и отчаянно рыдала, цѣлыя сутки, напугавъ весь домъ.

Горе не приходитъ одно... За нимъ обычно слѣдуетъ и другое...

Черезъ два года послѣ смерти Андрея генералъ Маковецкій внезапно скончался отъ разрыва сердца.

Наташа никогда не забудетъ того страшнаго призрака неизбѣжнаго, что вползло съ той минуты въ роскошныя комнаты Маковецкихъ.

Большой парчевый гробъ... Завѣшанныя прозрач-

нымъ зеркала въ гостинной... Тропическія растенія въ кадкахъ, принесенныя въ огромный залъ изъ оранжерей... Дребезжащій старческій голосъ отца Иліодора... Дамы и мужчины въ черномъ... Сама генеральша съ трясущейся, посѣдѣвшей за эти сутки головой, обезумѣвшая отъ горя, въ глубокомъ траурѣ съ помутившимися глазами, все это сплелось въ одинъ сплошной кошмаръ. Этотъ кошмаръ въ глазахъ испуганной недоумѣвающей дѣвочки сгустился, и надвинулся еще страшнѣе, когда сраженная ударомъ генеральша, черезъ двѣ недѣли послѣ похоронъ, лежала въ томъ же самомъ залѣ, среди завѣшанныхъ зеркалъ и тропическихъ растеній, гдѣ полъ мѣсяца тому назадъ покоился въ парчевомъ гробу ея мужъ.

Похоронили и генеральшу... Со всѣхъ сторонъ понаѣхали наслѣдники, дальніе и близкіе родственники Маковецкихъ. Косо и злобно поглядывали они на осиротѣвшую Наташу. Послѣдняя точно не вполнѣ сознавала всю тяжесть своего положенія.

Она то горько плакала у гроба Марьи Павловны, то неожиданнымъ, какъ будто любопытнымъ взглядомъ оглядывала всѣ эти незнакомыя лица слетѣвшихся голодною стаею наслѣдниковъ. Она была спокойна за будущее, Наташа... Сколько разъ прежде благодѣтельница генеральша и самъ Маковецкій говорили ей:

— Ты, Наточка, не бойся. Будешь богатой дѣвушкой, мы тебя не оставимъ!

Ей было безконечно жаль дорогихъ покойниковъ, но избалованная, изнѣженная дѣвочка больше ихъ любила себя...

Впереди была еще цѣлая жизнь... Надо было подумать о томъ, съ кѣмъ и гдѣ проведетъ она ее.

. . . . . .

Ужасный вечеръ!

Наташѣ показалось что жизнь окончена, что впереди же одинъ сплошной, непроглядный мракъ, когда нѣсколько дней спустя къ ней въ спальню вбѣжала испуганная Арлетта.

— Natalie! въ ужасѣ залепетала француженка;—бѣдное дитя! Ты—нищая! Они не сдѣлали духовнаго завѣщанія... Смерть застигла ихъ слишкомъ внезапно... Все богатство экселенцъ переходитъ къ законнымъ наслѣдникамъ... А они... они... бѣдная моя птичка, отдадутъ тебя въ пріютъ!—И, до безумія любившая свою воспитанницу, парижанка, разрыдалась горькими неудержимыми рыданіями.

Наташа еще плохо сознавая всю важность такого извѣстія, плакала, вторя своему другу.

Потомъ пошла новая жизнь...

Отъѣздъ Арлетты... Сборы Наташи... Какая-то чопорная дама въ глубокомъ траурѣ, одна изъ многочисленныхъ племянницъ покойной генеральши долго и подробно поясняла Наташѣ о томъ, что вся ея жизнь въ генеральскомъ домѣ была одной сплошной печальной ошибкой... Не мѣсто дочери кучера быть барышней... Напрасно только Маковецкіе выбили ее изъ колеи.

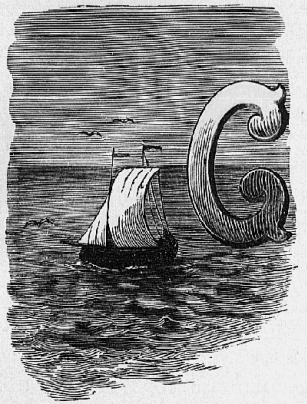
Потомъ, коля ее своими жесткими глазами, дала ей понять, что выхлопотала ей поступленіе въ пріютъ, куда ее и отвезутъ надняхъ изъ „Восходнаго“...

И странное дѣло! Эта новость скорѣе обрадовала, чѣмъ огорчила Наташу.

Пріютъ!.. Тамъ много дѣвочекъ сверстницъ. Ее будутъ тамъ любить, лелѣять! Вѣдь она должна быть интересна для нихъ. Онѣ —бѣдныя, ничего не видавшія на своемъ вѣку, крошки. Она-жс, Наташа, объѣздила полъ-міра и можетъ имъ многое разсказать... Ахъ, ей всегда, такъ недоставало дѣтскаго общества—Наташѣ! Она всегда росла и вращалась среди большихъ, а тутъ—дѣти, сверстницы, дѣвочки-однолѣтки! Это куда пріятнѣе и радостнѣе, нежели жить у чопорной генеральской племянницы.

О да! Конечно, новая жизнь будетъ полна захватывающаго интереса.

И Наташа безстрашно, почти радостно приняла неожиданную новость о своей дальнѣйшей судьбѣ...



IV.

— Сними локти со стола! Что за манера сидѣть въ развалку! Покажи твой платокъ... что это? Мѣтка это или червякъ?

Мартовское солнце свѣтитъ ярко. Оно освѣщаетъ и гнѣвное, раздосадованное лицо Павлы Артемьевны и тонкое, улыбающееся личико Наташи.

— Что это? Ты кажется смѣешься? Дерзость или глупость позволяешь ты, моя милая, себѣ, по отношенію меня? И потомъ, изволь встать, когда съ тобой говоритъ начальство. Или ты все еще воображаешь себя генеральской наслѣдницей? Пора выкинуть изъ головы эти бредни!

Тонкая изящная фигурка „барышни“ (Наташу съ перваго дня появленія здѣсь прозвали такъ воспитанницы) поднимается нехотя, со скамейки. Кудрявая головка встряхиваетъ всѣми своими черными локонами, завязанными лентой у шеи, и они живописнымъ каскадомъ разсыпаются по плечамъ.

— Ты съ ума сошла моя милая! — кричитъ снова Павла Артемьевна, выходя изъ себя.—Ты, кажется, не соблаговолила причесаться нынче утромъ. Ступай сейчасъ же къ крану и изволь пригладить эти лохмы!

Черные лукавые глаза прячутся за лучами рѣсничекъ, такихъ густыхъ и необычайно прямыхъ. Стройная фигурка въ сѣромъ холстинковомъ платьѣ и розовомъ передникѣ направляется гордой, медленной поступью къ двери рабочей комнаты.

— Иди скорѣе! Нечего выступать какъ принцесса!— шлетъ ей въ догонку разсерженная надзирательница.

Наташа ускоряетъ шагъ, но при этомъ умышленно или нѣтъ, съ ноги дѣвочки спадаетъ шлепанецъ.

Румянцева возвращается и поднимаетъ ее съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

Воспитанницы трясутся отъ усилія удержать предательскій взрывъ смѣха.

По бѣленькому личику Ѳенички расползаются багровыя пятна румянца. Сегодня утромъ она тихонько пробралась въ дортуаръ среднеотдѣленокъ, взяла платье своего кумира Наташи, выутюжила его въ бѣльевой, начистила до глянца туфли Румянцевой... Потомъ, въ часы уборки, таскала тяжелыя ведра и мыла лѣстницу, исполняя работу, возложенную надзирательницей на новенькую. Теперь ей до боли хочется схватить рукодѣліе Наташи и намѣтить за Румянцеву злополучный платокъ.

Но рядомъ съ Наташей сидитъ тихоня Дуня Прохорова... Съ другой стороны благоразумная Дорушка... Это двѣ примѣрницы. Онѣ ни за что не согласятся передать Наташину работу ей, Ѳеничкѣ, а на ея мѣсто положить искусно выполненную ею, Ѳеничкой, мѣтку.

— Бѣдная... миленькая... хорошенькая... пригоженькая! Заѣла ее вовсе волчиха Пашка!—шепчетъ Ѳеничка на-ухо своей подруги Шуры Огурцовой.

— Да ужъ ладно, ты съ твоей Наташкой совсѣмъ изъ кожи вылѣзла!—отмахнулась та.

Дѣйствительно, благодаря Наташѣ, Ѳеничка совсѣмъ измѣнилась. Перестала обожать доктора, перестала читать глупѣйшіе романы. Наташа... Съ Наташей... О Наташѣ только и рѣчи о ней. И къ тому же, сама Наташа—ходячая книга. Какъ умѣетъ она разсказать и о заморскихъ краяхъ и о синемъ морѣ... и о горахъ высоченныхъ до неба... и о апельсиновыхъ и лимонныхъ, да миндальныхъ деревьяхъ что растутъ прямо на волѣ, а не въ кадкахъ, какъ въ Ботаническомъ саду куда ежегодно лѣтомъ возятъ пріютокъ. Ѳеничка такъ замечталась о разсказахъ своего «предмета», что не замѣтила какъ быстро распахнулась дверь рабочей и... и

громкій, неудержимый хохотъ потрясъ обычную тишину рукодѣльныхъ часовъ.

На порогѣ комнаты стоитъ Наташа. Нѣтъ, не Наташа даже, а что-то едва похожее на нее. Гладко, гладко прилизанные волосокъ къ волоску кудри, точно смазанные гуммиарабикомъ лежатъ какъ приклеенные къ головѣ. Куцая, толстая, тоже совершенно мокрая косичка, туго заплетенная, торчкомъ стоитъ сзади.

И на этомъ сразу, какъ будто, уменьшившемся въ объемѣ личикѣ, выдаются огромные черные глаза, сверкавшіе юморомъ, влажные отъ смѣха...

Павла Артемьевна даже ротъ раскрыла отъ неожиданности. И словно задохнувшись, не могла выговорить ни слова въ первый моментъ появленія шалуньи. И только послѣ минутной паузы взвизгнула на всю комнату:

— Ага! Ты паясничать! Смѣшить! Забавлять воспитанницъ! Мѣшать работать въ часы рукодѣлій! Хорошо же, ступай въ уголъ — это первое; а второе — запомни хорошенько, на носу своемъ заруби: еще одна подобная глупая выходка и... и я попрошу разрѣшенія у Екатерины Ивановны остричь твои глупыя лохмы подъ гребенку

— Это нельзя сдѣлать!—произнесъ спокойно звонкій голосъ Румянцевой.

— Молчи! Молчи! Наташа! Ахъ! Наташа! — зашептали испуганно съ двухъ сторонъ—Дорушка и Дуня, дергая ее за передникъ.

Лицо Павлы Артемьевны побагровѣло.

— Что ты сказала?—сдва сдерживаясь, проговорила она.

— Я сказала, что этого нельзя сдѣлать!—произнесла также спокойно дѣвочка.—Вѣдь стригутъ только малышей первоотдѣлепокъ... Или въ наказаніе... А я ничего дурного не сдѣлала, за что-бы надо было наказывать меня?

— Но ты дерзкая дѣвченка.. и будешь наказана!—совсѣмъ уже не владѣя собою произнесла надзирательница.—Еще одинъ проступокъ, одна дерзость и ты лишишься твоихъ безподобныхъ кудрей!

Послѣдняя фраза прозвучала насмѣшливо. И яркорозовое личико Наташи поблѣднѣло какъ-то сразу. Самолюбивая, избалованная дѣвочка не прощала обидъ...

— Я отплачу этой фуріи,—произнесла она сквозь стиспутыя зубы, проходя мимо Оенички, съ видомъ оскорбленной королевы, въ уголъ за печкой, гдѣ уже по своему обыкновенію находилась вѣчно наказанная шалунья Оня Лихарева, показывавшая уже издали въ улыбкѣ свои мелкіе мышиные зубки и незамѣтно дѣлая головою Наташѣ какой-то едва уловимый знакъ.

Въ рукахъ у Они былъ чулокъ . Она вязала его. Всѣмъ наказаннымъ полагалось вязать чулки, такъ какъ стоя въ углу или у печки было трудно шить или мѣтить...

— Опять спустила петлю... Павла Артемьевна, позвольте къ Дорушкѣ или къ Вассѣ подойти... Я сама не умѣю поднять... Тутъ что-то напутано больно!—жалобнымъ, дѣланно-печальнымъ тономъ прозвучалъ голосъ Они Лихаревой.

Павла Артемьевна сердито дернула головою взглянувъ поверхъ пенснэ на шалунью и презрительно поджимая губы, проговорила:

— Безстыдница! Не срамилась-бы лучше. Попроси кого-нибудь изъ стрижекъ тебя научить петли поднимать! Леонтьева Маруся, покажи этой дылдѣ.

Маленькая девятилѣтняя карапузикъ-дѣвочка покорно встала съ своего мѣста и подошла къ наказаннымъ.

Однако ей не пришлось исполнить приказанія надзирательницы.

Съ быстротою молніи поднялась съ своего мѣста Дорушка и стремительно пробѣжала съ несвойственной ей живостью къ печкѣ.

— Павла Артемьевна! Позвольте мнѣ! Я покажу Онѣ.

Послѣ любимицы своей рыженькой Жени Панфиловой и рукодѣльницы Палани, Павла Артемьевна любила больше всѣхъ Дорушку. Пренебрегая искусницей Вассой съ того самаго времени, какъ будучи еще малышемъ-стрижкой, Васса сожгла работу цыганки Заведее-

вой, суровая надзирательница отличала великолѣпно не хуже Вассы работающую Дорушку.

А благонравіе и благоразуміе послѣдней еще болѣе привязывали Павлу Артемьевну къ дѣвочкѣ.

Поэтому, Дорушкѣ не было отказа ни въ чемъ.

— Позволите?—еще разъ почтительно освѣдомился звонкій голосокъ Ивановой.

— Ужъ Богъ съ тобой! Показывай!—согласилась рукодѣльница.

Дорушка степенно поправила ошибку въ вязаньѣ Они и снова вернулась на свое мѣсто.

— Скучно стоять такъ-то! Давай клубки подбрасывать, чей выше полетитъ? предложила шалунья Оня своей сосѣдкѣ и товарищу по несчастью И въ тотъ-же мигъ въ углу за печкой началась легкая, чуть слышная возня Выждавъ минуту, когда Павла Артемьевна, повернувшись спиной къ наказаннымъ, стала внимательно разглядывать растянутую въ пяльцахъ полосу вышивки у старшеотдѣленокъ, Оня съ тихимъ хихиканьемъ подбросила первая свой клубокъ.

— Выше нашей колокольни! произнесла она скорчивъ при этомъ одну изъ уморительныхъ своихъ гримасокъ.

— Выше самой высокой горы въ мірѣ! прошептала ей въ тонъ Наташа. И ея клубокъ взвился и полетѣлъ какъ воздушный шаръ къ потолку.

— А мой выше неба! и снова Онинъ клубокъ разлетѣлся кверху. За нимъ слѣдили напряженнымъ взглядомъ изподлобья глаза ста двадцати воспитанницъ, для виду склонившихся надъ работой. Павла Артемьевна не замѣчая ничего происходившаго у печки, все еще продолжала разсматривать полосу вышивки на концѣ стола старшаго отдѣленія

Вдругъ что-то бѣлое, крупное и крѣпкое, какъ незрѣлое яблоко промелькнуло передъ ея глазами и больно ударило по лбу склонившееся надъ пяльцами лицо надзирательницы.

— О-о! стономъ ужаса пронеслось по комнатѣ.

— А-а-а! недоумѣвающе и грозно протянула рукодѣльная и быстро повернула голову въ сторону наказанныхъ. Это была страшная минута...

Блѣдная какъ изразцы печи, у которой она стояла, Наташа Румянцева съ дико и испуганно расширенными глазами безмолвно смотрѣла на Пашку. Выбившіяся пряди волосъ, успѣвшія выпорхнуть изъ прически и завиться еще пышнѣе и круче, упали ей на лобъ и испуганное, пораженное неожиданностью лицо казалось еще блѣднѣе отъ ихъ темнаго сосѣдства.

Дрожащія губы что-то шептали беззвучно.

Павла Артемьевна, побагровѣвшая отъ ярости, плохо понимала, казалось, весь только что происшедшій здѣсь ужасъ. Она стремительно подскочила къ Румянцевой, подняла руку и изо всей силы дернула дѣвочку за волосы, за черную отдѣлившуюся и повисшую надъ ухомъ курчавую прядь...

— А... а... прошипѣла она,—ты такъ то! А-а... а! Клубкомъ бросаться въ меня... въ твою наставницу... Ты... дрянная... дерзкая... ты!...

И она вторично протянула руку къ волосамъ Наташи...

Но тутъ совсѣмъ неожиданно, черная головка метнулась въ сторону... И за минуту до этого испуганное и растерянное лицо внезапно преобразилось.

Гнѣвъ, гордость и оскорбленное достоинство отразились въ помертвѣвшихъ чертахъ Наташи... Огоньки ненависти и угрозы загорѣлись въ черныхъ глазахъ.

— Не смѣете... вы не смѣете меня драть за волосы... Этого нельзя... Я этого не позволю! истерическими нотками крикнулъ дрожащій и рвущійся молодой голосъ.

И тоненькая обычно слабая рука подростка съ силой впилась въ пальцы наставницы.

— Ты съ ума сошла! не своимъ голосомъ взвизгнула Павла Артемьевна. Съ пылающимъ лицомъ, сверкая глазами и трясясь отъ злобнаго волненія, она стояла

съ минуту безмолвно, мѣря взглядомъ осмѣлившуюся такъ грубо защищать себя воспитанницу.

Въ рабочей комнатѣ стало тихо какъ на кладбищѣ.. Дѣвушки и дѣти съ ужасомъ, разлитомъ на лицахъ сидѣли, ни живы, ни мертвы во время этой сцены.

Прошла добрая минута времени, показавшаяся имъ чуть-ли ни получасомъ, пока Павла Артемьевна пришла въ себя и обрѣла даръ слова.

Какой-то крадущейся, кошачьей походкой снова приблизилась она къ виновницѣ происшествія и затянула своимъ пониженнымъ до шопота, шипящимъ голосомъ:

— Такъ-то, милешь я! Не скажешь-ли что печаянно сдѣлала эту гнусность! И солжешь... солжешь! Нарочно сдѣлала это... И за волосы драть не смѣю, говоришь?.. И прекрасно! И прекрасно! За то совсѣмъ срѣзать ихъ смѣю... Публично! Понимаешь?... Въ наказаніе... У Екатерины Ивановны этого наказанія потребую... Понимаешь-ли? Или лохмы твои тебѣ обстригутъ... Или... или я ни часа не останусь здѣсь въ пріютѣ. Ни часа больше. Поняла?

Тутъ она повернулась попрежнему къ блѣдной, какъ мертвецъ Наташѣ спиною, и почти бѣгомъ бросилась къ двери, роняя отрывисто и хрипло на ходу:

— Не потерплю . не потерплю... или она наказана будетъ или или . И стремительно скрылась за дверью.

Лишь только ея крупная фигура исчезла за порогомъ рабочей комнаты воспитанницы старшія и среднія стремительно повскакали со своихъ мѣстъ и окружили Наташу.

— Милая... родненькая... бѣдняжечка Наташа! Да какъ же это тебя угораздило въ нее попасть! Господи, вотъ напасть-то какая! Да что-же это будетъ теперь! шептали онѣ съ явнымъ состраданіемъ глядя на дѣвочку.

Сама Наташа казалась гораздо менѣе взволнованной всѣхъ остальныхъ... Отстранивъ отъ себя рыдающую Ѳеничку, она громко произнесла, обращаясь къ подругамъ

— Все это вздоръ и глупости! Никто меня не посмѣетъ пальцемъ тронуть. Что я за овца, чтобы дать себя остричь! Чепуха! За что меня наказывать?.. Я не виновата... И оправдываться не стану... И вы не смѣйте! Слышите, не смѣйте заступаться за меня! Такъ понятно, что не нарочно это вышло. О чемъ тутъ говорить?

И пожавъ плечами она, отошла къ столу и, какъ ни въ чемъ ни бывало, принялась за работу.

Тихо перешептываясь и вздыхая, принялись за прерванную работу и остальныя воспитанницы.

Вошедшей получасомъ позже Павлѣ Артемьевнѣ не пришлось унимать помимо ожиданія взволнованныхъ «бунтовщицъ».

— Тихо Тѣмъ лучше зловѣще прозвучалъ ея голосъ съ порога, и обведя торжествующимъ взоромъ воспитанницъ, она остановила глаза на Наташѣ и произнесла отчеканивая каждое слово

— Наталья Руманцева! Ты по приказанію госпожи начальницы будешь острижена завтра послѣ общей молитвы въ наказаніе за дерзость и непослушаніе по отношенію меня. И снова взглядъ, полный торжествующей радости обѣжалъ лица испуганныхъ воспитанницъ.

Тихое испуганное «ахъ» сорвалось однимъ общимъ вздохомъ у дѣвушекъ.

И взоры всѣхъ съ сожалѣніемъ и горечью обратились къ Наташѣ.

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ лицѣ дѣвочки. Только черные глаза отвѣтили надзирательницѣ долгимъ пристальнымъ взглядомъ, а побѣлѣвшія губы произнесли чуть слышно:

— Этого никогда не будетъ!

И черная головка низко склонилась надъ рабочимъ столомъ.

V.

— Этого никогда не будетъ произнесла еще разъ мысленно дѣвочка, когда послѣ вечереней молитвы воспитанницы поднимались парами по лѣстницѣ въ дортуаръ.

Въ спальнѣ среднеотдѣленокъ было особенно тихо въ этотъ злополучный вечеръ. Воспитанницъ передъ ужиномъ водили въ баню и опѣ, теперь въ бѣлыхъ головныхъ косыночкахъ на головахъ и въ теплыхъ байковыхъ платкахъ, покрывающихъ плечи, сновали по обширной спальнѣ и прилегающей къ ней умывальной комнатѣ и по длинному, полутемному корридору, тихо шопотомъ дѣлясь между собою впечатлѣніями минувшаго дня.

Павла Артемьевна, все еще не успокоенная послѣ утренняго происшествія, ссылаясь на головную боль, раньше обыкновеннаго ушла въ свою комнату, приказавъ дежурной воспитанницѣ притушить въ обычное время лампу.

Но лишь только она исчезла за дверью спальни, чуть слышное до сихъ поръ шушуканье перешло въ оживленную горячую болтовню.

Изъ дортуара старшихъ прибѣжала Ѳеничка и со слезами кинулась на шею Наташи.

— Милая моя... сердце мое... золотенькая... красавинька моя... куколка! Прелесть моя безцѣнная! До чего, мы дожили! Какъ насъ еще земля-то терпитъ! Ахъ, ты Господи! Тебя мою радость накажутъ? Тебя золотенькую мою Наташеньку! Ахъ, Создатель Господь! Ахъ, Владычица—Царица Небесная!—причитала она тонкимъ жалобнымъ голоскомъ и разливаясь слезами, цѣловала руки и платье своего «предмета».

У той, на ея подвижномъ личикѣ давно исчезли послѣдніе слѣды волненія... Уже по прежнему лукаво блестѣли и щурились черные влажные глаза и сверкали въ улыбкѣ бѣлые зубы...

— Ну, пошла, поѣхала!—отмахиваясь рукою и слегка отталкивая отъ себя Ѳеничку, произнесла Наташа,—терпѣть не могу, когда по мнѣ точно по покойнику воютъ... Словно бабы въ деревнѣ.

— Да какъ же, Наташенька? Да вѣдь завтра накажутъ тебя, остригутъ, принцесса моя, красавица чернокудрая! снова затянула Ѳеничка, театральнымъ жестомъ заламывая руки...

— Ха, ха, ха! разсмѣялась Наташа, и откуда, только изъ какого романа ты такія глупыя слова выудила?.. «Принцесса чернокудрая»! Глупышка. дурочка ты Ѳеничка, даромъ что взрослая дѣвица!

«Взрослая дѣвица», — вскинула обиженнымъ взглядомъ свои темные глазки на «обидчицу» и затянула снова послѣ короткаго молчанья:

— Вотъ ты всегда такъ... Вотъ! Тебя больше жизни любятъ, больше солнышка краснаго, зоренька моя, бриллiантовая звѣздочка, царевна моя ясная, а ты... И глядѣть не хочешь! И насмѣхаешься... И высмѣиваешь. Стыдно, тебѣ Наташенька! Безчувственная ты! Сердце у тебя мраморное. Во ъ что! Никого ты не любишь! Да! Сверкающая веселью улыбка мигомъ сбѣжала съ лица Наташи.

— Вотъ неправда!—слегка усмѣхаясь и мгновенно блѣднѣя отъ волненія, произнесла всеобщая любимица,—я не холодная, не безчувственная. Только люблю то я тѣхъ, кто искрененъ, кто простъ со мною. А ты, что ни слово то книжными выраженіями сыпишь... И сама, часто не понимая, мнѣ такія странныя и глупыя фразы говоришь. А...

— Да коли я люблю тебя... обожаю... Предметомъ своимъ выбрала...—оправдывалась вся красная отъ смущенія Ѳеничка.

— А доктора Николая Николаевича ты не обожала

развѣ? А батюшку отца Модеста? А Антонину Николаевну, до меня еще, когда была въ «среднихъ»? А барышню, что къ начальницѣ ходитъ, массажистку? А? Не обожала, скажешь? И Наташа насмѣшливо и лукаво смотрѣла въ заалѣвшееся отъ смущенія Ѳенино лицо.

— Вотъ ужъ и сплетокъ отъ другихъ наслушалась! произнесла Клементьева, краснѣя до слезъ.—А я то тебѣ помогаю, работу твою справляю за тебя...

— А развѣ я просила тебя объ этомъ? И лукавые черные глазки стали совсѣмъ уже насмѣшливыми.

Ѳенечка окончательно потерялась, пристыженная передъ лицомъ сорока младшихъ воспитанницъ. Она сердито взглянула на своего кумира и вдругъ неожиданно всхлипнула и выбѣжала, закрывъ лицо передникомъ, изъ дортуара.

— Хорошо сдѣлала, что ушла! — засмѣялась Оня Лихарева,—надоѣдливая она до страсти. Ноетъ да лижется все время! куда какъ хорошо!

— Небось, теперь убирку за тебя дѣлать не станетъ!—усмѣхнулась Паша Канарейкина, просовывая впередъ свою лисью мордочку.

— Пускай себѣ. Другія найдутся. Сдѣлаютъ...—безпечно усмѣхнулась Наташа.

— Слушай, Румянцева, а какъ же завтра-то. Вѣдь стричь будутъ публично. При всемъ пріютѣ! Эка срамота! и костлявая нескладная фигура Вассы выросла передъ Наташиной кроватью, на которой разсѣлось теперь нѣсколько дѣвочекъ съ самой хозяйкой во главѣ.

— Ну, нѣтъ дудки! Стригутъ овецъ да барановъ, а я не дамся! расхохоталась безпечно дѣвочка.—Да бросьте все это «завтра» вспоминать, дѣвицы... Лучше сядемъ рядкомъ да поговоримъ ладкомъ. Хотите разскажу про Венецію лучше?

— Разскажи! Разскажи! — зазвучали вокругъ Наташи оживленные голоса.

— Прекрасно. Молчите и слушайте. Дунюшка, иди ко мнѣ поближе... Вотъ такъ. Дора и ты, лѣзь на кровать. Великолѣпно, въ тѣснотѣ да не въ обидѣ. Ну, молчите, тише вы, начинаю!

И ровный звонкій голосокъ Наташи полился нѣжной мелодичной волною, заползая въ души ея слушательницъ.

Когда дѣвочка начинала разсказывать обо всемъ пережитомъ ею въ ея недавнемъ такомъ богатомъ впечатлѣніями прошломъ, лицо ея мѣнялось сразу, дѣлалось, старше, и строже, осмысленнѣе какъ-то съ первыхъ же словъ... Черные глаза уходили во внутрь, глубоко и въ нихъ мгновенно гасли ихъ игривые насмѣшливые огоньки, а глухая красивая печаль мерцала изъ темной пропасти этихъ глазъ, такихъ грустныхъ и прекрасныхъ!

Точно пѣсня лился живой, захватывающій разсказъ... Въ немъ говорилось о теплой южной странѣ съ вѣчно голубымъ небомъ... съ алмазнымъ сверканіемъ непобѣдимаго дневнаго свѣтила, о синихъ, въ полдень, и темныхъ, ночью, каналахъ... Объ узкихъ черныхъ гондолахъ, похожихъ на пловучіе гробы. И пѣвучихъ мандолинахъ, льющихъ безконечно днемъ и ночью, ночью и днемъ свои дивныя пѣсни... О бархатныхъ голосахъ гондольеровъ... О роскошныхъ дворцахъ дожей, отраженныхъ водами каналовъ... И о морѣ, свободномъ, какъ воля, широкомъ, какъ жизнь... Попутно разсказала Наташа кратко о злодѣйствахъ и козняхъ кровожадныхъ, Медичи... О несчастной догорессѣ, погибшей въ подвалѣ огромнаго зданія, залитою водою по одному подозрѣнію гнѣвнаго стараго дожа въ измѣнѣ ихъ роду...

Съ захватывающимъ интересомъ разливался разсказъ Наташи... Затаивъ дыханіе, слушали его дѣвочки... Ярко блестѣли глаза на ихъ поблѣднѣвшихъ лицахъ... Все это было такъ ново, такъ прекрасно, такъ упоительно интересно для нихъ!

Голубоглазая Дуня ближе придвинулась къ разсказчицѣ...

Съ упоеніемъ вслушивалась она теперь въ передаваемый Наташей старинный обрядъ обрученія дожей съ Адріатическимъ моремъ. Волны народа... Пестрые на-

ряды... пѣвучая итальянская рѣчь... Гондола, вся увитая цвѣтами... И самъ дожъ въ золотомъ вѣнцѣ, подъ звуки трубъ, лютней, литавровъ, поднимается въ лодкѣ со скамьи, покрытой коврами и бросаетъ перстень въ синія волны Адріатики, при заздравныхъ кликахъ народа...

Эту самую картину видитъ и во снѣ часомъ-двумя позднѣе впечатлительная Дуня, когда чья-то рука осторожно ложится ей на плечо...

— Что это? Кто это?—лепечетъ она еще не вполнѣ проснувшись.

— Вставай! Вставай скорѣе! — слышится у ея уха знакомый пѣвучій голосъ.

— Наташа? Что тебѣ надо?—удивляется Дуня, широко тараща въ полутьмѣ слипающіеся сонные глаза.

Кругомъ всюду спятъ дѣвочки... Задернутый зеленой тафтяной занавѣской ночникъ тускло мерцаетъ въ длинной, угрюмой комнатѣ.

— Что ты, Наташа?

Въ полутьмѣ лицо Румянцевой кажется блѣднѣе и значительнѣе. Губы плотно сжаты. Глаза глядятъ рѣшительно, неспокойно...

— Любишь-ли ты меня настолько, Дуня, чтобы помочь мнѣ избѣжать позорнаго наказанья?—звенитъ снова металлическій Наташинъ голосокъ.

Дуня, тихая по обыкновенію, сейчасъ стремительно соскакиваетъ съ постели.

— Наташа...—лепечетъ она съ испугомъ...—что ты задумала опять, Наташа?

— Хочешь-ли ты помочь мнѣ?

Голосъ «барышни-пріютки» становится рѣзче, нетерпѣливѣй. Она любитъ полное подчиненіе и не переноситъ никакихъ пререканій. И съ Дуней дружна она только потому, что робкая, тихая Дуня подчиняется вполнѣ ея власти. Съ Дорушкой онѣ меньше дружны. Дорушка тверда и настойчива. У нея своя собственная воля, которой она не отдастъ ни за что.

— Любишь-ли ты меня?

Пріютки. (Стр. 184).

Дуня съ восторгомъ и преданностью глядитъ въ лицо Наташи. Она никогда не говоритъ ей о своей любви, какъ Ѳеничка и другія. Ей дико это и стыдно. Но когда Дуня ходитъ, обнявшись, въ короткія минуты досуга между часами занятій съ Наташей по залѣ или слушаетъ ея плѣнительные разсказы изъ ея, Наташинаго, прошлаго житья, сама Наташа кажется бѣдной маленькой Дунѣ какой-то сказочной волшебной феей, залетѣвшей сюда случайно въ этотъ скучный и суровый пріютъ.

Дуня и про деревню свою стала позабывать въ присутствіи Наташи. И самая мечта, лелѣемая съ дѣтства, которою жила до появленія Наташи здѣсь, въ пріютѣ, Дуня, мечта вернуться къ милой деревенькѣ, посѣтить родимую избушку, чудесный лѣсъ, поля, ветхую церковь со старой колоколенкой, — самая мечта эта скрылась, какъ-бы улетѣла изъ головы Дуни.

Несложная, покорная натура бывшей деревенской дѣвочки вся, съ перваго дня встрѣчи, поддалась обаянію властнаго и прелестнаго существа барышни-пріютки.

Теперь, на смѣну робкой прежней мечты въ душѣ Дуни родилось новое желаніе: умереть, если понадобится, за Наташу, отдать всю свою жизнь за нее...

И она, Наташа, еще можетъ спрашивать любитъ-ли ее Дуня?

Голубые глазки дѣвочки въ полутьмѣ сверкаютъ, горятъ...

— Наташа...—шепчетъ она,—все что хочешь я сдѣлаю для тебя, Наташа!

— Хорошо,—звонкимъ шопотомъ говоритъ та,—ты должна мнѣ помочь исполнить что-то... Ничего не спрашивай и дѣлай то, что я укажу тебѣ.

И Наташа, взявъ за руки подругу, ведетъ ее въ умывальную.

— Ты понимаешь, чего я хочу? — шопотомъ освѣдомляется она у нея по дорогѣ.

Голубые глаза изумленно вскидываются въ лицо Наташи.

Нѣтъ, она, Дуня, не понимаетъ ничего.

— Ну...

Наташа, зябко пожимаясь и кутаясь въ большой байковый платокъ, половиной котораго она накрыла худенькія плечи дрогнувшей въ одной рубашенкѣ, босой Дуни, шепчетъ ей на-ухо что-то долго и чуть слышно.

Лицо Дуни сперва краснѣетъ, потомъ блѣднѣетъ отъ испуга и неожиданности.

— Какъ, Наташа? Ты хочешь?..

— Молчи... Молчи. Не спорь... Я такъ рѣшила...— звенитъ, точно жужжитъ пчелкой чуть слышный голосокъ.

И обѣ входятъ въ умывальню ..

Газовый рожокъ горитъ здѣсь тускло... Дальній уголъ комнаты прячется въ темнотѣ. Тамъ табуретка... На нее опускается Наташа.

— На, бери скорѣе и дѣйствуй! — говоритъ она тѣмъ же шопотомъ и передаетъ Дунѣ какой-то слабо блеснувшій при тускломъ свѣтѣ металлическій предметъ.

Дрожащія, худенькія ручешки едва справляются съ непосильной задачей.

Босая, дрожа всѣмъ тѣломъ, Наташа, получасомъ позднѣе, впереди Дуни, на ципочкахъ, пробирается въ дортуаръ... На головѣ ея тоже бѣлая косынка, которую носятъ цѣлые сутки послѣ бани воспитанницы. И байковый платокъ покрываетъ плечи... Все какъ прежде.

Лязгая зубами и трясясь, какъ въ лихорадкѣ, Дуня крадется за ней; у нея въ головной косынкѣ завязано что-то мягкое и пушистое, что она готова прижать къ груди и облить слезами.

— Ахъ, Наташа! Наташа! Бѣдовая головушка! И зачѣмъ только я послушалась тебя!—шепчетъ беззвучно дѣвочка, и тяжелая тоска камнемъ давитъ ей грудь.

— Вздоръ,—возражаетъ ей въ темнотѣ звонкій шопотъ,—вздоръ! Такъ имъ и надо! Такъ и надо! Сказала, что не будетъ по ихнему... Вотъ и не будетъ ни за что!

Черезъ десять минутъ Наташа спитъ, какъ убитая,

въ своей постели, а Дуня долго и безпокойно ворочается до самаго разсвѣта безъ сна. И тоска ея разростается все шире и шире и тяжелой глыбой наполняетъ трепетное сердце ребенка.

VI.

— Дѣти, на молитву!

Рѣзкій голосъ Павлы Артемьевны звучитъ какъ-то по особенному сегодня; торжественно, рѣшительно и многозначительно въ одно и то же время. Въ душномъ, спертомъ воздухѣ длинной, но узкой спальни словно нависла какая-то темная грозовая туча. Какъ передъ бурей. Торжествующіе глаза надзирательницы вскользь пробѣжали острымъ глядо[illegible] становившимся въ пары воспитанницамъ и продержались нѣсколько дольше и значительнѣе на личикѣ Наташи.

Обычно свѣжее, яркое и спокойное Наташино лицо съ нѣжными ямками на щекахъ, со смѣющимися черными глазами, съ независимо поднятой вверхъ горделивой головкой, прикрытой, какъ и у прочихъ пріютокъ, бѣлой косынкой, спокойно и весело по своему обыкновенію. Байковый платокъ небрежно покрываетъ плечи.

— Поправь платокъ! Что за испанскій плащъ себѣ придумала сердито говоритъ надзирательница и отворачивается отъ Румянцевой съ недовольнымъ видомъ.

Не говоря ни слова, Наташа поправляетъ платокъ, а за нимъ косынку, слишкомъ низко сдвинувшуюся надъ бровями.

Съ вечера она ее не снимала, въ ней и спала, въ ней и мылась по-утру, жалуясь, что ей холодно головѣ.

Остальныя воспитанницы, тоже въ платкахъ и ко-

сынкахъ на головахъ, чинно становились въ пары, шлепая туфлями, грубо сдѣланными изъ козловой кожи по общему образцу.

На обычно блѣдномъ личикѣ Дуни легли желтыя тѣни и отъ безсонной ночи, и отъ душевныхъ переживаній, послѣднихъ сутокъ, которыя никакъ не могли улечься въ ея кроткой душѣ.

Чинно, въ полной тишинѣ и молчаніи спустились изъ спальни внизъ дѣвочки и вошли въ залу. Тамъ уже ждали ихъ къ молитвѣ старшеотдѣленки. Поближе къ образу стояли стрижки.

У Ѳенички, замѣнившей въ качествѣ регента вышедшую изъ пріюта и поступившую уже на мѣсто Марусю Крымцеву, было нынче изжелта-блѣдное лицо и красныя отъ слезъ вѣки. Всю ночь проплакала Ѳеничка, думая о строжайшемъ изъ пріютскихъ наказаній, предстоящемъ ея кумиру. Несмотря на вчерашнюю отповѣдь Наташи, пылъ Ѳеничкинаго обожанія къ ея „предмету“ не уменьшился ни на іоту... Экзальтированная, увлекающаяся, усп[illegible] изломаться въ нездоровой атмосферѣ тайкомъ прочитанныхъ романовъ, дѣвушка искренно воображала себѣ какую-то особенную любовь къ подругѣ.

Совсѣмъ иначе чувствовали себя среднеотдѣленки. Не говоря уже о Дунѣ, замиравшей отъ ужаса при одной мысли о томъ, что должно было открыться сейчасъ же послѣ молитвы и о неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ новаго проступка ея взбаломошной подружки, (Дуня трепетала отъ сознанія своего участія въ немъ, и своей вины), и всѣ другія дѣвочки не мало волновались въ это злополучное утро. До безумія было жаль имъ ихъ общую любимицу... Многія изъ нихъ даже всплакнули тишкомъ. Да и старше-и младшеотдѣленкамъ было не по себѣ... Публичное наказаніе почти взрослой дѣвочки являлось рѣдкимъ, исключительнымъ случаемъ въ стѣнахъ N—скаго пріюта. И уже вслѣдствіе одной такой необыденности происшествія, было жутко, помимо всѣхъ прочихъ переживаній...

Послѣ общей молитвы, пропѣтой старшими, и пожеланій добраго утра вошедшей въ залъ начальницѣ, дѣвочки большія и маленькія выжидательно устремились на нее взорами и снова что-то гнетущее, остро-больное и тяжелое повисло надъ всѣми этими головками въ бѣлыхъ коленкоровыхъ косынкахъ, съ тревожнымъ выраженіемъ на юныхъ дѣтскихъ личикахъ.

Екатерина Ивановна вышла на середину залы.

Она чувствовала себя едва-ли не хуже дѣтей. Каждое самое простое, обыкновенное наказаніе вродѣ стоянія за чернымъ столомъ, въ углу, или исполненія двойной работы, налагаемой на провинившихся, болѣзненно отзывалось въ ея сердцѣ, мягкомъ, снисходительномъ и гуманномъ.

Наканунѣ она всѣми силами старалась умилостивить свою разгнѣванную помощницу, прибѣжавшую къ ней съ жалобою на „дерзкую“ дѣвченку.

— Я или она! Я или она!—кричала наканунѣ разгнѣванная Павла Артемьевна—или вы дадите разрѣшеніе на публичное наказаніе виновной,—разрѣшите остричь ее, или я уйду изъ пріюта и нога моя никогда больше не переступитъ вашъ порогъ!

Павлой Артемьевной, не смотря на ея черезмѣрную суровость и несправедливость по отношенію къ воспитанницамъ, Екатерина Ивановна Нарукова дорожила болѣе всѣхъ другихъ помощницъ надзирательницы пріюта. Безподобно изучившая искусство кройки и шитья, вышиванья гладью, мѣченія, словомъ всѣ рукодѣльныя работы, Павла Артемьевна съумѣла стать первой необходимостью учебнаго ремесленнаго заведенія, превосходно поставивъ въ немъ дѣло ручного швейнаго труда. Безъ нея, казалось было немыслимо дальнѣйшее существованіе пріюта.

Поневолѣ, доброй и мягкой начальницѣ оставался одинъ выборъ: дать свое согласіе наказать Наташу и тѣмъ обезпечить дальнѣйшее присутствіе суровой надзирательницы въ пріютскихъ стѣнахъ.

Болѣзненно морщась и больше обыкновеннаго щуря

свои близорукіе глаза, послѣ непродолжительной паузы, госпожа Нарукова обратилась съ рѣчью къ воспитанницамъ...

— Дѣти! — прозвучалъ ея тихій, симпатичный, голосъ,—одна изъ васъ сильно провинилась передъ уважаемой всѣми нами Павлой Артемьевной. Одна изъ васъ позволила себѣ дерзость, которая не подлежитъ прощенію. Вы сами убѣдились воочію, какъ груба, непослушна и рѣзка была съ вашей наставницей воспитанница Наталья Румянцева. Помимо вчерашняго, самаго дикаго и грубаго изъ ея поступковъ, она періодически раздражала всѣми уважаемую наставницу постояннымъ неповиновеніемъ и рѣзкими отвѣтами на всѣ замѣчанія и выговоры Павлы Артемьевны... Затѣмъ, она умышленно пренебрегала уставами пріюта. Каждая изъ васъ должна быть чисто одѣта, гладко причесана и имѣть вполнѣ скромный и приличный видъ. Вы всѣ—дѣти, бѣдныхъ родителей или круглыя сироты и должны готовить себя къ суровой трудовой жизни, къ постоянному труду ради куска насущнаго хлѣба. Взгляните на Наташу Румянцеву. Развѣ она поступала такъ, какъ должна была поступать? Эти размашистыя манеры, эти вѣчно растрепанные волосы, этотъ задорный не соотвѣтствующій ея положенію будущей труженницы видъ. Развѣ все это хорошо? Прилично? Правда, воспитанной въ несовсѣмъ подходящихъ ея званію и положенію условіяхъ въ своемъ раннемъ дѣтствѣ, она нѣсколько выбита изъ колеи, ей труднѣе, нежели всѣмъ вамъ, остальнымъ, вступать въ нашу пріютскую жизнь, но вѣдь и мы всѣ шли къ ней на встрѣчу, мы, чѣмъ могли, облегчали ей ея жизнь здѣсь, стараясь снисходительнѣе относиться къ ея привычкамъ и замашкамъ не терпимымъ въ нашихъ стѣнахъ.

Но дѣвочка испорченная, избалованная съ недобрымъ сердцемъ, не поняла этого снисхожденія.

Она отвѣчала дерзость за дерзостью, грубость за грубостью. Такое отношеніе не можетъ быть выносимо болѣе и Наталья Румянцева, будетъ примѣрно наказана за свои дерзости, въ особенности, за ту, которую она позволила себѣ сдѣлать вчера, во время рукодѣльныхъ занятій, уважаемой Павлѣ Артемьевнѣ. Варварушка, повышая голосъ, обратилась Екатерина Ивановна къ стоявшей поодаль съ маленькими стрижками рыжей нянюшкѣ,—попроси сюда Фаину Михайловну. Пусть захватитъ ножницы, машинку и острижетъ подъ гребенку наказанную въ присутствіи всего пріюта.

Рыжая Варварушка съ поклономъ вышла изъ залы.

Глубокая тишина воцарилась въ огромной комнатѣ. Сто двадцать дѣвочекъ большихъ и маленькихъ низко наклонили повязанныя бѣлыми косынками головки.

Каждое сердечко защемило жалостью и болью по отношенію наказываемой. Всѣмъ было жаль Наташу.

Вдругъ, сначала тихое, потомъ все громче и громче, послышалось чье-то всхлипываніе.

Одновременно съ нимъ, внезапная суматоха произошла въ до сихъ поръ стройныхъ рядахъ воспитанницъ... Кто-то сильной рукою прочищалъ себѣ дорогу...

Еще мгновеніе и, расталкивая подругъ изъ рядовъ средняго отдѣленія выбѣжала Оня Лихарева. По пухлому лицу пріютской шалуньи градомъ катились слезы. Изъ подъ угла бѣлой косынки выглядывали растерянные покраснѣвшіе глаза.

— Екатерина Ивановна! Екатерина Ивановна! жалобно простонала толстушка, и прежде чѣмъ кто могъ ожидать это, съ рыданіемъ упала къ ногамъ начальницы.

Дрожащія, пухлыя руки Они схватили тонкіе пальцы Наруковой и сжали ихъ судорожно и крѣпко

— Екатерина Ивановна, родненькая не наказывайте Наташу... Она не виновата... Она нечаянно... Клубкомъ... залепетала дѣвочка...—Не она... Это... Это я... ее научила... Давай бросать, говорю, чей выше... А ея какъ отлетитъ въ сторону!.. Въ Павлу Артемьевну грѣхомъ и попади... Господи! Не нарочно-же она!..

И снова громкое рыданіе огласило залу.

Теперь надзирательницы и старшія воспитанни-

цы покинули свои мѣста и тѣснились вокругъ Они... Кто-то поднялъ ее, поставилъ на ноги... Кто-то подалъ носовой платокъ... Кто-то утеръ ей слезы...

Екатерина Ивановна колебалась минуту... Потомъ, щурясь по своему обыкновенію и тщетно стараясь подавить охватившее ее волненіе, произнесла не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ:

— Румянцева! Ты слышала что говоритъ Опя Лихарева... Отвѣть, правда-ли это? Нечаянно задѣлъ Павлу Артемьевну твой клубокъ или нѣтъ?

Наташа съ косынкой, сдвинутой почти по самыя брови, выступила впередъ.

Подъ бѣлымъ каленкоровымъ платкомъ черные глаза казались еще чернѣе. Они были тусклы и угрюмы; въ осунувшемся за одни сутки лицѣ лежало мрачное выраженіе. Она молчала.

— Ну, что-же! Отвѣчай, когда тебя спрашиваютъ! строже произнесла начальница.

Наташа не произносила ни слова.

— Ну-же!

Тяжело дыша, Наташа потупила глаза и угрюмо смотрѣла на желтые квадратики паркета.

— Несносная, упрямая дѣвчонка! вспылила Екатерина Ивановна,—ее, дѣйствительно, слѣдуетъ примѣрно наказать!

Черныя рѣсницы дѣвочки поднялись въ ту-же минуту и глаза усталымъ, тусклымъ взглядомъ, посмотрѣли въ лицо начальницы.—Ахъ дѣлайте со мной, что хотите, мнѣ все равно! казалось говорилъ этотъ взглядъ.

Вошла Фаина Михайловна; въ одной рукѣ ея были ножницы, въ другой машинка для стрижки волосъ.

Пришедшая слѣдомъ за нею Варварушка, молча, выдвинула стулъ па середину залы.

— Садись! кратко приказала Нарукова дѣвочкѣ.

На добродушномъ старомъ лицѣ Фаины Михайловны застыло недоумѣвающее испуганное выраженіе. Она любила всѣхъ пріютскихъ воспитанницъ, а эту, живую, чернокудрую дѣвочку, такую непосредственную, исключительную и оригинальную, такую яркую въ ея индивидуальности, эту полюбила она больше остальныхъ.

— Что-жъ это ты, дѣвонька? Чѣмъ проштрафилась, а? Зашептала она у уха, апатично, съ тѣмъ-же усталымъ видомъ опустившейся на стулъ Наташи,—попроси прощенія хорошенько! Прощенія, говорю, попроси... Извинись передъ Екатериной Ивановной, да Павлой Артемьевной. Вѣдь волосы-то роскошь какая у тебя! Когда они еще отростутъ-то! Вѣдь лишиться такихъ-то, поди, жалко! Попроси-же, дѣвонька, авось и проститъ Екатерина Ивановна. Вѣдь она у насъ сама доброта. Ангелъ, а не человѣкъ!.. Ну-ка...

Но на всѣ уговоры доброй старушки, Наташа,—отвѣтила лишь тѣмъ же равнодушнымъ взглядомъ, безучастнымъ взглядомъ и шепнула:

— Я просить прощенія не стану. Я не виновата,—произнесла она, чуть слышно, но твердо.

— Не хорошо! Ай, не хорошо это, дѣвонька. Гордыня это! Господь не любитъ! Смирись! Смирись... слышешь, дѣточ...

Фаина Михайловна не договорила.

— Приступите! прервалъ ее громкій голосъ начальницы.

Все еще медля и надѣясь на отмѣну рѣшенія, добрая старушка, тихимъ движеніемъ руки коснулась косынки, прикрывавшей Наташину голову и такъ-же медленно сняла ее.

— А-а-а-а!

Возгласъ удивленія и испуга пронесся по залѣ. Странное зрѣлище представилось глазамъ присутствующихъ.

Вмѣсто пышныхъ черныхъ кудрей, собранныхъ небрежно въ узелъ и окружавшихъ обычно до сихъ поръ тонкое лицо дѣвочки, и начальство и воспитанницы увидѣли коротко, безобразно неуклюжими уступами выстриженную на голо голову, круглую, какъ шаръ.

Отъ прежней Наташи, темнокудрой и поэтичной не оставалось и слѣда.

Огромные черные глаза занимавшіе теперь чуть-ли не цѣлую треть лица, смотрѣли все такъ-же тускло и устало, а слѣды безобразной стрижки несказанно уродовали это до сихъ поръ, прелестное въ своей неправильности личико. Теперь оно выглядѣло ужасно. Блѣдное, блѣдное, безъ тѣни румянца. Губы сжатыя и запекшіяся. Заострившіяся словно отъ болѣзни черты... И въ нихъ полная, абсолютная апатія и усталость.

Наташа сидѣла, не двигаясь, на своемъ стулѣ, въ то время, какъ нѣсколько десятковъ испуганныхъ и любопытныхъ глазъ впивались въ нее.

Впечатлѣніе получилось столь неожиданное, что въ первую минуту никто не могъ произнести ни слова.

Молчаніе длилось мгновенье, другое...

— Она осмѣлилась остричься сама, безъ спросу! прогремѣлъ, наконецъ, на всю залу негодующій голосъ Павлы Артемьевны.

— Какъ? Что такое? Близорукіе глаза начальницы силились тщетно разсмотрѣть, что-либо.

Съ непривычной ей живостью, она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ наказанной и наконецъ только у самаго стула разглядѣвъ выстриженную на голо, и обезображенную невѣрной дѣтской рукой голову, вспыхнула отъ неожиданности и гнѣва.

— Ты осмѣлилась? Ты!

Къ блѣднымъ щекамъ начальницы прилила краска. Обычно доброе, мягкое сердце закипѣло...

— Какъ посмѣла, ты? Встань!

И такъ, какъ дѣвочка, съ круглой, какъ тыква головою, все еще оставалась неподвижной на своемъ стулѣ, Екатерина Ивановна еще разъ повторила, уже явно дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ:

— Встань... Передъ начальствомъ не полагается сидѣть... Сейчасъ-же вставай! Сію минуту.

Тусклымъ свинцовымъ взглядомъ Наташа посмотрѣла

на говорившую... Потомъ, приподнялась немного и съ внезапно помертвѣвшимъ лицомъ, снова откинулась на спинку стула.

— Мнѣ дурно! Голова кружится! чуть слышно проронили дрогнувшія губы.

— Что съ нею?

Екатерина Ивановна живо наклонилась къ дѣвочкѣ, съ недоумѣніемъ и тревогой заглянула въ лицо воспитанницы.

— Да она совсѣмъ больна! Ее въ лазаретъ отправить необходимо!..—послышался знакомый каждому въ пріютѣ, голосъ тети Лели и маленькая фигурка горбуньи, живо наклонилась въ свою очередь надъ Наташей, въ то время, какъ желтая, сухая рука озабоченно въ одинъ мигъ ощупала ей лицо, шею и руки.

— У нея жаръ... Это безпорно... Бѣдное дитя!

Павла Артемьевна, Фаина Михайловна, помогите мнѣ поднять дѣвочку и отнести ее на кровать!

И тетя Леля, первая приняла въ свои объятія тонкія плечи почти безчувственной Наташи. Вмѣстѣ съ Фаиной Михайловной и напуганной Павлой Артемьевной, онѣ несли ее къ двери, а за ними не отрываясь слѣдили два голубые испуганные дѣтскіе глаза. И поблѣднѣвшее отъ затаенной муки личико Дуни, обратилось къ Дорушкѣ:

— Дорушка... милая... скажи! Она не умретъ?—чуть слышный прозвучалъ шопотъ дѣвочки.

Спокойные глазки Дорушки взглянули на ея подругу.

— Не знаю... какъ и сказать тебѣ, прав... Дастъ Господь и пустяки все это... А, можетъ статься, и плохо придется ей, Наташѣ... И впрямь плохо...

— Что-жъ,—вмѣшалась въ разговоръ маленькая сухонькая съ пергаментовымъ лицомъ „примѣрница“ Соня Кузьменко и на ея острыхъ отъ худобы скулахъ выступили два яркія пятна,—чтожъ дѣвицы, ежели помретъ—такъ ей же лучше. Хорошо помереть въ отрочествѣ... Прямо къ престолу Господню ангеломъ-херувимомъ взлетишь, безгрѣшнымъ! Такъ-то оно!

*

При этихъ словахъ Дуня, сдѣлалась бѣлѣе ея бѣлой головной косынки.

Сейчасъ ея незлобливое сердце готово ненавидѣть эту сухую, безжалостную по ея Дуниному мнѣнію, Соню; ненавидѣть ея скуластое лицо, рѣдкіе желтые зубы; маленькіе умные и покорные глазки „примѣрницы".

— Нѣтъ, она будетъ жива Наташенька! Она должна жить милая! — шепчетъ съ несвойственной ей стойкостью Дуня и жмется къ Дорушкѣ какъ-бы ища въ ней поддержки. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Въ то-же утро оповѣщенный начальницей, раньше назначеннаго часа докторъ Николай Николаевичъ прискакалъ ради Наташи въ пріютъ.

Но дѣвочка уже никого не узнавала. Она металась въ жару... Звала покойныхъ благодѣтелей... Просила взять ее изъ пріюта... Кому-то грозила... Кому-то сулила убѣжать

А къ вечеру принеслась зловѣщей черной птицей страшная вѣсть изъ лазарета.

У Наташи Румянцевой открылось воспаленіе

Простудилась-ли, бѣгая босая, послѣ бани въ предъидущую ночь дѣвочка, или тяжелыя впечатлѣнія пережитыя ею за послѣднее время и рѣзкая перемѣна обстановки, отразились на ней и потрясли хрупкій организмъ изнѣженнаго подростка, но фактъ былъ на лицо: Наташа умирала

Со страхомъ прислушивались пріютки къ каждой новой вѣсти, доходившей къ нимъ изъ лазарета.

— У Наташи температура поднялась до сорока... Наташа бредила всю ночь наказаніемъ... Наташа въ забытьи зоветъ Дуню...—то и дѣло переходило шопотомъ изъ устъ въ уста.

Сама, Дуня едва держалась на ногахъ отъ переживаемаго страха за жизнь подруги... Она раздала среднеотдѣленкамъ срѣзанные ею въ ту роковую ночь темные,

пушистые локоны больной, спрятала оставленный ею себѣ самый пышный и крупный, положила его на сердце за ситцевый лифъ и рыдала надъ нимъ, не осушая слезъ, цѣлыми часами. Иногда, ночью она прокрадывалась къ постели Сони Кузьменко «пріютской подвижницы» какъ ее называли частью въ насмѣшку, частью изъ зависти къ ея религіозности другія воспитанницы и, разбудивъ спящую дѣвочку трогательно умоляла ее помолиться о здравіи болящей отроковицы Наталіи. Никому никогда не отказывавшая въ своемъ религіозномъ усердіи, Соня, худая, сутуловатая, босая, въ одной рубашкѣ, голыми колѣнями становилась на холодномъ полу спальной и, приказавъ Дунѣ слѣдовать ея примѣру, изступленнымъ отъ молитвеннаго экстаза голосомъ, ударяя рукою въ грудь, шептала вдохновенно слова всѣхъ молитвъ, которыя только знала.

— Когда-же онѣ были прочтены всѣ до одной, Соня начинала молиться отъ себя, своими словами: «Боже Милостивый! Царица Небесная! Владычица! Батюшка Отче Никола! Сотворите чудо, исцѣлите отроковицу Наталію!—трепещущимъ голосомъ твердила она. Двѣ неболѣвшія дѣвочки, молились здѣсь въ тишинѣ угрюмаго дортуара, а тамъ въ маленькой лазаретной комнатѣ, у бѣлоснѣжной больничной койки нѣсколько человѣкъ взрослыхъ, оспаривали у смерти юную, готовую вырваться изъ хрупкаго тѣльца, жизнь...

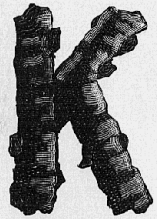
Докторъ Николай Николаевичъ съ отеческой заботой ухаживалъ за умирающей... Цѣлые дни проводилъ онъ въ пріютѣ, собственноручно мѣняя ледъ на раскаленной отъ жара головѣ Наташи. Фаина Михайловна, Екатерина Ивановна и Павла Артемьевна, примирившіяся въ душѣ съ больною отъ сердца и простившія ей ея проступокъ, проводили поочередно длинные, безконечные часы у одра Наташи.

А позднѣе вечеромъ, передъ ночью, когда надзирательницы и начальница уходили, чтобы пользоваться коротким, ночнымъ покоемъ, уѣзжалъ и уставшій за

день докторъ, а сидѣлка-служанка дремала въ креслѣ, прикрутивъ свѣтъ въ лампѣ ночникѣ, маленькая, горбатая фигурка калѣки Елены Дмитріевны проскальзывала въ пріютскій лазаретъ, склонялась надъ пылавшемъ личикомъ и молитвенно сложивъ руки, шептала пересохшими отъ волненія губами:

— Боже мой! Ты любящій Отецъ сиротъ, Ты приказавшій приводить къ себѣ дѣтей, Божественный Спаситель, сохрани намъ и спаси эту дѣвочку. Она рождена для беззаботнаго счастья... Она—красивое сочетаніе гармоніи Она—нѣжный цвѣтокъ взлелѣянный въ теплицѣ жизни Спаси ее, Господи! Одинокую, бѣдную сиротку! Помилуй, сохрани ее намъ! Бѣдное дитя! Праздничный цвѣтокъ, тянувшійся такъ безпечно къ веселью и смѣху. Ты сохранишь ее намъ, Милосердный Господь! Всю долгую ночь добрая тетя Леля ухаживала за больною, мѣняя ледъ на ея головкѣ, вливая ей въ запекшійся отъ жара ротикъ лекарство. А на утро, съ желтымъ осунувшимся лицомъ съ синими кольцами вокругъ глазъ, но все таже бодрая, сильная духомъ, жившемъ въ этомъ худенькомъ тѣлѣ, спѣшила она къ своимъ маленькимъ стрижкамъ «пасти» свое «стадо милыхъ ягнятокъ», какъ говорила она въ шутку, тянуть долги, утомительный, полный хлопотъ и заботъ пріютскій день

VII.



Ъ всеобщей радости не умерла Наташа... Страшный недугъ пропалъ также внезапно, какъ и появился благодаря соединеннымъ усиліямъ всѣхъ ухаживавшихъ за больною дѣвочкой людей...

И мрачныя до сихъ поръ вѣсти, разлетавшіяся съ быстротою молніи по рукодѣльной, классной и залѣ, по длиннымъ корридорамъ, столовой и кухнѣ, смѣпились наконецъ радостными, свѣтлыми и счастливыми.

— Наташа пришла въ себя... Наташа узнаетъ окружающихъ... Она уже говоритъ... улыбается... просила кушать.

Когда Дуня услышала первую такую радостную вѣсть, принесешную въ классную Павлой Артемьевной, она, не помня себя, бросилась въ объятья воспитательницы и залилась слезами.

Что-то произошло и со всѣми остальными дѣвочками, находившимися въ этотъ часъ въ классной. Всѣ онѣ ринулись къ стулу, на которомъ сидѣла обычно суровая, не долюбливаемая ими надзирательница, осторожно прижимавшая къ себѣ плачущую Дуню, засыпавшую ее вопросами:

— Что Наташа? Какъ ей теперь? Скоро-ли встанетъ? Придетъ сюда?

И вдругъ невольно попятилась отъ неожиданности, взглянувъ въ лицо Павлы Артемьевны, въ это обычное хмурое, сердитое почти злое лицо.

Полныя губы надзирательницы вздрагивали подъ темной полоской усиковъ. А глаза, круглые и подозрительные, не знавшіе ласки прежде, теперь мягко блестѣли затуманенные слезой:

— Теперь, слава Богу, скоро уже вернется къ намъ Наташа! произнесла Павла Артемьевна задушевнымъ тономъ и предательская слезинка выкатилась изъ подъ стекла ея неизмѣннаго пенснэ.

— Ну, ну, довольно однако, дѣти! Сядемъ за работу! Сегодня диктовку писать надо! незамѣтно смахивая слезу, произнесла она своимъ обычнымъ дѣловито-суровымъ голосомъ, стараясь этимъ замаскировать свое волненіе.

— А вѣдь она плачетъ. Помереть на этомъ мѣстѣ плачетъ! Ей жаль Наташу! Вотъ-те святая пятница, мать-пятидесятница—жалѣ! затараторила шопотомъ Нюша Канарейкина, поспѣвая всюду со своей лисьей мордочкой и проворно снующимъ носомъ.

Черезъ пять минутъ Павла Артемьевна вела уже, какъ ни въ чемъ ни бывало классъ диктовки, попутно

объясняя воспитанницамъ то, одно, то, другое правило грамматики.

Своимъ ровнымъ, рѣзкимъ голосомъ она нанизывала фразу за фразой, строго покрикивая на нерадивую, поминутно отстающую отъ подругъ Машу Рыжову или на маленькую болѣзненную Чуркову, украшавшую то и дѣло чернильными кляксами свою тетрадь, но при этомъ лицо ея все еще хранило то недавнее выраженіе радости, съ которымъ она вошла объявить счастливую вѣсть о выздоровленіи Наташи, а глаза смотрѣли мягче и добрѣе, какимъ-то совсѣмъ новымъ и непривычнымъ имъ взглядомъ.

Это выраженіе не исчезло даже и тогда, когда съ растерянно-глупымъ видомъ Маша Рыжова подала свою диктовку и Павла Артемьевна при общемъ смѣхѣ воспитанницъ прочла написанную въ ней фразу:

«Кэрава томажняя шиводная; она эстъ драва и сѣна»...

Хорошенькая должна быть корова, которая ѣстъ дрова! усмѣхнулась Павла Артемьевна и прибавила вскользь глядя на багрово покраснѣвшую Машу:

— И когда ты писать только выучишься... Дрова пишешь вмѣсто трава «томажняя», вмѣсто домашняя. А кэрава? Развѣ есть слово такое? Корова... Понимаешь? Домашнее животное; она ѣстъ траву и сѣно. Ахъ, Маша, Маша! Совсѣмъ ты неучъ у насъ!

Не разсердилась Павла Артемьевна и тогда, когда маленькая золотушная Оля Чуркова, мигая своими бѣлесоватыми рѣсницами подала ей свою увѣнчанную кляксами тетрадку. Чернильныхъ пятенъ въ ней насчитывалось гораздо больше чѣмъ буквъ.

— Ну эта хоть годами молода... Она съ Дуней ровесница, успѣетъ еще выучиться! А тебѣ Рыжова стыдно! Пятнадцатый годъ, вѣдь не маленькая!—проговорила она безъ тѣни обиднаго гнѣва. За то тетрадки Сони Кузьменко, Дорушки и Дуни доставили полное удовольствіе надзирательницѣ.

— Молодецъ, Соня! Дорушка и Дуня! Учительницами будете!—съ непривычной скоростью обратилась она къ нимъ.

— Нѣтъ, Павла Артемьевна, мнѣ-бы лучше въ монашки хотѣлось! произнесъ глуховатый и тихій голосъ Кузьменко.

— Что?

— Въ монастырь-бы меня говорю отдали! Ужъ куда какъ хорошо было-бы! Благодать тамъ какая! Колоколъ съ самой ночи гудитъ... Поютъ на клиросѣ... все монашки въ черномъ... А тамъ постригъ дадутъ... Я изъ Житія святыхъ знаю. Боголѣпно!—съ жаромъ говорила дѣвочка.

— Да что ты, Софья! Куда тебѣ въ монастырь! Не возьмутъ тебя. Мала еще! Не вышла годами... покачивая головой, произнесла надзирательница.

— Я выросту, Павла Артемьевна А ужъ тянетъ меня туда-то, и сказать не могу какъ тянетъ. Такъ-бы вѣкъ въ тишинѣ монастырской и прожила. За васъ-бы молилась... Въ постѣ... на ночныхъ бдѣніяхъ...—возразила, внезапно оживаясь Соня.—У бабушки моей есть монашка знакомая... Она еще въ дѣтствѣ все къ бабушкѣ приставала, просила все меня въ послушаніе къ ней отдать въ обитель... Совсѣмъ къ себѣ на воспитаніе брала... А отецъ не отдалъ... Сюды опредѣлилъ... Велѣлъ учиться.

Соня поникла грустно головою и вздохнула.

Павла Артемьевна сама вздохнула слѣдомъ за нею.

Впервые она разговаривала такъ просто со своими дѣвочками, обрадованная выздоровленіемъ Наташи, въ болѣзни которой втайнѣ не разъ упрекала себя.

До сихъ поръ она являлась только строптивой и взыскательной наставницей, требовательнымъ, суровымъ и готовымъ покарать каждую минуту начальствомъ. Сейчасъ же она чуть-ли не впервые заглянула въ дѣтскія души, довѣрчиво открывшіяся передъ нею... За Соней она стала разспрашивать остальныхъ дѣвочекъ, чего-бы хотѣли онѣ, къ чему стремились, чего ждали отъ жизни.

Узнала, что флегматичная, лѣнивая и тупая Маша Ры-

жова мечтаетъ быть гдѣ-нибудь ключницей въ богатомъ домѣ, ухаживать за коровами, за птицами, за домашнимъ скотомъ. Въ этой равнодушной душѣ горѣлъ огонекъ любви къ покорнымъ человѣку безсловеснымъ тварямъ.

Узнала отъ робко улыбающейся Дуни, что та любитъ деревню, мечтаетъ вмѣстѣ съ Наташей поѣхать въ родимыя мѣста и поселиться въ школьномъ домикѣ, учить ребятишекъ, а въ часы досуга гулять по родному лѣсу.

Услышала и Дорушкины завѣтныя мечты... Расширить дѣло матери... Взять себѣ въ помощницы всѣхъ пріютокъ, не получившихъ мѣста, оставшихся, хотя-бы временно безъ опредѣленныхъ занятій. И у крошки Оли Чурковой узнала цѣль ея маленькой жизни: вытащить изъ нищеты бабушку, собственнымъ трудомъ содержать ее, работая гдѣ-нибудь въ бѣлошвейной поденно.

— Такъ вотъ онѣ какія! вслушиваясь въ рѣчи осмѣлѣвшихъ предъ ея нсожиданнымъ участіемъ дѣвочекъ, мысленно говорила себѣ Павла Артемьевна:—довѣрчивыя, славныя, сердечныя дѣтишки! У каждой своя особая наклонность, индивидуальность, своя исключительная черточка характера. А она такъ мало задавала себѣ труда до сихъ поръ заглянуть въ эти робко, сейчасъ какъ бутоны цвѣтовъ, раскрывшіяся передъ ней души. Строгость была до сихъ поръ ея неизмѣннымъ девизомъ. Строгость и суровая требовательность... Постоянные окрики, выговоры, она считала гораздо болѣе существенными орудіями въ воспитаніи дѣтей.

А между тѣмъ, такое ласковое участіе съ ея стороны много прочнѣе, и скорѣе проложитъ ей путь къ дѣтскимъ сердцамъ, поможетъ запастись дѣтскимъ довѣріемъ въ трудномъ дѣлѣ воспитанія сорока дѣвочекъ, и дастъ ей самой больше спокойствія, пожалуй. Да, да, она была глубоко не права порою. Строгость никогда не вредна. Она необходима... Но ея суровость, ея грубость съ дѣтьми, развѣ онѣ имѣли что-либо общее со строгостью!

Павла Артемьевна такъ глубоко погрузилась въ свои мысли, что не замѣтила какъ тихо скрипнула классная

дверь и тонкая фигура подростка, закутаннаго въ теплый байковый платокъ поверхъ обычнаго форменнаго платья пріютки вошла въ комнату.

Въ тотъ-же мигъ громкій хоръ сорока возбужденныхъ радостныхъ голосовъ звонкой волною прокатился по классной:

— Наташа! Наташа вернулась! Павла Артемьевна,— Наташа!

Надзирательница, вздрогнула, подняла голову...

Передъ ней стояла Наташа. Нѣтъ, вѣрнѣе, тѣнь прежней Наташи.

За двѣ недѣли болѣзни дѣвочка вытянулась и похудѣла до неузнаваемости. Казенное платье висѣло на ней какъ на вѣшалкѣ. Неровно остриженные волосы чуть-чуть отросли и дѣлали ее похожей на мальчика. Подурнѣвшее до неузнаваемости лицо, слишкомъ большой ротъ, обострившійся носъ, болѣзненный цвѣтъ кожи, безъ тѣни былого румянца и эти глаза, ставшіе огромными и потерявшіе ихъ обычный насмѣшливый блескъ!

— Наташа! Бѣдная Наташа! помимо воли, полнымъ жалости и соболѣзнованія голосомъ, вырвалось искренне и печально изъ груди Павлы Артемьевны.

Что-то новое почудилось въ этомъ голосѣ и Наташѣ, что-то мягкое, сердечное, что заставило дѣвочку сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ, по направленію поднявшейся ей на встрѣчу наставницѣ. Легкая краска залила блѣдное личико... Нѣкоторое подобіе прежняго румянца слабо окрасило впалыя щеки Наташи... И мгновенно, какъ молнія, прежняя улыбка, дѣтски простодушная и обаятельная заиграла на блѣдныхъ губахъ, на худыхъ щечкахъ съ чуть примѣтными теперь ямками на нихъ...

Дѣвочка почти въ плотную придвинулась къ надзирательницѣ, съ перехваченнымъ судорогой волненія горломъ, поднявшейся къ ней на встрѣчу...

И еще слабый послѣ болѣзни голосокъ, произнесъ тихо и твердо:

— Павла Артемьевна! Вы простите меня. Тогда... До болѣзни... Я провинилась передъ вами... Съ клубкомъ-то... Вѣдь вы не ошиблись... Я тогда его умышленно въ васъ бросила... И Богъ меня покаралъ за это... Я чуть не умерла... Ужъ вы простите!

Незнакомый огонекъ вспыхнулъ въ глубинѣ глазъ Наташи... Улыбка исчезла съ лица... Худенькія руки потянулись на встрѣчу Павлѣ Артемьевнѣ...

Надзирательница сдѣлала быстрое движеніе, поддалась впередъ и крѣпко, крѣпко обняла дѣвочку...

А минутой позже Наташа уже переходила изъ объятій въ объятія, сіяющая и розовая отъ счастья. И Дуня, не помня себя отъ счастья, висла у нея на груди...

VIII.

АПРѢЛЬ... Солнечный и прекрасный, онъ вливается въ настежъ раскрытыя окна пріюта... Онъ несетъ благовонные ароматы весны, предвѣстницы скораго лѣта, первыхъ ландышей, что продаются оборванною нищею дѣтворою на шумныхъ улицахъ Петербурга. Улыбки солнца разсылаетъ онъ щедро, властной рукою и дышетъ въ лицо чистымъ прохладнымъ и нѣжнымъ дыханіемъ, напоминающимъ дыханіе ребенка.

Небо сине-сине, какъ синевато-лазурный глазокъ незабудки. Недосягаемыя, гордыя и красивыя плывутъ по нему бѣлые корабли облаковъ... То причудливыми птицами, то диковинными драконами, то далекими, старинными городами съ бойницами, башнями, со шпицами церквей кажутся они обманчивыми призраками изъ своего лазурнаго далека...

За ними слѣдятъ не мигая двѣ пары молодыхъ глазокъ.

На окнѣ, открытомъ настежъ, повернувшись лицомъ къ голубому небу съ мочалкой въ одной рукѣ и тряпкой въ другой—стоитъ Наташа...

Ея глаза восторженно блестятъ, глядя на небо...

Дуня держитъ ее за оба конца передника, замирая отъ ужаса при одной мысли, что голова можетъ закружиться у Наташи и собственныя слабыя рученки ея Дуни, не смогутъ удержать подругу.

Черезъ два дня Пасха... Вчера онѣ пріобщались по обыкновенію въ Страстной четвергъ. Сегодня приступили къ «большой» предпраздничной уборкѣ. Напрасно отговаривала Павла Артемьевна Наташу брать на себя непосильный еще ей послѣ болѣзни трудъ; дѣвочка такъ трогательно молила разрѣшить ей поработать наравнѣ со всѣми, такъ убѣдительно доказывала, что сейчасъ она сильная и окрѣпшая какъ никогда и, что сама она не возьмется за слишкомъ тяжелое дѣло, что Павлѣ Артемьевнѣ особенно свѣтло настроенной послѣ говѣнья оставалось только согласиться съ нею.

— Только смотри... дальше стиранія пыли въ комнатахъ начальства не смѣй идти! крикнула убѣгавшей Наташѣ въ догонку надзирательница.

— Еще-бы!

Всѣ доводы Павлы Артемьевны уже забыты по дорогѣ. Вмѣстѣ съ возвращеніемъ здоровья и силъ къ Наташѣ, вернулась и ея обычная энергія и живость. Ея былые непокорность и эгоизмъ, куда-то исчезли подъ вліяніемъ смертельнаго недуга. Она вся стала, какъ-то, мягче, ровнѣе, менѣе требовательной и тщеславной. Но отрѣшиться вполнѣ отъ прочихъ своихъ былыхъ грѣшковъ Наташа въ силахъ...

Необузданное «я такъ хочу» еще, нѣтъ, нѣтъ, да и прорвется въ ней.

Сейчасъ, она помогаетъ Дунѣ и Дорушкѣ, тщательно отчищающихъ кислотой дверныя ручки, убирать «спальный» корридоръ...

Окно раскрыто въ немъ настежъ. Внизу зеленѣютъ первые весенніе побѣги, на верху синѣетъ голубой пологъ, растянутый надъ землей... Гдѣ-то высоко льется звонкой струею пѣсня жаворонка.

Наташа съ жадностью глотаетъ воздухъ... Ея лицо заалѣлось... Ноздри трепещутъ. Улыбаются яркія пунцовыя губы... Влажно сверкаютъ, какъ маленькія звѣзды, глаза...

Съ мочалкой въ одной рукѣ, съ тряпкой въ другой она похожа на Золушку или на задорнаго, шаловливаго мальчугана съ вихрастою неровной гривкой отросшихъ черныхъ волосъ...

— Ха-ха-ха! заливается, смѣется она, потряхивая мочалкой—ха-ха-ха-ха! Хорошо было-бы быть птицей Дуняша... Взмахнуть такъ крыльями и полетѣть къ солнцу, къ облакамъ. Быстро! Быстро!

— Ради Бога сойди, ты, съ окна, Наташа! Не приведи Господь!—оступишься!—пугливо лепечетъ Дуня. Но Наташа разрумяненная и похорошѣвшая отъ оживленія, подъ лучами весенняго солнца, съ алымъ румянцемъ, снова заигравшемъ на этомъ быстро поздоровѣвшемъ лицѣ, только машетъ руками и поминутно хохочетъ, дѣлясь своими впечатлѣніями съ подругой.

— Вотъ, гляди, птица пролетѣла! Какая большая! А вонъ идетъ Жилинскій по двору... Точно мячикъ катится. Вотъ-то толстѣнный! А вонъ Ѳеничка съ цыганкой вытряхиваютъ начальницины ковры... А знаешь-ли, Ѳеничка не любитъ меня больше! — неожиданно опредѣляетъ Наташа—вздыхаетъ и дѣлаетъ сердитое лицо...

— Тебя всѣ любятъ! торопится увѣрить ее Дуня.

— Можетъ быть, всѣ... ты... другія... Но не Ѳеничка.. Какъ вышла я изъ лазарета помнишь какъ всѣ обрадовались тогда, а она посмотрѣла такъ удивленно и говоритъ:—Какая ты некрасивая стала, Наташа! Ты ужъ меня извини, говоритъ, я тебя обожать больше не буду... Вонъ, говоритъ, ты худая, желтая, глаза какъ плошки... А я говоритъ красоту люблю...

— Вотъ глупенькая! возмутилась Дуня,—да развѣ за красоту любятъ?

— Ѳеничка за красоту... Теперь она себѣ въ предметы другого человѣка выбрала... Отца дьякона. Онъ говоритъ красавецъ писанный и какъ грянетъ «многія лѣта» съ амвона, такъ вся церковь дрожмя-дрожитъ.

— Дурочка твоя Ѳеня! задумчиво произнесла Дуня и съ явнымъ обожаньемъ взглянула на подругу:—а для меня ты дороже стала еще больше послѣ болѣзни. Тебя я люблю, а не красоту твою. И больная, худая, блѣдная ты мнѣ во сто кратъ еще ближе, роднѣе. Жальче тогда мнѣ тебя. Ну вотъ, словно, вросла ты мнѣ въ сердце. И спроси кто-нибудь меня, красивая ты либо дурная, ей Богу же не съумѣю разсказать!—со своей застѣнчивой милой улыбкой заключила простодушно дѣвочка.

— Да... да...—съ несвойственной ей задумчивостью произнесла Наташа.—Я это понимаю... У меня Арлетта была... гувернантка еще, при жизни благодѣтелей,—тутъ черные глаза подернулись туманомъ.. —такъ она своего жениха, что ждалъ ее въ Парижѣ, вотъ любила! А онъ былъ страшный пристрашный, судя по карточкѣ... Одно плечо кривое... Носъ крючкомъ. И ужъ не очень молодой... Но добрый, добрый и бѣдный, бѣдный... И жениться пока не могъ. Денегъ на свадьбу не было. Она и служила у насъ, деньги копила... А онъ тамъ работалъ... И такія ласковыя, хорошія письма ей писалъ... За эти письма, за доброту его, за сердце ангельское любила. Вотъ и я также за душу могу любить...—совсѣмъ уже тихо заключила Наташа.

Она стояла передъ Дуней вся залитая солнцемъ на подоконникѣ большого окна. Глаза ея углубились и потемнѣли.

— Слушай, Дуняша! проговорила она голосомъ дрогнувшимъ неожиданными нотками восторга,—когда я лежала при смерти и страшныя видѣнія вставали въ моей больной головѣ иногда, чья-то нѣжная, нѣжная рука ложилась мнѣ на лобъ, а чудесные знакомые глаза съ такой нѣжностью и любовью смотрѣли мнѣ прямо въ душу Господи, какая въ нихъ жила красота! Потомъ, когда я уже пришла окончательно въ себя и стала выздоравливать я ее часто видѣла у своей постели

Нѣжную, добрую, чудесную тетю Лелю, бѣдную, горбатенькую мою... И знаешь, Дуня,—тутъ голосъ Наташи окрѣпъ и выросъ,—меня такъ потянуло къ ней, сильно, сильно. Что-то выросло, помню, тогда въ моей душѣ, и я рѣшила стараться быть такой-же доброй какъ она, заботливой и хорошей...—Наташа замолкла на мгновеніе потомъ продолжала тихо, проникновенно:—До сихъ поръ я никого не любила, а позволяла себя любить тебѣ, Оеничкѣ, другимъ. Знаешь-ли, страшно вымолвить, но я и благодѣтелей своихъ особенно не любила... Мнѣ все казалось, что всѣ люди должны любить и баловать меня одну, что это въ порядкѣ вещей, что я какая-то особенная, созданная для поклоненія.... А вотъ увидѣла тетю Лелю поближе, оцѣнила ея заботливость и ласку и поняла кого слѣдуетъ любить... И ее люблю и тебя, моя крошечка, по настоящему хорошо, сильно... А теперь бросимъ болтовню и давай работать прилежно... А то не успѣемъ!

— И то не успѣемъ! согласилась Дуня и, схвативъ свою мочалку, погрузила ее въ ведро съ мыльною водою и стремительно кинулась мыть полы...

* * *

Въ первый день Пасхи воспитанницы нѣсколько усталыя, но возбужденныя и сіяющія ходили въ праздничномъ бездѣйствіи, однѣ по корридору, другія по залу, иныя собравшись тѣснымъ кружкомъ, читали въ рукодѣльной какую-то интересную книжку. Павла Артемьевна, нарядная, въ шумящемъ шелковой подкладкой новомъ платьѣ прошла по корридорамъ, сѣя по пути радостную вѣсть:

— Баронесса изъ заграницы опять недавно вернулась... Завтра старшія и среднія, по трое изъ каждаго старшаго отдѣленія пойдете къ ней. А сегодня отправитесь всѣ въ Лѣтній садъ на прогулку.

Софья Петровна съ Нанъ давно уже не посѣщала пріюта. Всю послѣднюю зиму она провела въ Швейцаріи, гдѣ вотъ уже четыре года училась въ женской коллегіи

Нанъ. Дѣвочка оказалась весьма слабаго здоровья и доктора запретили ей петербургскій климатъ.

И Нанъ была отдана въ заграничное учебное заведеніе. Теперь окрѣпшая и поздоровѣвшая на горномъ воздухѣ, она возвратилась домой въ Россію.

Въ воспоминаніяхъ Дуни мелькалъ образъ высокой, нескладной дѣвочки, бѣлобрысой и некрасивой съ умнымъ лицомъ, такой сухой и черствой на видъ.

Уже отправляясь на прогулку, чинно выступая подлѣ Дорушки, среди безконечной вереницы паръ по широкому, уличному тротуару и глядя на высокіе дома и роскошные магазины, Дуня съ ужасомъ, думала о томъ какъ-бы ей не пришлось попасть въ число «счастливыхъ», назначенныхъ на завтра въ гости къ попечительницѣ. Ей съ дѣтства не нравилась баронесса. Не нравилась и Нанъ. Первая казалась ей и тогда притворно-сладкой и неестественно ласковой, а Нанъ какой-то холодной и замкнутой въ себѣ эгоисткой. Правда поступокъ Нанъ съ Муркой примирялъ нѣсколько Дуню съ дѣвочкой, но вѣдь и у черствыхъ и холодныхъ людей должны являться въ душѣ добрыя побужденія. Такъ думалось Дунѣ и все-таки не тянуло ее къ баронессѣ и ея холодной дочери.

Погруженная въ свою обычную задумчивость, Дуня машинально выступала по праздничной оживленной улицѣ, не замѣчая что дѣлалось кругомъ. А вокругъ нее пышно развертывалась жизнь.

Подъ торжественный звонъ Пасхальныхъ колоколовъ шумѣла улица. Люди шли съ праздничными лицами; знакомые между собою радостно привѣтствовали другъ друга, снимали шапки и христосывались тутъ-же на виду у толпы. Отовсюду вѣяло свѣтлымъ праздникомъ и ароматной весною. Чинно, стройными парами выступали длинной вереницей воспитанницы. Вотъ свернули онѣ съ Большого проспекта, прошли Кронверскій, и потянулись по Дворцовому мосту и Набережной Невы. Синеокая красавица рѣка, отливающая сталью и серебромъ на солнцѣ, освобожденная отъ льда, плавно катила свои воды.

Дѣвочки не отрывали глазъ отъ ея блестящей зеркальной глади. Тетя Леля, дежурившая нынче на прогулкѣ, сама не могла налюбоваться вдоволь на тысячи разъ уже видѣнную ею картину. Блестящими глазами смотрѣла она на рѣку, на синее небо, на гранитные берега Невы.

Нѣсколько подростковъ мальчиковъ въ штатскомъ платьѣ со сдвинутыми на бекрень шляпами попались имъ на встрѣчу.

Младшему изъ нихъ было на видъ лѣтъ пятнадцать. Онъ разыгрывалъ изъ себя взрослаго, помахивалъ тросточкой, тянулъ слова въ носъ и шелъ развинченной дѣланно-усталой походкой, прискучившаго жизнью молодого человѣка.

Увидя пріютокъ, мальчики сбились въ кучку и громко смѣясь стали о чемъ-то оживленно шептаться.

Наконецъ младшій изъ нихъ дерзкимъ взглядомъ окинулъ всю длинную шеренгу воспитанницъ и остановилъ насмѣшливые глаза на тетѣ Лелѣ.

— Какія милашки! произнесъ онъ развязно, играя хлыстикомъ,—а вотъ и настоящая фурія въ шляпѣ! И прежде нежели поблѣднѣвшая отъ неожиданности горбатенькая надзирательница успѣла отвѣтить что-либо дерзкому, онъ юркнулъ въ толпу и, скрывшись за спинами товарищей, хвастливо и звонко говорилъ кому-то:

— Ага! выигралъ пари! А ты еще спорилъ, Иртышевскій... Ну, плати мнѣ скорѣе по уговору... Ага! не струсилъ таки, сказалъ!

Но тутъ молодой бездѣльникъ смолкъ внезапно и попятился назадъ. Передъ нимъ стояла высокая дѣвочка въ бѣлой косынкѣ и въ форменномъ пальтецѣ воспитанницы ремесленнаго пріюта. Изъ подъ косынки сверкали злые черные глаза... Побѣлѣвшія губы дрожали... По совершенно блѣднымъ, какъ известь щекамъ пробѣгали змѣйкой нервныя конвульсіи.

Но голосъ былъ твердъ и ясенъ, когда отчеканивая каждое слово, она произнесла громко и смѣло:

— Вы гадкій мальчишка! Вы стоите, чтобы взять у васъ этотъ хлыстъ и хорошенечко отхлестать васъ при всѣхъ за то, что вы обидѣли... ее... нашу дорогую... Самаго лучшаго... самаго неоцѣненнаго человѣка въ мірѣ!—и, задохнувшись отъ обуревавшаго ее волненія, въ аффектѣ неудержимой злобы Наташа Румянцева бросила въ лицо смущеннаго мальчика:

— Знаешь-ли... ты... ты... злой нехорошій мальчуганъ, знаешь-ли кого, какого ангела ты обидѣлъ?..

Наташа кинулась къ Еленѣ Дмитріевнѣ и вся дрожащая и взволнованная прижалась къ ея груди.

— Онъ не смѣетъ! Онъ не смѣетъ называть васъ такъ! противный, глупый, гадкій! залепетала она въ изступленіи отчаянія и негодованья.

Къ счастью, гуляющихъ въ этотъ ранній, утренній часъ было немного. На Набережной кромѣ одинокихъ прохожихъ, воспитанницъ и маленькой кучки юныхъ шалопаевъ не было никого.

Въ толпѣ послѣднихъ произошла суматоха.

Высокій красивый мальчикъ, что-то оживленно говорившій шопотомъ окружавшимъ его товарищамъ, выступилъ впередъ и вѣжливо приподнявъ свою фуражку, произнесъ съ изысканнымъ поклономъ по адресу совсѣмъ растроенной тети Лели

— Я принужденъ передъ вами извиниться, сударыня. Мой товарищъ выпилъ немного лишнее за праздничнымъ завтракомъ сегодня и позволилъ себѣ дерзость, за которую всѣ мы съ нимъ самимъ включительно извиняемся передъ вами.

— Да, да всѣ мы извиняемся! подхватили остальные мальчики, и точно также приподняли шляпы.

Затѣмъ, быстро свернули съ тротуара и скрылись изъ вида за угломъ огромнаго зданія, увлекая виновника происшествія за собою.

— Какой красавецъ! восхищенно прошептала Ѳеничка своей парѣ—Шурѣ Огурцовой,—совсѣмъ какъ рыцарь Рудольфъ изъ романа «Оживший мертвецъ или

Черная башня»! Я его обожать стану, Шура! Этакій благородный, прекрасный молодой человѣкъ!

— А отца дьякона какъ-же? хитро прищурилась Огурцова.

— Ахъ, ужъ и не знаю! Столько интересныхъ людей на свѣтѣ, что...

— Что и сердца не хватитъ у Ѳенички нашей! весело подхватила насмѣшница Паланя и цыганскіе глаза ея такъ и заискрились смѣхомъ.

— А я-бы этого красавчика, да въ Неву-бы вмѣстѣ со всѣми остальными. Небось, и онъ съ первоначалу съ ними шушукался, того дурака поджигалъ, сердито заключила она.

— Нѣтъ,—вмѣшалась Гуля Рамкина, самая степенная изъ старшеотдѣленокъ, я видѣла, онъ въ сторонѣ держался, въ бинокль все глядѣлъ на крѣпость, пока они сговаривались. А потомъ только, послѣ всего подошелъ.

— Тоже гусь! Нашелъ себѣ компанію. Самъ хорошъ больно, ежели дружитъ съ такими! фыркнула Липа Сальникова.

Между тѣмъ, Наташа, все еще не пришедшая въ себя, стояла подлѣ тети Лели, крѣпко вцѣпившись въ руку горбуньи. Послѣдняя, взволнованная не менѣе дѣвочки, молчала. Но по частымъ глубокимъ взглядамъ, бросаемымъ на нее доброй горбуньей, Наташа чувствовала, какъ благодарна и признательна ей нѣжная душа тети Лели за ея наивное, но горячее заступничество.

И остальныя дѣвочки казались взволнованными не менѣе ихъ обѣихъ. Въ полномъ молчаніи прошли они остальную часть пути и, очутились въ огромномъ Лѣтнемъ саду въ тѣни его еще не вполнѣ распустившихся деревьевъ.

Стрижки съ веселыми возгласами бросились на площадку вокругъ памятника «Дѣдушки Крылова» и тотчасъ-же затѣяли тамъ какую-то шумную веселую игру. Старшія и среднія взявшись подъ руку, парами или

шеренгами по нѣсколько человѣкъ углубились въ боковыя аллеи.

Дуня-же и Дорушка, обычная «свита» (такъ про нихъ говорили въ пріютѣ) горбатенькой надзирательницы присоединились къ Наташѣ, не отходившей теперь отъ тети Лели ни на шагъ.

И только тутъ, подъ темными сводами начинающихъ зеленѣть деревьевъ, горбунья крѣпко обняла Наташу и горячо расцѣловала ее.

Эта безмолвная признательность больше всякихъ словъ тронула дѣвочку и она еще тѣснѣе прильнула къ худенькой груди калѣки. Послѣдняя глубоко задумалась, глядя на серебристую полосу рѣки, сквозившей сквозь рѣшетку сада.

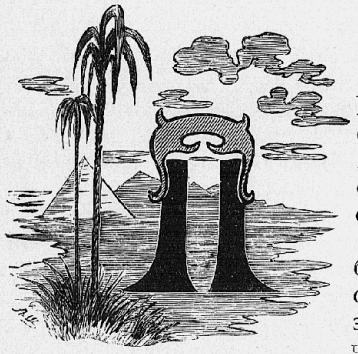
Нѣсколько воспитанницъ «старшихъ» и «среднихъ» приблизились къ ихъ скамейкѣ и молча съ любовью смотрѣли на затихшую наставницу.

Но вотъ она заговорила... Сначала тихо, потомъ все тверже и увѣреннѣе зазвучалъ ея голосъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, я не горюю о своемъ убожествѣ, произнесла тетя Леля...—Пусть люди не знающіе его причины, не знакомые съ обстоятельствами моего уродства, смѣются надъ моей горбатой и кривой фигурой, пусть издѣваются... Я счастлива... этою любовью, тѣмъ влеченіемъ, которое вы чувствуете ко мнѣ, дѣти... Да развѣ счастье имѣть красоту сравнится съ тѣмъ, что я имѣю? Когда я была маленькой, моя мама, добрая и кроткая какъ ангелъ, научила меня переносить мое несчастье твердо и стойко... Хотя я родилась уже уродцемъ, но при первыхъ же проблескахъ сознанія не могла не горевать, видя свое отраженіе въ зеркалѣ на ряду съ другими дѣтьми, красивыми, стройными и здоровыми. И тутъ то она, моя дорогая научила меня примириться съ моей долей жалкой горбуньи и воспитывать свою душу въ любви и заботѣ къ другимъ несчастнымъ... И вотъ лишенная личнаго счастья, обреченная съ дѣтства на долгую сѣрую жизнь, я, подъ руководствомъ, моей

доброй, теперь уже увы! покойной матери, научилась отдавать себя всю на пользу маленькихъ, беззащитныхъ существъ, стрижекъ моихъ ненаглядныхъ.

Тетя Леля смолкла... Но глаза ея продолжали говорить... говорить о безконечной любви ея къ дѣтямъ... Затихли и дѣвочки... Стояли умиленныя, непривычно серьезныя, съ милыми одухотворенными личиками. А въ тайникахъ души въ эти торжественныя минуты каждая изъ нихъ давала себѣ мысленно слово быть такой-же доброй и милосердной, такой незлобивой и сердечной какъ эта милая, кроткая, отдавшая всю свою жизнь для блага другихъ горбунья.



IX.

По широкой, устланной персидскими коврами лѣстницѣ пріютки поднимались въ пріемныя комнаты роскошнаго особняка баронессы Фуксъ.

Ихъ было шесть «выбранныхъ» счастливицъ: обычная посѣтительница этого дома и любимица попечительницы Ѳеничка, регентъ пріюта, замѣнившая вышедшую и поступившую уже на мѣсто красавицу Марусю Крымцеву, Евгенія Сурикова, и Паланя Заведеева.

Изъ среднихъ въ число «избранныхъ» попала по своему обыкновенію Любочка Орѣшкина, какъ любимица Софьи Петровны, Дуняша и Наташа, назначенныя по желанію самой Екатерины Ивановны.

Шесть дѣвочекъ, не безъ волненія входили въ роскошные апартаменты Софьи Петровны. Впрочемъ, волновались только пятеро, такъ какъ Наташа Румянцева

чувствовала себя какъ рыба въ водѣ среди этой аристократической обстановки.

Дуня волновалась больше другихъ. Застѣнчивая, тихая, робкая, смушавшаяся отъ каждаго пристальнаго обращеннаго на нее взгляда, она положительно, терялась уже при одномъ лицезрѣніи всѣхъ всѣхъ этихъ богатствъ. Напрасно Ѳеничка, Паланя и Любочка неоднократно побывавшія здѣсь, убѣждали ее успокоиться, не волноваться увѣряя присерьезно дѣвочку что никто ее здѣсь не съѣстъ, Дуняша не могла побороть въ себѣ невольнаго смущенія и какъ къ смерти приговоренная, съ низко опущенной головою поднималась по отлогимъ удобнымъ ступенямъ лѣстницы.

Уже издалека, съ нижней площадки ея, дѣвочки услышали веселые голоса, смѣхъ и оживленную болтовню, звонъ посуды и звяканье вилокъ и ножей.

— У Софьи Петровны гости! Они, завтракаютъ! замирая отъ смущенія, лепетала Дуня.

— А намъ что за дѣло до гостей! Надѣюсь они не съѣдятъ нашего завтрака, оставятъ кое-что и на нашу долю!—безпечно и весело отвѣчала Наташа.

— Тебѣ-то хорошо...—буркнула Дуня и смолкла, испуганная, въ тотъ-же мигъ.

Лѣстница кончилась... И шесть дѣвочекъ, одѣтыхъ въ праздничныя одинаковыя платья и бѣлые передники, очутились въ огромной залѣ съ колоннами съ роялемъ-гигантомъ, стоявшимъ у окна, съ изящными желто-бѣлыми стульями изъ корельской березы, съ такими-же диванами безъ спинокъ и всевозможными украшеніями на высокихъ тумбахъ, и бра.

По крайней мѣрѣ, съ десятокъ зеркалъ отразили въ себѣ ихъ скромныя фигурки въ ситцевыхъ праздничныхъ платьяхъ и ослѣпительно бѣлыхъ передникахъ.

Изъ бѣлой залы прошли въ гостинную... Ноги дѣвочекъ теперь утонули въ пушистыхъ коврахъ... Всюду встрѣчались имъ на пути уютные уголки изъ мягкой мебели съ крошечными столиками съ инкрустаціями...

Всюду бра, тумбочки съ лампами, фигурами изъ массивной бронзы, всюду ширмочки, бездѣлушки, пуффы, всевозможныя драгоцѣнныя ненужности и безчисленныя картины въ дорогихъ рамахъ на стѣнахъ...

Съ разинутымъ ртомъ и вытаращенными глазами, Дуня шла, дивуясь на всю эту царственную, во снѣ не снившуюся ей роскошь...

Остальныя дѣвочки, бывавшія здѣсь не однажды, если не удивлялись, то восхищались всей этой роскошью. Одна только Наташа чувствовала себя здѣсь какъ въ родной стихіи. Богатая жизнь Маковецкихъ съ самаго ранняго дѣтства пріучила къ комфорту дѣвочку.

— Господи! вѣкъ-бы не ушла отсюда...—шептала восторженно Ѳеничка, восхищавшаяся постоянно богатствомъ дома попечительницы.—Теперь только-бы прекрасному принцу войти сюда, къ намъ на встрѣчу, либо красавицѣ-принцессѣ какой!

— Держи карманъ шире! Какъ-же! Такъ вотъ и выйдутъ тебѣ! тихо усмѣхнулась Паланя, и неожиданно замерла на мѣстѣ.

— Ахъ!

Цыганскіе глаза дѣвушки почти съ ужасомъ остановились на неожиданно представшемъ передъ ними фигурѣ человѣка.

Одѣтый въ безукоризненный костюмъ, съ длинными бѣлокурыми волосами, съ мечтательнымъ, чрезвычайно благороднымъ лицомъ, блѣдный и нѣжный въ своей бархатной куркѣ съ небрежно повязаннымъ артистическимъ галстухомъ, стоявшій на порогѣ гостинной, юноша казался дѣйствительно переодѣтымъ принцемъ. Онъ издали любезно улыбался подходившимъ дѣвушкамъ.

— Душенокъ какой! прошептала Ѳеничка не отрывая отъ незнакомца восхищенныхъ глазъ.

— Да вѣдь это онъ! неожиданно вскрикнула Наташа и рванувшись впередъ, подбѣжала къ молодому человѣку.

— Это вѣдь вы?—затараторила она, безъ церемоніи

хватая его за бархатный рукавъ куртки.—Вы, тотъ самый юноша, что заступились за нашу милую тетю Лелю, тамъ на набережной? Вы? Я не ошиблась! Нѣтъ, нѣтъ, не отпирайтесь, я васъ узнала сразу... Зачѣмъ вы здѣсь?

Молодой человѣкъ взглянулъ на смѣшного стриженнаго подростка съ глазами, сыпавшими искры, съ подвижнымъ некрасивымъ, но тѣмъ не менѣе обаятельнымъ личикомъ, въ которомъ жила и трепетала сейчасъ каждая черта.

— Я и не думаю отрекаться,—произнесъ онъ спокойнымъ голосомъ,—дѣйствительно, я былъ на набережной утромъ съ моими школьными товарищами. А сейчасъ я здѣсь въ домѣ моей тетки баронессы Софьи Петровны. Я родной племянникъ ея покойнаго мужа и каждый праздникъ провожу здѣсь. Будни же въ пансіонѣ, съ тѣхъ поръ какъ вернулся изъ заграницы. Тамъ я пробылъ нѣсколько лѣтъ въ музыкальной школѣ, не мудрено что вы раньше не встрѣчали меня здѣсь. Сейчасъ же кузина Нанъ выслала меня встрѣтить васъ, такъ какъ сама она занята гостями.

— Все это прекрасно,—едва вслушавшись въ его слова, произнесла Наташа [illegible] что скажите мнѣ: неужели вамъ не стыдно дружить [illegible] тѣми сквернымъ мальчишками, которые позволяютъ себѣ смѣяться надъ обиженными судьбою людьми? И говоря это, она даже поблѣднѣла, воскресивъ въ своей памяти недавнюю сцену, и вызывающе взглянула на юношу.

Тотъ отвѣтилъ ей въ свою очередь долгимъ, проницательнымъ взглядомъ. Потомъ, безсознательнымъ, полнымъ врожденной граціи движеніемъ откинулъ прядь волосъ, упавшую ему на лобъ и произнесъ тѣмъ-же увѣреннымъ и спокойнымъ голосомъ, исполненнымъ достоинства и доброты.

— Еслибы вы были нѣсколько наблюдательнѣе, то, навѣрное-бы, замѣтили, что я держалъ себя въ сторонѣ отъ моихъ буйныхъ товарищей, но какъ только произо-

шелъ досадный и нежелательный инцидентъ, я присоединился къ нимъ и приложилъ всѣ старанія

— Это правда! прозвучалъ несмѣлый дѣтскій возгласъ.

— Кто сказалъ это?

Сѣрые, мягкіе глаза юноши обѣжали маленькую группу пріютокъ и остановились на малиновой отъ смущенія Дунѣ.

Дѣвочка помимо собственной воли проронила эту фразу и теперь, краснѣя до ушей, не знала куда дѣвать глаза отъ стыда и страха.

— Вы самая справедливая и снисходительная, и я вамъ очень благодаренъ за ваше заступничество, произнесъ по ея адресу ласковый голосъ племянника баронессы. И затѣмъ, обращаясь уже ко всѣмъ пріюткамъ, онъ добавилъ улыбаясь:—Это очень, очень непріятно, когда васъ безъ вины обвиняютъ въ чемъ нибудь... Не...

Онъ не успѣлъ докончить своей фразы. Въ дверяхъ гостиной появилась нарядная фигура самой баронессы.

— Вотъ онѣ, наконецъ! Рыбки мои золотыя! Пташечки мои прелестныя! Крошки! Красавицы, душечки мои!—зазвучалъ ея серебристый голосокъ, наполняя, казалось, сразу всѣ уголки роскошной гостинной.—Прилетѣли-таки, райскія птички мои. Ѳеничка, красоточка моя! Еще больше распустилась—роза, совсѣмъ роза... Евгеша возмужала, пополнѣла, взрослая дѣвица, хоть сейчасъ подъ вѣнецъ! Паланя! Тѣ-жс плутовскіе глазенки, цыганочка моя черноокая... Любочка, херувимъ ты мой бѣленькій... Дуняша! ты что-же не растешь, моя незабудочка, а это кто? Ахъ, да, новенькая! Слышала, слышала, по письмамъ Екатерины Ивановны... Наташа Румянцева?.. Такъ? Прелестный ребенокъ! Будемъ друзьями!

Все это било фонтаномъ изъ устъ Софьи Петровны. Въ одно и то-же время она успѣвала разглядывать лица сконфуженныхъ дѣвочекъ, и гладить ихъ по головкамъ, и ласково трепать по щечкамъ и на лету цѣловать поспѣшно темныя и бѣлокурыя головки.

— Ну, ну, птички мои! Будетъ мнѣ тормошить васъ, золотыя! Идемъ скорѣе въ столовую, завтракъ остынетъ.

И подхвативъ одною рукою подъ руку льнувшую къ ней особенно Ѳеничку и обнявъ другою Любу Орѣшкину, баронесса прошла въ столовую, приказавъ остальнымъ воспитанницамъ слѣдовать за нею.

— Вотъ онѣ мои дѣвочки! Прошу любить и жаловать, господа!—прозвенѣлъ уже на порогѣ комнаты ея жизнерадостный голосокъ.

За длиннымъ столомъ, сервированнымъ съ рѣдкимъ вкусомъ и роскошью, обвитымъ гирляндами цвѣтовъ по борту, съ огромными букетами и рѣдкостными фруктами въ хрустальныхъ и серебряныхъ вазахъ, сидѣло большое изысканное общество.

Тутъ были и военные, въ блестящихъ позолотою шитья и орденами мундирахъ, и статскіе въ безукоризненно сшитыхъ фракахъ и цѣлый нарядный цвѣтникъ барышень и дамъ.

При видѣ появившихся «дѣтей» баронессы, какъ принято было называть воспитанницъ благотворительнаго учрежденія Софьи Петровны, всѣ присутствующіе повернулись въ ихъ сторону и не сводили теперь глазъ съ миловидныхъ юныхъ лицъ шести дѣвушекъ.

— Вотъ вамъ столъ Садитесь и кушайте на здоровье! радушно проговорила хозяйка, подводя пріютокъ къ стоявшему въ простѣнкѣ между двумя окнами небольшому столу, накрытому на шесть приборовъ.

— Напъ! Вальтеръ! идите угощать гостей! повысивъ голосъ, весело крикнула хозяйка дома.

— Дуня, развѣ ты не узнаешь меня?

Передъ стуломъ Дуняши стояла молодая дѣвушка, худая, нескладная, съ слишкомъ длинными руками, красными какъ у подростка, кисти которыхъ болтались по обѣ стороны ея неуклюжей фигуры. Длинное блѣдноватое лицо съ лошадинымъ профилемъ, маленькіе, зоркіе и умные глазки неопредѣленнаго цвѣта и гладко зачесанные назадъ, почти зализанные волосы, все это отда-

ленно напомнили Дунѣ далекій въ дѣтствѣ образъ маленькой баронессы. Теперь Нанъ вытянулась и казалась много старше своихъ пятнадцати лѣтъ.

А рядомъ съ своимъ красивымъ, изящнымъ кузеномъ она казалась совсѣмъ дурнушкой.

— Это еще кто такая? шепнула Наташа, чуть слышно на ухо Дуни, скосивъ глаза въ сторону молодой хозяйки.

Послѣдняя сконфузилась еще больше. Но въ это время къ Наташѣ подошелъ молоденькій Вальтеръ Фуксъ, и помѣстившись между ею и Любочкой сталъ усердно угощать обѣихъ дѣвочекъ.

Нанъ взяла первый попавшійся стулъ и сѣла подлѣ Дуни.

Сохраняя на лицѣ своемъ тотъ-же обычный чопорно-невозмутимый видъ свѣтской дѣвушки, она разспрашивала Дуню о пріютѣ, не забывая въ то-же время усердно подкладывать на ея тарелку лучшіе куски.

Мало-по-малу, Дуня перестала смущаться и, забывъ о десяткахъ чужихъ глазъ, устремленныхъ съ «большого стола» на ихъ скромный столикъ, сама разговорилась съ Нанъ.

Вспомнили дѣтство, эпизодъ съ Муркой...

— Кстати, я покажу вамъ его! произнесла молоденькая баронесса и непривычная ея холодному равнодушному лицу тѣнь упала на ея лицо.

— Мурку? Мурка здѣсь? Вы покажете намъ Мурку? оживленно затараторила Любочка, вслушавшись въ разговоръ сосѣдокъ.

Между тѣмъ, Ѳеничка, искоса бросая взгляды на «красавчика барончика», котораго она уже втайнѣ рѣшила «обожать», старалась изо всѣхъ силъ обратить на себя его вниманіе. Она то во время ѣды какъ-то особенно оттопыривала руки, локтями вверхъ, и держа, ножъ и вилку тремя пальцами, манерно отставляла два остальные, то жеманно поджимала губки, что по ея мнѣнію было лучшимъ признакомъ хорошаго тона, то потупляла глаза, словомъ ломалась и жеманничала во всю.

Начитавшись глупѣйшихъ бульварныхъ романовъ, Ѳеничка изо всѣхъ силъ старалась подражать ихъ героинямъ, какимъ то несуществующимъ герцогинямъ и маркизамъ, которыми кишѣли добываемыя ею книги.

Не замѣчая, что гости за большимъ столомъ, едва сдерживая улыбки, смотрятъ во всѣ глаза на ея ломанья, Ѳеничка продолжала продѣлывать всѣ свои манипуляціи.

— Нѣтъ мерси-съ, я уже кушамши! неожиданно выпалила она подававшему ей во второй разъ жаркое лакею.

И тутъ же подобравъ весь соусъ со своей тарелки оттопыривъ мизинчикъ правой руки до предѣловъ возможнаго, на кончикѣ ножа отправила его въ ротъ.

— Ахъ, Боже мой! Кто же съ ножа ѣстъ! Брось Ѳеничка! Это варварство! съ веселымъ смѣхомъ шепнула ей Наташа, наблюдавшая уже нѣсколько минутъ за ломавшейся старшеотдѣленкой.

— Не твое дѣло! фыркнула такимъ-же шопотомъ Ѳеничка и преспокойно облизала лезвіе ножа съ обоихъ концовъ къ немалому удовольствію Наташи.

Послѣ завтрака, Нанъ провела пріютокъ на свою половину.

Она занимала цѣлыхъ четыре комнаты. У нея былъ прелестный будуаръ-гостиная съ голубою шелковою мебелью, съ широкимъ трюмо во всю стѣну, съ массою безделушекъ на этажеркахъ и столахъ, свѣтлая уютная спальня, съ бѣлоснѣжной постелью, съ портретомъ ея отца, покойнаго барона, на котораго Нанъ походила какъ двѣ капли воды. Портретъ во весь ростъ, занимавшій простѣнокъ между двухъ оконъ, былъ исполненъ масляными красками. На немъ былъ изображенъ высокій, худой человѣкъ въ генеральскомъ мундирѣ съ баками и усами, типичный нѣмецъ, сухой и чопорный на первый взглядъ, какъ и его дочь.

— Это отецъ! произнесла Нанъ, поднявъ свои маленькіе глазки къ портрету, причемъ лицо ея чуть заалѣлось и какое-то несвойственное выраженіе мягкости

легло на ея угловатыя черты. Она даже похорошѣла въ эту минуту отъ озарявшаго ея чувства.

— О, онъ былъ такой добрый!—прошептала она какъ-бы про себя. Потомъ, словно спохватилась сразу, и придавъ своему лицу выраженіе обычной свѣтской непроницаемости, повела пріютокъ черезъ небольшую классную комнату съ рабочимъ столомъ и книжными шкафами въ четвертую горницу—небольшой изящный кабинетъ.

— Мурка! радостно въ одинъ голосъ вскричали Дуня и Любочка, едва только успѣли переступить порогъ этой комнаты.

Дѣйствительно, на великолѣпной тумбѣ краснаго дерева, сдѣланной въ тонъ изящному письменному дамскому столику и мебели на мягкой малиновой бархатной подушкѣ важно возлежалъ очаровательный коташка, успѣвшій возмужать и растолстѣть за послѣдніе четыре года.

— Мурка! Мурка! Здравствуй, миленькій! Ты вѣдь узналъ насъ правда? Да какой-же ты сталъ, большой и толстый, красивый! А шерстка-то—чистый шелкъ! И бѣлая какъ снѣжинка! Ну, теперь тебя не упрячешь, братецъ, въ муфту! Громадный какой!

И дѣвочки, большія и маленькія тѣснились вокругъ тумбы, на которой попрежнему важно безъ малѣйшаго признака движенія лежалъ красавецъ—котъ. Онѣ наперерывъ гладили и ласкали очаровательное животное. Дуня и Любочка особенно нѣжно льнули къ своему давнишнему любимцу.

Еще-бы! Вѣдь онъ былъ ихъ воспитанникомъ! Они тогда еще маленькія стрижки, такъ долго кормили и лелѣяли его! Пока Нанъ не увезла къ себѣ Мурку, спасши его отъ преслѣдованій Павлы Артемьевны, онъ принадлежалъ имъ, и только имъ.

Добрая Нанъ! Не смотря на ея чопорную и сухую внѣшность, какъ она хорошо заботилась о ихъ общемъ питомцѣ! Какъ она откормила его!

И Дуня съ Любочкой, а за ними Паланя, Ѳеничка и Евгеша бросали благодарные взгляды на молоденькую баронессу стоявшую тутъ же около ихъ милаго звѣрька.

Но что это сталось съ нею?

Обычно блѣдное и безъ того личико Нанъ стало еще блѣднѣе. И глубокая, глубокая тоска отразилась въ ея маленькихъ, умныхъ и печальныхъ глазкахъ.

— Нанъ! Нанъ! Что съ вами?

Дѣвушка съ трудомъ подняла глаза на своихъ сверстницъ. Въ нихъ блестѣли слезы.

— Да развѣ, вы не видите? Вы не видите? Вѣдь мертвый Мурка, не живой! А это... это... только чучело прежняго Мурки... прекрасно артистически исполненное заграницей... Но все же чучело—съ трудомъ, черезъ силу, выдавила изъ себя Нанъ.

— Какъ? Чучело? Неужели? Ахъ! посыпались вокругъ молоденькой хозяйки, взволнованные, полные недоумѣнія возгласы ея гостей.

— Да, чучело! съ тяжелымъ вздохомъ продолжала Нанъ — уѣзжая отсюда, четыре слишкомъ года тому назадъ, я взяла живого Мурку съ собою.

Года два онъ прожилъ тамъ со мною, мой милый, единственный другъ... И вотъ однажды, его укусила бѣшеная собака... Я всѣми силами старалась спасти его... И не могла... Онъ умеръ, и начальница нашего пансіона, очень жалѣвшая меня, приказала сдѣлать съ него чучело и подарила его мнѣ... моего бѣднаго мертваго Мурку... Но мертвый не можетъ замѣнить живаго... А я такъ привязалась къ нему! Вѣдь онъ былъ единственнымъ существомъ въ мірѣ, которое меня любило!— глухо закончила свой разсказъ Нанъ...

Протянулась мучительная пауза. Всѣ шесть дѣвочекъ чувствовали себя какъ-то не по себѣ. Особенно тоскливо стало на душѣ Дуни. Впечатлительное, чуткое сердечко подростка почуяло инстинктомъ какую-то глухую драму перенесенную этой молоденькой аристо-

кратковременной, жившей среди роскоши и богатства и въ тоже время чувствовавшей себя такой одинокой и печальной.

Единственное существо въ мірѣ любившее меня — звучала отзвукомъ въ душѣ Дуни сказанная Нанъ фраза.

— А ея мать? Баронесса Софья Петровна такая ласковая, обходительная со всѣми чужими дѣвочками, неужели она не любитъ своего единственнаго и роднаго дѣтища? Неужели?

Но дальнѣйшія мысли Дуни были прерваны прежнимъ ровнымъ и невозмутимо спокойнымъ голосомъ юной хозяйки.

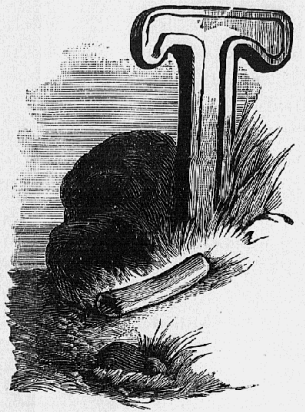
— Пойдемте въ залу... Вы слышите? Тамъ играютъ? Это кузенъ Вальтеръ! О, онъ настоящій большой артистъ! Идемте слушать его!

И она первая вышла изъ своего прекраснаго кабинета. За нею слѣдомъ поспѣшили пріютки.

Изъ аппартаментовъ баронессы, дѣйствительно, неслись сладкіе, печальные, рыдающіе аккорды. Онѣ врывались во всѣ уголки огромнаго дома и своей грустной мелодіей затопляли маленькое сильно бьющееся сердечко Дуни...

— Нанъ несчастна... Нанъ одинока... выстукивало это маленькое, чуткое до болѣзненности сердечко,—одинока и несчастна, не смотря на всю роскошь, все богатство окружающее ее... Но что-же надо, чтобы сдѣлать ее радостной и счастливой? О! Она Дуня съ удовольствіемъ приласкала-бы, утѣшила, ободрила ее! Ей жаль бѣдняжку Нанъ! Если-бы она могла подружиться съ нею, какъ съ Дорушкой и съ Наташей... Окружить заботой и лаской, о, если-бы можно!

А чудные звуки, дивной, незнакомой Дунѣ и ея спутницамъ, мелодіи все лились сладкой волною и, остро волнуя чуткую нѣжную, какъ цвѣтокъ дѣтскую душу, звали, манили ее безотчетно къ неяснымъ подвигамъ самоотреченія и добра.



XII.

— Тс! Тише! Тихонько!— послала шопотомъ на встрѣчу вошедшимъ въ залу пріюткамъ баронесса Софья Петровна, смягчая замѣчаніе самой обворожительнѣйшей изъ своихъ улыбокъ.

Затаивъ дыханіе, на цыпочкахъ, воспитанницы переступили порогъ огромной комнаты. Гости попечительницы съ чашками кофе въ рукахъ сидѣли здѣсь на низенькихъ диванахъ, табуретахъ и на золоченныхъ стуликахъ, уставленныхъ вдоль стѣнъ. Баронъ Вальтеръ Фуксъ былъ за роялемъ.

Какъ испуганное стадо барашковъ съ недоумѣвающими глазами, сбившись въ кучку, дѣвочки столпились у дверей. То, что услышали они, казалось, было выше ихъ пониманія. Послѣ скромной музыки тети Лели, игравшей имъ бальные танцы въ досужій вечерній часъ, послѣ грубаго барабаненія по одной нотѣ Фимочки во время часовъ церковнаго и хороваго—свѣтскаго пѣнія, игра юнаго Вальтера казалась имъ, какъ будто и не игрою; это было пѣніе вешняго жаворонка въ голубыхъ небесныхъ долинахъ, быстрый серебрянный журчащій смѣхъ студенаго лѣснаго ручья, тихое жужжанье пчелки надъ душистой медвяной розой, ясный радостный говоръ дѣтишекъ и шумъ отдаленнаго морского прибоя вдали.

Потомъ, неожиданно тихая мирная музыка перешла въ бурные, грозные раскаты грома... въ сверканіе молній, на почернѣвшемъ пологѣ неба, въ бурные вихри, гнувшіе столѣтніе дубы до самой земли и чей-то рыдающій вопль, исторгнутый изъ нѣдръ надорванной осиротѣвшей души.

Громче, громче становился этотъ вопль... Все слышнѣе, и реальнѣе звучалъ онъ въ звукахъ рояля. Изъ глубины рыдающей симфоніи онъ перебѣжалъ въ залу и потрясъ ея своды, зловѣщій, источный, рыдающій голосъ, человѣческаго горя и неописуемаго страданія...

Занятые неземнымъ исполненіемъ божественной, безсмертной симфоніи, передаваемой Вальтеромъ, присутствующіе не замѣтили, какъ невысокая фигурка дѣвочки съ короткими вихрами черныхъ волосъ, съ горящими, какъ звѣзды ночного неба, глазами рванулась впередъ... На цыпочкахъ перебѣжала она залу и очутилась въ углубленіи ребра рояля, прямо передъ блѣднымъ вдохновеннымъ поднятымъ кверху и ничего не видѣвшимъ казалось сейчасъ взоромъ юнаго музыканта.

Горящіе глаза дѣвочки впились въ это свѣтлое, вдохновенное лицо, на которомъ переживалась теперь цѣлая гамма ощущеній.

Въ разгоряченной головкѣ, зароились недавнія пережитыя впечатлѣнія: такая-же нарядная огромная зала въ барскомъ имѣніи Такой-же рояль... Но за нимъ не этотъ блѣдный красивый юноша, а представительная, полная фигура дамы, генеральши Маковецкой... Но таже симфонія, таже... И исполненіе такое-же... Та-же игра... Тотъ-же гимнъ, жаворонка въ поднебесной выси... тѣ-же переливчатыя серебрянныя трели ручейка, тотъ-же побѣдный вихрь передъ бурей, тѣ-же жуткіе грозовые раскаты вдали... И тотъ-же вопль людского горя... Все тоже...

Но нѣтъ уже въ живыхъ прежней исполнительницы этой божественной музыки. Она умерла, зарыта въ могилѣ... И никогда, никогда не вернется къ своей пріемной дочуркѣ она...

Острая, жгучая тоска... Боль пережитыхъ воспоминаній... Сожалѣніе о минувшемъ,—все это вихремъ поднялось изъ глубины дѣтской души и закружилось и завертѣлось и зашумѣло въ ней, наполняя неописуемымъ страданіемъ эту бѣдную маленькую душу!

И когда раскаты отдаленнаго грома затихли, умерли,

въ ихъ мрачныхъ аккордахъ и снова гдѣ-то вдали заигралъ рожокъ пастушка, собиравшаго привычною музыкой разбѣжавшееся среди бури перепуганное стадо, Наташа рванулась еще ближе къ роялю, съ силой ухватилась обѣими руками за руки музыканта и сорвавъ ихъ съ клавіатуры съ рыданіемъ, потрясшимъ все ея существо, истерически закричала:

— О, перестаньте... Я не могу... не могу больше... Это играла моя покойная maman. Моя maman дорогая! прорыдала она голосомъ, полнымъ недѣтской муки переживаній и отчаянной, острой тоски.

И, закрывъ лицо руками, опустилась на стулъ подлѣ рояля. . . . . .

. . . . . .

— Боже мой! Да вѣдь это Наташа! Дѣвочка милая, гдѣ-же твои кудри... И это платье? Къ чему такой маскарадъ?

Высокая полная старая дама въ сѣромъ шелковомъ платьѣ наклонилась надъ плачущей.

Ея доброе лицо съ длиннымъ типичнымъ армянскимъ носомъ, съ большими грустными восточными глазами и маленькимъ ртомъ съ недоумѣніемъ и тревогой приблизилось къ дѣвочкѣ.

Вокругъ плачущей Наташи толпились гости, взволнованные, недоумѣвающіе... Суетилась баронесса хозяйка, предлагая воду, успокоительныя капли... Вышедшая изъ своего равнодушнаго спокойствія Нанъ и Вальтеръ бросились за лекарствомъ въ спальню хозяйки.

Но Наташа не видѣла и не слышала никого до той минуты пока не раздался надъ нею голосъ старой дамы армянскаго типа.

Тутъ дѣвочка быстро оторвала платокъ отъ глазъ, взглянула влажнымъ отъ слезъ взглядомъ и съ громкимъ, радостнымъ крикомъ повисла на шеѣ у послѣдней.

— Тетя Маро! Тетя Маро!—неистово залепетала она, покрывая слезами и поцѣлуями пухлыя щеки обнимавшей ее съ неменьшей радостью гостьи.

— Дитя мое! Наташенька милая! Какъ ты здѣсь очутилась?—едва успѣвала спрашивать та.

Обычное жизнерадостное настроеніе сразу вернулось къ Наташѣ. Ничуть не смущаясь удивленныхъ и сочувственныхъ взглядовъ гостей, устремленныхъ на нее она прижалась къ груди своей старой знакомой и нѣжно обнимая ее за полную шею, заговорила, вѣрнѣе залепетала быстрымъ, быстрымъ говоркомъ:

— О, тетя Маро! Вы и не знаете сколько за все это время пережила ваша бѣдная Наташа! Помните, сколько разъ вы навѣщали вашу подругу мою покойную maman-благодѣтельницу, наѣзжая изъ Тифлиса въ наши края... Помните какъ вы меня любили?.. Сколько разъ лаская меня и задаривая конфектами и подарками, вы говорили моей maman:—Ты счастливица, Мари, у тебя есть мужъ и Наташа. А я одинока совсѣмъ. Отдай мнѣ Наташу, если тебѣ прискучитъ дѣвочка... Вы шутили тогда, а maman смѣялась. Ахъ, какъ она меня любила! тутъ голосъ Наташи упавъ до шопота, зазвенѣлъ слезами...—Вы слышали, конечно, что maman умерла вскорѣ по смерти генерала... А потомъ... потомъ меня отдали въ пріютъ... Ахъ, тетя Маро! Вы въ вашемъ далекомъ Тифлисѣ не могли знать, что родственники покойной maman такъ поступятъ со мною!.. Вѣдь васъ извѣстили о томъ, что я въ надежныхъ рукахъ, неправда-ли?

— Да, моя дѣвочка! Мнѣ написали, что племянница покойной Мари беретъ тебя къ себѣ въ домъ... Я и повѣрила этому... Хотя рѣшила съ первою-же возможностью узнать о твоей судьбѣ. Помнишь какъ я лелѣяла маленькую Наташу? Неужели-же я могла забыть о тебѣ!.. Къ сожалѣнію, дѣла требовали моего присутствія въ Тифлисѣ и я не могла пріѣхать даже на похороны твоихъ близкихъ. Теперь, когда я устроилась и вырвалась, наконецъ, въ Петербургъ, первое что я сдѣлала, это отправилась въ «Восходное» навести о тебѣ справки и поклониться дорогой могилѣ покойнаго друга... Тамъ меня успокоили на

твой счетъ, подтвердили, что ты взята на воспитаніе племянницей Мари и что тебѣ прекрасно живется...

— Они обманули васъ! Они отдали меня въ пріютъ... горячо съ негодованіемъ вырвалось у Наташи.

— О!—могла только вздохнуть княгиня Маро Георгіевна Обольянецъ и нѣжно прижала къ себѣ ребенка.

Дѣйствительно Наташа сказала правду, что когда-то княгиня мечтала, удочерить эту дѣвочку.

Прелестное дитя, взятое въ домъ ея подругой по институту, (княгиня Маро воспитывалась въ Петербургѣ, хотя и была уроженкой Кавказа) очаровывалъ бездѣтную, вдовствующую княгиню... Не разъ она упрашивала Марію Павловну Маковецкую уступить ей Наташу, привязавшись къ дѣвочкѣ со всѣмъ материнскимъ пыломъ своей горячей души.

Если-бы она могла только знать, какая участь, ожидала этого обожаемаго ребенка! Она, эта прелесть—Наташа —воспитанница ремесленнаго пріюта!

Ужъ полно, не сонъ-ли снится ей—княгинѣ, ужасный и мрачный сонъ! Съ тупою болью отчаянія она смотритъ на исколотые иглою пальчики дѣвочки, на ея бѣдный скромный пріютскій нарядъ, и слезы жалости и обиды за ребенка искрятся въ черныхъ огромныхъ глазахъ княгини. А кругомъ нихъ попрежнему тѣснятся знакомые, Софьи Петровны во главѣ съ самой хозяйкой дома. Кое-кто уже проситъ Маро Георгіевну разсказать сложную повѣсть „дѣвочки-барышни“, попавшей въ пріютъ наровнѣ съ простыми дѣтьми.

Баронесса оправдывается, волнуясь:

— О, развѣ она знала! И если-бы знала, могла-ли допустить такую трагедію! Да, это цѣлая трагедія! Дѣвочка, воспитанная богатою наслѣдницею, попадаетъ чуть-ли не на положеніе прислуги. Бѣдная, милая крошка! Что она только перенесла!

И съ этимъ патетическимъ восклицаніемъ, Софья Петровна, нѣжно нѣсколько разъ подъ-рядъ поцѣловала Наташу.

— Не безпокойтесь,— бойко отвѣтила та, уже вполнѣ оправившаяся отъ своего волненія,—мнѣ жилось въ общемъ не дурно, меня тамъ любили, кромѣ Пашки пожалуй.

— Ахъ! она смущенно смолкла, замѣтя свою ошибку...— Павлы Артемьевны, хотѣла я сказать,— прибавила она чуть слышно: но и съ нею мы стали друзьями въ концѣ концовъ...

Потомъ, оглядѣвъ группу пріютокъ все еще тѣснившихся въ углу у двери, добавила громко:

— Но больше всѣхъ я видѣла любви отъ Дуняши. О, тетя Маро! Если-бы вы знали, какая она прелесть! Вотъ она!

Тутъ быстро отбѣжавъ отъ своего стараго друга, Наташа схватила за руку сгоравшую со стыда Дуню и насильно вытащила ее впередъ.

— Вотъ, тетя Маро, кто мнѣ помогалъ переносить тяжелые дни! Ну, неправда-ли, вѣдь, она прелесть моя Дуняша! Я же говорила... И когда вы будете навѣщать меня въ пріютѣ, вы должны получше познакомиться съ нею... Неправда-ли, вѣдь вы будете навѣщать меня, да?

Черные восточные глаза княгини обратились пристальнымъ взоромъ къ Наташѣ.

— Нѣтъ, моя дѣвочка!—твердо произнесла Обельянецъ,—мнѣ не придется тебя навѣщать тамъ.

— Но...— взоръ Наташи мгновенно погасъ и сталъ совсѣмъ печальнымъ.—Развѣ вы уѣзжаете такъ скоро?— чуть слышно прошептала она.

— Да, моя дѣвочка! Да!

— Но... вы... вы будете мнѣ писать по крайней мѣрѣ?

— Нѣтъ, дитя, и писать тебѣ я не буду

И еще зорче, еще пристальнѣе заглянули глаза старой дамы въ самую, казалось, душу дѣвочки.

— Но мнѣ будетъ очень грустно въ такомъ случаѣ! Вы единственный близкій мнѣ человѣкъ, родная душа, которую я такъ любила въ дѣт.

Наташа не докончила... Губы княгини прижались къ ея губамъ...

— Если ты меня еще любишь и помнишь, дѣточка, то останься всегда со мною, моя Наташа! Я увезу тебя въ Тифлисъ, на мой милый Кавказъ и весь остатокъ моей жизни посвящу тебѣ, чтобы вернуть тебѣ все то, что ты потеряла, дитя!

И княгиня, обнявъ дѣвочку, съ напряженнымъ вниманіемъ ждала отвѣта...

Наташа задумалась на мгновенье, во время котораго на лицѣ ея промелькнула снова цѣлая буря переживаній

Потомъ съ легкимъ крикомъ радости упала на грудь княгини.

* * *

Весь остатокъ дня былъ сплошнымъ торжествомъ для Наташи, „пріюткой Барышней“ интересовались всѣ. Ее разспрашивали, ласкали, угощали сластями.

Талантливый Вальтеръ игралъ, казалось, для нея одной, лучшія свои симфоніи и сонаты.

Потомъ заставили играть Наташу. Не успѣвшіе еще загрубѣть въ работѣ пальчики дѣвочки, послѣ долгаго перерыва бойко забѣгали по клавишамъ. Она граціозно и мило исполняла нетрудныя пьески... Софья Петровна радовалась, что нашла способъ чѣмъ занять гостей... Гости искренно восхищались оригинальной пріюткой. Легкомысленная Ѳеничка не спускала съ Наташи восхищенныхъ взоровъ и какъ вѣрная собачка ходила по ея пятамъ.

Но Наташа давно уже знала цѣну такой привязанности и не довѣряла больше своей почитательницѣ.

Она не разставалась съ Дуней, которая льнула къ ней неудержимо и поминутно шептала: «Неужели ты уѣдешь и оставишь меня? Да неужели же, Наташа?»

Но и Дуня мало интересовала нынче ея подружку.

Счастливая, радостная и возбужденная, Наташа съ удовольствіемъ выслушивала похвалы гостей. Каждый хотѣлъ угодить богатой и извѣстной чуть-ли ни цѣлой Россіи княгинѣ Обольянецъ.

И прежняя, давно не слышанная уже Наташей лесть заклубилась словно паромъ надъ ея стриженой головкой.

Ее заставляли пѣть, декламировать, говорить по нѣмецки и по французски, ею восторгались, восхищались наперерывъ. И когда съ неподражаемымъ комизмомъ дѣвочка передала на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ одну изъ басенъ Лафонтэна, восторгу присутствующихъ не было границъ.

Баронесса Софья Петровна буквально засыпала Наташу поцѣлуями и цвѣтами, опустошивъ для этого всѣ вазы, стоявшія на столахъ...

— Сказочная Сандрильона! Не правда-ли? Маленькая принцесса, превращенная на время въ бѣдную дѣвочку по капризу злой волшебницы-судьбы!—звенѣлъ ея голосокъ и снова поцѣлуи и цвѣты сыпались дождемъ на Наташу.

Въ это время, княгиня Обольянецъ, отведя въ сторону Вальтера, говорила ему:

— Сердечное вамъ спасибо, милый юноша... Благодаря вашей безподобной игрѣ, заставившей прорваться наружу Наташино горе, вы вернули мнѣ потерянную, было, мою любимицу и теперь одинокая старуха нашла свое счастье на закатѣ дней!

И она благодарно сжала тонкую руку юнаго музыканта.

Передъ обѣдомъ разъѣхались гости... Уѣхала и княгиня Маро, расцѣловавъ Наташу и пообѣщавъ ей на другой же день пріѣхать за нею.

Пріютки должны были отобѣдать и провести вечеръ въ домѣ попечительницы.

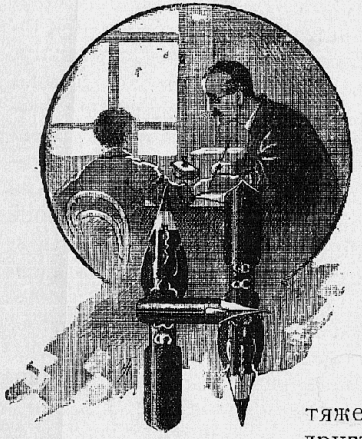
Передъ самымъ обѣдомъ хватились Дуни.

— Гдѣ маленькая Прохорова? Куда дѣвалась она?—раздавались тревожные голоса и дѣти и взрослые разошлись по всему дому въ поискахъ за Дуняшей.

Баронесса Нанъ, спокойная по виду, но съ цѣлой бурей, тщательно скрытой въ тайникахъ души, проскользнула на свою половину.

Что-то говорило одинокой дѣвушкѣ, что другая такая же одинокая молоденькая душа тоскуетъ здѣсь, у нея, вдали отъ шумныхъ людей, безучастныхъ къ чужому горю... Съ далеко несвойственною ей порывистостью, она распахнула стремительно дверь своего кабинета...

У большой тумбы краснаго дерева, обвивъ руками чучело Мурки и прижавъ къ его шелковистой шерсти залитое слезами лицо, отчаянно и беззвучно рыдала Дуня...



XIII.

Нанъ неслышно и быстро приблизилась къ ней... Положила на плечи плачущей свои худыя, некрасивыя руки и прошептала, склоняясь къ ея плечу:

— Плачь, дѣвочка, плачь... Знаю твое горе! Слезы облегчатъ его... Ахъ, если-бы я могла и умѣла плакать, какъ ты!.. Слушай, дѣвочка, я знаю, это очень тяжело и горько... Уѣзжаетъ другъ, котораго любишь, къ ласкѣ котораго ты привыкла... Но это еще не такъ горько, какъ видѣть постоянно близкое, дорогое существо, расточающее свою любовь и ласки другимъ дѣтямъ! Я гордая, Дуня, и никому другому не скажу того, что мучитъ меня съ дѣтства. А тебѣ скажу... Ты сама такая тихая и грустная... Такая честная, добрая... И ты съумѣешь молчать... Слушай! Всѣ кругомъ считаютъ меня холодной, безчувственной, жестокой, слишкомъ жестокой и сухой для моихъ пятнадцати лѣтъ, а между тѣмъ... Ахъ,

Дуня, Дуня! Еслибъ ты знала, какъ я несчастна! У меня есть мать и нѣтъ ея... Для всѣхъ другихъ дѣтей моя мама, но не для меня... Меня она не любитъ. Я худая, неласковая, сухая, безъ сердца... Я некрасивая, дурнушка, а она, моя мама, любитъ добрыхъ, мягкихъ и ласковыхъ дѣтей... Еслибъ я умѣла ласкаться! Я-бы, кажется, слезами и поцѣлуями покрыла ея ноги, руки, подолъ ея платья! Но, Дуня! Милая Дуня! Тебѣ не понять меня...

А мнѣ такъ больно бываетъ порою, такъ мучительно тяжко и больно... Ѳеничка, Любочка, Паланя... всѣ онѣ дороже моей мамѣ, нежели я... Еще-бы! онѣ умѣютъ вслухъ восхищаться ею, цѣлуютъ, обнимаютъ ее. Онѣ смѣлыя, потому что хорошенькія, потому что сознаютъ свое право красивыхъ и ласковыхъ дѣтей. А я смѣшна была-бы, если-бы осмѣлилась приласкаться! Но, Дуня... и у меня есть сердце и въ немъ живетъ огромная любовь къ матери... Вѣришь-ли, я часто не сплю полъ ночи и жду того мгновенія, когда, вернувшись съ какого-нибудь великосвѣтскаго вечера, или изъ театра, мама пройдетъ ко мнѣ въ спальню, наклонится надъ моей постелью, перекреститъ и поцѣлуетъ меня... А я притворяясь спящей, ловлю этотъ поцѣлуй съ зажмуренными глазами... И сердце у меня бьется вотъ такъ... сильно, сильно, какъ сейчасъ... И я замираю отъ счастья... А утромъ дѣлаю спокойное деревянное лицо, когда оффиціально цѣлую ея руку, здороваюсь съ нею... А душа кипитъ, кипитъ въ эту минуту. Такъ-бы и бросилась къ ея ногамъ, прижалась къ ея колѣнамъ, вылила ей всю свою любовь къ ней и тоску по ея ласкѣ... Ахъ, Дуня... Зачѣмъ я такая некрасивая неудачливая, такая трусиха! Видишь я несчастливѣе [illegible]

Нанъ кончила и закрыла глаза рукою и сквозь ея тонкіе пальцы заструились слезы, одна за другой, одна за другой.

И при видѣ чужаго горя, собственное несчастье предстоявшей ей разлуки съ Наташей показалось Дунѣ такимъ маленькимъ и ничтожнымъ!

Пріютки. (Стр. 227)

Драма Нанъ, была не дѣтская драма... И острое чувство жалости къ дѣвушкѣ сожгло до тла, казалось, сердце Дуни.

— Нанъ... барышня моя золотенькая... Анастасія Германовна... Не горюйте.. Я васъ понимаю... Я васъ очень даже понимаю... — зашептала она...—Вы только одному повѣрьте, барышня... Я васъ всей душой жалѣю и... и... люблю... За горе ваше полюбила... Я давно примѣтила... и ежели... когда еще грустно вамъ станетъ... Вы меня кликните... Я еще маленькая, глупая, а все-же понять могу... Такъ позовите меня, барышня, либо сами ко мнѣ придите! и сказавъ эти, непривычно смѣлыя для нея слова, Дуня потупилась, крутя въ рукахъ кончикъ передника съ невысохшими еще слезинками, повисшими на рѣсницахъ.

Нанъ оторвала руку отъ лица и долго внимательно смотрѣла на свою собесѣдницу... И мягкая улыбка, счастливая и грустно-радостная, озаряла ея лицо, сдѣлавшееся, благодаря ей, такимъ привлекательнымъ и милымъ...

Спасибо Дуня — произнесла она, наконецъ;—съ этого дня я не буду такой печальной... Ты мнѣ пришла на помощь въ тяжелую минутку, и этого я не забуду тебѣ никогда, никогда!

И, быстро наклонившись къ лицу оторопѣвшей дѣвочки, Нанъ запечатлѣла на ея щекѣ горячій, искренній, дружескій поцѣлуй...

* * *

На слѣдующій день Наташа Румянцева уѣзжала изъ пріюта.

Княгиня Маро Георгіевна Обольянецъ увозила дѣвочку на свой родимый Кавказъ.

Всю эту ночь не спали среднеотдѣленки. Новая благодѣтельница Наташи прислала имъ цѣлыя бѣльевыя корзины съ закусками, фруктами и конфектами, которыми Наташа должна была угостить на прощанье своихъ подругъ.

Къ счастью, Павла Артемьевна была въ гостяхъ у родственниковъ въ этотъ вечеръ, а замѣщавшая ее на

дежурствѣ педагогичка Антонина Николаевна, понимая со свойственной одной молодости чуткостью, всю исключительность «событія», рѣшила побаловать пріютокъ и закрыть глаза на многое, что при иныхъ условіяхъ не согласовалось со строгимъ пріютскимъ уставомъ.

Уже въ девять часовъ поднявшись въ дортуаръ, среднеотдѣленки, были предоставлены самимъ себѣ милою надзирательницей старшихъ.

Начался пиръ...

Были приглашены старшія: Ѳеничка, Евгеша, Липа Сальникова, Паланя, Шура Огурцова и другія...

Зажглись свѣчныя огарки на «постельныхъ» столикахъ... Воспитанницы составили нѣсколько постелей вмѣстѣ, накрыли ихъ бумагою, уставили явствами присланными княгиней. И гости и хозяева разсѣлись вокругъ этого импровизированнаго стола. Загорѣлась оживленная бесѣда.

— Подумайте, дѣвочки, Кавказъ увижу! Горы тамъ до неба... Въ небѣ кружатъ орлы... Шумятъ рѣчки, горные потоки, черкесы въ буркахъ скачутъ въ ущельяхъ...— разсказывала со словъ княгини, сверкая глазами Наташа, сидѣвшая на почетномъ мѣстѣ.

— Ахъ, душки!—восторгалась Ѳеничка.—Боже мой, въ буркахъ! Неужто настоящіе черкесы! Ахъ!

Ну, знаешь, эти душки—такіе, что тебя изъ за каждаго камня подстрѣлить норовятъ!.. вмѣшалась со смѣхомъ Васса.—Не читала ты, а?

Какъ подстрѣлятъ?—округлила свои безъ того круглые глазки Ѳеничка.

Да очень просто... Я читала въ одной книжкѣ, что Кавказцы разбойники и жулики какихъ мало,—увѣряла Васса, отправляя при помощи рукъ жирную сардинку въ свой крупный ротъ большого лягушенка.

Дѣвочки! А что это за звѣрь?—извлекая изъ корзины желтый спѣлый бананъ,—спрашивала Оня Лихарева.

Какое невѣжество!—фыркнула презрительно Ѳеничка—неужели никогда не ѣдала?

А въ твоихъ книжкахъ, небось, всѣ графини да

маркизы, этимъ только и питаются, скажешь? — лукаво отпарировала та.

— А то, нѣтъ? Я сама очень одобряю эту штучку. Бананъ называется! Кушала много разъ...—не безъ гордости заявила Ѳеничка.

— Да, какъ ихъ ѣдятъ-то, прахъ его возьми — не знаю!—сокрушалась Маша Рыжова, съ жадностью поглядывая на невиданный ею плодъ.

— Ахъ, Боже ты мой, вотъ деревня-то!—кушаютъ какъ надо кушать, обыкновенно. Одни мужики этого не знаютъ! Вотъ такъ!

И храбро схвативъ бананъ, Ѳеничка, въ жизни своей не ѣдавшая «заморскаго фрукта», какъ она мысленно окрестила его тутъ же, впилась въ его шкурку острыми зубками и съ гриммасой отвращенія принялась его жевать.

Кислая, противная, несъѣдобная оболочка плода, сразу набила оскоминой небо и десны дѣвушки. Но, не желая показаться «невѣжей и мужичкой», передъ подругами, Ѳеничка продолжала храбро жевать неочищенный плодъ, едва не давясь шелухою, тараща отъ кислоты его глаза и дѣлая при этомъ невозможныя гримасы. Когда же послѣдній кусочекъ былъ съ невѣроятнымъ усиліемъ проглоченъ ею, Наташа, сдерживавшаяся съ трудомъ до этой минуты, неожиданно расхохоталась на всю спальню.

— Ай да Ѳеничка! Вотъ такъ аристократка! Съѣла то, что коровы, да еще кой-какія животныя съ носами въ видѣ пяточковъ только ѣдятъ! Кто-же бананы съ кожею кушаетъ! Вотъ ужъ подлинно—осрамилась!

— Осрамилась! Осрамилась Клементьева, что и говорить!—подхватили дѣвочки со смѣхомъ

Красная, какъ піонъ Ѳеничка вскочила со своего мѣста, потопталась безсмысленно на одномъ мѣстѣ и неожиданно бросилась къ двери дортуара. На порогѣ она остановилась на минуту и презрительно, фыркнувъ, прокричала

— Отлично я знала, к[illegible] кушаютъ бананъ, а только нарочно такъ сдѣлала, чт[illegible] Наташеньку посмѣшить!

А вы ужъ и обрадовались, безсовѣстныя! И скрылась за дверью умывальной подъ дружный взрывъ хохота дѣвицъ.

XIV.

— Не плачь, Дуня, не плачь моя тихая, грустная голубонька... Пріѣду я къ тебѣ... Черезъ годъ даже, можетъ статься, пріѣду съ Кавказа тебя провѣдать!—тараторила Наташа, обнимая прильнувшую къ ея груди подружку.

Одѣтая въ нарядное «домашнее» платьеце, Наташа казалась старше и красивѣе. Нелѣпо выстриженную головку прикрывалъ бархатный беретъ. Черные глаза сверкали оживленіемъ. Яркій румянецъ не сходилъ съ пылающихъ щекъ дѣвочекъ. Это была прежняя Наташа, живая, беззаботная птичка, почуявшая «волю», довольство и прежнюю богатую, радостную жизнь, по которымъ безсознательно тосковала ея маленькая душа. Дуня, едва удерживая слезы, стояла передъ нею.

— Ты насъ скоро забудешь!—съ тоскою шептала она.

— Тебя то ужъ никогда! Да и всѣхъ васъ тоже!—съ тѣмъ-же радостнымъ оживленіемъ говорила она толпившимся вокругъ нея дѣвочкамъ.

И тутъ-же восторженно прибавляла, сіяя яркими глазками:

— У княгини домъ какъ дворецъ, лошади всѣхъ мастей на конюшнѣ... Стада барановъ, овецъ, а подъ самымъ Тифлисомъ имѣнье... усадьба въ горахъ, сплошь заросшая виноградниками. Я вамъ присылать каждую осень виноградъ стану. Цѣлыя корзины буду присылать.

— Сладкаго самаго! — облизываясь вставила Маша Рыжова.

— Вспомнитъ ежели не забудетъ!—съострила Васса.

Пока княгиня Маро[illegible]ершала послѣднія формальности съ бумагами Наташи въ квартирѣ Екатерины Ивановны, Наташа, нарядная и оживленная, какъ мотылекъ въ сопровожденіи ближайшихъ своихъ подругъ—сверстницъ, обѣгала весь пріютъ, прощаясь со всѣми.

— Прощайте, Фаина Михайловна! — звонко выпѣвалъ ея колокольчикъ-голосокъ, — такъ-таки и не пришлось вамъ меня остричь? а?—лукаво прибавляла она шопотомъ, обнимая старушку.

— Прощай, плутовочка, насъ не забывай!

— Павла Артемьевна, прощайте! и низкимъ реверансомъ «настоящей» барышни Наташа присѣла передъ своимъ недавнимъ врагомъ.

— Прощай, дѣвочка, веди себя хорошенько въ твоей новой семьѣ, старайся... — Но Наташа уже упорхнула дальше, не дослушавъ фразы надзирательницы до конца.

— Прощайте, милая, милая тетя Леля!—повиснувъ на шеѣ горбуньи, искренно съ дрожью въ голосѣ растроганно шептала она.

— Прощай моя Наташа! Прощай нарядная веселая птичка, оставайся такою какова ты есть, — со сладкой грустью говорила Елена Дмитріевна, прижимая къ себѣ дѣвочку,—потому что быть иною ты не можешь, это не въ твоихъ силахъ. Но сохраняя постоянную радость и успѣхъ въ жизни, думай о тѣхъ, кто лишенъ этой радости, и въ богатствѣ, въ довольствѣ не забывай несчастныхъ и бѣдныхъ, моя Наташа!

На минуту легкое облачко пабѣжало на оживленное лицо дѣвочки.

Она внимательно, мягко и любовно глянула въ прекрасные глаза горбуньи.

— Да, тетя Леля, я постараюсь... да! чуть слышно произнесли малиновыя губки уѣзжающей.

Послѣднее прощанье съ начальницей, со старшими, со своими...

— Прощай Наташа! Принцесса заколдованная! Фея моя! Душенька! Красавица моя! рыдала Ѳеничка, покрывая поцѣлуями лицо и плечи дѣвочки,—тебя одну я лю-

била по «настоящему», а за другими бѣгала, дурила, чтобъ тебѣ досадить...

— Ужъ будто?—лукаво улыбнулась Наташа.

— Вотъ тебѣ Господь свидѣтель!

— Полно тебѣ, Ѳеня! И такъ вѣрю! и неожиданная шаловливая улыбка пробѣжала по Наташиному лицу.

— А тебѣ-то ужъ я банановъ пришлю, навѣрное... Только раньше поучись ихъ кушать хорошенько!—шопотомъ добавила она въ раскраснѣвшееся ушко дѣвушки.

Еще послѣднія объятія... поцѣлуи... Послѣдній прощальный привѣтъ Дунѣ, окаменѣвшей въ своей безысходной тоскѣ и стройная фигурка подростка въ бархатномъ беретѣ рѣзво выбѣжала на пріютскій подъѣздъ...

— Прощайте! Всѣ прощайте! — кричала, глядя на окна пріюта, Наташа, садясь подлѣ княгини въ извозчичью коляску у крыльца.

— До свиданья, Дуняша, любимая моя!

Занявъ всѣ подоконники въ залѣ, выходившей окнами на улицу, пріютки махали платками, кивали, кланялись и кричали послѣднее привѣтствіе уѣзжавшей подругѣ.

Но вотъ отъѣхала коляска... завернула за уголъ и скрылась изъ виду черноглазая дѣвочка съ радостной праздничной и свѣжей, какъ майское утро душой.

— Уѣхалъ ангелъ нашъ... покинулъ голубь сизой гнѣздышко свое... запричитала было Ѳеничка.

— Молчи! неожиданнымъ рѣзкимъ движеніемъ дернувъ ее за руку, шепнула Дорушка, глазами указывая ей на Дуню, прильнувшую къ окопному стеклу блѣднымъ безъ кровинки лицомъ.

— Была Наташа и нѣтъ Наташи! почти беззвучно проронили эти побѣлѣвшія губки.

— И надо радоваться, что такая судьба выпала ей на долю,—послышался позади пріютокъ знакомый милый голосъ. И тетя Леля съ улыбкой сочувствія и ласки положила худенькую ручку на Дунино плечо.

— Наташа дитя не нашей сѣрой среды...—продолжала она съ грустью.—Она предназначена судьбою для

иной доли... Наташа—это пышный махровый бутонъ розы среди васъ скромныхъ полевыхъ цвѣточковъ дѣвочки мои. Она-бы зачахла въ нашей рабочей трудовой обстановкѣ, не привычная къ ремесленной работѣ и труду. Она какъ рыбка среди родной стихіи, въ богатствѣ, довольствѣ и холѣ... И нало радоваться, что такъ сложилась ея судьба. Будемъ надѣяться, что на своемъ праздникѣ жизни, Наташа не забудетъ тѣхъ кому суждены будни, полные лишеній, борьбы и труда

* * *

Снова завертѣлись безшумно и быстро колеса пріютской машины...

Прошла весна... Наступило пышное лѣто. Снова зазеленѣли ивы и березы въ пріютскомъ саду... Отъ Наташи съ Кавказа приходили рѣдкія письма... Отъ нихъ вѣяло тонкимъ ароматомъ дорогихъ духовъ, отъ этихъ голубыхъ и розовыхъ листочковъ и такимъ радостнымъ молодымъ счастьемъ, что невольный отблескъ его загорался и въ сердцахъ пріютскихъ дѣвочекъ.

Дуня съ наслажденіемъ сладкой печали читала и перечитывала эти письма, въ которыхъ говорилось о новой счастливой долѣ ея подруги... О любви и нѣжныхъ о ней заботахъ доброй благодѣтельницы княгини Маро... О томъ, что она поступила въ Тифлискую гимназію и что о лучшей жизни ей, Наташѣ, нечего и мечтать. Княгиня Маро стала ея второю матерью не отказывающей ей ни въ чемъ рѣшительно, ни въ чемъ. И подъ впечатлѣніемъ этихъ писемъ тоска по уѣхавшей подругѣ незамѣтно таяла въ Дуниномъ сердцѣ.

Новая возникшая дружба съ Нанъ, пріѣзжавшей теперь въ пріютъ чаще прежняго, старая привязанность къ Дорушкѣ, все это облегчало тоску Дуни по Наташѣ и примиряло съ нею.

А время шло... Въ неустанной работѣ, въ трудѣ, въ ученьѣ проходили часы дни, недѣли, мѣсяцы и годы... Какъ молодыя деревца росли и поднимались дѣвочки...

Старшія выходили на «волю», младшія поступали въ пріютъ, маленькія, смѣшныя и робкія стрижки. Годы шли незамѣтно и быстро...

Уѣхали изъ пріюта и поступили на учительскіе курсы Ѳеничка Паланя, Гуня Рамкинг, Евгеша... Другихъ воспитанницъ разобрали на мѣста... Лучшія рукодѣльницы водворились въ мастерскія бѣлошвеекъ и модистокъ... Старшія разлетались изъ пріютскаго гнѣздышка... На смѣну ихъ шли среднія... Подросло новое поколѣніе дѣвочекъ и заняло насиженное прежними гнѣздо...

Часть третья.

I.

Ъ утра дулъ непріятный холодный вѣтеръ съ рѣки и хлопья мокраго снѣга тяжело падали съ неба и таяли сразу, едва достигнувъ земли. Холодный, сырой, непривѣтливый Ноябрь, какъ злой волшебникъ, завладѣлъ природой... Деревья въ пріютскомъ саду оголились снова. И снова съ протяжнымъ жалобнымъ карканьемъ носились голодныя вороны, разыскивая себѣ кормъ... Маленькіе нахохлившіеся воробышки, зябко прижавшись одинъ къ другому, качались на сухой вѣткѣ шиповника, давно лишеннаго своихъ лѣтнихъ одеждъ.

Въ рабочей комнатѣ непрерывно цѣлый день горятъ лампы. Наступили темные дни. 1-ое Декабря не за горами. Въ тричетыре часа уже темнѣетъ на дворѣ.

За большими столами шьютъ пріютки.

За эти три года недавнія еще «среднія», — теперь уже «старшеотдѣленки» выросли и измѣнились такъ, что ихъ не узнать. Тѣ же и не тѣ, какъ-будто... Дорушка, Оня, Любочка, Васса... Дуня...

Глаза у Дуни — тѣ-же... Лѣсныя незабудки послѣ дождя. Ясныя, чистыя, съ переливающею въ нихъ влагой. Коса до колѣнъ того-же чистаго льняного цвѣта. Некрасивое неправильное личико, кажущееся такимъ привлекательнымъ и милымъ, благодаря задумчивому, мягкому взгляду и необычайно кроткой, свѣтлой улыбкѣ...

Рядомъ съ 15-ти лѣтней Дуней, семнадцатилѣтняя разумница Дорушка кажется совсѣмъ взрослой. У нея умное серьезное лицо и толстая притолстая темная коса, вѣнчикомъ уложенная вокругъ головки.

Маша Рыжова стала настоящей тумбой. Глаза заплыли отъ жира, залоснились щеки. Еще неуклюжѣе и крупнѣе стала фигура.

За то Оня Лихарева подросла сравнялась, похудѣла и не кажетъ прежней толстушкой. Оня какъ и была такъ и осталась прежней шалуньей. Такъ и искрятся, такъ и бѣгаютъ ея щелочки глазки. А прежній яркій румянецъ не сходитъ съ лица.

Но кто сталъ настоящей русской красавицей такъ это Любочка. Баронесса не наглядится на свою любимицу. Дѣйствительно, Любочка Орѣшкина расцвѣла настоящей пышной лиліей, бѣлая, нѣжная, какъ барышня, съ лебединой поступью съ плавными движеніями стройной фигуры.

Васса вытянулась еще больше и еще какъ-будто стала костлявѣе и угловатѣй... Но еще худѣе и блѣдиѣе Вассы стала Соня Кузьменко. Эта—настоящая монашка. Желтая, изпуренная, она бредитъ обителью, постится по средамъ и пятницамъ, не говоря уже о постахъ, до полуночи простаиваетъ на молитвѣ. Еще больше дѣвочекъ измѣнилась Павла Артемьевна, оставившая ихъ для новыхъ среднеотдѣленокъ.

Она замѣтно поддалась за эти три года. Не смотря

*

на цвѣтущіе еще лѣта, сильная сѣдина посеребрила ея голову, глаза утеряли, ихъ прежнюю ястребиную проницательность... Не такъ уже энергичны и властны теперь ея обычные окрики на воспитанницъ.

Какой-то мучительный недугъ подтачиваетъ до сихъ поръ здоровую натуру Павлы Артемьевны.

Тетя Леля осталась та же... Та же бѣдная горбатенькая фигурка калѣки, тѣ же чудесные лучистые глаза, отразившіе въ себѣ цѣлый океанъ любви и самоотверженія.

У вновь испеченныхъ старшихъ новая наставница. Педагогичка Антонина Николаевна уже два года какъ приняла на свое попеченіе новыхъ старшеотдѣленокъ. Она добра, ласкова и держитъ себя со своими взрослыми дѣвочками скорѣе какъ старшая подруга. Воспитанницы не чуждаются, эту уже начинающую блекнуть молодую дѣвушку, всегда одинаково чуткую и отзывчивую къ горестямъ и радостямъ молодежи.

— Младшая сестра тети Лели,—удачно назвалъ ее кто-то изъ пріютокъ,—только не такая нѣжная да ласковая какъ та.

— Что и говорить, тетя Леля у насъ особенная, такой, какъ она, обойди цѣлый свѣтъ, не сыщешь,—рѣшили давнымъ-давно воспитанницы.

* * *

Холодная осенняя мгла сгустилась круче. За окнами сильнѣе воетъ и стонетъ вѣтеръ. Гудитъ словно эхомъ въ трубахъ его зычный непріятный вопль.

А въ рабочей комнатѣ тепло и уютно. Горятъ висячія лампы надъ заваленными грудами холста, ситца и коленкора столами. Жарко пышетъ накаленная печь.

Работаютъ однѣ старшеотдѣленки, шьютъ себѣ приданое для выхода изъ пріюта. Каждой изъ воспитанницъ дается при окончательномъ отъѣздѣ сундукъ съ полдюжиною носильнаго бѣлья, теплымъ пальто, двумя платьями, двумя парами сапогъ, шалью и шерстяной косынкою на голову.

Но приданое это, помимо пальто и сапогъ, конечно шьютъ онѣ себѣ сами.

Вообще, съ переходомъ въ старшее отдѣленіе, воспитанницы почти освобождаются отъ научныхъ предметовъ и вполнѣ отдаются ремесленному труду. Курсъ ученья заканчивается съ поступленіемъ въ «старшія». Только раза три въ недѣлю педагогичка Антонина Николаевна знакомитъ дѣвушекъ съ краткимъ курсомъ отечественной литературы, да повторяетъ съ ними русскую исторію.

Теперь все вниманіе, главнымъ образомъ, удѣляется шитью, мѣченью, вышиванью, вязанью. Большую часть времени старшеотдѣленки проводятъ въ рабочей за бѣлошвейной и портняжной работой; въ прачешной и гладильной—за уборкой бѣлья, въ кухнѣ, гдѣ подъ наблюденіемъ опытной стряпухи пробуютъ свои силы въ кулинарномъ искусствѣ.

— Дуняша! - наклоняясь къ уху подруги, спросила Дорушка.—Ты слышала, что Оня Лихарева предлагаетъ сдѣлать на Рождествѣ? а?

— Нѣтъ, не слыхала, — такимъ-же чуть слышнымъ голосомъ отзывается Дуня.

— Театръ, слышь, предлагаетъ представить... Екатерину Ивановну потѣшить, Софью Петровну и гостей.

— Да, ну?

— Ей, ей! Ужъ такая она зачинщица, эта Оня!.. Нынче за чаемъ сговаривалась и Антониночку нашу привлекла. Обѣщалась помочь чѣмъ сможетъ. То то забавно будетъ, а?

— Тише, дѣвицы! Болтать перестаньте! Не время!— усталымъ голосомъ оборвала шепотъ дѣвочекъ Павла Артемьевна.

Послѣ рукодѣльныхъ часовъ за дневнымъ чаемъ, за ужиномъ и въ спальнѣ оживленная бесѣда въ старшемъ отдѣленіи не прерывалась ни на минуту. Говорили о предстоявшемъ на Рождествѣ спектаклѣ, совѣтовались, спорили и шумѣли. Не прекратилась эта бесѣда и послѣ

ужина въ дортуарѣ, куда воспитанницы пришли въ десять часовъ.

— Тебя, Дорушка, мальчикомъ нарядимъ. Ишь ты высокая какая, а косу подъ платьемъ спрячемъ. Вотъ-то потѣха будетъ,—смѣялась Оня.

— Мальчикомъ! Ни въ жизнь! Да, что вы, ополоумѣли, дѣвицы! Да развѣ я штаны надѣну! Срамота-то какая!—искренно возмущалась серьезная Дорушка.

— Ну, такъ Соню Кузьменко! Ей какъ есть къ лицу пристало!—не унималась шалунья.

— Да ты рехнулась, Лихарева!—взвизгнула не своимъ голосомъ пріютская «подвижница».—Ври да не завирайся... Я въ обитель поступать хочу... чинъ принять монашескій, а ты меня... тьфу, чуръ меня, чуръ! Типунъ тебѣ на языкъ, дѣвушка!—и крѣпко отплевываясь, Соня Кузьменко отошла къ своей постели.

— Ха, ха, ха!—расхохоталась шалунья,—и впрямь занятно... Монашка и вдругъ въ одеждѣ мужской! Ай-да мы что придумали то!—тутъ веселая Оня уперла руки въ боки и, дробно перебирая ногами, пошла пристукивать каблучками вдоль широкаго прохода между кроватями, напѣвая во весь голосъ слова всѣмъ извѣстной плясовой:

По улицѣ мостовой — Шла дѣвица за водой
Шла дѣвица за водой — За холодной ключевой.

«За холодной ключевой!»—подхватилъ мигомъ съорганизовавшійся хоръ старшеотдѣленокъ.

За Оней поплыла костлявая Васса, потряхивая платочкомъ надъ головою и дѣлая уморительныя гримасы.

За Вассой запрыгала лисичкой Паша Канарейкина.

Вдругъ Оня неожиданно повернулась на каблукѣ и, задорно блеснувъ глазами, закинула голову и затянула на высокой нотѣ:

«Я на рѣчку шла, — Уморилась, уморилась
Тяжело несла... — Уморилася.

— Да, замолчите вы, ненасытныя! — съ отчаяніемъ выкрикнула Кузьменко и, заткнувъ уши, зарылась въ подушкахъ своей постели.

— Вотъ-то навожденіе! Надоумь ты ихъ, Господи, зашептала она уже получасомъ позднѣе, становясь на колѣни и усердно отбивая поклоны.

— Спать пора, дѣвицы! Что это какъ вы расшумѣлись нынче!—неожиданно появляясь изъ своей комнаты окликнула пріютокъ Антонина Николаевна.

И то спать, дѣвоньки, утро вечера мудренѣе. За спаньемъ и грѣшишь меньше—паясничала Оня.

И минутъ черезъ десять огромный дортуаръ погрузился въ полутьму, чуть озаренный ночникомъ, затянутымъ абажуромъ.

. . . . . .

Безъ признака дремоты лежала Дуня, закинувъ руки подъ голову и острыми глазами впиваясь въ темноту. Уже четвертую ночь не спится дѣвочкѣ. Странное, непонятное явленіе тревожитъ ея умъ. У Дуни появилась тайна, тайна отъ Дорушки, любимой ея подружки, тайна ото всѣхъ. Слишкомъ робка и неувѣрсна въ себя Дуня, чтобы подѣлиться тѣмъ, что вотъ уже четвертую ночь происходитъ съ нею. А что если это навожденіе одно? Что если все это только кажется ей, Дунѣ? Можетъ быть, такъ мерещится ей отъ страха. Видится, какъ будто во снѣ. Нѣтъ, доподлинно это узнать надо, наяву или въ сонномъ видѣніи видитъ она, Дуня, то, чего не видятъ другія воспитанницы.

И вся холодѣя и замирая отъ страха она, по прежнему, зоркими, внимательными глазами вглядывается въ полутьму. Постепенно затихаютъ вокругъ нея вечерніе звуки... Прекращается шопотъ сонныхъ дѣвушекъ... Воцаряется обычная ночная тишина... Вотъ только вздохнулъ во снѣ кто-то... да тихо вскрикнулъ въ противоположномъ концѣ спальни и все снова затихло въ тотъ же мигъ.

Снова тишина...

— Неужели-же и сегодня?... Какъ вчера, какъ третьяго дня, какъ и въ субботу опять?.. Неужели опять?—съ тоскою и страхомъ думаетъ Дуня

И жуткое раскаяніе охватываетъ все ея существо.

— Зачѣмъ хоронилась она ото всѣхъ... Зачѣмъ не повѣдала Дорушкѣ!—твердитъ ей ея внутренній голосъ...

Но замирая отъ ужаса, съ холодными капельками пота на лбу, Дуняша уже не слушаетъ его...

Тихо, чуть слышно скрипнула дверь смежная съ умывальной и черезъ порогъ спальни перешагнула «она».

Дуня снова какъ и въ тѣ три, предыдущія ночи, увидѣла невысокую довольно плотную фигуру женщины съ головы до ногъ одѣтую во что-то черное, длинное, покрывающее ее съ головой.

Съ похолодѣвшими отъ ужаса конечностями, во всѣ глаза Дуня глядитъ на незнакомку, какъ будто завороженная ею, не смѣя оторвать взгляда отъ ея черной фигуры...

Черты лица женщины расплываются въ полутьмѣ; только темныя точки зрачковъ горятъ среди общаго блѣднаго тона.

Затаивъ дыханіе, глядитъ безъ устали Дуня...

Какъ и въ тѣ три предыдущія ночи, черная фигура метнулась привычнымъ ей уже путемъ, мимо ряда кроватей, мимо Дуни и остановилась у крайней совершенно тонувшей во мракѣ постели... Дуня знаетъ, что тамъ на этой постели спитъ Соня Кузьменко.

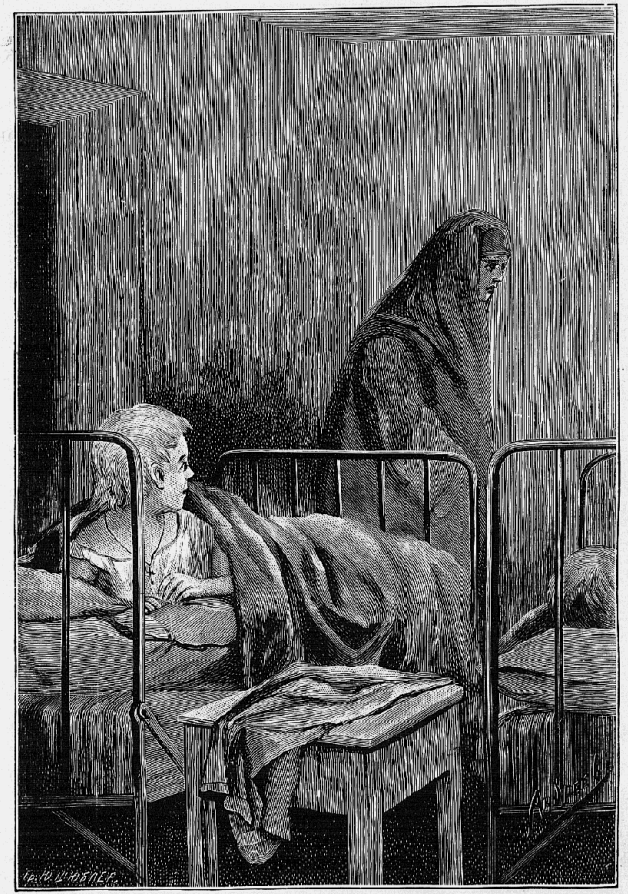
Черная фигура мелькнула еще разъ и опустилась, словно присѣла за постелью Сони. Только конецъ ея черной одежды предательски торчитъ теперь изъ-за спинки кровати и Дунѣ кажется, что блѣдныя руки незнакомки поднялись надъ Соней и легли ей на плечи, на горло, на грудь...

— Она задушитъ ее!—вихремъ промелькнуло въ головѣ дѣвочки и внѣ себя Дуня рванулась съ постели.

Послѣдней полусознательной Дуниной мыслью было: броситься будить Антонину Николаевну, помѣщеніе которой находилось по другую сторону умывальной комнаты.

Едва владѣя собою дѣвочка бросилась къ двери.

— Ты зачѣмъ?—раздался въ тотъ-же мигъ чей-то



Пріютки. (Стр. 248).

властный топотъ за ея плечами и двѣ сильныя руки схватили ее.

— Молчи! Молчи, ради Господа! Храни Богъ если еще кого-нибудь разбудишь! и блѣдное лицо рыжей Варварушки очутилось передъ лицомъ Дуни.

— Няпюшка, что-же это? Могла только произнести дрожащими губами дѣвочка.

— Ахъ, Дунюшка, Христа ради молчи!—убѣдительно и моляще зашепталъ снова надъ нею Варварушкинъ голосъ, исполненный трепета—не мѣшай ты ради Господа, свершиться тому, что Онъ Милостивецъ, Небесный нашъ Батюшка соизволилъ повелѣть!

— Да, что-же это? Кто она эта «черная»? — волнуясь и трепеща въ свою очередь вопрошала Дуня.

— Дѣвонька, успокойся милая! Не пугайся. — Монашка это... Изъ нашего города монашка, мать Хіонія... Сестрицей мнѣ родной доводится она. Пострижена въ обители уже съ десятокъ лѣтъ... Ни разъ... Сонюшкѣ я о ней еще, какъ вы всѣ въ стрижкахъ были разсказывала, ну и возгорѣлась къ ней Сонюшка и къ ея житью святому. Съ измалѣтства, потянуло въ монастырь нашу Кузьменко... А какъ подросла, все пуще и пуще стала туды рваться... Меня Христомъ Богомъ умолять зачала:—Отпиши твоей сестрѣ, Варварушка, чтобъ за мной пріѣзжала. Хочу, говоритъ, тишкомъ въ обитель убечь. Зачѣмъ-же, говорю тишкомъ, Сонюшка, попроситься тебѣ-бы у Катерины Ивановны, чинъ-чиномъ по хорошему. А она это, какъ заплачетъ. — Не пускаетъ меня она, сколько разъ просилась... И молода-то я и неопытна и слаба здоровьемъ, не вынесу будто, говоритъ,—и регентомъ меня надъ хоромъ опять Онуфрій Ефимовичъ къ тому-же поставилъ. Кому клиросомъ управлять безъ меня?.. Нѣтъ, ужъ я тишкомъ лучше, говоритъ, потому добромъ не пущаютъ. И тутъ какъ нарочно мать Хіонія пріѣхала въ Питеръ сюда со сборами. Пуще разгорѣлась Сонечка. Устроить—повидаться съ нею молила, меня со сле-

зами... Ну, что было дѣлать, согласилась я... Грѣхъ, думалось мнѣ, влеченію душеньки ея чистой препятствовать.

И четыре ночи подъ-рядъ приводила къ ней Хіонію... Потому днемъ-бы не допустили... У насъ строго, сама знаешь. А тутъ еще про Сонюшкино желаніе весь пріютъ знаетъ...

— Когда-же она уйдетъ отсюда? — чуть слышнымъ шопотомъ освѣдомилась Дуня.

— А ты дѣвушка зря не болтай...—строго оборвала Дуню нянька.—Тогда и уйдетъ, когда приступитъ ея время: ты, вотъ что: ложись-ка почивай, а коли про что услышишь, одинъ отвѣтъ давай! Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю... Ни о какой монашкѣ не слыхала... Помни, дѣвушка, иначе погибель Сонѣ придетъ. Пожалѣй ты ее ради Господа, невинную чистую душу не погуби... Вѣдь умретъ она отъ тоски по монастырю, совсѣмъ изведется бѣдная.

— Не бойся, Варварушка, все сдѣлаю какъ ты велишь,—согласилась Дуня и сразу замолкла, сраженная неожиданностью.

На порогѣ умывальной стояла уже не одна, а двѣ черныя фигуры. Плотная, пожилая женщина съ лицомъ какъ двѣ капли воды похожимъ на лицо Варварушки и Соня Кузьменко, одѣтая въ черную скромную одежду монастырской послушницы и чернымъ же платкомъ плотно окутывавшимъ голову и перевязанный крестъ-на-крестъ на груди. При видѣ Дуни она попятилась было назадъ, но ободряющій голосъ Варварушки успокоилъ ее.

— Не бойся, Сонюшка, иди со Христомъ... Дуня—добрая душа, понимающая, она не выдастъ.

— Прощай Дуня!—произнесла Кузьменко и низкимъ монашескимъ поклономъ исполненнымъ неизъяснимаго смиренія поклонилась подругѣ. Потомъ, такимъ-же поклономъ склонилась и передъ Варварушкой. И не выдержавъ, кинулась въ ея объятія.

— Спасибо тебѣ... Вѣкъ за тебя Господа нашего молить буду! Спасибо! страстнымъ шопотомъ роняла она.

А минуту спустя, ея высокая тонкая фигурка, вмѣстѣ съ матерью Хіоніей и провожавшей ихъ Варварушкой, исчезла за дверью...

На другое же утро обнаружилось сразу исчезновеніе Сони. Бросились искать ее по всему пріюту, въ подвалахъ, на чердакѣ, въ саду... Нигдѣ не оставалось никакихъ слѣдовъ дѣвушки... Догадливая Варварушка съумѣла такъ вывести окольными путями ночную посѣтительницу, что никто не примѣтилъ бѣглянокъ.

Весь пріютъ сталъ на ноги, переполошился, заволновался... Дали знать полиціи... снарядили сторожа и служанокъ въ городъ на поиски бѣглянки... Сопя не находилась...

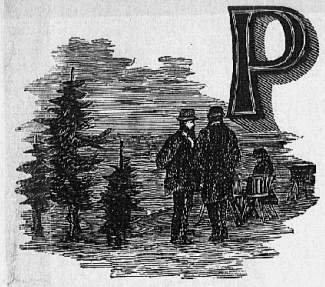
Тайна пріютской «подвижницы» была въ надежныхъ рукахъ няньки и Дуни.

Только на другой день посыльный принесъ, заболѣвшей отъ волненія Екатеринѣ Ивановнѣ письмо отъ Сони, гдѣ дѣвушка слезно молила «ради Христа добрую благодѣтельницу» не возвращать ее въ пріютъ, не отнимать у нея послѣдней радости, не лишать давно желанной и теперь исполненной завѣтной мечты.

Въ этомъ-же письмѣ, умалчивая о сочувствіи Варварушки, Соня писала что поступила въ монастырь пока послушницей, потомъ же надѣется удостоиться и монашескаго чина. Въ трогательныхъ выраженіяхъ она умоляла неизглядную Екатерину Ивановну, простить ее... Слала поклоны надзирательницамъ, Софьѣ Петровнѣ и подругамъ.

— «А я ваша вѣчная молитвенница передъ Господомъ по самый гробъ моей жизни», такъ заканчивала она словами письмо.

Добрая Екатерина Ивановна послѣ долгихъ переговоровъ съ баронессой и другими попечителями пріюта, рѣшила оставить дѣвушку въ монастырѣ, предварительно наведя справки и найдя слѣдъ исчезнувшей Сони.



II.

Рождественская пріютская выставка брала не мало времени. Чтобы имѣть удовольствіе показать гостямъ и почетнымъ посѣтителямъ, груды изящнаго бѣлья, нарядныя шелковыя, батистовыя блузки, шерстяныя юбки на длинныхъ Рождественскихъ столахъ подъ елкой, для того, чтобы сбывать всѣ эти вещи, а на вырученную сумму поддерживать благосостояніе пріюта, воспитанницы должны были работать съ утра до полуночи, не складывая рукъ. Въ то время, какъ малыши стрижки, захлебываясь отъ восторга, шептались о предстоящей елкѣ, среднія и старшія, усталыя, нервныя и взвинченныя, какъ никогда, торопливо кроили, шили, метали, вышивали, мѣтили при свѣтѣ висячихъ лампъ въ огромной рабочей.

Шили до ужина и послѣ ужина... Шили цѣлыми днями, чтобы полуживыми отъ усталости лечь на нѣсколько часовъ въ постель до разсвѣта, а тамъ снова приняться за тяжелый трудъ. Смолкали обычные разговоры, смѣхъ и перешептыванія.

Не приходилось Павлѣ Артемьевнѣ подбадривать ея обычными покрикиваніями нерадивыхъ. Пустовалъ, обыкновенно занятый наказанными, уголъ у печки... Не до наказаній было теперь. Каждая пара рукъ была на счету... Каждая работница необходима для работы.

И только поздно передъ полуночью ложась въ свои захолодѣвшія, жесткія постели, дѣвушки устало переговаривались на интересующія ихъ темы

Говорилось въ десятую тысячу разъ о побѣгѣ Сони Кузьменко, строились безконечныя предположенія на этотъ счетъ, да проэктировали предстоящій спектакль. До сихъ поръ пріютки видѣли только два зрѣлища, часто повторяемыя въ праздничные дни: туманныя картины съ

поясненіями, да пресловутый кинематографъ. Теперь же предстояло нѣчто совершенно новое и захватывающе интересное—спектакль...

Сами онѣ выбрали подъ руководствомъ Антонины Николаевны піесу, распредѣлили роли, сами заготовили собственными усиліями костюмы и съ захватывающимъ интересомъ ждали назначеннаго для спектакля дня.

* * *

Наступилъ сочельникъ.

Съ утра дежурившія по кухнѣ воспитанницы: Дуня, Маша Рыжова и маленькая Оля Чуркова отнюдь не выросшая за эти три года и такая же болѣзненно-золотушная какъ и раньше, подъ наблюденіемъ экономa Павла Семеновича и стряпухи Дементьевны разбирали провизію, рѣзали рыбу для ухи, чистили картофель и промывали макъ для сладкаго рождественскаго пирога.

Макомъ впрочемъ занялась одна Маша Рыжова. Забравшись въ уголокъ подальше, она перемывая это крупичатыя зернышки, смѣшивала ихъ съ медомъ, находившимся въ большой кадкѣ.

Получилась сладкая вкусная медово-маковая масса, однимъ своимъ видомъ уже прельщавшая лакомку. Оглянувшись на Жилинскаго и убѣдившись, что тотъ ничего не замѣчаетъ, занятый наблюденіемъ надъ чистившими рыбу Дуней и Олей, Маша проворно поднесла ложку ко рту и добросовѣстнѣйшимъ образомъ облизала прилипшую къ ней сладкую массу. Медовое тѣсто пришлось ей по вкусу... Еще разъ погрузила ложку и еще разъ отвѣдала понравившагося ей лакомства...

Дальше больше, дальше больше... Сладкая масса сама такъ и таяла во рту ... Такъ и просилась въ ротъ Маши. Сама того не замѣчая, дѣвушка ѣла до тѣхъ поръ пока въ кадушкѣ не уменьшилось довольно значительное количество массы, а въ головѣ Маши Рыжовой не появился какой-то странный туманъ, похожій на дремоту. Это чувство сонливости все сильнѣе и сильнѣе

охватывало воспитанницу; неотразимо потянуло Машу броситься въ спальню ничкомъ ринуться на кровать и заснуть забыться вплоть до самаго ужина. Но это было невозможно сдѣлать по самой простой причинѣ. Сегодня вечеромъ долженъ былъ состояться спектакль, въ которомъ она, Маша Рыжова, играла довольно видную роль.

Вернувшись съ кухонной работы Маша ходила какъ во снѣ. Въ головѣ стоялъ тотъ же туманъ, сгущавшійся съ каждой минутой... Осовѣлые глаза дѣвушки, буквально, отказывались ей служить.

— Маша? Да что жъ это съ тобою? Ты не выспалась что-ли? волнуясь приставала къ ней Дорушка, которая была назначена Антониной Николаевной главной помощницей при постановкѣ спектакля.

— Ты смотри,—уже строго увѣщевала ее волнуясь благоразумная дѣвушка,—ты роль то не забудь... Да говори громче... На репетиціяхъ едва подъ носъ себѣ что-то шептала. Вѣдь пойми ради Господа, Маша попечители гости всѣ будутъ... Не срами ради Самого Христа... За тебя да за мою Дуняшу пуще всего боюсь я... Ну да, та ежели и сробѣетъ Антониночка подскажетъ. Сбоку за кулисой будетъ она сидѣть. А вотъ ты ужъ и не знаю право какъ справишься, сокрушалась дѣвушка.

— Отстань ты отъ меня пожалуйста. Другихъ учи. ученая! огрызнулась на нее заплетающимся языкомъ Маша.

— Что-то будетъ... Что то будетъ! съ замирающимъ сердцемъ переживала Дорушка.

* * *

Ахъ, какъ измѣнился сегодня пріютскій залъ!

Добрая треть его была отгорожена темною занавѣской съ расшитыми по ней диковинными фигурами драконовъ, и какихъ то невиданныхъ звѣрей, державшихъ огромную лиру въ неменѣе огромныхъ лапахъ. Эту занавѣсь расшили самыя искусныя мастерицы изъ старшеотдѣленокъ: Дорушка Васса и маленькая Чуркова. Вся мебель всѣ вещи изъ квартиры начальницы были перенесены сюда за эту расписную завѣсу.

Добрая Екатерина Ивановна руководимая горячимъ желаніемъ позабавить своихъ дѣвочекъ не пожалѣла ничего. Съ трехъ сторонъ доморощенной сцены висѣли кулисы вѣрнѣе куски холста, разрисованные искусными руками самой Антонины Николаевны.

Ихъ было двѣ перемѣны: одна изображающая лѣсъ другая дворецъ съ колоннами. Кадки и горшки съ зимними цвѣтами, пальмами феладендрами и фигусами, какіе только имѣлись въ комнатахъ надзирательницъ, все было снесено сюда и разставлено на сценѣ въ самомъ поэтичномъ безпорядкѣ.

Ровно въ семь часовъ началось празднество. Въ то время какъ старшеотдѣленки хлопотали «за кулисами вѣрнѣе въ рабочей» прилегавшей къ залѣ среднія, замѣнивъ ихъ зажигали елку и раздавали подарки.

Приглашенныхъ гостей набралось много. Веселая, щебещущая и нарядная баронесса Софья Петровна заняла свое обычное мѣсто по правую сторону начальницы.

Рядомъ съ нею помѣстилась Нанъ. Выросшая вы ровнившаяся за эти три года теперь уже восемнадцати лѣтняя дѣвушка Нанъ казалась теперь изящнѣе, грацiознѣе, менѣе угловатой... Лицо ея оставалось такимъ же некрасивымъ.. Но въ зоркихъ маленькихъ глазкахъ вспыхивали то и дѣло мягкіе теплые, ласковые огоньки.

Это же мягкое и теплое сквозило теперь во всѣхъ ея движеніяхъ и сообщало какую-то особенную женственность некрасивой Нанъ.

Она прошла «за кулисы» и зорко оглядѣвъ одѣвавшихся тамъ дѣвочекъ, преображенныхъ искусными руками Антонины Николаевны и Дорушки въ совершенно новыхъ по внѣшнему облику существъ Нанъ отыскала Дуню.

Какъ разъ въ эту минуту Антонина Николаевна подрумянивала слегка блѣдныя щечки Дуни и подводила жженой пробкой ея поминутно мигающіе отъ волненія

вѣки. Въ бѣлой коленкоровой хламидѣ съ распущенными льняными волосами въ вѣнкѣ изъ бумажныхъ розъ Дуня, изображавшая добрую фею въ пьесѣ-сказкѣ, была такая нарядная и хорошенькая, что Нанъ едва узнала ее.

— Я пришла сказать тебѣ, Дуняша, что большая радость ждетъ нынче тебя!—успѣла шепнуть ей юная баронесса.

— Что? Что такое?—взволновалась Дуня. Но Нанъ не пришлось ей отвѣчать.

Антонина Николаевна звала воспитанницъ прорепетировать еще разъ плохо удававшіяся имъ сцены.

Между тѣмъ, въ залѣ, за темною занавѣсью шло обычное торжество. Соединенный хоръ большихъ, среднихъ и маленькихъ подъ управленіемъ «Фимочки», такого же злого и нервнаго, какъ и въ былые годы, а теперь еще болѣе взвинченнаго благодаря побѣгу своей помощницы по церковному пѣнію регенту Сони Кузьменко, которой онъ никакъ не могъ кѣмъ-либо замѣнить, пѣлъ и «Сѣрую Утицу», и «Былъ у Христа-Младенца садъ», и «Весну-Красну», и «Елку-Зеленую», словомъ всѣ пѣсни пріютскаго репертуара.

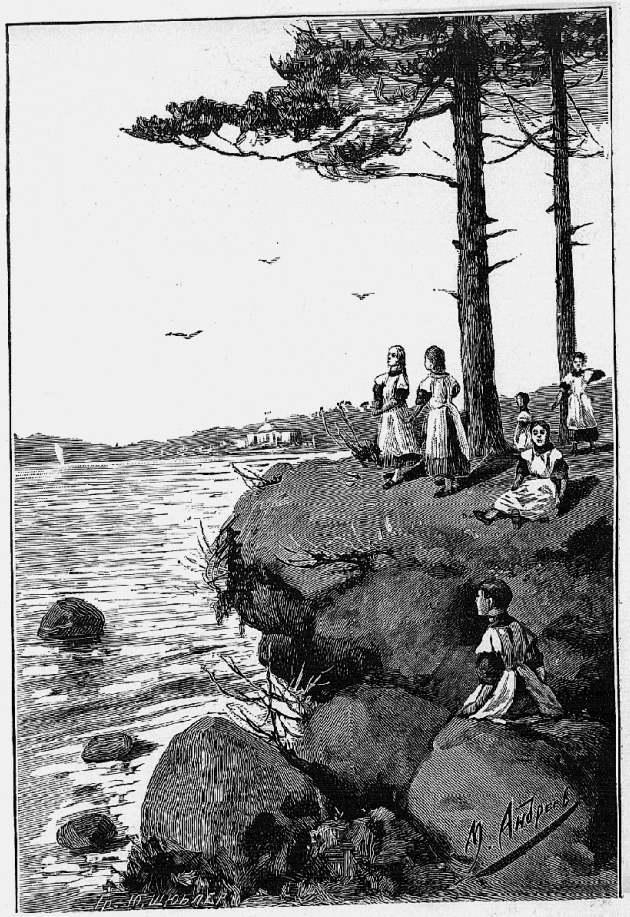
Затѣмъ, маленькія стрижки декламировали въ лицахъ басни Крылова... Потомъ пѣли солистки...

Звонкимъ своимъ контральто лучшая послѣ Кузьменко пѣвица старшеотдѣленка, Оня Лихарева, не участвовавшая въ спектаклѣ, исполнила «Нелюдимо наше море» и «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» вмѣстѣ съ хоромъ, минутами покрывая послѣдній.

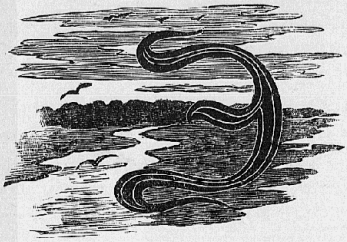
А тамъ за темной завѣсой суетливо готовились къ представленію...

Наконецъ, роздали подарки, разсмотрѣли приглашенные гости обычную Рождественскую выставку работъ, погасили и сдвинули въ уголъ елку...

Въ тотъ же мигъ раздался звонокъ и всѣ заняли свои мѣста. Взвился расписной занавѣсъ и глаза всѣхъ обратились на «сцену»...



Пріютки. (Стр. 269).



III.

ТО была несложная пьеса-сказка... Двое бѣдныхъ подростковъ заблудились въ лѣсу... По дорогѣ они жаловались на бѣдность, на тяжелую долю нищихъ дѣтей и выражали желаніе стать принцемъ и принцессой.

Хорошенькая Любочка играла дѣвушку. Благодаря короткому платью и спущенной до пояса косѣ, сейчасъ она имѣла видъ пятнадцатилѣтняго подростка... Высокая, костлявая Васса была ея братомъ... Ея ровная какъ у мальчика фигура, размашистые жесты, мужская шляпа, куртка и штаны дополняли сходство.

Похорошѣвши подъ легкимъ слоемъ пудры и румянъ, съ подрисованными глазами, Васса казалась весьма милымъ подросткомъ-мальчуганомъ съ его настоящими размашистыми и рѣзкими движеніями.

Когда же Добрая Фея, Дуня, съ ея кроткимъ личикомъ, въ длинной бѣлой одеждѣ доброй феи, съ льняннымъ каскадомъ бѣлокурыхъ волосъ, появилась изъ-за деревьевъ, олеандровъ и филодендръ, наполнявшихъ «сцену», тихій ропотъ одобренія пронесся по залѣ.

Если красавица Любочка поражала своимъ очаровательнымъ личикомъ съ его правильными чертами, миловидное задумчивое лицо Дуни плѣняло своей кроткой улыбкой и тѣмъ особеннымъ выраженіемъ доброты, которое дается далеко не каждому человѣку, но одинаково очаровываетъ всякаго.

— Возможно-ли? Простая крестьяночка! Какое нѣжное, прелестное и граціозное дитя!—чуть слышными возгласами восторга доносилось до ушей Дуни. Эти возгласы скорѣе смущали, нежели радовали ее... Уже самое появленіе ея подъ столькими взглядами чужихъ глазъ и

страхъ, что вотъ-вотъ, выскочитъ изъ ея памяти довольно длинный монологъ доброй феи, и туманный намекъ Нанъ на какую-то близкую радость, все это вмѣстѣ взятое несказанно волновало Дуню.

Однако, подъ ободряющимъ взоромъ Дорушки, игравшей королеву и стоявшей за боковой кулисой въ коронѣ изъ золотой бумаги на головѣ и въ длинной мантіи подъ «царственный горностай», по-просту въ бѣлой простынѣ, разрисованной углемъ на подобіе горностаевыхъ хвостиковъ, Дуня ободрилась...

Ея нѣжный голосокъ трогательно зазвучалъ по залѣ:

— Вы хотите роскоши и богатства, бѣдныя дѣти, вы получите и то и другое,—между прочимъ, говорила она, отчеканивая каждое слово этимъ своимъ нѣжнымъ голоскомъ,—но предупреждаю васъ: я не отвѣтственна за то, что постигнетъ васъ въ вашей новой долѣ. Не жалуйтесь же на добрую фею, если новая жизнь не понравится вамъ.

И взявъ за руки Любочку и Вассу, она увела ихъ на минуту за кулисы, чтобы вернуть ихъ на сцену уже переодѣтыми въ пышное одѣяніе королевскими дѣтьми.

Подъ громъ апплодисментовъ снисходительныхъ зрителей сдвинули занавѣсь...

Кричали «браво» и хлопали безъ устали. Особенно старался добрякъ докторъ Николай Николаевичъ. Онъ помѣстился «въ райкѣ», по его собственному выраженію, среди своихъ «курносенькихъ», по-просту въ заднихъ рядахъ скамеекъ, а не на своемъ обычномъ мѣстѣ, среди начальства и почетныхъ гостей.

Приложивъ трубою обѣ руки ко рту, своимъ могучимъ басомъ докторъ вызывалъ на всю залу исполнительницъ, обращая на себя всеобщее вниманіе:

— Дуняша Прохорова, молодецъ, браво!.. Васса Сидорова, Люба Орѣшкина, браво, браво, молодецъ! Курносенькія, молодцы! Браво!—неистовствовалъ онъ.

Второе дѣйствіе изображало королевскій дворецъ. Король Маша Рыжова, особенно громоздкая въ своей

царской мантіи, съ тщательно запрятанной подъ нею русой косой, съ огромной короной, поминутно съѣзжавшей ей на кончикъ носа, похожаго на картофелину, рядомъ съ Дорушкой-королевой сидѣла она на возвышеніи въ мягкомъ и удобномъ креслѣ начальницы, изображающемъ тронъ.

Утреннее „маковое“ лакомство, давало себя теперь особенно чувствовать Машѣ. Всѣмъ извѣстно свойство дурмана и сонливости, которымъ обладаетъ макъ, и покушавшая его не въ мѣру Маша съ ужасомъ замѣчала на себѣ его ужасное дѣйствіе. Пока шли хлопоты и приготовленія къ спектаклю, она боролась еще кое-какъ съ одолѣвавшимъ ее желаніемъ уснуть, но сейчасъ, очутившись въ мягкомъ, удобномъ креслѣ въ полутьмѣ за сдвинутой занавѣсью, бѣдная Маша переживала нестерпимыя муки. Между тѣмъ, занавѣсь раздвинулась снова и второе дѣйствіе началось.

Въ этомъ второмъ дѣйствіи придворныя дамы представляютъ королю и королевѣ ихъ близнецовъ дѣтей, которымъ исполнилось шестнадцать лѣтъ этимъ утромъ.

— Ваше королевское величество, — начинаетъ Дорушка самымъ почтительнымъ тономъ, обращаясь къ королю-Машѣ,—взгляните, какъ пышные розаны расцвѣли наши сынъ и дочь... Какъ они прелестны... Не угодно ли будетъ вашему королевскому величеству отдать имъ тѣ роскошные подарки, которые заключены въ этомъ драгоцѣнномъ ларцѣ. Прошу васъ!

Тутъ Дорушка протягиваетъ оклеенную серебряной бумагой рабочую шкатулку Машѣ и, нечаянно взглянувъ въ лицо „королю“, замираетъ отъ неожиданности.

„Король“, какъ-то не вполнѣ естественно опустился въ креслѣ, уронивъ голову на грудь. „Золотая“ корона при этомъ сползла на самый кончикъ носа Рыжовой, великолѣпная бѣлая борода, сдѣланная изъ ваты и такіе же усы, грозили каждую минуту отлѣпиться и полетѣть внизъ. Но ужаснѣе всего было то, что „его ко-

ролевское величество", храпѣло на всю сцену, отчаянно присвистывая носомъ.

Въ ужасѣ Дорушка стала изо-всей силы трясти за руки уснувшую сладко и крѣпко подъ вліяніемъ злодѣйскаго мака Машу Рыжову...

— Марья! Ты съ ума сошла... Маша! проснись!—въ отчаяніи шептала дѣвушка.

— Мм...—простонала неожиданно на всю залу сонным голосомъ Маша, на минуту безсмысленно пріоткрывшимися глазами глянувъ на Дорушку и снова громко, отчетливо крякнула въ голосъ:

— Чего тебѣ? Спать время, а она лѣзетъ!

И тотчасъ же, откинувшись на спинку стула, захрапѣла снова на весь залъ своимъ богатырскимъ храпомъ.

Подъ оглушительный хохотъ, сдвинули далеко не своевременно занавѣсь; спящую непробуднымъ сномъ Рыжову утащили со сцены, а на мѣсто нея, облекшись въ бѣлую „горностаевую" мантію и золотую корону, на ея мѣстѣ появилась сама Антонина Николаевна съ бѣлой ватной бородою въ роли короля, успѣвшая запомнить по репетиціямъ роль Рыжовой.

Но веселое настроеніе уже не покидало публику...

Нѣтъ, пѣтъ да и вспыхивалъ въ залѣ веселый смѣшокъ при воспоминаніи объ инцидентѣ съ королемъ-предшественникомъ...

Особенно заразительно смѣялась одна молодая дѣвушка, сидѣвшая подлѣ Нанъ. Дуня хорошо видѣла эту красавицу-дѣвушку въ тѣ минуты, когда другія говорили на сценѣ, она то и дѣло обращала глаза въ ея сторону.

Въ нарядномъ платьѣ цвѣта утренней зори, съ гирляндой розъ на чернокудрой головкѣ съ разсыпанными по плечамъ локонами, юная красавица казалась воплощенной мечтой поэта

Чѣмъ-то знакомымъ повѣяло на Дуню отъ этого прелестнаго лица и воздушно-граціозной фигуры.

— Боже мой! Да неужели?..—съ сильно бьющимся сердцемъ взволнованно думала дѣвочка, боясь повѣрить

своему счастью.—Такъ вотъ она какова радость, о которой говорила Нанъ!

Какъ во снѣ прошла вторая половина спектакля для Дуни... Бѣдные нищіе юноша и дѣвушка, по ходу пьесы обращенные феей въ королевскихъ дѣтей, скоро однако тяготятся своей новой долей. Имъ скучно безъ обычнаго труда, среди роскоши и богатства придворной жизни... Дворцовый этикетъ съ его церемоніями скоро надоѣдаетъ имъ и они со слезами бросаются къ ногамъ доброй феи, умоляя ее превратить ихъ снова въ бѣдныхъ крестьянъ. И волшебница-Лупя исполняетъ ихъ просьбу.

Красивой живой картиной, освѣщенной заревомъ краснаго бенгальскаго огня закончился спектакль.

Подъ шумныя рукоплесканія и крики браво, снова задвинулась завѣса...

Не успѣли смущенныя отъ бури похвалъ старшеотдѣленки въ своихъ фантастическихъ костюмахъ, ориентироваться въ залѣ, какъ чудесные мелодичные звуки рояля запѣли подъ чей-то искусной рукой.

— Можете танцовать и веселиться, дѣти! —прозвучалъ милостивый голосъ одной изъ самыхъ важныхъ попечительницъ пріюта.

Пріютки, не обучавшіяся танцамъ, однако переняли одна отъ другой это несложное искусство. Рѣдкая изъ воспитанницъ средняго и старшаго отдѣленія не умѣла танцовать.

Докторъ Николай Николаевичъ, экономъ, и кое-кто изъ гостей, любезно приняли на себя роль кавалеровъ. И сами пріютки охотно кружились другъ съ другомъ. Танцовала по обычной своей привычкѣ съ дѣтьми и баронесса Софья Петровна и Нанъ и другія дамы и барышни.

За піанино сидѣлъ Вальтеръ.

Теперь это уже былъ не прежній юноша. Онъ возмужалъ, окрѣпъ...

Закончивъ курсъ консерваторіи заграницей онъ

сталъ довольно крупной извѣстностью въ музыкальномъ мірѣ за эти три послѣдніе года.

Онъ давалъ концерты и съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ все большую и большую популярность.

Его длинные артистическіе пальцы бѣгло скользили по клавишамъ, исполняя имъ, самимъ созданную мелодію вальса. А измѣнившееся, благодаря усамъ и мягкой бородкѣ лицо было мужественнѣе и строже.

Подъ звуки этого вальса съ какимъ-то высокимъ офицеромъ, кружилась по залѣ поразившая Дуню юная красавица.

— Она или не она?—съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за кружившейся парой, въ сотый разъ вопрошала себя дѣвочка.

— Нѣтъ, не она... Если-бы это была она, то бросилась-бы ко мнѣ прежде всего! Вѣдь она такъ любила меня!

Теперь платье утренней зори и черные локоны пронеслись совсѣмъ близко около Дуни.

— Наташа!—невольно вырвался изъ груди дѣвочки радостный крикъ.

Розовое платье перестало кружиться... Воздушная фигурка остановилась въ двухъ шагахъ... Знакомые черные смѣющіеся глаза озарили Дуню ихъ жизнерадостнымъ яркимъ свѣтомъ.

— Дуняша! Милая! Какъ выросла! Похорошѣла! Не узнать! Здравствуй, голубонька, здравствуй!

И быстрый поцѣлуй коснулся щеки Дуни.

Въ слѣдующую минуту дѣвушки сидѣли въ уголку залы, вдали отъ всѣхъ, взявшись за руки, крѣпко прижавшись другъ къ другу.

Сжимая пальцы Дуни, обдавая ее тѣмъ-же искрящимся свѣтомъ своихъ жизнерадостныхъ глазъ, Наташа трещала безъ умолку, не смолкая ни на минуту:

— Ахъ, какъ я счастлива, если-бы ты знала? Въ этомъ году окончила гимназію... Что? Не вѣришь? Но вѣдь мнѣ уже семнадцать лѣтъ... Княгиня Маро меня обожаетъ... Буквально на рукахъ носитъ... Задаривала

съ головы до ногъ... Какія у меня платья, наряды, обстановка! А сколько драгоцѣнныхъ вещей! И знаешь, она хлопочетъ, чтобы удочерить меня... Чтобы я стала княжной Обольянецъ, ея настоящей дочерью! Ты подумай, я, Наташа Румянцева, дочка кучера, Андрея! И вдругъ княжна! Точно въ сказкѣ! Весь Тифлисъ у насъ бываетъ! И сколько у меня поклонниковъ. Ей Богу! Еще бы, я красива, богата, да еще вдобавокъ наслѣдница всѣхъ имѣній княгини. А ихъ у нея много, много... И завѣщаніе уже сдѣлано въ мою пользу... Я могу выбрать себѣ достойнѣйшаго мужа... Но это еще не скоро будетъ, не скоро... Я еще такъ молода! Я хочу наряжаться, выѣзжать на балы, въ театры, на веселые пикники, рауты, обѣды. Я до смерти люблю танцовать, кружиться... Ради этого княгиня Маро даетъ четыре большихъ праздника въ мою честь ежегодно, на которыхъ я бываю постоянно царицей бала... Тебѣ нравится это платье? Что? Но оно еще хуже прочихъ... всѣхъ тѣхъ, что остались дома... Ты знаешь у меня есть одно: вообрази только, вышитый блестками голубой тюль по зеленому фону... Получается цвѣтъ морской глубины...

Все звонче, все радостнѣе звучитъ голосъ Наташи... Лицо ея горитъ оживленіемъ, глаза сверкаютъ. Описаніе нарядовъ, праздниковъ, поклонниковъ, такъ и сыпется у нея непрерывнымъ лепетомъ словъ... Но чѣмъ оживленнѣе и радостнѣе звучатъ ея рѣчи, тѣмъ грустнѣе, тоскливѣе дѣлается личико Дуни.

Полно! та-ли это Наташа, что увѣряла ее въ вѣчной дружбѣ, которая такъ любила ее... Да неужели-же эта пустая, тщеславная барышня, бредящая выѣздами, балами, прежняя, славная, простая и чуткая дѣвочка, ея Дунинъ любимый, дорогой другъ?

Все о себѣ, да о себѣ... Эгоистичныя, бездушныя рѣчи... И ни одного вопроса о томъ, какъ жила-поживала всѣ эти годы безъ нея Дуня, что подѣлываетъ она, куда думаетъ устроиться въ недалекомъ будущемъ.

Ни одного вопроса... Ни единаго слова участія.—

„Пышный махровый бутонъ розы... Рожденный для праздника“! вспоминаются Дунѣ слова, сказанныя тетей Лелей въ минуту отъѣзда Наташи, и глухая обида закипаетъ въ ея груди.

— Княжна! Разрѣшите пригласить васъ на туръ вальса! Эти глупышки-воспитанницы тяжелы какъ прыгающіе гипопотамы, слышитъ Дуня веселый голосъ высокаго офицера, склонившагося въ почтительнѣйшемъ поклонѣ передъ княжеской воспитанницей.

— Ну, Дуня, прощай. Можетъ быть, увидимся еще сегодня. А я пойду танцовать. Танцы—моя жизнь! И вспорхнувъ веселой птичкой со своего мѣста, Наташа вскользь небрежно чмокнула въ щеку Дуню и закружилась по залѣ съ высокимъ офицеромъ, почтительно, какъ съ настоящею княжною, обращавшимся съ нею.

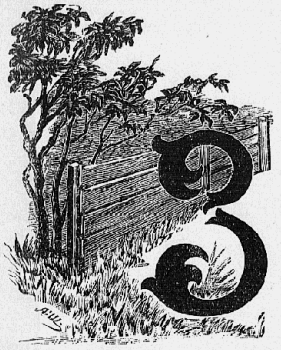
Съ страдальческимъ лицомъ и крѣпко стиснутыми до боли губами, блѣдная, блѣднѣе своего коленкороваго хитона доброй волшебницы, откинулась Дуня на спинку стула, провожая взоромъ танцующихъ.

И въ недавно еще дѣтскомъ беззаботномъ сердечкѣ зрѣла первая сознательная обида первой незаслуженной несправедливости, причиненной ей жестокосердной судьбой.

Обида первой глубокой привязанности, непонятой и исковерканной жесткой рукою жизни.

И подъ наплывомъ перваго крупнаго разочарованія жизнью, исчезало недавнее дѣтство и въ душѣ подростка, а болѣе сознательная пора юности спѣшила ему на смѣну.

Дѣвушка Дуня смѣняла недавнюю еще Дуню ребенка



IV.

ЗАКОНЧИЛОСЬ веселое Рождество съ его неизбѣжными святочными гаданіями... Старшія пріютки вплоть до Крещенія ставили еженощно блюдечки съ водою подъ кровати другъ другу, съ переброшенными въ видѣ мостика черезъ нихъ щепкою... Надѣясь увидѣть во снѣ „суженаго“, который долженъ былъ перевести черезъ этотъ первобытный мостикъ. Слушали подъ банею и у церковной паперти, убѣгая туда тишкомъ праздничными вечерами. И въ зеркала смотрѣлись, высматривая тамъ свою судьбу при двухъ свѣчныхъ огаркахъ въ часъ полуночи... Молодость брала свое...

Ходили ряженными къ „самой“ и къ эконому на квартиру и доктору Николаю Николаевичу, жившему черезъ улицу.

Жена доктора, добродушная маленькая женщина, любила воспитанницъ, какъ родныхъ дѣтей.

Ѣздили къ баронессѣ, въ Народный Домъ на представленіе, слушали оперу „Снѣгурочка“, глядѣли „Восемдесятъ тысячъ верстъ“. И долго, долго потомъ мѣнялись впечатлѣніями, не засыпая до полуночи и волнуясь о красивомъ пережитомъ.

Прошло Рождество, Новый Годъ, Крещеніе, и снова закипѣла въ пріютѣ прежняя трудовая жизнь.

Теперь уже не было слышно въ старшемъ отдѣленіи звучнаго молодого смѣха. Не слышалось какъ раньше безпечнаго, рѣзваго говора. Тихо и чинно собирались группами, толковали о „главномъ“, о томъ неизбѣжномъ, что должно было случиться не сегодня-завтра—о выходѣ изъ пріюта на „вольныя“ мѣста. Ждали нанима-

телей загадывали какіе-то они будутъ—добрые или злые хорошее или дурное „мѣсто“, выпадетъ на долю каждой...

Теперь, ежедневно со старшеотдѣленками приходили заниматься отъ 4-хъ до 7-ми, закройщицы изъ французскаго магазина дамскихъ парядовъ. Павла Артемьевна была спеціалисткою по другой отрасли—бѣлошвейной и вышивальной. Кромѣ того, она чувствовала себя все слабѣе съ каждымъ днемъ и собиралась уѣзжать лечиться въ имѣніе къ брату.

Бойкая француженка m-lle Оноре, безпечно болтая про послѣднія городскія новости, какъ-бы шутя преподавала свое искусство. Теперь, изъ подъ ловкихъ рукъ, болѣе способныхъ къ шитью воспитанницъ, Вассы, Дорушки, Оли и Любы, выходили шикарные воланы, раскошныя буффы, какія-то особенныя отдѣлки, похожія на гирлянды цвѣтовъ, умопомрачительные костюмы, матинэ, капоты. Все это шло на продажу къ весенней выставкѣ. А въ другомъ углу рабочей передъ большимъ зеркаломъ парикмахерскій подмастерье обучалъ другую группу воспитанницъ своему сложному искусству. Многія изъ пріютокъ шли на мѣста въ качествѣ горничныхъ „съ прической головы“ и эти уроки были для нихъ необходимы. Намѣчались уже тѣ счастливицы, которыя должны были поступить на курсы учительницъ въ Большомъ Пріютѣ вѣдомства Императрицы Маріи. Счастливицы потому, что доля „сельской учительницы“ какъ заправской барышни, почти независимой и безконтрольно проводившей свой рабочій день, казалась для дѣвушки апогеемъ высшаго счастья.

Дуня Прохорова, Любочка Орѣшкина и Оня Лихарева должны были продолжать свои занятія по предметамъ въ другомъ пріютѣ.

Въ предстоящую осень ихъ рѣшено было помѣстить въ учительскую школу-интернатъ. Предложена была и Дорушкѣ, какъ лучшей изъ воспитанницъ пріюта, таже почетная доля, но Дорушка категорически отказалась

отъ своего „счастья“, имѣя важнѣйшую, по ея мнѣнію, цѣль впереди: помочь матери въ дѣлѣ устройства мастерской, и этой помощью отстранить лишнія хлопоты и невзгоды съ пути, начинавшей уже замѣтно стариться, Аксиньи.

Что же касается Дуни, дѣвочка была, какъ говорится, на седьмомъ небѣ. Пройти въ два года курсъ сельской учительницы ей, уже подготовленной первоначально обученіемъ въ пріютѣ и получить мѣсто въ деревнѣ, въ селѣ, гдѣ-нибудь въ глуши, среди любимыхъ полей и лѣсного приволья, это-ли была не радость, не счастье для нея, бѣдной сиротки, настоящаго деревенскаго дитяти!

Она опять увидитъ то, по чему истосковалась за всѣ эти безконечные годы ея маленькая, тихая душа! Лѣсъ, поле, покосившіяся избушки, золотыя нивы... все близкое сердцу и такое родное! Услышитъ давно неслыханные ею звуки, блеяніе овецъ, мычаніе коровъ, почувствуетъ этотъ сладковато-назойливый запахъ навоза, такой знакомый и милый каждому ребенку, выросшему въ глуши деревень! При одной мысли о томъ, что она можетъ быть выбрана надзирательницею въ другомъ пріютѣ, или оставлена учительницей въ городскихъ школахъ, Дуня замираетъ отъ страха... Нѣтъ, нѣтъ! Она вымолитъ у Святыхъ Угодниковъ свою долю быть „сельской“, она дастъ Царицѣ Небесной какой-нибудь трудный, трудный обѣтъ, лишь бы исполнилась ея завѣтная мечта, цѣль ея молоденькой жизни. Она вымолитъ себѣ это счастье у небесъ!

* * *

Первою получила „мѣсто“ Рыжова...

Необыкновенно повезло толстухѣ... Помѣщица изъ Новгородской губерніи пріѣхала искать ключницу. Въ ея имѣніи оказывался большой скотный дворъ и огромный птичникъ. Маша Рыжова сіяла отъ счастья.

Коровушки-буренушки, овечки, птиченьки, утят-

ки, гусятки, цыпляченьки! съ далеко не свойственной ей нѣжностью и оживленіемъ, лепетала толстуха, спѣшно собирая свое пріютское приданое въ кованный желѣзомъ красный сундукъ. Не менѣе довольныя за участь Маши подруги проводили сіявшую дѣвушку на вокзалъ.

За нею проводили Вассу, Олю Чуркову и Малашу Кузнецову, блѣдную запуганную, недалекую дѣвушку, но большую мастерицу по классу мѣтки бѣлья.

Худая длинная, какъ жердь хозяйка бѣлошвейной, пріѣхала за ними однажды, цвѣтущимъ весеннимъ утромъ.

Съ испуганными лицами, взволнованныя и смущенныя три дѣвушки обѣгали весь пріютъ, прощаясь съ подругами и начальствомъ. Васса горько плакала, повисая на шеѣ то у той, то у другой пріютки. Маленькая болѣзненная Чуркова рыдала источнымъ голосомъ.

— Богъ вѣсть, свидимся-ли когда!—всхлипывая лепетала дѣвочка.

Послѣ отъѣзда веселой говорливой и насмѣшливой Вассы какъ-то опустѣло въ пріютѣ стало тише и скучнѣй.

— А я выйду отсюда, такъ и вовсе съ тоски помрете!—съ апломбомъ заявляла притихшимъ дѣвушкамъ Оня Лихарева и тутъ-же упершись въ бока руками, дробно постукивая каблуками, фертомъ проплывала по рабочей, мимо сразу оживлявшихся при этомъ воспитанницъ.

Передъ наступленіемъ лѣта двѣ крупныхъ новости ожидали пріютокъ.

Во первыхъ, строгая и не въ мѣру требовательная Павла Артемьевна покидала пріютъ вслѣдствіе какого-то хроническаго недуга, требующаго спокойной домашней жизни и переселялась навсегда въ имѣніе къ брату. А на ея мѣсто ожидалась новая надзирательница къ среднимъ.

Во вторыхъ, ввиду учащавшихся въ городѣ оспѣнныхъ заболѣваній баронесса Софья Петровна перевозила остающихся въ пріютѣ на лѣто воспитанницъ къ себѣ въ Дюны,

на морское побережье Финскаго Залива, гдѣ у нея была огромная дача, цѣлая мыза, спрятавшая на горѣ среди сосновыхъ Сестрорѣцкихъ лѣсовъ.

Это была такая радость, о которой не смѣли и мечтать бѣдныя дѣвочки. Теперь только и разговору было, что о дачѣ. Говорили безъ устали, строили планы, заранѣе восхищались предстоящимъ наслажденіемъ провести цѣлое лѣто на полѣ природы. Все это казалось такимъ заманчивымъ и сказочнымъ для неизбалованныхъ радостями жизни дѣтей, что многія воспитанницы отказались отъ лѣтняго отпуска къ роднымъ и вмѣстѣ съ „сиротами“ съ восторгомъ устремились на „пріютскую“ дачу.

V.

ЕСКИ... сосны... холмы... пограничная съ Финляндіей рѣченка Сестра, вбѣгающая въ заливъ и „оно“, самое море сѣросизое, холодное, далекое, съ темнѣющими берегами Финляндіи съ одной стороны, окруженное дачными мѣстностями чуть невплоть до самаго Петербурга съ прочихъ сторонъ...

Узкая, мелководная и тихая Сестра... Пограничные посты на ея берегу... А тамъ, по ту сторону заставы съ шлагбаумомъ, тамъ уже начинается самая Финляндія, суровая, важная, холодная и красиво-печальная страна.

Когда воспитанницы поднимались на гору, заросшую хвойнымъ лѣсомъ и передъ ними развернулся во всей его красѣ Финскій заливъ, Дунѣ и Дорушкѣ, особенно чуткимъ къ красотѣ природы, казалось, что сердчишки ихъ дрогнутъ и расколятся отъ счастья въ груди.

— О, это не Крестовскій островъ,—шептала въ восторгѣ Дорушка, проводившая тамъ до сихъ поръ лѣто на дачѣ у бывшихъ господъ ея матери,—это настоящее... Понимаешь-ли, настоящее, Дуня!

Но Дуня ничего не понимала. Смотрѣла, какъ зача-

рованная то на сверкающій подъ солнцемъ заливъ, то на хвойныя пушистыя шапки сосенъ, сбѣгавшія внизъ по склону къ обрыву, то на дачу баронессы, настоящій дворецъ съ разбитымъ вокругъ нея садомъ. И опять на море, на сосны, на раскинувшійся надъ нею голубой просторъ

— Это рай! Рай!—повторяла она то и дѣло.

— И то рай!—соглашалась и тетя Леля, подставляя свою горбатую калѣки спину горячему іюньскому солнцу и улыбаясь счастливой улыбкой и небу и заливу, и вѣчно зеленымъ соснамъ и самой дачѣ, казавшейся дворцомъ.

— О, дѣвочки, мои милыя дѣвочки! Какъ вы поправитесь здѣсь за лѣто!—умиленнымъ голосомъ говорила она окружившимъ ее воспитанницамъ,—какъ здѣсь хорошо!

И впрямь хорошо здѣсь было!

Пріютки переѣхали въ числѣ ста человѣкъ на дачу. Двадцать дѣвочекъ разлетѣлись на лѣтнія вакаціи по роднымъ.

Но дача вмѣстила всю эту «сотню» съ удобствами и комфортомъ.

Сама баронесса, Нанъ и Вальтеръ, перебравшіеся сюда же ради отдыха помѣстились въ другой небольшой дачкѣ съ стеклянной террасой, заставленной деревьями олеандровъ и розовыми нѣжными кустами, далеко вокругъ дачи распространяющихъ свой медвяный чарующій ароматъ...

Запахъ цвѣтовъ, смолы, хвои и близкаго сосѣда—залива давало чудеснѣйшее гармоничное цѣлое... Какой-то букетъ чистѣйшихъ эссенцій, чудесный букетъ!

Теперь, съ самаго утра до поздняго вечера пріютки были на воздухѣ.

Въ большомъ саду похожемъ, скорѣе, на лѣсъ нежели на садъ, окружавшемъ дачу, расчистили площадку, протянули сѣтку для лаунъ-тенниса, повѣсили гамаки, качели, устроили крокетъ.

Цѣлый день звучали среди зеленыхъ сосенъ молодые, звонкіе и дѣтскіе голоса. По желанію баронессы работали

меньше, больше гуляли, играли въ подвижныя игры на вольномъ воздухѣ, устраивали хоровое пѣніе, купались въ морѣ, ходили за ягодами въ дальній лѣсъ.

Дѣвушки и дѣти загорѣли, посвѣжѣли, окрѣпли на диво. Цвѣтущія щечки, блестящіе глаза, довольныя улыбки вознаграждали благодѣтельницу Софью Петровну за ея доброе дѣло

Дуня поправилась и загорѣла больше другихъ Просыпаясь утромъ отъ звука пастушьяго рожка и мычанья коровъ, проходившаго мимо оконъ дачи стада, она, какъ безумная вскакивала съ постели и подбѣгая къ окну, настежъ распахивала его.

— Какъ у насъ! Какъ у насъ, въ деревнѣ!—лепетала она восторженными глазами, провожая стадо.

И хотя песочныя, хвойныя приморскія Дюны съ ихъ мрачно красивымъ лѣсомъ, мало походили своимъ видомъ на обычную русскую деревеньку, гдѣ родилась и провела свое раннее дѣтство Дуня, душа дѣвочки невольно искала и находила сходство между этихъ двухъ вполнѣ разнородныхъ красотъ.

— Скорѣе-бы, скорѣе окончить школу учительницъ Сдать экзаменъ, получить мѣсто гдѣ-нибудь поблизости отъ нашей деревеньки!—часто вслухъ мечтала теперь Дуня, углубляясь съ Дорушкой въ тѣнистыя аллеи лѣса-сада.

— Мы вмѣстѣ уѣдемъ, Дуняша, ты въ учительскую школу свою, я къ маменькѣ, въ магазинъ, открывать мастерскую. То-то радость будетъ! Совсѣмъ измаялась безъ помощницъ, моя старушка! и Дорушкины обычно спокойные разсудительные глазки принимали нѣжное, мягкое выраженіе.

Дѣвушка горячо любила свою мать

* * *

Тихій лѣтній вечеръ Давно закатилось солнышко, утонувъ до утра въ побагровѣвшихъ водахъ залива Затихли веселые голоса купающихся на берегу.

Воспитанницы давно отъужинали и пропѣли вечернія молитвы. Напрыгавшіяся за день стрижки ушли спать. Среднія съ ихъ новой надзирательницей стройной барышней въ высокой модной прическѣ замѣнившей больную Павлу Артемьевну пошли играть послѣднюю партію въ теннисъ. Антонина Николаевна со своими «старшими» усѣлась на балконѣ дачи...

— Дѣвицы, давайте пѣть хоромъ,—предложила Оня Лихарева.

— Сыро стало, голосъ сядетъ,—опасливо замѣтила Любочка Орѣшкина.

— Сядетъ, какъ-же! Да, что-же это? Ты ему что-ли, стулъ подашь, чтобы сѣлъ?—нехитро съострила Паша Канарейкина, у которой ея лисья мордочка стала совсѣмъ коричневой отъ загара за все время пребыванія на дачѣ.

— Ну, ужъ ты, не остри пожалуйста!—отмахнулась отъ Паши обидѣвшаяся Любочка,—я своимъ голосомъ дорожу.

— И руками и лицомъ тоже! — засмѣялась Оня, — загара боишься, молокомъ моешься и глицериномъ на ночь руки натираешь. Видали мы!

— Не твое дѣло! – вспыхнула Любочка.

— Да полно вамъ ссориться, дѣвицы!

— Пѣть лучше давайте! Ишь, вечеръ-то какой!

Дѣвушки откашлялись и послѣ недолгой паузы ихъ стройные голоса зазвенѣли въ тихомъ, вечернемъ воздухѣ.

Пѣли: «Выхожу одинъ я на дорогу» и «Не шей ты мнѣ матушка, красный сарафанъ» и «Нелюдимо наше море и «Хазъ Булатъ Удалой» и «Собрались у церкви кареты», словомъ всѣ излюбленныя пѣсни старшеотдѣленокъ.

— А ну-ка, дѣвоньки, плясовую! Кто во что горазъ!—бойко крикнула Оня и, сбѣжавъ со ступеней крылечка, уперла руки въ боки, запрокинула задорную головку и, поводя плечиками, замерла въ выжидательной позѣ.

— Ахъ, вы сѣни, мои сѣни!—согласно и звучно грянулъ хоръ.

Бѣлой лебедою сначала поплыла Оня подергивая плечиками, поблескивая глазами... Но по мѣрѣ того, какъ ускорялся темпъ пѣсни, все живѣе и бойче носилась она, помахивая бѣлымъ платочкомъ надъ головой.

Быстро, быстро семеня ногами, порхала она съ одного конца площадки, разбитой передъ крыльцомъ, на другой, лихо вскрикивая по временамъ:

— Ой, жарче! Ой лише! Дѣвоньки, удружите! Милыя не посрамите! Вотъ и этакъ, вотъ и такъ!

И волчкомъ завертѣлась на мѣстѣ.

— Браво! Браво! Молодецъ Онюшка! И ловко-же пляшешь, рыбка моя!

И нарядная, по своему обыкновенію одѣтая во что-то легкое, бѣлое и прозрачное баронесса, словно изъ подъ земли выросла передъ сконфуженными дѣвушками.

— Батюшки мои! не своимъ голосомъ взвизгнула сгорѣвшая отъ стыда плясунья и бросилась было на утекъ...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Не пустимъ! Не пустимъ! Куда! Стой! И высокая фигура Нанъ преградила ей путь, разставивъ руки.

Въ лицѣ Нанъ было какое-то особенное оживленіе сегодня. Глаза юной баронессы горѣли несвойственнымъ имъ огнемъ. Нѣжный румянецъ рдѣлъ на щекахъ. Все измѣнившееся за послѣдніе годы, возмужавшее лицо уже не казалось такимъ сухимъ, жесткимъ и некрасивымъ.

Улыбка чаще обыкновеннаго, появлялась теперь на губахъ дѣвушки и сообщала какую-то новую черту привлекательности этому умному и серьезному лицу.

Въ то время, какъ баронесса шутила съ воспитанницами, ласкала ихъ и одѣляла конфектами, имѣвшимися всегда съ нею въ ея элегантномъ мѣшкѣ-сакѣ Нанъ успѣла пробраться подъ шумокъ къ Дунѣ и шепнуть ей:

— Пойдемъ со мною въ плющевую бесѣдку, мнѣ

нужно сообщить тебѣ одну тайну, большую тайну, Дуняша

И, схвативъ за руку дѣвушку, она увлекла ее въ глубь сада за собой.

VI.

ПЛЮЩЕВАЯ бесѣдка, небольшой ажурный домикъ, весь обвитый гибкими ползучими, какъ зеленыя змѣи, вѣтками плюща, успѣла пріобрѣсти въ глазахъ пріютокъ за ихъ недолгое, сравнительно присутствіе здѣсь репутацію вмѣстилища всякихъ таинъ и секретовъ.

Сюда приходили для того только, чтобы подѣлиться новостями первой важности съ подругой или задумать проэктъ новой шалости, или просто поболтать и помѣчтать о будущемъ, представлявшимся не смотря ни на что, такимъ радостнымъ и свѣтлымъ всѣмъ этимъ бѣднымъ дѣвушкамъ, далеко неизбалованнымъ судьбою.

Плющевая бесѣдка находилась надъ самымъ обрывомъ. Изъ нея можно было видѣть всю зеркальную поверхность залива и приморскій Сестрорѣцкій курортъ. Его крыши и трубы домовъ выглядывали изъ за сплошной стѣны розовыхъ стволовъ и зеленыхъ шапокъ сосенъ, пихтъ и елей.

Въ противоположной сторонѣ синѣлъ огромный разливъ рѣки Сестры—большое озеро въ восемь верстъ въ окружности, темное, ропчущее, бурное и предательское, похожее на маленькое море.

Не доходя десяти шаговъ до бесѣдки, Нанъ неожиданно остановилась и крѣпко конвульсивно сжала руку своей спутницы.

— Ты слышишь? Ты слышишь, Дуня?

Ея обычно маленькіе теперь расширенные восторгомъ глаза впились въ лицо Дуняши... Румянецъ ярче и гуще прежняго заигралъ на щекахъ.

— Ты слышишь? Слышишь?—прерывистымъ шопотомъ, снова зашептала она.

Изъ маленькой дачи, нанимаемой баронессой и ея семействомъ, слышались тихіе замирающіе аккорды.

Это молодой баронъ Вальтеръ игралъ на роялѣ въ тихій вечерній часъ.

Нѣжные, задумчивые звуки вылетали изъ открытыхъ оконъ и неслись въ объятія вечера, растворяясь и тая въ его мечтательной, заколдованной тишинѣ.

Гдѣ то недалеко чуть слышно рыдало своимъ отливомъ море и синее ясное и высокое небо тоже околдованное въ своемъ вѣчномъ безстрастіи, казалось, слушало роскошную пѣснь.

Въ плющевой бесѣдкѣ было сумрачно и прохладно.

Обхвативъ руками шею подруги, Нанъ приблизила Дунину голову къ своей и зашептала съ несвойственнымъ ей оживленіемъ и жаромъ:

— Ты слышишь, какъ онъ играетъ Вальтеръ и что онъ играетъ! Ахъ, Дуня, эту безподобную симфонію онъ сочинилъ самъ... для меня... То, что онъ играетъ сейчасъ называется «Встрѣча»... Въ ней юноша встрѣчаетъ дѣвушку и даетъ ей слово вѣчно любить ее... Да, Дуня, глупенькая, маленькая птичка... Талантливый, знаменитый, прекрасный Вальтеръ, любитъ меня! Меня одинокую, никому ненужную, холодную, черствую, нелюбимую даже собственной матерью.

Помнишь, когда ты три года назадъ рыдала у насъ на Петербургской квартирѣ? Я призналась тебѣ во всемъ. Я говорила тебѣ, какъ я несчастна! Но теперь я счастлива какъ врядъ-ли кто другой можетъ быть счастливъ на землѣ... Дуня, милая Дуня! Я — невѣста Вальтера, моего дорогого двоюроднаго брата... Мы сильно любимъ другъ друга, и черезъ годъ назначена наша свадьба... Моя мать такъ рада, что ея гадкая некрасивая и эгоистичная Нанъ нашла свою судьбу; она сразу дала свое согласіе Вальтеру... Если-бы ты знала только, какое

огромное счастье ждетъ меня на землѣ! Какъ прекрасна такая любовь, какъ наша!

Нанъ замолкла, потрясенная своей исповѣдью, а Дуня съ расширенными зрачками и съ улыбающимся застѣнчивымъ лицомъ ловила каждое слово юной баронессы. Ея дѣтское сердечко билось спокойно и ровно, не сознавая всей важности такой любви, но чужое счастье захватило эту маленькую впечатлительную душу.

А звуки все таяли и умирали въ благовонномъ іюньскомъ воздухѣ. На смѣну имъ рождались новые вдохновенно-прекрасные, молодые и мощные, безъ конца, безъ конца. Какъ никогда прежде, божественно хорошо игралъ въ этотъ вечеръ счастливый любящій Вальтеръ.

Дѣвицы, кто нынче идетъ папоротникъ собирать! Сегодня Иванова ночь... Завтра Купала праздникъ! — громко заявила съ утра Оня Лихарева, первая изъ старшеотдѣленокъ, раскрывъ заспанные глаза.

— И впрямь, дѣвушки, кладъ-бы поискать!—мечтательно предложила Любочка.

— Ну, вотъ выдумала... Какой еще кладъ! Кладъ—чепуха. Бабьи выдумки... А вотъ двѣнадцать травокъ-бы собрать въ полночь, дѣвицы, вотъ это хорошо!—вставила Паша Канарейкина свое слово.

— Это что-жъ гаданье, што-ли? Про суженаго? поинтересовалась Любочка.

— Тебѣ-бы только о суженомъ,—засмѣялась Паша.— Нѣтъ, просто судьбу свою увидать можно, ежели двѣнадцать травокъ, сорванныхъ ночью, подъ подушку подложить.

— Ай, дѣвоньки, какъ же это ночью?—Жутко поди въ лѣсу, въ полночь-то? И Акуля Скрипцова, самая трусливая изъ старшаго отдѣленія, даже въ лицѣ измѣнилась отъ одной мысли пробыть въ лѣсу ночное время.

— И то жутко,—согласилась Любочка, — а все-же хорошо-бы свою судьбу увидать!

— Помнишь, какъ Васса у Палани Заведеевой увидала, когда были въ стрижкахъ! лукаво прищуривъ одинъ глазъ, со смѣхомъ напомнила Оня.

— Такъ-то стрижками были, - презрительно протянула Любочка,—трубочистовъ боялись, а нынче мы, слава Богу, выросли подъ облака.

— Ладно ужъ! До облаковъ далече!—усмѣхнулась Оня.

— А я все-же пойду... Лестно судьбу попытать! — настойчиво повторила Любочка.

— И думать не смѣй. Одна—въ лѣсъ! Не пущу! рѣшительно заявила Дорушка и строго сдвинула брови.

Однако упрямую Любочку трудно было переупрямить. Пышная бѣлокурая красавица, совсѣмъ уже взрослая годами Любочка постоянно думала о своей наружности, ухаживала за собою и вѣрила твердо, что ни доля сельской учительницы, ни мѣсто мастерицы, модистки, закройщицы и швеи должно ожидать такую красавицу, какъ она Любочка, а гораздо болѣе заманчивая судьба... Любочкѣ казалось, что долженъ былъ встрѣтиться на ея пути какой-нибудь добрый человѣкъ, прекрасный какъ сказочный принцъ богатый и непремѣнно «благородный», который возьметъ ее за себя замужъ, увезетъ Любочку изъ этого скучнаго пріюта, и будутъ они жить да поживать въ счастьѣ, довольствѣ и холѣ. Объ этомъ воображаемомъ, добромъ и прекрасномъ принцѣ Любочка и на картахъ гадала, и на святкахъ ради него въ зеркало смотрѣла въ полночь, и подъ двери церковныя бѣгала слушать, не раздадутся-ли тамъ вѣнчальные напѣвы «Исайя ликуй».

И сегодня она твердо рѣшила пойти собирать двѣнадцать травъ, въ сосѣднемъ съ дачей лѣсу, чтобы положить ихъ, согласно обычаю себѣ подъ подушку.

Что приснится ей въ эту ночь, благодаря душистымъ волшебнымъ купальнымъ травамъ, то и будетъ съ нею Любочкой въ ея жизни.

Весь день дѣвушка была сама не своя, ходила какъ

сонная, ничего не видя и не слыша, была разсѣянна какъ никогда и отвѣчала не впопадъ.

Чѣмъ ближе подвигалось вечернее время, тѣмъ мучительнѣе чувствовала себя Любочка. Трусиха по натурѣ, она съ ужасомъ думала о томъ, что несла ей съ собою предстоящая ночь.

Поужинавъ позднѣе обыкновеннаго и выпросивъ разрѣшеніе у Екатерины Ивановны, жившей тутъ-же при дачѣ, въ особомъ флигелькѣ пойти на берегъ посмотрѣть какъ будутъ горѣть костры, зажженные мѣстными дачниками и коренными жителями мѣстечка финнами старшеотдѣленки, подъ начальствомъ Антонины Николаевны, отправились на пляжъ.

Поплелась было за другими воспитанницами и Любочка.

Но, поровнявшись съ опушкою лѣса, мимо котораго тянулась дорога къ берегу, молодая дѣвушка, вынырнула изъ толпы подругъ и, никѣмъ не замѣченная, юркнула за первое попавшееся дерево.

— Двѣнадцать травъ... двѣнадцать травъ! И узнаю судьбу свою... и узнаю своего суженаго...—безвучно шептали губы Любочки пока она шла по узкой, влажной отъ росы тропинкѣ, убѣгавшей въ самую глубь большого сосноваго лѣса

Кругомъ тѣснились старыя, мохнатыя, вѣковыя сосны, дальше молодой, душистый березнякъ, еще дальше холмы направо и налѣво... Песчаныя горы, поросшія тѣмъ-же сосновымъ лѣсомъ. А тамъ невдалекѣ тихо ропчущій своимъ прибоемъ заливъ. Его вечерняя пѣснь едва уловленными звуками долетала теперь до слуха Любочки Веселые голоса дачниковъ и финновъ, окружавшихъ береговые костры, покрывали сейчасъ этотъ тихій и сладкій рокотъ.

Яркія точки костровъ, ихъ огневое пламя, сквозило между стволами деревьевъ, освѣщая лѣсъ. Но тамъ, въ глубинѣ его царитъ темнота . И туда хорошенькая

Любочка, направила свои шаги, замирая отъ охватившаго ее чувства ужаса.

Всѣ, слышанные съ дѣтства отъ няньки Варвары и отъ другихъ простолюдинокъ разсказы про Иванову ночь съ ея кладомъ и съ бѣсовскою силою, воскресли съ особенной яркостью въ памяти дѣвушки Ей казалось сейчасъ, что тамъ въ полутьмѣ, въ кущахъ хвойнаго бора, тамъ, гдѣ не видно огней, куда не достигаетъ пламя костровъ, медленно и важно плывутъ высокія тѣни странныхъ, невѣдомыхъ и таинственныхъ существъ лѣса. Любочкѣ слышится чей-то смѣхъ раздражающій и жуткій за кустами волчьей ягоды, тутъ-же, за канавкой сразу, совсѣмъ близко, близко, около нея

Не можетъ быть, чтобы дачная молодежь пришла сюда въ темноту отъ веселыхъ костровъ и шумной суеты на пляжѣ...

Что-же это такое? Неужели почныя тѣни, падающія отъ деревьевъ? Ноги стали подкашиваться отъ страха у Любочки. Зорче вглядывается она въ темноту широко раскрытыми, вытаращенными глазами... Сердце бьется все сильнѣе и громче въ груди... Капельки пота выступили на захолодѣвшемъ лбу .

— Русалки Либо лѣшій! Кто ихъ знастъ! вихремъ пронеслась взволнованная мысль въ юной головкѣ дѣвушки.

Идти назадъ?

Любочка призадумалась на минуту. Въ рукѣ ея насчитывалось уже нѣсколько гибкихъ травяныхъ стеблей: тутъ былъ и одуванчикъ съ его шарообразнымъ верхомъ похожимъ на клубокъ ваты, готовый разлетѣться пухомъ при малѣйшемъ колебаніи вѣтерка, и лиловая кашка на шаршавомъ стебелькѣ и листъ подорожника, такой освѣжающій и прохладный, и мать-мачеха, и куриная слѣпота и желтый лютикъ и бѣлая ромашка... и дикій левкой. Еще немного... еще пять, шесть разнородныхъ цвѣточковъ или травинокъ и желанный сонъ Ивановой ночи приснится Любочкѣ съ этими душистыми растеніями подъ головой...

А темнота въ лѣсу сгущается все больше и больше... Розоватые у опушки стволы сосенъ исчезли: появились угрюмыя, точно затянутыя траурной пеленой, хвойныя деревья... Они, какъ мохнатыя чудища, сторожатъ тропинки. Стуча зубами со страху, съ холоднымъ потомъ, выступившимъ на лбу, Любочка нагнулась еще разъ, чтобы сорвать послѣднюю травинку, выпрямилась и закаменѣла на мѣстѣ. Какая-то бѣлая фигура прямо двигалась на нее.

Огромной показалась она трепещущей дѣвушкѣ, необычайно страшной, похожей на привидѣніе.

Любочкины ноги подкосились со страху. Глаза буквально вылѣзали изъ орбитъ. Собранныя травы выскользнули изъ рукъ и, вся поддавшись назадъ, дѣвушка закричала тонкимъ, пронзительнымъ высокимъ голосомъ:

— Помогите! Спасите! На помощ . А-а-а-а!

— Помогите! Спасите! неожиданнымъ эхо завопило и бѣлое привидѣніе.

Пронзительнымъ визгомъ двухъ отчаянныхъ воплей наполнился лѣсъ и испуганная на смерть Любочка и, повидимому, не менѣе ее самой испуганное «привидѣніе», со всѣхъ ногъ, не переставая визжать, помчались стрѣлою по тропинкѣ назадъ, къ лѣсной опушкѣ.

Получилось странное, непонятное зрѣлище. Двѣ фигуры бѣжали, едва касаясь ногами земли почти рядомъ наравнѣ одна около другой, но боясь взглянуть другъ на друга и отчаянно визжа на весь лѣсъ.

Не помня себя, влетѣла въ калитку баронессинаго сада Любочка... Сбила съ ногъ попавшуюся ей на встрѣчу няньку Варвару, только что вернувшуюся съ берега вмѣстѣ съ воспитанницами и замерла на груди у подоспѣвшей къ ней на встрѣчу Антонины Николаевны.

— Тамъ... въ лѣсу... бѣлая... страшная... За мною гналась...—рыдая и захлебываясь, роняла она, пряча лицо въ складкахъ платья своей надзирательницы.

Въ ту же минуту, вторично распахнулась калитка и вторая, блѣдная какъ смерть дѣвушка, вбѣжала на террасу, гдѣ строились на вечернюю молитву старшія воспитанницы:

— Ради Бога... спасите... въ лѣсу... привидѣніе... Оно сюда бѣжало... за мною!—внѣ себя отъ страха лепетала Паша Канарейкина, и смолкла на полуфразѣ замѣтя рыдавшую Любочку.

— Люба Орѣшкина! Да неужели же это была ты? сконфуженно, теряясь проронила она.

Любочка подняла блѣдное лицо на говорившую... Увидѣла Пашу и смутилась не менѣе подруги...

— Такъ это ты!.. А я то... дура думала...—залепетала она чуть слышно.

— Батюшки, свѣты! вотъ такъ анекдотъ! подбѣгая къ сконфуженнымъ дѣвушкамъ, хохотала Оня.—Вотъ то хороши обѣ, нечего сказать! Другъ отъ друга бѣжали и визжали какъ поросята! То-то представленіе было! Ай да мы, въ театръ ходить не надо! и веселая дѣвушка залилась гомерическимъ смѣхомъ.

Засмѣялись слѣдомъ за нею и остальныя. Засмѣялась и Антонина Николаевна, въ первую минуту сильно испуганная непонятными слезами Любы. Но тутъ же умолкла сразу и сдержавъ себя, строго выговорила обѣимъ дѣвушкамъ за ихъ самовольную отлучку.

И въ этотъ вечеръ и въ послѣдующіе дни въ пріютской дачѣ только и было разговору, что о двухъ «гадальщицахъ», испугавшихся другъ друга до полусмерти. И долго и хорошенькая Любочка и бойкая «Паша—вѣстовщица» вспыхивали до ушей при первомъ намекѣ подругъ о ихъ ночномъ происшествіи.

VII.

О томъ, что баронесса Нанъ невѣста, скоро узналъ весь пріютъ.

Софья Петровна объявила эту торжественную новость старшимъ воспитанницамъ, предлагая имъ шить и мѣтить бѣлье для ея дочери. Старшія передали среднимъ, отъ среднихъ узнали и малыши.

Заказъ приданнаго былъ огромный и со слѣдующаго же утра воспитанницы усѣлись за работу.

— Какъ жаль, что Павлы Артемьевны нѣтъ,—первая пожалѣла Дорушка, — она такія мѣтки умѣетъ выдумывать, что хоть самому царю впору носить!

— Ну, ужъ нашла кого вспомнить! — засмѣялась Оня,—а я такъ рада-радехонька, что нѣту у насъ больше Пашки... Новая „рукодѣльная“ добрая да молоденькая... Никому замѣчанія изъ насъ старшихъ не сдѣлаетъ, а при Пашкѣ я изъ угла, да отъ печки не уходила! Велика радость, тоже, „спину грѣть“...

— Вы о комъ это, дѣти? О Павлѣ Артемьевнѣ?— освѣдомилась незамѣтно подходя къ разговаривающимъ тетя Леля.—Плохо ей, бѣдняжкѣ! На теплыя воды доктора ее посылаютъ. Жаль ее бѣдную...—прошептала горбунья, и лучистые глаза Елены Дмитріевны подернулись туманомъ.

Минутное молчаніе воцарилось на террасѣ. Слышно было какъ билась оса о стекло и жужжала назойливо, ища и не находя себѣ выхода на волю.

— Дѣвицы, давайте величать невѣсту!—предложила бойкая Оня, которую словно кольнуло что-то въ сердце послѣ словъ доброй горбуньи.—Глядишь и работа веселѣе пойдетъ! Я начинаю. Подтягивайте!

И звонкимъ, чистымъ голоскомъ она затянула:

Ужъ какъ по небу, небу синему
Въ облакахъ, въ небесахъ лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая, одинокая,

Все носилася, все рѣзвилася...
Вдругъ отколь не возьмись, коршунъ-батюшка,
Коршунъ батюшка, ястребъ быстренькій,
Онъ нагналъ, нагналъ лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую, что снѣжиночка...
Размахнулъ крыломъ, говорилъ тишкомъ:
За тобой одной я гоняюся,
Я гоняюся, да безъ устали,
За моей душой, за зазнобушкой...

Весело, звонко звучали молодые голоса, а самый напѣвъ былъ печаленъ... Такова заунывная русская пѣснь... На самые развеселые случаи звучитъ она грустно, меланхолично.

— Ой, дѣвушки, будетъ нынче! Спинушку разломило! Жара. Иголка, гляньте, такъ въ рукахъ и мокнетъ!—взмолилась Любочка.

— Еще-бы! — усмѣхнулась Оня. — Шить да мѣтить не то что наговорныя травы собирать!

И, лукаво щуря свои бойкіе глазенки, она подмигнула подругамъ на вспыхнувшую Любочку.

— Ну... ужъ... кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!—заворчала Паша Канарейкина, откладывая шитье въ сторону.

— Ишь ты! Заступается. Небось! Рыбакъ рыбака видитъ издалека!—шутила Оня.

— Дѣвицы! Душно! На пляжъ пойдемте! — предложила Саша Рыхляева, некрасивая, худенькая брюнетка.

— И то душно! Антонина Николаевна, душенька, отпустите насъ!—зазвучали хоромъ звонкіе молодые голоса.

Не успѣла что-либо отвѣтить надзирательница, какъ распахнулась широко дверь террасы и высокая, тонкая фигура Нанъ появилась на порогѣ.

— А я къ вамъ съ приглашеніемъ, дѣвицы! Кто хочетъ по Сестрѣ прокатиться? Лодку новую maman купила. Вальтеръ вчера ее со мною пробовалъ. Чудесное суднышко! Кто со мною?

Не успѣла еще молоденькая баронесса закончить своей фразы, какъ все старшее отдѣленіе повскакало съ мѣстъ и окружило ее.

— Баронесса! Барышня! Анастасія Германовна! Меня возьмите! И меня тоже! И я! И я съ вами!—кричали на разные голоса дѣвушки, обратившіяся мгновенно въ прежнихъ маленькихъ дѣвочекъ-стрижекъ отъ одной возможности получить всѣми любимое удовольствіе.

— Всѣхъ нельзя... Тамъ четверымъ только мѣсто будетъ... Я на веслахъ и Дорушка тоже! Дорушка умѣетъ грести!—командовала Нанъ.—Еще пусть ѣдетъ Дуня и Любочка. Остальныхъ поочереди буду катать все лѣто. Согласны?

— Согласны!—съ придушеннымъ вздохомъ отвѣчали воспитанницы, бросая завистливые взгляды на избранныхъ Нанъ счастливицъ.

— Но надѣюсь, вы не выѣдете изъ Сестры въ море, m-lle Нанъ?—осторожно освѣдомилась Антонина Николаевна, дрожавшая за своихъ „большихъ дѣвочекъ", какъ только можетъ дрожать насѣдка за свой выводокъ цыплятъ.

Нанъ въ отвѣтъ усмѣхнулась только.

— Полноте вамъ трусить, Антониночка, глядите, какое море нынче!

Съ вышки террасы оно было видно какъ на ладонѣ. Спокойный, тихій, голубовато-сѣрый заливъ казался неподвижнымъ, роскошнымъ зеркаломъ, отражавшемъ въ себѣ солнце и небо.

Тихій, гладкій и невинный, онъ улыбался и манилъ на свое хрустальное лоно.

— Успокойтесь, не выѣдемъ въ море! Если вамъ это такъ страшно!—смѣясь говорила Нанъ, пока три старшія воспитанницы одѣвали бѣлыя косынки, безъ которыхъ Екатерина Ивановна не выпускала изъ дому своихъ питомицъ.

— Какъ жаль, что тамъ только четыре мѣста! Я-бы поѣхала вмѣстѣ съ вами!—произнесла Антонина Николаевна, тревожно поглядывая на пріютокъ озабоченнымъ взглядомъ.

— Кажется, вы не довѣряете мнѣ?—холодно проронила Нанъ.

— Ахъ, да нѣтъ-же... Боже мой, совсѣмъ нѣтъ!—смущенно проговорила та,—но только...

— Неужели и мнѣ нельзя примоститься гдѣ-нибудь съ боку...—вздохнула Оня Лихарева, съ мольбою взглядывая на молодую баронессу.

Но ее уже не слышали четыре дѣвушки, выбѣжавшія за калитку пріютской дачи.

У маленькой пристани, по-просту мостковъ, сколоченныхъ на скорую руку, ждала прехорошенькая лодка, бѣлая какъ лебедь съ голубымъ бортомъ, на которомъ золотыми буквами съ причудливыми рисунками было выведено имя: Нанъ.

Женихъ съ невѣстою обновили эту лодочку, похожую на большую голубовато-бѣлую рыбу, наканунѣ, и теперь, Нанъ безстрашно разсаживала въ нее пріютокъ.

— Дорушка, на весла! Я тоже!—возбужденно говорила молоденькая баронесса.—Дуняша, ты на руль. Не умѣешь править? Вздоръ! Это очень просто. Тяни за веревку, направо и налѣво. Вотъ такъ. Налѣво—сюда. Да ты только меня слушайся, что я буду говорить и дѣло въ шляпѣ. Безъ команды не двигай рулемъ. Поняла?

Въ сущности Дуня поняла только одно: что она за всю свою шестнадцатилѣтнюю жизнь не правила никогда рулемъ и что Нанъ далеко не права, усаживая ее за кормчаго.

Но по своей кротости и нежеланію дѣлать что-либо вопреки чужому желанію, она покорилась.

Дорушка гребла не хуже Нанъ. Напрактиковавшись за всѣ предыдущіе годы у господъ на дачѣ по части гребного спорта Дорушка и за зиму не разучилась грести.

Однако, узкая, похожая на большой ручей въ этомъ мѣстѣ рѣка Сестра, обросшая деревьями и кустарниками, на каждомъ шагу, не представляла особаго удобства для прогулки. Весла поминутно достигали дна, зацѣплялись за корни подводныхъ растеній и грозили сломаться ежеминутно.

Нанъ сердилась.

— Какое ужъ тутъ катанье въ этой лужѣ — процѣдила она сквозь зубы, бросая весла.

— Ужъ, конечно!—поддакнула ей Любочка, жеманно сидѣвшая безъ дѣла на низкой скамеечкѣ судна и каждую минуту улыбавшаяся своему кокетливому виду, отраженному какъ въ зеркалѣ водой.

— Мы выѣдемъ въ море! — рѣшительно заявила Нанъ.—Дуняша, тяни за правый конецъ веревки...

— Но... — заикнулась было Дорушка. — Антонина Нико...

Она не кончила своей фразы и прикусила языкъ.

— Ахъ! —вырвалось изъ груди трехъ дѣвушекъ.

Лодка сильно качнулась, наскочивъ на камень или большой сукъ, прикрытый водою и... стала.

— Мы на мели! Хорошенькое катанье, нечего сказать!—сдѣлала гримаску Нанъ, и, тутъ же довольно ловко и быстро выручивъ изъ бѣды легко, изящное, суднышко, рѣшительно заявила:

— Право, выѣдемъ въ море... При такой тихой, чудесной погодѣ бояться его сущая чепуха!

— Разумѣется!—поддакнула Любочка.

Дуня и Дорушка только переглянулись молча.

— Какъ вамъ угодно,—покорно отозвалась послѣдняя, вспомнивъ во-время, что передъ нею сидитъ дочь ея высшаго начальства, которой неудобно противорѣчить.

— И такъ, въ путь!

Двѣ пары веселъ, дружно прорѣзавъ тихую гладь рѣченки, взвились въ воздухѣ, разсыпавъ цѣлый каскадъ алмазныхъ брызгъ, и снова погрузились въ воду. Еще и еще... Весла мѣрно опускались и поднимались, разбрасывая брызги. Солнце окрасило ихъ, эти брызги, рубиновыми, сапфировыми и опаловыми огнями и бѣлая, опоясанная голубымъ поясомъ борта Нанъ, птицей метнулась по направленію залива.

* * *

Вотъ и онъ, тихій и прекрасный, играющій всѣми цвѣтами радуги въ лучахъ полдневнаго свѣтила! Его хрустально-неподвижная гладь точно застыла въ вѣчной, сѣро-голубой улыбкѣ.

Какъ хорошо оно, море! Какъ замкнутая въ своемъ заколдованномъ дворцѣ сказочная принцесса, лежитъ оно среди зелени хвойныхъ лѣсовъ финскаго и русскаго побережій. Заливъ, названный моремъ, красивый, таинственно-величавый и такой царственно-гордый въ солнечномъ сіяніи!

Затаивъ дыханіе, смотрѣла на всю его красоту Дуня... Здѣсь, на широкомъ, вольномъ просторѣ править рулемъ не было уже необходимости, и, предоставленная самой себѣ, плавно и быстро скользила все вперед и впередъ, бѣлая лодка... Медленно убѣгалъ берегъ позади; подъ мѣрными взмахами веселъ Нанъ и Дорушки изящное судно птицей неслось по голубовато-сѣрой глади залива. А впереди, съ боковъ, вокругъ лодки сверкала хрустальная, невозмутимо-тихая, водная глубина.

Дальше, дальше уходилъ берегъ... Необъятная ширь кругомъ и золотой потокъ лучезарнаго солнца тамъ, наверху, подъ голубымъ куполомъ неба, точно яркая безмолвная сказка голубыхъ высотъ.

Задумались дѣвушки... Забылась Дуня, глядя на свѣтлыя, сказочно-прекрасныя краски неба и моря... Снова вспомнилась деревня... Такая же безпредѣльность нивъ, пашень... Зеленые лѣса и то же, все то же голубое небо со струившимся съ него золотымъ потокомъ солнечныхъ бликовъ и лучей.

Задумалась Дорушка... Въ умной головкѣ роились планы... Расширить магазинъ... Устроить получше мастерскую... Устроить матери спокойную, хорошую старость... Пускай хоть подъ конецъ жизни отдохнетъ въ своемъ собственномъ гнѣздышкѣ бѣдняжка. Сколько пережила она горя и неурядицъ на «мѣстахъ!» И все ради нея, своей Дорушки!

Любочка замечталась тоже. Глядя на свои бѣлень-

кія какъ у барышни нѣжныя ручки, думала дѣвушка о томъ, что ждетъ ее впереди... Ужели-же все та же трудовая жизнь бѣдной сельской школьной учительницы, а въ лучшемъ случаѣ городской? Ужели не явится прекрасный принцъ, какъ въ сказкѣ, и не освободитъ ее, Любочку, всѣми признанную красавицу, изъ этой тюрьмы труда и безпросвѣтной рабочей доли? Не освободитъ, не возьметъ замужъ, не станетъ лелѣять и холить, и заботиться о ней всю жизнь...

И у Нанъ лицо стало совсѣмъ иное... Тихое, кроткое, мечтательное... Всѣ думы дѣвушки теперь о Вальтерѣ, полюбившемъ ее, непонятую, далекую всѣмъ. Вся душа Нанъ теперь поетъ словно отъ счастья. Дурная она собой, некрасивая, лицо какъ у лошади длинное, сама худая, нестройная... А онъ-то какъ любитъ ее! За душу любитъ! За то что одинокая она росла, непонятая, жалкая, всѣмъ чужая! Ахъ, Вальтеръ! Вальтеръ! Любимый, талантливый, милый, чѣмъ отплачу я тебѣ за такое счастье!—взволнованно думаетъ Нанъ. И встаетъ милый образъ передъ ея духовными очами. Ласковое лицо... Любимые глаза... Добрая, предобрая улыбка! Какъ живой онъ передъ нею... Какъ живой!

Забылась Нанъ... Впереди, съ боковъ и позади море... Въ лодкѣ притихшія дѣвушки... Каждая о своей долѣ мечтаетъ... Какая тишина! Какая красота!

* * *

— Ахъ!

Кто замѣтилъ первый течь въ лодкѣ, такъ онѣ и не узнали. Чьи ноги почувствовали первыя холодную змѣйку студеной морской струи.

Дѣвушки опомнились только тогда когда на дно лодки вливалась свободно быстрая, какъ маленькій ручеекъ, струя воды.

Тогда еще на Сестрѣ, задѣвъ за камень на мели, Нанъ очевидно дала трещину. И отверстіе увеличилось среди водъ залива.

Течь стала сильнѣе... Увлекшись своими мечтами, четырс дѣвушки не замѣтили ее...

А холодная, жестокая змѣйка все вползала и вползала, разливаясь на сотни тоненькихъ струекъ, по дну...

— Лодка дала течь! Надо плыть обратно! — произнесла Нанъ, слегка мѣняясь въ лицѣ.

— До берега-то какъ далеко! — пугливо шепнула Дорушка и въ ея обычно спокойныхъ глазахъ зажглись безпокойные огоньки.

— Мы утонемъ!—истерически вырвалось у Любочки, и она неожиданно закричала, прежде нежели кто могъ остановить ее:

— Спасите! Помогите! Мы тонемъ.

— Молчи! Не пугай народъ! Ничего нѣтъ опаснаго!—стиснувъ зубы, проговорила Нанъ, и повернувшись къ Дорушкѣ, приказала отрывисто:

— Забирай лѣвымъ весломъ! Поворачивай! Гребемъ къ берегу. Мы успѣемъ доплыть, пока...

Она не договорила... Холодная струйка словно ужалила ей ноги сквозь тонкія туфли и ажурный чулокъ... зажурчало посереди нѣ подо дномъ лодки... И неожиданно еще съ большимъ напоромъ хлынула холодная струя...

Теперь обѣ дѣвушки гребли что было силы. Удалявшійся берегъ сталъ приближаться понемногу... Но какъ медленно! Какъ убійственно медленно придвигались онѣ къ нему!

Между тѣмъ течь дѣлала свое дѣло... Вода уже залила часть лодки. Пришлось съ ногами усѣсться на лавочкахъ. Уже по щиколку ногъ стояла вода.

Лица четырехъ дѣвушекъ стали сосредоточены и блѣдны... Двое изъ нихъ гребли... Двое испуганными, полными ужаса глазами слѣдили за работой въ водѣ веселъ. Вода же прибывала все сильнѣе и сильнѣе каждый мигъ. А берегъ еще былъ далеко. Такъ ужасно далеко былъ берегъ.

— Мы утонемъ!—еще разъ визгливо вскрикнула Любочка и закрыла лицо руками.

— Какія глупости! — пропустила сквозь стиснутые зубы Нанъ, но набѣжавшія на лицо ея тѣни ужаса говорили совсѣмъ иное.

— Умереть въ такой ясный, чудесный полдень!—мелькнуло въ головѣ юной баронессы.—Какая нелѣпость! Какая безсмыслица! Умереть въ расцвѣтѣ счастья! Какой ужасъ! Боже мой!

— Ну, Дорушка! Ну, милая, подбодрись! Авось успѣемъ!—процѣдила она сквозь зубы

Но Дорушка и безъ того знала, что дѣлать. Трагическая складка выступила на ея гладкомъ лбу... Покрылось потомъ блѣдное безъ кровинки лицо... Съ какимъ-то отчаяннымъ упорствомъ работала она веслами напрягая всѣ свои силы.

Мать... Любимая, милая мать... Будущая мастерская... Сладкая мечта успокоить старость родимой... Не удастся все это ей, Дорушкѣ! Не удастся ни за что. Впереди—смерть!

Да!.. Впереди смерть!

Визгливо плакала Любочка, обвиняя Нанъ, грубо и рѣзко въ предстоящей имъ всѣмъ гибели. Нелѣпыя, грубыя слова, такъ и рвались изъ ея хорошенькаго ротика, искаженнаго теперь судорогой ужаса, паники и упрековъ и обидъ.

Нанъ гребла, блѣдная и упорная, до крови прикусивъ губы, и ни слова не отвѣчая на этотъ потокъ брани.

Молчи-же, наконецъ!—вскричала за нее негодующая Дорушка, обдавая Любочку строгимъ видомъ.—Ты куда болѣе счастлива сейчасъ нежели она! Тебя любила и ласкала ея мать, какъ родную... тебя любили и наши пріютскія и Софья Петровна... А она, Нанъ, только теперь узнала что такое счастье и вдругъ...

Дорушка не договорила...

Лодку сильно наклонило на бокъ и огромная струя снова хлынула въ отверстіе къ ногамъ дѣвушекъ.

— Мы пропали!—простонала Нанъ, бросая весла...

— Помогите!—снова высокимъ фальцетомъ закричала Любочка...

Очевидно, на берегу замѣтили несчастье. Рыбацкая лодка, отдѣляясь отъ пляжа, плыла имъ на встрѣчу... На пляжѣ стояла огромная толпа...

— Все кончено, — прошептала Нанъ — ты права Люба... Я васъ погубила, всѣхъ троихъ погубила! И себя вмѣстѣ съ вами!.. Да!

Она была бѣла, какъ бѣлый бортъ лодки, носившей ея имя. Отчаяніемъ горѣли ея глаза... Весь ужасъ сознанія неминуемой гибели глядѣлъ изъ нихъ, полъ-часа еще тому назадъ такихъ радостныхъ и счастливыхъ. Нанъ слегка поднялась и вытянулась у борта.

— Мама не заплачетъ надо мной,—прошептала она, беззвучно,—забудетъ скоро угрюмую, неласковую Нанъ... И Вальтеръ забудетъ... тоже... Найдетъ другую невѣсту... И она снова опустилась на скамью со стономъ, закрывъ лицо руками.

— Отче нашъ!—Со стономъ, закрывъ лицо руками, прерывая шопотъ молодой баронессы раздался дѣтскій, чистый голосокъ съ кормы и ясные голубые глаза Дуни поднялись къ небу.

Иже еси на небесѣхъ . Да святится имя твое — четко и громко произносила слова молитвы дѣвушка, а голубые глаза не отрывали взора отъ далекихъ небесъ.

Тоненькая хрупкая, стоя въ водѣ, съ блѣднымъ вдохновенно покорнымъ личикомъ, готовая умереть каждую минуту, Дуня, бѣлокурая, и кроткая казалась ангеломъ, явившимся напомнить гибнувшимъ дѣвушкамъ о послѣднемъ долгѣ земли. Чистый дѣтскій голосокъ съ трогательной покорностью читалъ молитву, а кроткое лицо съ выраженіемъ готовности умереть, каждую минуту, больше всякихъ словъ утѣшеній, благотворно подѣйствовали на ея подругъ.

Истерично рыдала Любочка Мрачно хмурила брови

*

Нанъ. Тихо стонала Дорушка, ломая руки. Молилась Дуня...

Рыбацкая лодка подоспѣла, какъ разъ въ ту минуту когда новая волна захлестнула Нанъ и четыре дѣвичьи фигуры скрылись подъ водою...

Отчаянный вопль пронесся по берегу...

Это баронесса - мать, видѣвшая издали гибель дочери, огласила пляжъ безумнымъ крикомъ.

Не мало работы выпало на долю рыбаковъ..

Къ счастью Нанъ и Дорушка умѣли плавать и облегчили работу ихъ спасителямъ.

Дуню и Любочку удалось схватить, когда обѣ дѣвушки уже захлебывались въ борьбѣ со стихіей...

Бѣлая-же „Нанъ“ камнемъ пошла ко дну...

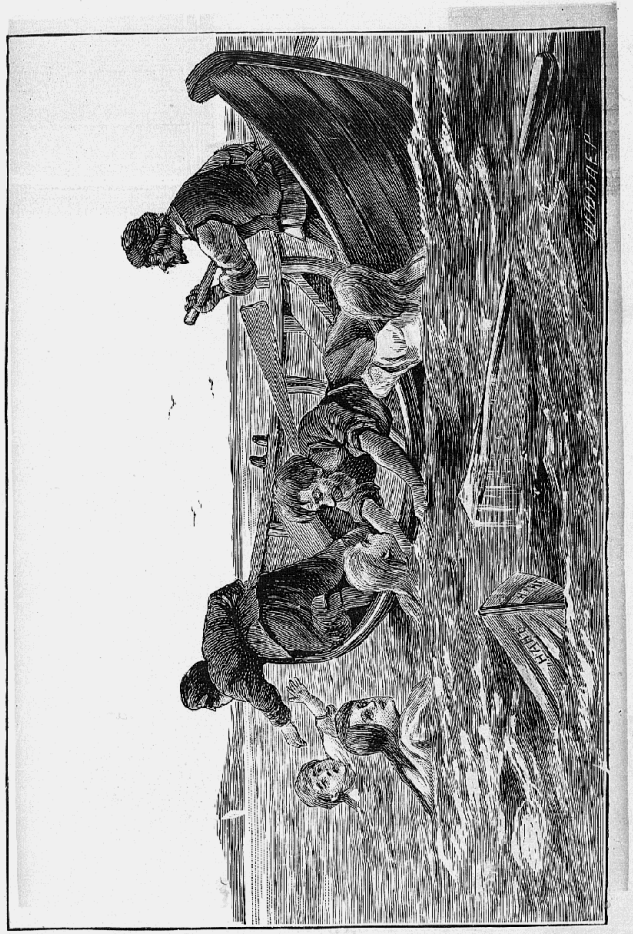
Дрожащія, мокрыя сидѣли четыре дѣвушки, въ огромной рыбачьей лодкѣ. Вода ручьями стекала съ ихъ мокрыхъ насквозь одеждъ.

Подъ быстрыми взмахами веселъ летѣла стрѣлой спасательная лодка къ берегу.

На берегу рыдая, рвалась въ воду баронесса Софья Петровна изъ рукъ охватившаго ее крѣпко Вальтера.

- Нанъ! Дитя мое! Дѣтка родная! Любимая! Спасите ее! Спасите! Или дайте мнѣ умереть вмѣстѣ съ нею! кричала она дикимъ, безумнымъ голосомъ, порываясь броситься бѣжать по отмели, на встрѣчу лодкѣ. Видя издали катастрофу, не зная жива-ли, погибла-ли Нанъ, баронесса Софья Петровна только сейчасъ поняла всю свою огромную материнскую любовь къ дочери.

Она не умѣла ласкать ее, эту холодную, сухую по виду дѣвушку, ей некогда было заниматься ея свѣтскія обязанности, и нѣкоторая небрежность къ роли матери, мѣшали ей въ этомъ, но сейчасъ, сейчасъ, когда Нанъ гибла тамъ въ глубинѣ залива, безумный порывъ любви къ ней захватилъ баронессу.



Пріютки. (Стр. 292).

— Верните ее! Верните мнѣ ее! И клянусь... Я не пожалѣю ничего, лишь-бы увидѣть ее живую!

Блѣдный, обезумѣвшій отъ горя не менѣе самой баронессы, Вальтеръ, зоркими молодыми глазами первый увидѣлъ возвращающуюся невѣсту.

Нанъ стояла во весь ростъ на кормѣ рыбачьей лодки и махала платкомъ.

— Она жива, тетя, она жива! Глядите!—безумнымъ крикомъ счастья вырвалось изъ груди молодого человѣка.

А черезъ пять минутъ, полуживая отъ счастья, усталости и потрясенія, Нанъ уже лежала въ объятіяхъ матери.

Градъ изступленныхъ поцѣлуевъ покрывалъ ея, лицо, руки и плечи; ея мокрые волосы, ея посинѣвшія губы...

Баронесса рыдала и смѣялась въ одно и тоже время... И снова рыдала и снова цѣловала дочь, шепча въ какомъ-то безуміи счастья:

— Прости... прости... меня... Нанъ! Нанъ, дитя мое любимое! родное! Спасли-таки! Вернулась ко мнѣ! Люблю! Люблю тебя до безумія, моя дѣвочка! Нанъ моя дорогая, единственная, родная!

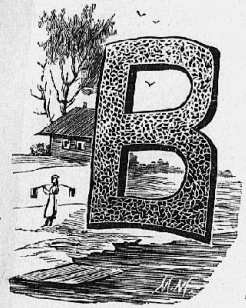
— Мама! могла только выговорить дѣвушки и горячія слезы, дѣтскія, сладкія, оросили руки и лицо баронессы.

— Мама! Мама! Вальтеръ мой! Мои дорогіе!—шептала словно въ забытьѣ Нанъ, обнимая мать и страстно возвращая ей ея запоздалыя ласки.

Въ тоже время трехъ остальныхъ дѣвушекъ Дорушку, Дуню и Любочку приняли испуганныя, взволнованныя тетя Леля и Антонина Николаевна.

Плачущія подруги окружили ихъ, повели переодѣваться, поить горячимъ чаемъ. Ихъ ласкали, наперерывъ утѣшали, цѣловали поминутно. Не хватило духу бранить ихъ за ослушаніе... Не хватило духу дѣлать выговоры, укорять. Слишкомъ тяжело было-бы переживать ихъ возможную гибель... И счастье видѣть возвращеніе живыми и невредимыми захлестнуло всѣхъ.

Въ глаза дѣвушкамъ заглянула смерть: онѣ видѣли совсѣмъ близко ея страшное крыло, осѣнившее ихъ было своею темною силой.



VIII.

ВРЕМЯ—лучшій цѣлитель всѣхъ переживаемыхъ потрясеній... Залечило время и страшное пережитое впечатлѣніе катастрофы съ лодкой. Снова все вошло по старому въ свою колею. Въ концѣ августа переѣхали въ городъ. Опустѣла пріютская дача въ Дюнахъ... Новыя событія затемнили впечатлѣніе жуткаго лѣтняго происшествія въ заливѣ. Дуня, Дорушка, Любочка и Оня должны были этой осенью покинуть пріютъ. Дорушка отправлялась къ матери въ ея, только что открывшуюся мастерскую. Три другія дѣвушки—въ школу учительницъ, вѣрнѣе, въ устроенный при ней интернатъ.

Послѣдній вечеръ провели въ церкви... Была суббота. Ходили ко всенощной.

Теперь Дунѣ и Дорушкѣ приходилось пѣть на клиросѣ, вѣрнѣе подтягивать подругамъ, такъ какъ никакого голоса не было ни у той, ни у другой. «Фимочка» сердился въ этотъ вечеръ меньше, хотя дѣвушки, разсѣянныя до-нельзя предстоявшимъ имъ на завтра отъѣздомъ, фальшивили какъ никогда.

И самого Фимочку волновало «событіе». Уѣзжала и Оня Лихарева, его помощникъ и второй регентъ пріюта.

Надо было выбирать новаго на смѣну выходившей изъ пріюта дѣвушкѣ, а такой выборъ постоянно стоилъ большихъ затрудненій желчному и вѣчно нервному учителю пѣнія.

Въ послѣдній разъ пропѣли «Взбранной Воеводѣ» четыре дѣвушки... Въ послѣдній разъ оглядѣла затуманенными глазами Дуня знакомую обстановку богадѣленской церкви, гдѣ столько разъ за восемь лѣтъ молилась она, несложной дѣтской молитвой. Прислушивалась къ голосу строгаго, но безконечно справедливаго и чуткаго отца Модеста... Глядѣла на стоявшую поодаль у лѣваго клироса со своими стрижками горбатенькую добрую тетю Лелю, ея Ангела Хранителя, за всѣ эти восемь лѣтъ, проведенныхъ въ пріютѣ... Сейчасъ Дуня чувствовала сильную грусть покидать насиженное гнѣздо добрыхъ воспитательницъ и подругъ, относившихся къ ней такъ ласково и сердечно.

— Никакъ разрюмилась?—шепнула ей Оня Лихарева, выходя на паперть и заглядывая въ лицо подругѣ.—Ай, дѣвушка, не страшись! Смѣху подобно! Два года поучишься, а тамъ въ деревню махнешь! Въ деревню! Подумать надо!

— Деревня!

Вся отхлынувшая было радость снова жгуче-сладкой волной затопила сердечко Дуни.

— Да! Да! Да! Права Оня! Еще два года и мечта всей ея маленькой Дуниной жизни сбудется наконецъ! Она увидитъ снова поля, лѣса, золотыя нивы, бѣдныя, покосившіяся домики-избушки, все то, что привыкла любить съ дѣтства и къ чему тянется теперь, какъ мотылекъ къ свѣту ея паголодавшаяся за годы разлуки съ родной обстановкой, душа. Что-то радостно и звонко, какъ пѣсня жаворонка запѣло въ сердечкѣ Дуни. Она прояснившимися глазами взглянула на Оню и радостно, радостно произнесла:

— Правда твоя! Въ родимыя мѣста меня тянетъ! Ахъ, Онюшка, счастье-то какое! А все-же жалко да горько оставлять добрыхъ людей.

* * *

На слѣдующее утро дѣвушки уѣзжали...

Горько рыдала Дуня въ объятіяхъ напутствующей ее горбуньи...

— Будь всегда тѣмъ, чѣмъ была до сихъ поръ, моя чистая, кроткая дѣвочка, живи для другихъ и самой тебѣ легче и проще будетъ казаться жизнь! улыбаясь сквозь обильно струившіяся по лицу ея слезы, говорила тетя Леля, прижимая Дупю къ груди...

Трогательно прощались уѣзжающія съ начальствомъ, подругами и служащими пріюта.

Съ опухшими отъ слезъ глазами, вышли дѣвушки на пріютскій подъѣздъ...

На встрѣчу имъ выглянуло скупое осеннее солнце, словно золотой своей улыбкой ободряя передъ порогомъ жизни эти четыре юныя, неопытныя существа.

— Свѣтлымъ денькомъ началась наша «воля»—проговорила Оня Лихарева, растроганная и взволнованная не менѣе другихъ.—Хорошая примѣта, нечего и говорить.

— Приходи, навѣщай меня, Дорушка, пока я буду учиться въ школѣ,—шептала съ мольбою своей подружкѣ Дуня, пока пріютскій сторожъ съ нянькой Варварой уставляли на извозчика весь несложный багажъ выпущенныхъ изъ пріюта воспитанницъ.

Та въ отвѣтъ молча кивнула головкой и крѣпко сжала тонкіе пальчики подруги.

Солнце по прежнему сіяло ярко и лучисто, освѣщая первый самостоятельный путь четырехъ дѣвушекъ и словно обѣщая дарить имъ свои яркія улыбки и дальше, во всю ихъ послѣдующую жизнь...

А на подъѣздѣ пріюта стояла маленькая фигура горбуньи, тонкіе худенькіе пальцы которой спѣшно крестили мелкими крестами, въ слѣдъ отъѣзжавшую молодежь...

КОНЕЦЪ.

Изданія В. И. ГУБИНСКАГО. Спб.

Слушайте, дѣтки! 25 разсказовъ. Переводъ съ англійскаго М. Лялиной. Съ 46 рисунк. Спб. 1904 г. Ц. 60 к. въ красивой папкѣ. Предлагаемая книжка содержитъ 25 разсказовъ, извлеченныхъ изъ англійскихъ дѣтскихъ писателей. Подборъ сдѣланъ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы дать интересное чтеніе дѣтямъ 5—10 лѣтъ. Изъ дѣтскихъ писателей англичанамъ, безспорно, принадлежитъ первое мѣсто. Разсказы ихъ естественны, жизнерадостны, въ то-же время, поучительны. Въ нихъ ярко выражаются три основы англійскаго воспитанія: долгъ, характеръ и самодѣятельность. Только правильное развитіе этихъ основъ дѣлаетъ человѣка пригоднымъ для жизни. Въ этой цѣлью въ Англіи даютъ дѣтямъ сравнительно довольно свободы, чтобы они изъ опыта могли вывести заключеніе, что дурные поступки ведутъ за собой дурныя послѣдствія, и остерегались ихъ.

Разсказы дѣткамъ-дѣткамъ. Б. Дубровской. Съ рисунками и заставками худ. М. Андреева, И. Зубрилова и др. 260 стр. Спб. Ц. 1 р. въ красивой хромолитогр. папкѣ. Предлагаемый сборникъ написанъ съ большимъ интересомъ. Простота и ясность изложенія дѣлаютъ книгу вполнѣ доступною пониманію маленькихъ дѣтей. Масса разнообразнаго содержанія довершаетъ интересъ, а также многочисленныя рисунки книги придаютъ ей наглядности.

Пестрая книжка. Соч. Фр. Гофмана. Перев. В. Энгельгардтъ, съ раскрашен. рисунками въ красивой папкѣ. Спб. Ц. 1 р. 237 стр., всего 130 разсказовъ для маленькихъ дѣтей. У Мюллера было четверо дѣтей: двѣ дѣвочки и два мальчика. Франчика была старшая, вторымъ былъ Вилл, третьимъ Веля, а самою младшею была Лена. На этихъ дѣтокъ нельзя было пожаловаться. Родители пріучили ихъ съ самаго ранняго возраста къ вниманію, порядку и послушанію. Дѣти были отзывчивы на все хорошее, прилежны, внимательны, услужливы, искренни; и потому имъ всегда всѣ прощали ихъ маленькія ошибки, зная, что это все-таки были очень добрыя дѣти.

Маленькіе баловни. Сборникъ разсказовъ для дѣтей младшаго возраста, составленный по англійскимъ дѣтскимъ писателямъ. М. А. Лялиной. Всего 100 разсказовъ. Съ 75 рисунками и заставк. англійскихъ художниковъ. 220 стр. Цѣна въ папкѣ 1 руб. Книжка содержитъ 100 разсказовъ, извлеченныхъ изъ англійскихъ дѣтскихъ писателей. Подборъ сдѣланъ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы дать интересное чтеніе дѣтямъ отъ 5—10 лѣтъ. Изъ дѣтскихъ писателей англичанамъ, безспорно, принадлежитъ первое мѣсто. Разсказы ихъ естественны, жизнерадостны, въ то же время поучительны. Въ нихъ ярко выражаются три основы англійскаго воспитанія: долгъ, характеръ и самодѣятельность. Только правильное развитіе этихъ основъ дѣлаетъ человѣка пригоднымъ для жизни. Съ этой цѣлью Англіи даютъ дѣтямъ сравнительно довольно свободы, чтобы они изъ опыта могли вывести заключеніе, что дурные поступки ведутъ за собой дурныя послѣдствія, и остерегались ихъ.

атя. Повѣсть соч. **Гордѣевой-Щербинской**, съ рисунками, въ папкѣ Спб. Ц. 1 р. Съ отзывомъ **Тургенева.** Первое знакомство.—Учитель.—Крестная мать.—Въ городѣ.—Послѣ праздниковъ.—М-ль Элеонора и М-ль Анжелина.—Возвращеніе.—Маленькій ниценка.—Пріѣзд на каникулы.—Гербушка.—Дядинъ другъ. И[illegible] второе.

Почитай—мы послушаемъ. Разсказы для дѣтей младшаго возраста. Соч. Гордѣевой-Щербинской. —Саша.—Дружокъ.—Похожденія бѣлки.—Ночь на Ивановъ день.—Похожденія киски.—На дачѣ.—Петя Деминъ.—Духовное око. Изданіе второе. 264 стран. со многими рисунками и заставкѣ, въ папкѣ. Цѣна 1 руб. Съ отзывомъ И. С. Тургенева. ОТЗЫВЪ журнала «Дѣтское Чтеніе» Вик. Петр. Острогорскаго о первомъ изданіи соч. Гордѣевой-Щербинской: «Разсказы эти написаны живо, интересно и отличаются задушевною теплотою. Всѣ они возбуждаютъ сочувствіе къ выведеннымъ въ нихъ лицамъ и животнымъ, благодаря теплому чувству самого автора. Жизнь дѣтей, ихъ проказы, удовольствія, отношенія къ взрослымъ описаны весьма удачно.

Маленькіе путешественники. приключенія трехъ дѣтей въ Алжирѣ. Повѣсть для юношества Ад. Бадена. Съ 40 рисунк. французскаго художника Беннета. Спб., въ папкѣ 60 к. Интересны «Маленькіе путешественники» А. Бадена, въ переводѣ съ французскаго изданія, хорошо изданная книжка съ многочисленными рисунками, живымъ занимательнымъ описаніемъ приключеній трехъ дѣтей въ Алжирѣ. Авторъ въ удачной формѣ разсказовъ знакомитъ своихъ юныхъ читателей съ природою и жизнью Алжира, въ его теперешнемъ состояніи («Новое Время»).

Сочиненія М. Ѳ. Ростовской (для дѣтей).

…ѣскія забавы. Разсказы для младшаго воз… съ 50 рисунками. Въ папкѣ. Ц. 1 р.

…ыре времени года. 1. Весна, Лѣто и Осень. Разсказы изъ деревенскаго быта. 2) Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, повѣсть. Съ рисун. Въ папкѣ. Ц. 1 р.

*) **Жучка.** Разсказъ изъ деревенской жизни. Милордъ и Горгона (разсказъ). Человѣкъ (очеркъ). Попугай. Съ рисунками, 4-е изданіе. Цѣна 1 руб.

*) **Звѣздочки.** Повѣсти и разсказы для дѣтей. Матрена Карповна съ семействомъ. Слово и дѣло. Контрабастъ. Изъ моихъ юношескихъ воспоминаній. Пара голубей. Три сестры. Почтовыя Марки (фантастическій разсказъ). Съ картинами, въ папкѣ. Ц. 1 р.

*) **Крестьянская школа.** Исторія открытія сельской школы М. Ѳ. Ростовской. Съ 100 рисунками и заставками художника Р. Штейна и др. 4-е изданіе. Спб. Ц. 1 р. 75 коп.

*) **Сельцо Лебяжье.** Повѣсть для дѣтей изъ деревенской жизни. 4 изд. съ рисун. Ц. 1 р.

*) **Пони.** Приключеніе Эмскаго осла, повѣсть для дѣтей; съ разсказами: Голенькій охъ—за голенькимъ Богъ. Дѣти натуралисты. Смѣтливый мальчикъ. Съ рисунками, въ папкѣ. Ц. 1 р.

М. Ѳ. Ростовская.

*) **Разсказы изъ путешествій по Швейцаріи.** 2-е изд. Съ рисунками, 274 стран., въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

Кладъ. Историческая повѣсть временъ завоеванія Іоанномъ III Великаго Новгорода, соч. К. Теплова, съ рисунками. Въ этой повѣсти авторъ мастерски рисуетъ жизнь и нравы русскихъ во времена Марфы Посадницы и борьбу Великаго Новгорода съ Іоанномъ III. Книга написана для юношества. Въ папкѣ 60 к.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. зав…

*) **Избранныя сказки Андерсена.** Переводъ М. А. Ляминой. Изданіе иллюстриров. Спб., 272 стр., ц. 1 р. Знаменитый дѣтскій писатель Андерсенъ пользуется громадною популярностью во всей Европѣ. «Его сказки покорили ему сердца всего земного шара. Здѣсь онъ по истинѣ поэтъ Божіею милостью, ибо признанъ не одними лишь немногими избранными, но всѣми народами въ совокупности».

Соч. Ант. **…азсказы бабушки - всезнаюшки.** Бѣлозоръ. Шишка зайчишка.—Воробышекъ.—Незабудка.—Ушастые друзья.—Зина и Тоня.—Каркушка.—Проказницы.—О трехъ зайцахъ.—Волкъ и Анисья бабушка.—Шоколадное яйцо.—Мама Петя.—О кроликѣ.—Курочка Чернушка.—Въ циркѣ.—Концой безсмертный.—Кузя-Галченокъ.—Уличная дѣвочка.—Дѣдушка морозъ.—Бабушка и Ида. Для маленькихъ дѣтей. Съ рис. худ. Чикина. Спб., въ крас. папкѣ, ц. 1 р. 229 стр.

*) **Путешествіе Гулливера** по отдаленнымъ странамъ свѣта. Обработано Фр. Гофманомъ. Перев. А. Н. Нѣловой. съ 45 рисунками, въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к. Путешествіе Гулливера одна изъ самыхъ интересныхъ книгъ въ мірѣ; она очаровываетъ читателя и заставляетъ его переживать и испытывать все то, что испытывалъ авторъ, путешествуя по «Невѣдомымъ странамъ».

*) **Двѣсти разсказовъ** для дѣтей младшаго возраста. Соч. Христ. Шмидта. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Нѣловой, съ 70 рисунками. Спб., 270 стр., въ красивой папкѣ, ц. 1 р. Предлагаемый сборникъ для дѣтскаго чтенія написанъ съ живостью и мастерствомъ, присущими перу этого удивительно талантливаго писателя, стяжавшаго всемірную извѣстность среди дѣтскихъ писателей. Тонкій умъ, живая наблюдательность автора придаютъ каждому разсказу огромный интересъ, а простота и ясность формы дѣлаютъ его вполнѣ доступнымъ дѣтскому пониманію.

А. Н. Нѣлова.

*) **Золотое дѣтство.** Разсказы для дѣтей младшаго возраста, изложенные по сборникамъ нѣмецкихъ писат. А. Н. Нѣловой. съ 75 рисунками и заставками нѣмецкихъ и русскихъ художниковъ, 270 стр., въ красивой папкѣ, цѣна 1 руб. 20 к. Въ названный сборникъ вошли произведенія любимыхъ нѣмецкихъ писателей и писательницъ. Произведенія этихъ авторовъ живы, естественны и въ то же время полны высокопедагогическаго значенія. Многочисленные рисунки—нѣкоторые разсказы имѣютъ ихъ по нѣсколько—придаютъ еще большій интересъ книгѣ. Подборъ разсказовъ сдѣланъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы дать 6—10 лѣтнимъ дѣтямъ не только интересное, но и поучительное чтеніе.

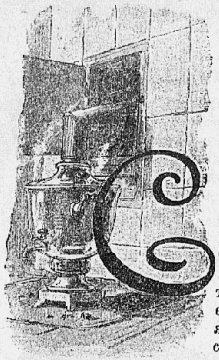
*) **Маленькіе школьники пяти частей свѣта.** Маленькій парижанинъ.—Маленькій американецъ.—Маленькій китаецъ.—Маленькій эскимосъ.—Маленькій африканецъ.—«Курчавая голова», маленькій австралієцъ. Соч. Эл. Бертэ. Перев. А. Нѣловой, съ 60 рисунками. Спб., въ папкѣ, цѣна 1 руб.

*) **Для ума и сердца.** Разсказы для дѣтей средняго возраста по нѣмецкимъ дѣтскимъ писателямъ А. Н. Нѣловой. Съ 60 рисунками, 263 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Нѣмецкіе писатели не только крупные художники слова, но и большіе знатоки дѣтскаго міра. Своими простыми, часто трогательными разсказами, проникнутыми священнымъ огнемъ любви къ Богу и ближнему, они пробуждаютъ въ душахъ юныхъ читателей стремленіе къ добру и красотѣ и тѣмъ благотворно дѣйствуютъ на впечатлительную натуру дѣтей не умѣющихъ разбираться въ вопросахъ жизни и одинаково поддающихся какъ хорошему, такъ и дурному. Дать же дѣтямъ во время хорошій урокъ—великое дѣло, ибо ребенокъ не только чувствуетъ и воспринимаетъ правду и добро гораздо глубже, чѣмъ это думаютъ, но нерѣдко слишкомъ рано узнаетъ оборотную сторону жизни.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. зав.

*) Сто сказокъ разныхъ странъ и народовъ.

Сборникъ составленъ А. Неѣловой. Большой томъ, 460 стр., съ 165 рисунками въ красной папкѣ, ц. 2 р. Въ этомъ сборникѣ помѣщены лучшія сказки англійскія, арабскія, болгарскія, датскія, индѣйскія, испанскія, нѣмецкія, румынскія, русскія, кавказскія, польскія, сартскія, финскія, эстонскія, сербскія, турецкія, фламандскія, французскія, чешскія, шведскія и японскія.



*) Избранные сказки и разсказы.

Соч. А. Додэ. Перев. А. Неѣловой. Съ 35 рис. худ. Баяра и Мари. 252 стр., въ папкѣ. Спб., ц. 1 р. Какого бы предмета авторъ на касался въ своихъ произведеніяхъ, веселаго или грустнаго, отвлеченнаго или реальнаго, всюду онъ вѣренъ себѣ, всюду онъ—изумительный наблюдатель, глубокій знатокъ человѣческой души и вдохновенный поэтъ.

Сказки доброй Феи.

Сочин. Ж. Массе, съ 48 рисунками художника Берталя. Переводъ съ французскаго А. Н. Неѣловой, въ красивой папкѣ, ц. 1 р. Сказки Ж. Массе занимаютъ выдающееся мѣсто въ дѣтской литературѣ. Онѣ являются для дѣтей незамѣнимымъ чтеніемъ, такъ какъ авторъ стремится не только позабавить и развлечь своихъ читателей, но его главная цѣль—пробудить въ нихъ «добрыя чувства» и просто и ясно отвѣтить на нравственные запросы, которые зарождаются въ дѣтскихъ головкахъ. Фантастическія по формѣ, но полныя реализма по содержанію, сказки Ж. Массе производятъ особенно сильное впечатлѣніе на дѣтей—отсюда ихъ огромное воспитательное вліяніе, чистая, благородная муза, которая пробуждаетъ сочувствіе и любовь ко всему прекрасному и твердую вѣру въ полное торжество добра на землѣ.

Другъ дѣтей

Сборникъ разсказовъ, собранныхъ и пересказанныхъ по нѣмецкимъ писателямъ А. Н. Неѣловой, съ 95 рисунками художн. Каульбаха и др. Въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Зима.—Каштанкины дѣти.—Послѣ школы.—Первый урокъ.—Приключенія ласточки.—Мышка.—Вѣтерокъ.—Храбрый Федя.—На волосокъ отъ смерти.—На сѣновалѣ.—Игра въ солдаты.—Трудный урокъ.—Бѣлянка.—Даромъ ни одно доброе дѣло не пропадетъ.—Маленькій Фрицъ.—Недовольный оселъ.—Лакомка.—Что зайка увидѣлъ въ сочельникъ.—Вова и дымка.—Любопытный Левушка.—Близнецы.—Братишка-пянька.—Маленькая мама.—Кто полезнѣе.—Добрый старичекъ.—Маленькій музыкантъ.—Что Коля и Маня видѣли въ лѣсу.—Лизочкинъ сонъ.—Семейство Цыпкиныхъ.—Исторія одной куклы.—Совокъ да не ловокъ.—Страшная минута.—Рыбка.—Петя-плакса.—Яшка-воръ.—Федино горе и пр. и пр.

*) Путешествія и приключенія барона Мюнхгаузена.

Соч. Фр. Гофмана, пер. А. Неѣловой, съ 50 рис., въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к. Что за удивительный разсказчикъ былъ баронъ Мюнхгаузенъ. Сколько блестящаго остроумія и неистощимаго юмора въ его разсказахъ о своей богатой удивительными приключніями жизни! Немудрено, что всякій, кому попадется его книжка, прочтетъ ее съ захватывающимъ интересомъ.

Снѣжинки и лепестки.

Расказы и стихотворенія И. Н. Позднякова. Съ рис. художн. Зубрилова, Андреева и др. 270 стр., ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 коп. Снѣжинки.—Павлинъ и журавль.—Каня.—Въ мороъ и вьюгу.—Дурочки или Патріархъ-отъ-географіи.—Надежда.—Чужой дядя.—Клевета.—Они узнали.—Въ глуши.—Нашъ другъ Мумка.—Гутенбергъ.—Дѣти золотой глуши.—Вѣтеръ и Солнце.—Двѣ картошки.—Лучъ. Подъ музыку.—Въ бѣлую ночь.—Няня лгала.—Правда.—Крыша.—Книга.—Запоздалымъ лѣтомъ.—Дядя старался.—Чадо.—Лепестки.—Обезьяна.

*) Итальянскія сказки.

Собраны и обработаны Е. Чистяковой-Вэръ. Съ 62 рисун. 318 стр. въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. У итальянскихъ писателей богатая фантазія бьетъ бурнымъ ключемъ, живость разсказа, разнообразіе и богатство сказочныхъ образовъ невольно увлекаютъ юнаго читателя въ страну чудеснаго.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. зав.

Чтеніе—лучшее ученіе.

Сборн. разсказовъ, составленный по американскимъ и англійскимъ, дѣтскимъ писателямъ Е. Чистяковой-Вэръ въ папкѣ. Спб. съ 80 рисун., 279 стр., ц. 1 р. 35 к. Въ этомъ сборникѣ подобраны такіе разсказы и статьи, которые дали-бы возможность юнымъ читателямъ 10 — 12 лѣтъ усвоить знанія, въ однихъ разсказахъ они найдутъ свѣдѣнія о предметахъ, чисто попадающихся на глаза, а въ другихъ—прочтутъ объ умѣ и образѣ жизни животныхъ, въ третьихъ поучатся умѣнію владѣть собою, не теряться въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, смотрѣть прямо въ глаза опасности и бѣдѣ. Все разсказанное въ немъ сводится къ тому, что «Чтеніе—лучшее ученіе».

*) Въ добрый часъ.

Сборникъ для дѣтей. Составлен. по англійскимъ и американскимъ писателямъ. Е. Чистяковой-Вэръ, съ 72 рисунк., ц. 1 р. Энергія, самостоятельность, твердость воли, сознаніе своего долга и чувство отвѣтственности, свойственныя молодому поколѣнію англичанамъ и американцевъ, отражаються въ этихъ разсказахъ, какъ въ зеркалѣ. Мальчикъ лѣтъ десяти смотритъ за младшей сестрой, готовъ пожертвовать жизнью, чтобы спасти отъ опасности порученную его заботамъ малютку или исполнить какой либо другой возложенный на него долгъ, который для него является святыней. Дѣти одни ѣздятъ по желѣзныхъ дорогамъ, совершаютъ далекія прогулки и всегда, за рѣдкими исключеніями, дѣйствуютъ самостоятельно и разумно.

Е. М. Чистякова-Вэръ.

Англійскія сказки.

Собранныя и обработанныя Е. Чистяковой-Вэръ, 360 стр. съ 100 рис., въ папкѣ ц. 1 р. 50 к. Въ сборникъ «Англійскія сказки» вошло много народныхъ преданій, легендъ; дѣйствующими лицами въ нихъ являются простоватые великаны, колдуны, храбрецы, силачи и нѣжные крошечные крылатые эльфы, живущіе въ чашечкахъ цвѣтовъ, духи лѣсовъ, горъ и жилищъ и пр. и пр. Въ книгѣ помѣщены нѣсколько сказокъ Киплинга, въ которыхъ описываются характеры и нравы звѣрей; интересны даже для взрослыхъ читателей, а также нѣсколько грандіозныхъ поэтическихъ сказокъ Кавана, Олькотъ, Гингтонъ, Саденъ, Джекопсъ и мн. др.

*) Исторія крестовыхъ походовъ.

Соч. проф. О Генне-Амъ-Рина, перев. съ нѣмец. Е. М. Чистяковой-Вэръ съ 60 отдѣльными картинами художника Густава Дорэ. Изданіе В. И. Губинскаго, въ красивой папкѣ. Въ этой книгѣ описываются всѣ семь походовъ крестоносцевъ для освобожденія Гроба Господня въ Іерусалимѣ отъ владычества мусульманъ, предпринятыхъ христіанскими королями—французскими Людовиками VII и IX, Филиппомъ II, Германскимъ Фридрихомъ Барбароссою, Англійскимъ Ричардомъ Львиное сердце и мн. друг. съ 1096 по 1291 г. (Готовится къ печати). Книга интересна и читается, какъ романъ. Рисунки Дорэ дополняютъ интересъ книги.

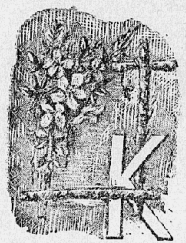
*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. зав.

Приключенія маленькаго лорда.

Соч. Ф. Бернетъ. Перев. съ англійскаго Е. Чистяковой-Взрь. Съ 25 рисун. Спб., въ папкѣ, 1 р. Намъ кажется, исторію маленькаго лорда можно назвать образцовымъ романомъ для дѣтей; въ этой книгѣ нѣтъ ни тѣни желанія поучать, но каждая ея страница поднимаетъ въ душѣ даже взрослаго читателя все, что въ ней есть лучшаго. Въ ней нѣтъ ни одного скучнаго мѣста; читая ее, ни разу не подумаешь: это можно было бы пропустить, а окончивъ жалѣешь, что послѣдняя страница уже прочитана, и черезъ нѣсколько времени непремѣнно снова открываешь ее и начинаешь наслаждаться съ первой же страницы, подолгу останавливаясь на любимыхъ мѣстахъ. Это перлъ дѣтской литературы, и каждому читателю юному, взрослому или старому онъ всегда доставитъ высокое наслажденіе.

Серебряные коньки.

Исторія одной голландской семьи и ватаги школьниковъ. Сочиненіе Сталь. перев. Н. Н. Мазуренко, 324 стр., съ 50-ю рисунками художника Шулле. Спб., ц. 1 р. 25 к. Голландія—страна особенная, значительная часть ея лежитъ ниже уровня моря; часть эта ограждена громадными плотинами, на которыхъ построены дома, укрытые тѣнистыми садами. Бывали случаи, что морская вода разрушала такія плотины и причиняла жителямъ страшныя бѣдствія. Обитатели Голландіи народъ честный, энергичный, трудолюбивый и талантливый. Изъ своей среды они сумѣли выдвинуть замѣчательныхъ представителей науки, литературы, техники и въ особенности художества. И дѣйствительно, кому неизвѣстна голландская школа художниковъ. Авторъ талантливо рисуетъ нравственность, обычаи, общественную и школьную жизнь страны. Большое мѣсто отведено описанію «состязаній на конькахъ», въ которомъ участвуютъ ватаги школьниковъ и школьницъ. Побѣдитель въ награду получаетъ при очень торжественной обстановкѣ серебряные коньки, для чего долго упражняются въ катаньи на конькахъ, тѣмъ развиваютъ силу, ловкость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пріобрѣтаютъ здоровье. Въ красивой хромолит. папкѣ.



расный морской разбойникъ.

Сочин. Франц. Гофмана. Перев. подъ редакціей С. Брилліята. Спб. 319 стр., съ рисунками, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 коп. Оглавленіе: Въ Ньюпортѣ.—На кораблѣ морского разбойника.—Новый капитанъ.—Таинственное судно.—Ужасная ночь.—Гибель «Каролины».—На палубѣ «Дельфина».—Въ когтяхъ пирата.—Сынъ «Священнаго острова».—Исповѣдь Фида.—Опасный соперникъ.—Приготовленія къ бою.—«Капитанъ Говардъ».—Пѣленики на свободѣ.—Трудная миссія.—Роковая битва.—Бичъ морей!—Геройскій поступокъ.—Въ родной семьѣ. Нужно прибавить, что книга эта, какъ и всѣ сочиненія Гофмана, до крайности интересна.

*) «Вовремя оно». Бенъ Хуръ

Повѣсть временъ земной жизни Іисуса Назарея. Соч. Уаллеса. 2-е изданіе, съ 75 рисунками. Спб., 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к. „Смотри, какъ издали съ высоты востока путеводная звѣзда спѣшитъ пролить на міръ свой лучезарный свѣтъ. И миромъ дышала ночь, въ которую Царь свѣта явился на землю для царства мира. И вѣтерокъ, дивясь чуду, нѣжно лобзалъ воды, передавшія эту новую радостную вѣсть тихимъ волнамъ океана, нынѣ вполнѣ забывшимъ эти грезы, когда мирныя птицы колышатся на ихъ чарующихъ гребняхъ.—(Мильтона гимнъ „Рожденіе Христа“).

*) Основы общедоступной психологіи

и ея примѣненіе къ воспитанію. Джемсъ Селли. Переводъ съ англійскаго М. Ш., подъ ред. Л. Е. Оболенскаго. Спб., 1902 г. Цѣна 1 р. 35 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учен. стар. возр и библ. ср. уч. зав.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по рас. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

Сѣверный богатырь.

А. В. Суворовъ. Вездѣ великій человѣкъ. Иллюстрированное изданіе. Сочиненіе Л. А. Чарской. Дивный предметъ изученія представляетъ Суворовъ, какъ лицо историческое, какъ полководецъ, какъ Русскій самобытный геній, создавшій свою «науку побѣждать». Суворовъ покоритель Праги и Варшавы, побѣдитель на Рымникѣ, рѣшитель судебъ Польши, онъ дожилъ до начала кровавыхъ событій, коими волновался міръ въ концѣ XIX вѣка—онъ ходилъ «спасать Царей» и народы, былъ на берегахъ Требіи и льдахъ Сенъ-Готарда, въ улусѣ Ногайскомъ, на степяхъ Заволжскихъ и закубанскихъ, заѣдалъ въ совѣтахъ Царей и кабинетѣ дипломатовъ, жилъ на бивакѣ солдатскомъ, въ своемъ сельскомъ уединеніи—пѣлъ на клиросѣ своей деревенской церкви, игралъ съ ребятишками въ бабки. Вездѣ самобытный, неизмѣнный, странный—великій—загадка, которую разгадаетъ только тотъ, кто разгадаетъ Русь и ознакомится съ могучимъ духомъ Русскимъ. «Помилуй Богъ», говорилъ Суворовъ,—«не трудитесь—я вамъ самъ себя раскрою: Цари меня хвалили, солдаты любили, друзья мнѣ удивлялись, враги меня ругали, придворные надо мною смѣялись.—Взойдутъ явились при дворахъ, побасенками я говорилъ правду, былъ балакиревымъ для пользы отечества и пѣлъ пѣтухомъ, пробуждая сонливыхъ, а родясь я Цезаремъ, я былъ бы гордъ, какъ онъ, но удержался бы отъ его пороковъ!» (Готовится къ печати).

Солнышко.

Сборникъ разсказовъ для дѣтей Л. Р. Чарской. Солнышко. Роза, разсказъ.—Принцъ Фалка.—Катька, Катюшка, Катрикъ и Катишъ. (Исторія одной Кати). Катишъ, Катюшка, Катрикъ, разсказъ. Новая бабушка. Поѣздка за границу и др. разсказы. Съ рисунками, въ папкѣ. Спб., ц. 1 р. 35 к.

Струйка за струйкой—волна за волной.

Переказы нѣмец. дѣт. писат. Л. Чарской, съ рисун. 1 р. 25 к. Живая игрушка. Мальчикъ съ обезьянкой, Урокъ на всю жизнь, Фон работы, Господа Косогазвизны, Я могу сама, Черкушка, Забѣдная овечка, Горе перемѣнось, Благотворительница, Злючка Мина, Слезами горю не поможешь, Волшебное превращеніе, Подземный вагонъ, Винька и пр. и пр.

Л. А. Чарская.

Синія тучки.

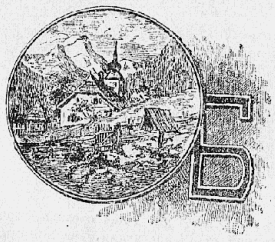
Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняг возраста Л. А. Чарской съ 49 рисунками и заставками художи. А. Шлипера и др. Красивый томъ, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Содержаніе: Двѣ елки.—Аганька.—Юнга.—Привидѣніе.—Экзаменъ.—Недѣля русалочки.—Предательница.—Только для бѣдныхъ.—Благодѣтель.—Волченокъ.—Мальчишка.—Безъ сердца.—Графиня Зозо.—Лидочка.—Синичка.—Гиме—живая игрушка.—Чудовище.—Бѣдный Топсикъ.—Въ гости къ бабушкѣ.—Танюша.—Приключеніе Мишки.

Гимназисты.

Повѣсть. Оглавленіе: Отецъ.—Капернаумъ.—Къ вопросу.—Къ директору.—Предательскій замыселъ.—Всеспаніе ларіанъ.—Товарищъ искаріотъ.—Бѣгство. Діагнозъ знаменитости.—Каррикатура.—Бенефисъ татинса.—Любимецъ и опальный.—По разнымъ дорогамъ.—Волненіе восьмиклассниковъ.—Дядя выручилъ.—На порогѣ новой жизни.—За наградами.—Передъ разлукой и пр.. Сирена. Повѣсть. Въ глуши. Повѣсть. Три повѣсти соч. Л. Чарской съ рисун. М. Андреева, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*) **Свѣтлый Воинъ Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.** Историческая повѣсть временъ царствованія Бориса Годунова, Лжедимитрія и Василія Шуйскаго. Соч. Л. Чарской; съ рисун. художника Андреева и др. 365 стран. Спб., ц. 2 руб. Въ этомъ произведеніи талантливый авторъ исторически вѣрно описываетъ картину жизни Русскаго народа въ періодъ смутнаго времени (1605 — 1612 годахъ), а именно послѣ смерти Царя Бориса слѣдуетъ трагическая смерть и его семьи. Царствованіе Чуднаго Лжедимитрія. Бунтъ народа противъ самозванца и смерть его. Появленіе второго самозванца, названнаго исторіей «Тушинскій воръ». Избраніе въ цари В. И Шуйскаго и неумѣлое его правленіе Русью, вслѣдствіе чего началась измѣна бояръ и воеводъ, и равнодушіе войска и народа погрузили страну въ анархію. Въ это тяжелое время къ спасенію Россіи явились истинные патріоты родины: Мининъ, Пальцынъ,Пожарскій, Ляпуновъ, а въ особенности выдѣлившійся изъ нихъ молодой князь Скопинъ-Шуйскій,—племянникъ царя, который несмотря на свои юношескіе годы былъ одаренъ сильнымъ умомъ, стойкостью воли и несомнѣннымъ воинскимъ дарованіемъ, и этотъ «свѣтлый воинъ» успѣшно боролся съ поляками, осаждавшими Троицкую Лавру, съ мятежниками-казаками, «Тушинскимъ воромъ» и прочимъ сбродомъ, грабившимъ Россію со всѣхъ концовъ. Князь Михаилъ и самъ не сознавалъ того необычайнаго дѣйствія, которое онъ производилъ на враговъ. Но когда его бѣлый конь появлялся на ратномъ полѣ у стѣнъ осажденнаго города, или когда его острый мечъ поднимался въ сторону врага, трепетъ охватывалъ послѣдняго. Что-то великое, не земное было въ грозной боевой фигурѣ юнаго стратега. Какою-то затаенною страшною силой обладало все его существо. Онъ какъ бы воплощалъ собою другого вождя и воина—побѣдоносца Георгія, который и былъ изображенъ на знаменіи князя, постоянно сопровождавшаго его въ бою. А между тѣмъ грозный и немилостивый съ врагомъ, князь Михаилъ былъ добръ и свѣтелъ душою среди окружающихъ. У него было чуткое, любящее сердце и довѣрчивая, благородная душа. Вотъ этотъ то молодой князь съ большимъ успѣхомъ велъ возстановленіе порядка, но, къ сожалѣнію, ранняя смерть прекратила жизнь этого прекраснаго дѣятеля, и онъ умеръ на 24 году. Смѣемъ думать, что чтеніе этой книги возбудитъ интересъ въ русскомъ юношествѣ къ смутному времени на Руси.

*) **Яркія звѣздочки.** Разсказы для дѣтей младшаго возраста. Л. А. Чарской; съ 60 рисунками и заставками художника И. Зубрилова и др. въ папкѣ, ц. 1 руб. 20 коп. Содержаніе: Пашина дочка.—Трускина елка.—Нютина посылка.—Васлекъ.—Диночка.—Новенькая.—Злючка.—Гришина елка.—Кто лучше?—Скучно.—На берегу моря.—Ко дню рожденія мамы.—Я такъ хочу.—По методѣ доктора Мартина.—О чемъ плакала птичка.—Барашекъ.—Дѣдушкины глазки.—Кто любилъ Тарочку больше.—Несчастливый день Гони.—Котикъ и Попка.—Царица мама.—Семейство Царапкиныхъ.—Въ первый разъ.—Большая кукла.—Жалоба Тревожки.—Судъ Соломона.—Сѣренькая птичка.—Три слезинки королевы. — Пріѣздъ мамы.—Свѣтлый мальчикъ.—Маленькій графчикъ.—Муся.—Сюрпризъ. Весенняя сказка.—Ильюшка и Дружокъ.—Разбойники.



Дѣтишки, ихъ дѣлишки. Разсказы для дѣтей М. А. Лялиной, съ рисунками художника А. Чикина ц. 50 к. Для младшаго возраста недурны четырнадцать разсказовъ или скорѣе сценокъ изъ дѣтской жизни: «Дѣтишки, ихъ дѣлишки». Видно, что авторъ освоился съ міркомъ, который описываетъ, и чувствуетъ себя въ немъ, какъ дома. Мило написаны разсказы: «Свѣтлое Христово Воскресенье», «Праздникъ не въ праздникъ» и «Новички» Книга не дорога. («Новое Время»).

ыли и былинки. *) Ант. Бѣлозоръ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняго возраста, съ рисунками худож. А. Чикина, въ папкѣ, 264 стр., ц. 1 р. Мина Вороновъ.—Финка.—Разсказъ крестьянина.—Дѣло по сердцу.—Широкая масляница.—Лида.—Водолазъ. Дѣдушкина память.—Канунъ сочельника. –Деревенскія картинки.— Фіалка и соловей.—Обиженная.—Миронова работница. Сочиненія г-жи Бѣлозоръ. Это сборники разсказовъ для дѣтей младшаго и старшаго возраста; разсказовъ очень интересныхъ, содержательныхъ и очень мило иллюстрированныхъ. Въ ряду дѣтскихъ хорошихъ изданій книжка г-жи Бѣлозоръ, безъ сомнѣнія, должна занять видное мѣсто, и мы рекомендуемъ ее вниманію родителей. («Новое Время» № 6357).

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. зав.

Сочиненія Клавдіи Владиміровны Лукашевичъ.

*) **По морю житейскому.** Разсказы для дѣтей Клавд. Влад. Лукашевичъ съ портретомъ автора, съ 39 рис., въ красивой папкѣ. 2 изданіе. Спб., ц. 1 р. 25 к.

*) **На жизненномъ пути.** Повѣсти и разсказы Клавдіи Лукашевичъ. 3-е изданіе. Спб. Съ 35 рисунками и заставками. въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к. Мин. Нар. Просв. для безпл. нар. чит.

*) **Тучки.** Сборникъ разсказовъ Клавдіи Лукашевичъ. Въ красивой папкѣ и съ рисунками художника Андреева, Никитина и Владимірской. Спб., ц. 50 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. допущ. въ уч. зы. возр., библ. срек. уч. зав., въ библ. низш. уч. и въ безпл. нар. чит. и библ.

*) **Няня.** Повѣсть для дѣтей Клавдіи Лукашевичъ, съ рисун Никитина. 3-е изд. ц. 40 к. У. К. М. Н. П. одоб. для учещи.библ. школъ.

Древній мудрецъ Сакія-Муни. (легенды) для дѣтей старшаго возраста. Сост. Клавдія Лукашевичъ, 87 стр., ц. 30 к.

*) **Изъ деревни.** (Акула), повѣсть для дѣтей Клавдіи Лукашевичъ, рис. Никитина. 4 изд., ц. 80 к. Учеи. Ком. Мин. Пар. Просв. для учеи. библ. нач. школъ.

К. В. Лукашевичъ.

*) **Босоногая команда.** Повѣсть для дѣтей изъ недавняго прошлаго Клавдіи Лукашевичъ, съ рисун. худож. Т. Никитина. 4-е изданіе Спб., ц. 40 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. одобрена для учен. библ. нач. школъ.

Трубочистъ. Хлѣбныя зерна. Два разсказа для дѣтей, съ рис. худож. К. Никитина и бар. Клодта. Спб., 2 изд., ц. 40 к.

*) **Честное слово.** Повѣсть Кл. Лукашевичъ, съ рис., ц. 40 к.

*) **Провинился и Игнашинскій барчукъ.** 2 разсказа Кл. Лукашевичъ, съ рисун. Спб., ц. 40 к.

*) **Родные уголки.** Сборникъ разсказовъ и сказокъ для дѣтей младшаго возраста Клавдіи Лукашевичъ. Съ рис. Спб. 1907 г., цѣна 90 к.

Мой товарищъ. Дѣтскій альманахъ. I. Рождество Христово во Св. Землѣ.—II. Наши лучшіе друзья.— III. Въ VIII школу.—IV. Св. Пасха.—V. Изъ жизни природы.—VI. Смѣсь.—VII. Изъ жизни животныхъ.—VIII. Полезныя и справочныя свѣдѣнія. Сост. К. Лукашевичъ, съ 100 рисун., въ папкѣ, 297 стр. ц. 1 р. 25 к.

*) **Робинзонъ Крузо младшій.** Соч. Кампе (для дѣтей). Переводъ П. Х. Веселя, съ раскрашенными картинами, въ папкѣ (большой томъ). Спб., ц. 1 руб. 25 коп. Мин. Нар Просв., для безпл. народн. читаленъ.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

Чудо-сказочки. Соч. Бехштейна. Пер. съ нѣм. изданія А. Юрьева, 317 стр., съ 72 рис. Спб., цѣна 1 р. Книга эта разошлась на нѣм. языкѣ много изданій. Это ея лучшая рекомендація; нѣкот. рисунки литографированы; въ красивой папкѣ. Оглавленіе: Волшебная палочка. Корона змѣи. Жалобная пѣсенка. Портной Гришуха. Зайчики, СильныйОсофилъ. Лягушка-кумушка. Бездушный. Золушка. Черный графъ. Маленькій, крохотный человѣчекъ. Страшное дежурство. Острыя ножницы. Храбрый попрошайка. Шапка карлика. Мясникъ-путешественникъ. Рыцарскій турниръ. Мальчикъ, учившійся колдовству. Три желанія. Два пастушка. Самое необходимое. Рыбій царь. Змѣя съ золотымъ ключемъ. Золотое стадо. Проклятый городъ. Три рыла. Говорящій ослъ. Благочестивый рыцарь. Странствующій посохъ. Волшебныя вещи. Голубое племя. Неблагодарность. Жирный и тощій. Орлы и вороны. Зайцы и король слоновъ. Заяцъ и типа. Пустынникъ и три мошенника. Хитрый воронъ. Воръ и дьяволъ. Превращеніе мыши. Коварство и месть ворона. Два брата. Змѣя-благодѣтельница. Книга удостоилась прекрасныхъ отзывовъ нѣмецкой прессы.

*) **Чешскія сказки.** Собранныя Эрбеномъ и Нѣмцовою. Перев. съ подлинника М. А. Лялиной, съ 36-ю рисунками, 286 стр. Спб., ц. 1 р. «Не менѣе полезною книгою намъ представляется, изданный В. И. Губинскимъ, сборникъ «Чешскія сказки» Собраны онѣ Карломъ Эрбеномъ и Баженою Нѣмцовою и прекрасно переведены М. А. Лялиною. Хотя мотивы большею частью и знакомы намъ по сборникамъ бр. Гриммовъ, но все же они обработаны въ національномъ духѣ и поэтому представляютъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу между народныхъ сказокъ. Изъ остальныхъ сборниковъ сказокъ отмѣтимъ «Польскія сказки» въ переводѣ подъ редакціею г. Домбровскаго и сказки Уйда». (Отз. Новое Время»). Уч. Ком. Об ин. Нар. Пр. доп. въ уч. мл. возр., библ. ср. уч. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

*) **Избранныя сказки для дѣтей Вильгельма Гауфа.** Перев. Федоровой. Съ 36. рис., въ красивой папкѣ, 240 стр., ц. 1 р. Сказка о калифѣ-аистѣ. Сказка о кораблѣ съ привидѣніями. Спасеніе Фатьмы. Сказка о маленькомъ Мукѣ. Сказка о ложномъ принцѣ. Карликъ Носъ. Сказка о Альманзорѣ. Повѣсть о судьбѣ Сапда. Сказка объ отрубленной рукѣ. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. мл. возр., библ. ср. уч. зав., а равно и въ безпл. нар. библ. и чит.

Сказка о щелкунчикѣ и мышиномъ королѣ. Ф. Гофмана. Переводъ З. Журавской, съ рисунками Т. Никитина, ц. 60 к., въ роскошномъ переплетѣ 1 р. 25 к.

Зоологическій садъ 24 хромолитографировъ. рисунка, отпечат. заграницей, въ видѣ Альбома большаго формата. Пѣтухъ, Гуси и Утки, Индѣйки, Павлины, Собака, Кошка, Лошади, Корова, Овцы, Козы, Свинья, Ослы, Волки, Бѣлыя медвѣди, Страусы, Верблюдъ, Зубра. Жирафъ, Обезьяны, Слонъ, Левъ, Носорогъ, Тигръ и Ягуаръ. Въ папкѣ, цѣна 1 р. 50 к. Хорошій подарокъ маленькимъ дѣтямъ.

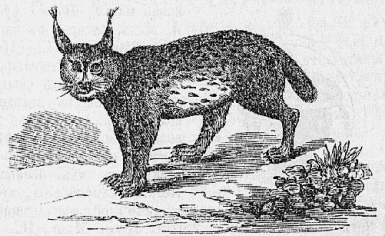
*) **Донъ-Кихотъ Ламанчскій.** 700 рис. Соч. Мигуэля Сервантеса. Переводъ съ испанскаго. В. Карелина. Исправленный и дополненный В. Зотовымъ, въ 2 громадныхъ томахъ, напечатанныхъ на прекрасной веленевой бумагѣ, 1000 страницъ, съ 700 иллюстраціями, Спб., ц. 3 р. Внес. въ кат. книгъ изд. поряск. М. Н. П., для безп. нар. чит.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Прос., для ихъ уч. завед.

*) **Сказки Уйда.** Переводъ съ англійскаго М. Лялиной. Съ рисунками. 2 изданіе Спб., ц. 1 р. «Дѣтямъ требуется именно тотъ мягкій спокойно-эпическій симпатичный тонъ, которымъ отличаются разсказы Уйда.» Книжка отличается по качествамъ внутренняго содержанія и полному, безупречному умѣнью держать фантастическій элементъ въ границахъ правды. Признавая этотъ элементъ литературныхъ произведеній не только важнымъ, но даже необходимымъ, считая его факторомъ развитія въ дѣтяхъ, такъ сказать, сердечной стороны духовнаго ихъ существа, мы, тѣмъ не менѣе, находимъ, что авторамъ въ сферѣ дѣтской литературы слѣдуетъ неотступно держаться на реальной почвѣ, т. е. держать фантастическій элементъ въ тѣсныхъ и неразрывныхъ рамкахъ правды и строгой логичности. Именно этимъ прекраснымъ свойствомъ и отличается перо Уйда. Учеи. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. мл. возр., библ. средн. уч. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

Польскія сказки. Съ рисунками художника Штейна. Спб., ц. 1 р. 20 к. Два брата.—12 заколдованныхъ орлихъ.—О кущѣ и найденышѣ.—О повѣтріи.—Березка-вѣщунья.—О царѣ Трлянѣ.—О недовольномъ языкѣ.—О задолдованномъ змѣѣ.—О царѣ Зефирѣ.—О мужичкѣ-королѣ.—О вдовьемъ сынѣ и колдунѣ.—О королевичѣ скрягѣ и королевичѣ щедромъ.—Объ отцовскомъ проклятіи.—О черной горѣ.—Братья богатыри.—Наказанный колдунъ.—Разбойникъ Моссй.—Королевичъ Воронъ.—Нагубные глаза.—Заячье сердце.—Мужичокъ горемыка.—Три пустынника.—О царевнѣ и пяти ягнятахъ.—О колдунѣ и трехъ феяхъ.—О бѣдности и нищетѣ.—О человѣкѣ оборотнѣ.—О царѣ Гукъ-Пукѣ. Всего 31 сказка, всѣ онѣ иллюстрированы художникомъ Штейномъ и др. Надѣемся, что «Польскія сказки», какъ очень интересныя по своему содержанію и принадлежащія разнымъ извѣстнымъ польскимъ писателямъ, прочтутся русскою маленькою публикою съ большимъ интересомъ. Книга имѣетъ 312 стр.

Среди звѣрей. Русскія сказки, собр. М. Шевляковымъ. Спб. 274 стр., съ рисун., ц. 1 р. Эта книга отвѣчаетъ любимому жанру дѣтей: разсказы о животныхъ всегда были занимательны и поучительны. Помимо образовательныхъ задачъ сказки, съ фигурирующими въ нихъ животными, представляютъ широкое поле для моральныхъ выводовъ и характеристикъ, явленій общественной жизни, занимательность которыхъ обусловливается интересомъ фабулы. Сказка всегда должна быть интересна, иначе она не даетъ никакой пищи уму ребенка. Ея содержательность должна соотвѣтствовать не только дѣтскому пониманію, но даже и настроенію. Иначе она не удержитъ на себѣ вниманіе. Наконецъ, сказка должна быть жизненна, т. е. вложенная въ нее мысль должна быть развита въ формѣ факта, въ возможности котораго ребенокъ не сомнѣвался бы. Настоящій сборникъ строго согласованъ съ этими правилами и можетъ быть предложенъ съ одинаковымъ успѣхомъ какъ самымъ маленькимъ дѣтямъ, такъ равно и дѣтямъ средняго возраста.



*) **Книга чудесъ.** Разсказы для дѣтей изъ миѳологіи. Сост. Н. Готорнъ, съ рисунками, отпечатанными въ два тона. Спб., 3-е изд., 346 стр., ц. 1 р. 25 к. Книга первая. Голова Горгоны.—Золотое приключеніе. Дѣтскій рай.—Три золотыхъ яблока.—Чудесная кружка.—Химера.—Книга вторая. Миноталръ.—Пигмеи.—Драконовы зубы.—Дворецъ Цирцеи.—Похожденіе Прозерпины.—Золотое руно. Собранные въ этой книгѣ миѳы классической древности могутъ, несомнѣнно, служить прекраснымъ матеріаломъ для чтенія дѣтямъ и школьнаго и до школьнаго возраста. Изложены они вполнѣ доступно для дѣтскаго пониманія и вполнѣ способны возбудить въ молодомъ читателѣ интересъ къ исторіи или пригодиться ему въ то время, когда эти же миѳы придется изучать на школьной скамьѣ. Всѣ разсказы иллюстрированы рисунками, исполненными посредствомъ гравированія на деревѣ. Внесены въ первое дополн. къ опыту каталога ученич. библ. средн. учебн. зав. вѣдомства М. Н. П., а также для безпл. нар. чит.

*) **Семь чудесъ свѣта.** Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью Соч. Люсьена Оже. Переводъ съ французскаго Вольфсона. Съ 21 рис. Спб., ц. 1 р. Уч. Ком М Нар. Пр. доп. въ учен. ср. возр., библ. ср. уч. зав

*) Внесены въ каталогъ книгъ изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

*) Сказки Шведскія, Норвежскія и Финскія.

Переводъ **Эльвенгренъ** съ 25 рисунками, въ папкѣ цѣна 1 руб. Жемчужина.—Сказка о Петрѣ, который хотѣлъ хозяйничать у себя дома.—Добрая жена.—Вересковая принцесса.—Сказка о королевской дочери, которая проливала вмѣстослезъ жемчужины.—Мальчикъ съ пальчикъ.—Слаще сладкаго.—Лѣсная фея.—Кухня вѣдьмы.—Почему морская вода соленая.—Путешествіе на звѣзды.—Три желанія.—Цебетунь, или похищій муравей.—Дружба короля Эсмона.—Корона морского Бога.—Король Каріусъ.—Лучшій путь.—Чѣмъ мы гордимся.—Лѣсной мотылекъ.—Братья.—Ласточки.—Вотъ какъ бываетъ на войнѣ.—Зеленѣющій островъ.—Эолова Арфа.—Цвѣты радости.—Весеннее утро. 278 стр. **Уч. Ком. Мин. Н. Пр.** доп. въ уч. биб. низш. учеби. зав.

*) Дѣвичій мірокъ.

Исторія одной школы. Соч. Л. Мидъ переводъ съ англійскаго **М. Лялиной**, съ раскраш. рисунками, въ папкѣ. 228 стр. Спб., цѣна 1 р. Отъѣздъ.—Дорожные спутники.—Лавендовый домъ.—Маленькіе «уголки» и маленькія непышки.—Начальница.—Такъ скучно.—безъ мамы.—Первый день въ школѣ.—Разбудили слишкомъ рано.—Трудъ и забава.—Что оказалось въ классномъ столѣ.—Въ часовнѣ.—Въ ссылку.—Добрые люди.—Въ гамакѣ.—Игра въ бильбокетъ.—Украденное сердце.—На мѣстѣ сгорѣвшаго замка.—Мальчикъ съ пальчикъ упалъ.—Испытаніе.—Избалованный ребенокъ.—Полъ лавровымъ кустомъ.—Пикникъ.—На «волшебномъ полѣ».—Забытая книга.—Мутный ручей.—Добрыя и злыя внушенія.—Подъ наказаніемъ.—Грустныя мысли.—Признаніе.—Новое горе.—Дѣвочка цыганка. Эмми.—Подъ стогомъ сѣна.—Тигръ.—Сами Нанси.—Спасена.—Мрачные дни.—Двѣ исповѣди.—Отецъ.—Награды за сочиненія. Уч. К. М. Нар. Пр. доп. въ учен. биб. гор. учил. и въ так. средн. учеб. зав. препм. жен.

*) Семь дѣвицъ.

Повѣсть **Л. Мидъ**. Переводъ съ англійскаго **М. Ловцовой**, съ рисунками англійскихъ художниковъ **Перси и Тарантъ**. Въ красивой папкѣ, цѣна 1 рубль. Талантливая англійская писательница—г-жа Л. Мидъ, которая въ своихъ сочиненіяхъ посвященныхъ именно молоденькимъ дѣвушкамъ 12—15 лѣтъ, раскрываетъ передъ нами этотъ «Дѣвичій мірокъ» полнаго захватывающаго интереса, хотя авторъ вообще рѣдко выступаетъ изъ круга обыденной жизни, полной внутренняго содержанія для лишь, умѣющихъ находить счастье не въ заоблочномъ мірѣ фантазіи, а вблизи себя. Авторъ—не докучливая резонерша, и ея нравоучительные выводы ясны сами по себѣ, безъ всякихъ подчеркиваній; она понимаетъ и любитъ, своихъ маленькихъ героинь со всѣми и слабостями, и достоинствами, съ ихъ неопытностью и самомнѣніемъ, свойственными молодости. Нельзя не прибавить, что сочиненія автора завоевали себѣ въ короткое время почетное мѣсто въ англійской современной литературѣ. Смѣемъ думать, что и у насъ займетъ такое же мѣсто. **Учен. Ком. Мин. Н. Пр.** допущ. въ учебн. средн. возр. библ. средн. учебн. зав. и въ безплатные народные библіотеки и читальни.

*) На необитаемомъ островѣ.

Приключенія четырехъ дѣтей, унесенныхъ бурей въ море. Соч. Л. Мидъ. Переводъ **М. Ловцовой**, съ рисунками англійскихъ художниковъ **Перси и Тарантъ**, въ папкѣ. 1 р. Приготовленіе къ пикнику. Бригъ «Нанси». Въ открытомъ морѣ. Переправа черезъ стремнику. Спокойной ночи. Бухта «Изабелла». Бухта «Полумѣсяцъ». «Ужасная ночь, Муго и Крабы». Бѣлый замокъ. Новыя одежды. Неудачный пикникъ. Заблудились. Дѣла ухудшаются. Дѣвушка и ея собака. Фердинъ проналъ. Неожиданное вторженіе. Бѣлый замокъ. Обвалъ. Спасеніе. Маленькій Робинзонъ. На необитаемомъ островѣ нѣсколько недѣль. **Учен. Ком. Мин. Нар. Пр.** допущ. въ учебн. млад. возр., библиред. уч. зав. и въ безп. нар. биб. и чит.

Шалуны.

20 разсказовъ о проказахъ гимназистовъ-шалуновъ Н. Ратомскаго, съ 25 рисун. художн. Захарова. Спб., въ папкѣ, ц. 50 к.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Просв., для ихъ учеб. зав.

*) Бабушкины сказки.

Сочиненіе **Жоржъ-Зандъ**. Переводъ **М. А. Лазаревой**. Съ рисунками художника **Табурина**. Спб., 279 стр., въ красивой папкѣ, ц. 1 р. «Я разскажу вамъ, милыя дѣти, только слушайте внимательно,—про голубое и синее море, которое вы такъ любите. Я разскажу вамъ все простыми словами, это будетъ вамъ понятнѣе, чѣмъ печатный слогъ. Вамъ хотѣлось чего-нибудь волшебнаго. Оно, пожалуй, будетъ отчасти, но будетъ много и правды, не всѣмъ извѣстной, интересной для васъ и даже для вашихъ старшихъ братьевъ; и они послушаютъ. Природа полна чудесъ, дѣти, куда вы не загляните въ нее, вы всегда найдете въ ней что-нибудь новое, необыкновенное». **Уч. Ком. Мин. Н. Пр.** доп. въ уч. ср. возр., библ. ср. уч. зав. и въ безпл. нар. библ. и чит.

*) Маленькій разносчикъ (продавецъ спичекъ).

Соч. Женневре. Произведеніе, увѣнчанное французской академіей. Полный переводъ съ послѣдняго французскаго изданія Е. Д. Давыдовой. Съ 25 рис. въ папкѣ, ц. 1 р. Первое знакомство сержанта съ Исидоромъ. Исидоръ учится танцовать въ очень дурной компаніи. Въ госпиталѣ. Гаво знакомитъ Исидора со своей жизнью. Гаво продолжаетъ свой разсказъ о томъ, какъ онъ сдѣлался инвалидомъ. Судьба улыбнулась Исидору. Поведеніе Исидора безпокоитъ Гаво. Еще одинъ новый другъ. Исидоръ въ роли огородника. Исидоръ бросаетъ заступъ и лопату. Глубокое отчаяніе Исидора. Послѣдствія дурного знакомства. Маленькій подарокъ еще больше укрѣпляетъ дружбу Гаво съ Исидоромъ. Война объявлена. Исидоръ — зуавъ. Отъѣздъ Исидора. Печальное начало. Исидоръ совершаетъ геройскій подвигъ. Перекличка солдатъ. Кавалерія. Исидоръ уводитъ плѣнника. Знамя. Учеб. Ком. Мин. Нар. Просв. допущ. въ ученич. библ. низш. учебн. зав.

*) Избранныя русскія сказки.

Составлены по Афанасьеву и др. Четвертое изданіе. Съ 78 рисунками и заставками художника Р. Штейна, Спб. 337 стр., цѣна 1 руб. 50 коп. (большой томъ)—нѣкоторыя рисунки отпечатаны въ два тона «Намъ кажется весьма труднымъ и едва ли полезнымъ—до поры до времени—изгонять все волшебное и чудесное, оставлять молодое воображеніе безъ пищи, запрещать сказку разсказомъ. Очень немногія дѣти безусловно вѣрятъ всѣмъ чудесамъ сказки, и они очень хорошо умѣютъ тогчасъ отрѣшиться отъ этой вѣры, какъ только часъ тому настанетъ». Эти слова И. С. Тургенева вспомнились намъ, когда мы прочли книгу В. Маракуева: «Русскія сказки». Да, умѣло составленный сборникъ сказокъ—къ тому же народныхъ, читаемыхъ съ интересомъ и взрослыми—никогда не направитъ фантазію дѣтей на ложный путь; напротивъ, онѣ, такъ сказать, облагораживаютъ фантазію художественнымъ вымысломъ. Въ этомъ отношеніи книга г. Маракусва безспорно принесетъ не мало пользы юному читателю, тѣмъ болѣе, что рисунки Р. Штейна прекрасно иллюстрируютъ духъ и идею каждой отдѣльной сказки. Всего 50 сказокъ. («Новое Время»). Въ папкѣ. **Уч. К. К. М. Н. Пр.** доп. въ без. нар. чит. и биб.

*) Любимыя сказки Эд. Лабулэ.

Съ 120 рисунками. Переводъ Доброславина и Н. Мазуренко, въ хромолит. папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Ивонъ и Финетта.—Бретонская сказка.—Добрая жена.—Норвежская сказка.—Мальчикъ съ пальчикъ.—Скандинавская сказка.—Посѣщеніе Праги.—Доволенъ-ли царь Самарік.—Три лимона.—Пифъ-пафъ или искусство исправлять людей.—Король-причудникъ и принцъ-Красавчикъ.—Мадемуазель Пазза.—Первый урокъ.—Свадьба Паззы.—Ужасное событіе.—Мастикарадъ.—Двѣ консультаціи.—Пробужденіе.—Красавчикъ получаетъ подмогу.—Кто такой былъ Тонто.—Жена должна повиноваться мужу. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учеи. библ. низш. уч.

Сорванецъ.

Записки бывшаго гимназиста, воспоминанія Н. Ратомскаго, съ рис. художн. М. Андреева, въ папкѣ, цѣна 50 коп.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

О быломъ. Русскіе историческіе разсказы

Соч. Г. Т. Сѣверцова-Полилова, съ 60 рисун. художн. Н. Захарова. Спб., въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к. Лихолѣтье. Ради Господа. У Святого ручья. Новое лѣто. Царскій перспективныхъ дѣлъ мастеръ. Великая сила. Первый Спасъ. Книжное наученіе. Безъ вины. Царевъ указъ. Царскіе полотнянники. Прощеные дни. Въ недѣлю Ваій. Въ царициной службѣ. Маленькіе работники. Засналъ. Попугай. Екатерина Великая. Кто крѣпче. Паракита. Царевъ Варганистъ.

*) Волшебныя сказки.

Соч. Ж. Перро, добавленіе сказокъ г-жи Лепренсъ-де-Бемонъ. Съ 65 рисунками, перев. съ франц. В. Владимірова. Спб., 276 стр., ц. въ папкѣ 1 р. Знаменитыя сказки Перро переведены на всѣ языки и всюду читаются съ громаднымъ интересомъ, такъ какъ онѣ написаны въ самой увлекательной формѣ. Надѣемся, что онѣ будутъ читаться русскими дѣтьми такъ же, какъ въ остальномъ свѣтѣ. **ч. Ком Мин. Нар. Пр.** доп. въ учен. мл. возр., библ. ср. уч. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

*) Сказки, преданія и легенды

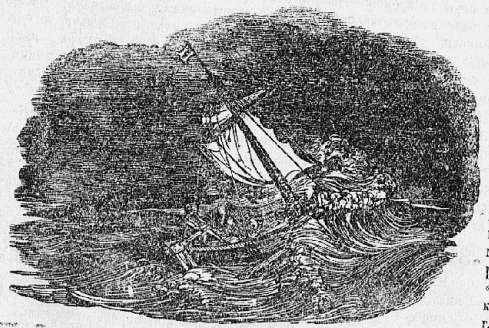
всѣхъ странъ и народовъ. Съ 50 рис. Подъ редакціей Владиміровой-Европеусъ. 320 стр., 2-е изданіе. Спб., ц. 1 р. 50 к. Диккенса, Андерсена, Гестринъ, Гофмана, Бехштейна, Асандеръ, Отто, Каминскаго, графа Майлата, Ж. Занда. **Уч. Ком М. Н. Пр** доп. въ учен. мл. и средн. возр., библ. средн. учебн. зав. Мин. и въ безпл. нар. чит. и библ.

Сказки славянскихъ народовъ.

Сербскія, Босно-Герцоговинскія, Болгарскія, Хорватскія, Моравскія, Чешскія, Кашубскія, Польскія, Руссинскія сказки.—Съ рисунками. Обработала для русскихъ дѣтей М. А. Лялина Спб. въ папкѣ, ц. 90 к.

Юнга на кораблѣ корсара.

Соч. П. Маэль. Перев. Михайловой, съ рисун. франц. художн Париса и др. Плѣненные.—Дѣтская рѣшимость.—Начало.—Бѣгство.—Въ горѣ.—Спасеніе.—Экипажъ Корсара.—Погоня.—Ученіе.—Вдали.—«Saint-anne».—Военные мадригалы.—Тревога битвы. — Послѣ сраженія и проч. Съ 48 рисун., 262 стр., въ папкѣ 1 р. Дѣйствіе происходитъ въ началѣ 19 стол. На морѣ вели войну французы при Наполеонѣ I съ англичанами. Знаменитый французскій корсаръ, капитанъ корабля «Кларисса» Робертъ Сюркуфъ составилъ себѣ громкое имя между великими корсарами нашей исторіи. Въ двадцать пять лѣтъ Робертъ Сюркуфъ наносилъ сильные удары англійской промышленности, не опасаясь нисколько помѣряться силами съ корветами и фрегатами врага. Онъ снарядилъ на свой счетъ корветъ «Clarisse», вооруженный 14 пушками, которыми онъ громилъ англичанъ на Индѣйскомъ океанѣ. Онъ преслѣдовалъ безостановочно англійскія суда, на него собирались эскадры острова Маврикія, Матрасы и Бомбея. Однако, каждый непріятельскій капитанъ, какъ бы онъ ни былъ храбръ, боялся страшнаго корсара и пускался въ поиски за нимъ только съ тайнымъ желаніемъ, что его вовсе не найдетъ. Постоянно сражаясь съ непріятелемъ онъ пріучилъ свой экипажъ одерживать только однѣ побѣды. Вотъ на такомъ боевомъ суднѣ провелъ нѣсколько лѣтъ корабельный юнга и былъ свидѣтелемъ самыхъ страшныхъ морскихъ сраженій, пораженій и разныхъ морскихъ приключеній.



*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по распор. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. зав.

*) Маленькій человѣкъ.

Романъ для юношества А. Доде. Перев. съ франц., съ 67 рисун., въ папкѣ, ц. 1 р. Диккенсъ, прочитавъ этотъ романъ, назвалъ автора возникающимъ свѣтиломъ французской литературы и своимъ «собратомъ» по таланту. Абу въ своихъ письмахъ изъ Парижа въ «Athenaeum», называетъ Альфонса Додэ одною изъ привлекательнѣйшихъ личностей современной литературы и признаетъ въ немъ несомнѣнное сходство съ Диккенсомъ по тонкой наблюдательности, мастерской группировкѣ подробностей, умѣнью заставлять читателя и плакать и смѣяться. Уч. **Ком. М. Н. Пр.** доп. въ учен. библ. низш. учебн. зав.

Подвижныя игры.

Физическое развитіе человѣка. Соч. проф. Кольрауша и Г. Вагнера. Перев. съ нѣмец. М. Михайлова съ 183 рисун., 350 стр. Спб., ц. 1 р.

*) Лазутчикъ.

На дальнемъ сѣверѣ.—На возвышенности.—Корро.—Три разсказа Франца Гофмана. Спб., въ красивой папкѣ съ картинами, ц. 1 р. Оглавленіе: I. Лазутчикъ, — Каторжникъ. — Благородное сердце,—Во время войны.— Повѣсть его.—Возвращеніе домой. **II. На возвышенности Коаро.**—Испытаніе.— Родникъ.—Гіены и шакалы. —Слоны.— Какъ стелятъ постель слону.—Дикіе ослы и собаки.— Доброе дѣло не пропадетъ.—Возвращеніе на родину. Въ папкѣ. Внесена въ катал. кн. изд. по распор. М. Н. Пр. для безпл. нар. читал.

*) Сказки бр. Гриммъ,

пересказанныя дядею Павломъ. Съ изящно раскрашенными картинами, переплетенныя въ красивую папку, напечатаны красивымъ четкимъ шрифтомъ, 4-е изд. 320 стр. Спб., ц. 1 р. 75 к. Содержаніе этой книги слѣдующее: Царьлягушка.—Непослушная.—Волкъ и семеро козлятъ.—Преданность и вѣрность.—Догадливый продавецъ.—12 братьевъ.— Братецъ и сестрица.—Три лѣсовика.—Три пряхи.—Гриша и Миша.—О рыбакѣ и рыбкѣ.—Снѣжница.—Семь вороновъ.—Умная Лиза.—Мальчикъ съ пальчикъ. Странствованіе кошки.—Чудо-птица.—О миндальномъ деревѣ.—Спящая царевня.—Найденышъ.— Царь.—Дрозова борода.—Всеумѣйка.—Собака и воробей.—Катя и Ѳедя.—Разношерстка.—Умная крестьянка.—Докторъ-всезнайка.—Замарашка.—Бѣднякъ и богачъ.—Королекъ и медвѣдь.—Умники.—Бѣдный мельникъ и кошечка.—Умный портной.—Бѣлорозка и Краснорозка.—Четыре брата искусника.—Одноглазка, Двухглазка и Трехглазка.—Черная и бѣлая невѣста.—Красная шапочка.—Смерть и курочки.—Звѣзды-червонцы.—Не любо не слушай, а лгать не мѣшай.—Мышка, птичка и колбаса.—Сказка о столикѣ, ослѣ и дубинкѣ.—Удивительные музыканты.—Двѣнадцать охотниковъ.— Бѣлая змѣя.—Медвѣжья шкура.—Гусятница.—Золотыя дѣти. Три подмастерья.—Счастливый Иванъ.—Птица грейфъ.—Сказка о сапожникѣ Шилинѣ.—Бѣлоснѣжка.—Подарки мелкаго народа. Три фельдшера.—Чудесная скрипка,—Чортъ съ золотыми волосами.—Избушка въ лѣсу и пр. и пр. **Уч. Ком. М. Н. Пр.** доп. въ учен., млад. воз. биб. сред. уч. зав. и въ безп. нар. биб. и чит.

*) Потерянный и возвращенный рай.

Поэма Джона Мильтона. Полный переводъ съ англійск. П. А. Коншина, съ 20-ю рисунк. знаменитаго художника Дорэ и др. и портретомъ автора.—2-е исправленное изданіе. Спб. 1906 г. Эта замѣчательная поэма знаменитаго англійскаго поэта выдержала безчисленную массу изданій на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Своему широкому распространенію она обязана оригинальности замысла и творческому выполненію его, обезсмертившему имя автора, блестяще справившагося со своею мудреною задачею—изобразить первобытнаго человѣка. Въ видѣ предисловія приложена статья переводчика о жизни и произвед. авт. 400 ст. 1 р. 50 к.

*) Дневникъ школьника.

Эдм. Д. Амичисъ, переводъ и предисловіе В. Крестовскаго, съ рисунками, 5-е изданіе, ц. 1р. 20 к. Книга „Дневникъ школьника" разошлась въ сотняхъ тысячъ экзем. и считается настольною книгою молодой Италіи. Она написана просто, безъ громкихъ словъ и запутанныхъ приключеній, будто все, что въ ней написано, было на самомъ дѣлѣ. Вотъ почему она читается съ замираніемъ сердца и всему прочитанному верится. Молодость — лучшій судья въ вопросахъ первыхъ чувствъ и впечатлѣній. Уч. **Ком. Мин. Нар. Пр.** доп. въ учен. биб. низ. зав.

*) Внесены въ каталогъ книгъ изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

*) **Дѣвочка-Робинзонъ.** Исторія маленькой сиротки. Соч. Евгенія-Мюллеръ. Съ рис. Перевелъ съ франц. В. Д. Владиміровъ, ц. 1 р. 2 изданіе. Ч. I. Чужая.—За ягодами.—Око за око.—Гостья.—Исповѣдь.—Киданіе жребія.—Тщетная надежда Ч. II Свободная.—У госпожи Бюрель.—У господина Гюр.—Спустя четыре мѣсяца.—Ночной разговоръ.—Куда они пошли?—Маленькая защитница.—Неудачная месть. Ч. III. Странный ребенокъ.—У маленькой Мари.—Зимою.—Весна.—Сплетни.—Владѣлецъ.—Робинзонетта. Ч. IV Закѣмъ побѣда?—Два празднества.—Бѣднята и бѣдняжка.—Аукціонъ.—Да здравствуетъ Робинзонетта!—Заключеніе. 256 стр. въ папкѣ. **Уч. Ком. М. Н. Пр.** доп. въ уч. мл. воз., биб. ср. уч. зав. и въ без. нар. чит. и библ.

пасности дикихъ странъ *).

Жизнь и необыкновенныя приключенія среди американскихъ лѣсовъ. Соч. **Фр. Гофмана**, перев. подъ редакціею **Н. Позднякова**, съ рис. художн. Р. Штейна. Спб., ц. 1 р. 20 к. Изъ предлагаемаго разсказа вы познакомитесь съ тѣми опасностями, которыя угрожали переселенцамъ, вторгавшимся въ эти дикія страны. Разсказъ этотъ передаетъ большею частью истинныя происшествія и не только представляетъ вѣрную картину мрака, уединенности и ужаса почти безконечныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, но рисуетъ также характеръ, нравы и обычаи племени, печальная судьба котораго зависитъ не исключительно отъ злоупотребленія бѣлыми своею властью, не также главнымъ образомъ, отъ собственныхъ ошибокъ и страстей. Приключенія странствующаго Натана, такъ же какъ конокрада Рудольфа Стакполя, исторически вѣрны и, безъ сомнѣнія, будутъ способствовать увеличенію интереса производимаго разсказомъ о чудесныхъ происшествіяхъ, кровавыхъ сраженіяхъ, разныхъ опасностяхъ и счастливыхъ избавленіяхъ въ папкѣ. **Уч. Ком. М. Н. Пр.** доп. въ учен. мл. воз., биб. ср. уч. зав. и въ без. нар. чит. и биб.

*) **Святочные разсказы.** Сочиненіе Чарльза Диккенса. Переводъ съ англійскаго **Ф. Резенера.** 4-е изданіе, украшенное 66 иллюстраціями. Спб., 453 стр., ц. 1 р. 50 к. „Святочные разсказы„ Диккенса написаны такъ мастерски, съ такою художественностью, оставляютъ по себѣ такое глубокое впечатлѣніе. Диккенсъ написалъ пять святочныхъ разсказовъ: „Рождественская пѣснь въ прозѣ“ святочный разсказъ съ привидѣніями“, „Часовые куранты“, „Сверчокъ на шесткѣ“, „Битва жизни“ и „Одержимые духомъ“. Трудно сказать, который изъ нихъ лучше, до такой степени всѣ они написаны увлекательно, отличаются необыкновенною глубиною мысли, проникнуты теплымъ чувствомъ и исполнены тѣмъ добродушнымъ, веселымъ, а подчасъ ѣдкимъ юморомъ, который свойственъ исключительно одному только Диккенсу. „Святочные разсказы“ Диккенса, благодаря образцовому переводу г. Резенера, сумѣвшаго передать въ своемъ переводѣ малѣйшіе оттѣнки подлинника, вполнѣ доказывается тѣмъ, что они выдержали уже три изданія, и можно съ увѣренностью сказать, что таковымъ успѣхомъ они будутъ пользоваться еще долгое время. („Новое Вр.“). **Уч. Ком Мин. Нар. Пр.** доп. въ безп. нар. чит. и биб.

*) **Въ странѣ алмазовъ.** (Діамантина). Соч. В. О. фонъ-Горна. Разсказъ для юношества и народа. Переводъ Г. А. Чарусскаго. Съ рис. Спб., ц. 45 к. въ папкѣ. Предлагаемый разсказъ описываетъ приключенія одного легкомысленнаго молодого человѣка, переселившагося въ Бразилію и попавшаго въ рабство. Въ этой же печальной повѣсти читатели познакомятся съ интересной и малоизвѣстной отраслью горной промышленности, а именно съ добычей алмазовъ, а также съ жизнью работающихъ въ алмазныхъ копяхъ невольниковъ-негровъ.

Честный мальчикъ. Разсказъ Фр. Гофмана, переводъ съ нѣмецкаго В. Энгельгардъ. Съ рисунками, цѣна 40 коп.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по рас. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

Принцъ и нищій. Приключеніе Тома на воздушномъ шарѣ. Соч. **Маркъ-Твэна.** Большой томъ, 262 стран 100 рис. въ красивой папкѣ, цѣна 1 р. 25 к. Талантливый авторъ разсказалъ намъ дѣйствительную исторію, происшедшую при англійскимъ дворѣ въ царствованіе короля Эдуарда VI. Король любилъ разсказывать окружающимъ исторіи своихъ приключеній, когда онъ превратился изъ королевскаго принца въ уличнаго бродяжку, что дало ему возможность изучить многія темныя и свѣтлыя стороны народной жизни, и сдѣлавшись королемъ—воспользовался ими на благо своего народа. Нужно ли прибавить, что книга читается съ громаднымъ интересомъ какъ юношей, такъ и взрослыми. Во второй части книги разсказываются забавныя приключенія и путешествія Тома на воздушномъ шарѣ, совершенныя черезъ океанъ, пустыню Сахару и мног. др. замѣчательныя мѣстности.

Приключеніе Тома. Соч. **Маркъ-Твэна,** переводъ Н. Мазуренко, съ 70 рисунками. большой томъ въ красивой папкѣ. Спб., ц. 1 р. 35 к. Трудно представить себѣ болѣе занимательное литературное произведеніе, написанное такимъ яснымъ, простымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ увлекательнымъ, живымъ и образнымъ языкомъ и во многихъ мѣстахъ съ тонкимъ оригинальнымъюморомъ и одинаково занимательно для всѣхъ возрастовъ. Разсказъ относится къ періоду времени въ концѣ половины прошлаго столѣтія передъ войной между сѣверными и южными штатами изъ-за уничтоженія рабства. Въ немъ въ замѣчательно яркихъ краскахъ рисуется обыденная жизнь населенія маленькихъ городовъ и сель Соединенныхъ Штатовъ. Почти на каждой страницѣ мелькаютъ картины жизни семьи, отношеній родителей къ дѣтямъ, школа, церковь, общественная жизнь, даже судъ и судебное разбирательство, суевѣрья негровъ, отношеніе къ нимъ бѣлыхъ того времени и многое другое любопытное для читателя, интересующагося жизнью, нравами и обычаями американцевъ.

Печать Цезаря. Ист. для юнош. изъ временъ Юлія Цезаря. зарянам. ист. **Альфреда Рамбо.** Пер. Л. Шелгуновой. 27 рисун. 268 стр., въ папкѣ, Цѣна 1 руб. Въ книгѣ описывается военная и бытовая жизнь римскаго общества временъ Цезарей. Книга читается съ большимъ интересомъ и пользою.

*) **Жизнь на Миссисипи.** Сочиненіе **Маркъ-Твэна.** Переводъ Федоровой, Спб. 100 рисун. 296 стр. цѣна 1 р. 35 к. въ красивой папкѣ. Миссисипи стоитъ того, чтобы о ней читали. Миссисипи—самая замѣчательная рѣка въ свѣтѣ. Миссисипи самая длинная рѣка въ мірѣ, она орошаетъ своими водами 28 штатовъ. Она принимаетъ въ себя воды нѣсколькихъ сотъ рѣкъ и рѣчекъ, по которымъ плаваютъ большія и малыя суда, описаніе открытія рѣки, ея заселеніе, жизнь и нравы жителей, промышленность, торговля, устройство городовъ и селъ, хлѣбопашество, фабрики, заводы и пр. пр.; 100 рисунковъ дополняютъ силу впечатлѣнія читателя. **Уч. Ком. Мин. Нар. Пр.** доп. въ уч. сред. и стар. воз., библ. ср. уч. зав. въ без. нар. чит. и биб.

Кругосвѣтное путешествіе. сочиненіе **Маркъ-Твэна,** Переводъ А. Линдегренъ и М. Модель. Спб. 1906 г. Большой томъ. 461 стр. Съ рисунками художника Зубрилова и въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.—Въ Тихомъ океанѣ.—Австралія.—Изъ Австраліи въ Индію.—Индія.—Южная Африка.

*) **Приключеніе Финна.** Соч. **Маркъ-Твэна,** переводъ Н. Мазуренко, 115 рисунковъ, 299 стр. большого формата, съ хромо-литограф., въ папкѣ. Спб., ц. 1 р. 35 к. **Уч. Ком. Мин. Нар Пр.** доп. въ учеб. биб. низ. училищъ,

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по рас. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

Приключеніе мартышки, воробья, да мышки. Юмористическія разсказы. соч. Будекъ. Съ массой оригинальныхъ рисунковъ лучшихъ нѣмецкихъ художниковъ. Спб.

Царство сказокъ. *) Кармэнъ Сильва, (Елизаветы. Румынской королевы). Переводъ съ нѣмецкаго С. Майковой, съ рисунками, цѣна 1 р. Симпатичный умственный и нравственный обликъ Румынской королевы выразился въ ея сказкахъ, оцѣненныхъ по достоинству критикой. Сказки отличаются необыкновенною оригинальностью и яркостью красокъ и духомъ гуманности ко всему угнетенному всѣ герои и героини сказокъ съ полнымъ самоотверженіемъ совершаютъ величайшіе подвиги для блага своего ближняго; гуманность по идеѣ и художественное изложеніе сказокъ даютъ возможность русской публикѣ съ большою пользою и интересомъ прочесть такое произведеніе, облагораживая въ себѣ художественный вкусъ и знакомясь съ новыми образцами поэтическаго творчества. Въ папкѣ. 311 стр. **Уч. Ком. Мин. Н. Просв.** доп. въ уч., ср. воз., библ. ср. уч. зав. и въ безп. и нар. чит. и библ.

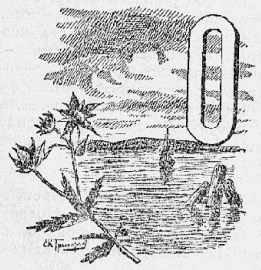
*) **Юный укротитель львовъ.** Разсказъ для юношества, 110 стр. Фран. Гофмана, Е. Владиміровой, съ рисунк. 3-е изд. Спб., ц. 20 к.

Материнская любовь. Разсказъ Фран. Гофмана съ рисунками, цѣна 40 к.

*) **Братья.** Историческій разсказъ XVII столѣтія временъ дѣйствія испанской инквизиціи. Съ рисунками, ц. 40 к. Всѣ разсказы Гофмана, извѣстнаго дѣтскаго писателя, интересны и поучительны.

*) **Китоловъ.** Какъ онъ сдѣлался китоловомъ и что при этомъ узналъ и пережилъ. Разсказъ для юношества и народа. Соч. В. О. фонъ-Горна, перев. Г. А. Чарусскаго съ рисунками. Спб., ц. 45 коп. Юный читатель найдетъ въ этой книжкѣ увлекательное описаніе полнаго опасностей и приключеній морского путешествія въ Южный Ледовитый океанъ. Но помимо интереса предлагаемая повѣсть содержитъ въ себѣ много поучительнаго, знакомя съ жизнью кита, этого исполина морей, и съ интереснымъ китовымъ промысломъ, составляющимъ обширную отрасль промышленности.

*) **Преданный негръ.** Историческій разсказъ для юношества и народа. Соч. В. О. фонъ-Горна съ рис. Переводъ Г. А. Чарусскаго Спб., ц. 45 коп. Талантливый писатель открываетъ передъ юными читателями малознакомую страницу изъ этой мрачной исторіи, а именно возстаніе невольниковъ на французскомъ островѣ С. Доминго въ началѣ XIX столѣтія, когда грохотъ разрушенія великой французской революціи нашелъ себѣ откликъ въ далекой колоніи среди порабощеннаго народа, который, сплотившись, сбросилъ съ себя ярмо рабства, безпощадно уничтожая своихъ угнетателей и ихъ владѣніи.



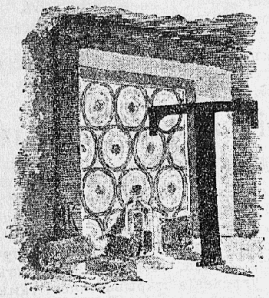
Бѣлоголовый. Разсказъ для юношества и народа В. О. фонъ-Горна. Перевод Г. А. Чарусскаго, съ рисунками, ц. 40 к.

Отважная перуанка. *) Историческій разсказъ для юношества и народа. Соч. В. О. фонъ-Горна пер., Г. А. Чарусскаго съ рисунками. Спб. ц. 45 к. Разсказъ переноситъ насъ въ далекую эпоху господства испанцевъ въ Южной Америкѣ. Ненасытная жажда наживы привлекала въ новую страну множество корыстолюбивыхъ авантюристовъ, которые, въ цѣляхъ быстраго обогащенія безчеловѣчно притѣсняли простодушныхъ индѣйцевъ. Результатомъ такого отношенія, явилась страшная ненависть краснокожихъ къ ихъ жестокимъ покорителямъ и постоянныя кровавыя столкновенія. Только гуманное и справедливое отношеніе къ туземцамъ одного изъ вице-королей Перу возстановило миръ между враждующими народами и успокоило страну. Этотъ періодъ и служитъ темой предлагаемаго разсказа.

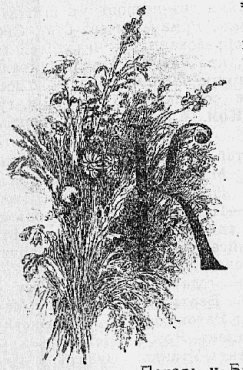
«Немезида». или судъ Божій. Разсказъ Фр. Гофмана. Съ рисунками, цѣна 40 коп.

*) Внесены въ каталогъ книгъ изд. по расп. Мин. Нар. Пр. для ихъ учеб. зав.

Рука Провидѣнія. Соч. Ж. Сандо. Перев. Е. Давыдовой, съ рисунками художника Баяра и др., гравированными на деревѣ Пуцемъ и Смирновымъ. Въ литограф. папкѣ. Книга эта получила премію французской Академіи. Спб. г. 248 стр., цѣна 1 р. Сандо въ яркихъ увлекательныхъ краскахъ описываетъ намъ исторію юноши, который въ силу неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ доходитъ почти до полнаго моральнаго банкротства; жизнь, которую онъ еще мало знаетъ, теряетъ для него всякій смыслъ, всякую привлекательность, и онъ приходитъ къ убѣжденію, что на пиру жизни для него не уготовано мѣсто. Въ этомъ нѣтъ ничего преувеличеннаго—каждый знаетъ, что случаи, когда представители современной молодежи начинаютъ разочаровываться въ жизни и своихъ силахъ, повторяются, къ сожалѣнію, очень часто. Что же спасаетъ героя книги Сандо отъ моральной и можетъ быть и физической смерти? Трудъ, разумный, честный, любимый трудъ. Юноша начинаетъ постепенно привязываться къ труду, увлекаться имъ до самозабвенія, незамѣтно для самого себя, дѣлается новымъ человѣкомъ, энергичнымъ, любящимъ и сильнымъ.



Тысяча одна ночь. *) Арабскія сказки для дѣтей. Соч. Фр. Гофмана. Переводъ съ нѣмецк. Н. Михайловой, съ рисунками. Цѣна 1 р. 25 коп. Содержаніе: Агибъ, царскій сынъ.—Гарунъ-аль-Рашидъ и Абдалахъ.—Канатчикъ Гассанъ.—Рыбакъ и духъ.—Абу-Гассанъ и Гарунъ-аль-Рашидъ.—Принцъ Зиндскій и его приключенія.—Синбадъ-мореплаватель.—Маленькій Кади.—Три принца.—Сади Нуманнъ и его конь.—Абу и Нинтикъ.—Принцъ Ахметъ и волшебница Парибину.—Путешествіе мертваго горбуна.—Альбондокари.—Абу Магометъ, лѣнтяй.—Подманаба и Гассанъ.—Три сестры.—Чудесная лампа Аладина.—Али-Баба и сорокъ разбойниковъ. Въ красивой литографированной папкѣ, 420 стр. **Уч. Ком. Мин. Нар. Пр.** доп. въ безп. нар. чит. и библіотеки.



*) **Пропавшій туристъ.** Соч. Е. Маевскаго. Фантастическія приключенія въ царствѣ насѣкомыхъ. Пер. съ польскаго Ф. В. Домбровскаго. Съ 49 рис. Ю. Машинскаго. Изд. 2-е Спб. 1904 г. Стр. 440. Цѣна 1 р. **Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.** доп. въ учен. библ. сред. и низш. уч. зав. и въ безп. нар. чит. и биб.

Сказка для дѣтей. А. Г. Сахаровой, съ рисунками художника Овсянникова въ красивой папкѣ, ц. 1 р. **Уч. Ком. Мин. Н. Пр.** доп. въ уч. мл. воз. биб. ср. уч. зав.

Кавказскія сказки. *) Преданія и легенды Л. Черскаго. Съ рисунками художника Михайлова. Спб., въ папкѣ, 60 к. — Что такое Кавказъ? Описаніе жителей, ихъ жизнь, нравы, обычаи, природа, исторія.—Какъ собака нашла себѣ хозяина. Грузинская сказка.—Котъ Котофѣевичъ. Осетинская сказка.—Какъ явилась въ міръ Иволга, Солотинская сказка.—Какъ явилась въ міръ Иволга, Солотей и Удодъ. Грузинская легенда.—Хаджи-Агматъ. Грузинская сказка.—Умная сноха. Чеченская сказка.—Орлиная скала.—Пахарь и Барсъ. Лезгинскія сказки.—Баранъ и Верблюдъ.—Слезы Машухи. Пятигорскія сказки.—Два охотника. Кабардинская сказка.—Бессо. Осетинская сказка.—Царь и мудрецъ. Грузинская сказка. **Уч. Ком. Мин. Н. Пр.** доп. въ безп. нар. чит. и библ.

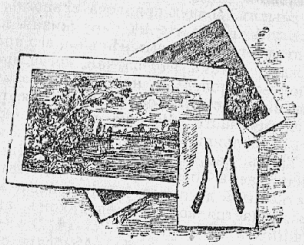
*) **Бѣдный мальчикъ.** Разсказъ Франца Гофмана. Переводъ Федоровой. Съ рисунками, 127 стр.. Ц. 40 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. библ. город. училищъ

*) Внесены въ каталогъ книгъ изд. по расп. Мин. Нар. Пр. для ихъ учебн. зав.

Военныя похожденія Фридерикса въ 1812 году.

Историческій разсказъ для юношества и народа, изъ эпохи нашествія Наполеона на Москву В. О. фонъ-Горна, переводъ Г. А. Чарусскаго, съ рис. ц. 45 к.

Путешествіе Коли.



къ индѣйскому султану Али-Бей-Лотосу. Фантастическая юмористическая сказка въ стих., съ 58 рисунк. художн. С. Эрбера 1894 г., ц. въ папкѣ 60 к. Содерж. Завзятый чтецъ.—Роковой шагъ. — Отважный матросъ. — Взрывъ въ океанѣ.—У дикарей.—Дворецъ. — Садъ.—Райская птица.—Верхомъ на львѣ — Бой со змѣемъ. Сокровища султана.— Караванъ въ пустынѣ.—Невольничій рынокъ.—Отцовскій домъ и пр.

Маленькій золотоискатель въ Калифорніи.

Соч. Герштекера. Пер. М. Мазуренко. Въ папкѣ съ рисунками 288 страницъ, ц. 1 р. 35 к. Предлагаемъ нашимъ юнымъ читателямъ этотъ разсказъ даровитаго автора, одного изъ любимцевъ дѣтей старшаго возраста. Здѣсь въ яркихъ образныхъ чертахъ разсказываются приключенія семьи, переселившейся изъ Сѣверной Америки въ Калифорнію въ эпоху горячаго увлеченія открывшимися тамъ золотыми розсыпями. Главнымъ героемъ этого разсказа является пятнадцатилѣтній мальчикъ. Въ этомъ интересномъ произведеніи Герштекера встрѣчается весьма много географическихъ и въ особенности историческихъ свѣдѣній о Калифорніи, изложенныхъ хотя весьма сжато, но очень обстоятельно и полно. Въ этомъ разсказѣ много замѣчательно красиво переданныхъ моментовъ изъ Калифорнійской жизни, напримѣръ, чудесное спасеніе публики изъ когтей разсвирѣпѣвшаго медвѣдя, благодаря хладнокровной отвагѣ героевъ разсказа, внука и дѣда изъ семьи вышеназванныхъ переселенцевъ пр. и пр.

*) **Хижина дяди Тома,** или жизнь невольниковъ-негровъ въ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ **Бичеръ-Стоу**. Спб. съ 112 рисунками, переводъ Ландини. ц. 90 к. Кто изъ образованныхъ читателей въ своемъ дѣтствѣ не зачитывался романомъ Бичеръ-Стоу, кто изъ нихъ не проливалъ горячихъ, непритворныхъ дѣтскихъ слезъ надъ страданіями бѣднаго Тома и его доброй семьи, въ печальную эпоху рабовладѣнія, поднимая со дна души лучшія, гуманнѣйшія чувства любви человѣка къ человѣку. **Учен. Ком. Мин. Нар. Пр.** допущ. въ безпл. нар. чит. и биб.

*) **Улыбки и слезы.** Разсказы для дѣтей **Е. Чебышевой-Дмитріевой**, съ 40 рисунками М. Андреева, А. Шлиперы и др. въ красивой папкѣ 280 стран. Спб., ц. 1 р. 20 к. На елкѣ.—Волшебное ожерелье.—Артюшка бѣглый.—Въ первый разъ на медвѣдя.—Петръ съ зеленаго озера. Приключеніе раченка.—Сказка о счастье.—За горемъ радость.—Дядя Лсля.—Дѣтство Коли.—Пастушенокъ Сенька и пр. Предлагаемая книга написана легкимъ литературнымъ языкомъ на темы преимущественно изъ сельскаго быта.

*) **Дитя лѣсовъ.** **Приключеніе мальчика, три года бывшаго въ плѣну у орангъ-утанговъ,** соч. Эм. Бертэ. Автора кн. „Маленькія школьники". Переводъ съ 9 франц. изданія Н. Ратомскаго, съ 42 рисунками 239 стр. Спб., въ папкѣ, ц. 1 р. Колонія. — Китаецъ Явъ. — Негритянка.—Тигръ.—Докторъ.—Визитъ.—Балъ.—Китайскій садъ. —Орангъ-Утангъ.—Визитъ и возвращеніе.—Плѣнникъ—Источникъ Лавы.—Горе.—Преслѣдованіе.—Найденный и потерянный.—Дѣвственный лѣсъ.—Возвращеніе.—Новый человѣкъ.—Открытіе.—Возвращеніе въ помѣстье.—Экспедиція.—Новыя опасности.—Освобожденіе.—Развязка.

Въ запертой комнатѣ.

Соч. Ф. Бернстъ. Съ рисунками художницы Смисъ. Переводъ съ англійскаго Е. Д. Пеликанъ, ц. 15 к.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

Добрымъ дѣтямъ.

Разсказы для младшаго возраста, съ раскрашенными рисунками. Соч. А. В. Круглова, въ папкѣ. Спб., ц. 1 р. 25 к.

Веселое лѣто.

Разсказы для дѣтей Г. Гейерштамъ, переводъ со шведскаго. Спб., съ рисунками, цѣна 50 к.

*) **Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузо.**

Описанныя имъ самимъ, соч. Даніеля Дефо. Новый полный переводъ В. Д. Владимірова, съ 172 рисунками худож. Гранвиля. Спб. 450 стр. ц. 1 р.—Знаменитый авторъ сумѣлъ найти и указать въ жизни обыкновеннаго человѣка столько внутренней силы, что эта жизнь явилась матеріаломъ для разсказа, самаго разнообразнаго по содержанію и поучительности. И дѣйствительно, замыселъ въ повѣсти въ высшей степени простъ, человѣка выбросило на необитаемый островъ и все тутъ. Также проста фабула, т. е. вся обстановка повѣсти; фантастическихъ приключеній и происшествій, запутанной интриги въ ней нѣтъ. Тутъ все просто въ высшей степени и, въ то же время, все поистинѣ удивительно, все поражаетъ своею жизненною правдою, рисуетъ исполненный величія образъ человѣка, заброшеннаго среди океана и дикой природы, въ борьбѣ за жизнь и свободу. **Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.** доп. въ уч. библ. уч. зав. и въ без. нар. биб. и чит.

*) **Ноевъ Ковчегъ.** Повѣсть. Соч. Виконтесы де Питранль, урожденной Граф. де Сегюръ. Переводъ В. Карпинской съ 23 рис. худ. Робиди, въ папкѣ, ц. 1 р. Любовь, великая самоотверженная любовь къ людямъ—вотъ истинный свѣтъ исмыслъ человѣческой жизни! Всѣ дѣйствующія лица повѣсти, каждый сообразно своимъ личнымъ свойствамъ и наклонностямъ, приходятъ къ сознанію, что истинное счастье человѣка заключается въ самоотверженной любви къ людямъ. Особенно ярко обрисована фигура маленькой Одили. Капризная избалованная матерью дѣвочка, подъ вліяніемъ добраго, благороднаго брата и совѣтовъ окружающихъ, совершенно преобразуется и дѣлается Ангеломъ Хранителемъ своей семьи. Животныя, обладающія, вообще удивительнымъ инстинктомъ къ распознаванію людей, первыя даютъ ей нравственный толчокъ своимъ великодушіемъ, доказывая, какъ они умѣютъ цѣнить и помнить любовь и ласку. Прежнее отвращеніе дѣвочки къ животнымъ смѣняется любовью къ нимъ и „Ноевъ Ковчегъ" съ населяющими его попугаями и кошками становится ея любимымъ уголкомъ. Первая часть разсказа происходитъ въ Бретани, во Франціи, вторая—въ Америкѣ. Одиль общая любимица, постепенно, своей кротостью и любовью смягчаетъ ожесточенныя сердца окружающихъ и примиряетъ всю семью, которая наслаждается полнымъ счастьемъ.

Бюгъ-Жаргаль, отважный предводитель негровъ.

Повѣсть В. Гюо. Переводъ В. Д. Владимірова. Съ 19 рисунками. Изд. В. И. Губинскаго. Спб., 179 стр., ц. 50 к.

*) Внесены въ каталогъ книгъ. изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

Юный гражданинъ, его права и обязанности.

Сочиненіе Арноль да Форстера. Съ рисунками. Спб., ц. 35 коп. Задача этой книги обучить мальчиковъ и дѣвочекъ, занимающихся въ начальныхъ школахъ, правамъ обязанностямъ и привилегіямъ британскихъ гражданъ. Въ простой и доступной формѣ въ ней приводятся свѣдѣнія о началахъ законодательнаго и административнаго устройства страны, объясняется значеніе и цѣнность главныхъ народныхъ вольностей и излагаются обязанности британскихъ гражданъ къ своей родинѣ, соотечественникамъ и себѣ самимъ.

артины растительности.

Жизнь и нравы птицъ и животныхъ. Соч. Мазіуса. Перев. съ нѣмецкаго женщины-врача Е. Вургафтъ. Подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго и Ф. Александрова. Спб. 1906 г. 360 стр. большого формата, съ рисунками и въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к. Лѣсныя деревья: Кипарисъ. — Пинія. — Сосна. — Пихта. — Ива. — Тополь. — Черный тополь, серебристый тополь. — Осина, береза. — Ольха. — Дубъ. — Букъ. — Вязъ. — Липа. Изъ жизни птицъ: Голубь. — Лебедь. — Аистъ. — Оселъ. — Коршунъ. — Соколъ. — Ястребъ. — Вальдшнепъ. — Тетеревъ. — Рябчикъ. — Скворецъ. — Соловей. — Лягушка. — Ракъ и омаръ. — Лисица. — Лугъ. — Степь. — Хвойный лѣсъ. — Лиственный лѣсъ. — Нива. Изъ жизни животныхъ: Верблюдъ. — Лось. — Лошадь. — Кошка. — Ящерица. — Змѣя. — Китъ. — Муравьи. — Бамбукъ. — Слонъ. — Тюлени. — Тѣло.

*) Міръ сказокъ.

Собраніе самыхъ знаменитыхъ и интересныхъ сказокъ для дѣтей средняго возраста Ю. Гофмана. Пер. Владимірова. Съ 25 рис. Спб., 1903 г., ц. 1 р. въ папкѣ. Оглавленіе: Снѣгурочка. — Лебедь подцѣпи. — Котъ въ сапогахъ. — Калифъ-аистъ. — Гансъ и Гретъ. — Шапка-невидимка. — Спящая красавица. — Гансъ и Лиза. — Длинноносый карликъ. — Лѣнивая и прилежная. — Гора-пряникъ. — Счастливый Гансъ. — Дуракъ. — Состязаніе зайца съ ежомъ. — Золушка. — Бѣлоснѣжка. — Путешествіе малыша. — Семь швабовъ-богатырей. — Прощальный пиръ. — Три брата. — Рыбакъ и его жена. — Пастухъ. — Столикъ, накройся. — Услужливая лиса. — Красная шапочка. — Принцъ-самозванецъ. — Лѣсная фіалка. — Довѣріе и честность. — Разсказъ о маленькомъ уродѣ. — Мальчикъ съ пальчикъ. — Счастливая страна. — Рюбецаль. Уч. Ком. М. Н. П. доп. въ уч. биб. всѣхъ учебн. зав., какъ средн. такъ и низшихъ.

Гибель Іерусалима.

Историческая повѣсть временъ римскихъ императоровъ: Веспасіана и Тита. Сочиненіе Генти. Переводъ М. И. Ловцовой. Съ рисунками англійскихъ художниковъ. С.-Петербургъ, въ папкѣ ц. 1 р. 25 к.

*) Внесены въ каталогъ книгъ изд. по расп. Мин. Нар. Пр. для ихъ учебн. зав.

Историческія сочиненія ФУРМАНА.

*) **Саардамскій плотникъ.** Историческая повѣсть. Съ портрет. Ц. 25 к.

*) **Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ.** Историческая повѣсть въ 2-хъ час. съ портр. Ц. 4 0к.

*) **Александръ Даниловичъ Меншиковъ.** Историческій романъ въ 3 част. Съ портр. Ц. 40 к. Счастіе и заслуги. — Честолюбіе и корыстолюбіе. — Несчастіе и искушенія.

*) **Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій.** Историческая повѣсть въ 2-хъ част. Съ портр. Ц. 40 к.

*) **Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій.** Историч. повѣсть въ 2-хъ част. Съ портр. Ц. 40 к. Суворовъ на войнѣ. Катехизисъ Суворова. — Кинбурнъ. — Овчаровъ. — Фокшаны. — Рымникъ. — Взятіе Измаила. — Кукарику. — Побѣда въ Польшѣ. — Прага Варшава. — Донесеніе и отвѣтъ. — Фельдмаршалъ. — Горестное событіе. — Спаситель царей. — Въ Италіи. — Въ Швейцаріи. — Тайное совѣщаніе. Слава, Слава, Слава. — Заключеніе.

*) **Наталья Борисовна Долгорукова.** Историческ. повѣсть въ 3-хъ частяхъ, съ портр. Ц. 60 к.

П. Р. Фурманъ.

Сынъ рыбака Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ *). Повѣсть съ портретомъ Ломоносова. Ц. 20 коп. Домъ родительскій. — Сѣверное сіяніе. — Москва. — Училище. — За границей. — Солдатъ. — Слава.

Извѣстный критикъ Ф. Толль въ своей книгѣ: „Наша дѣтская литература". Опытъ библіографіи отечественной дѣтской литературы преимущественно въ воспитательномъ отношеніи, на стр. 150 и 153, сказалъ: Сочиненія Фурмана прочтутся съ большою пользою и удовольствіемъ, смѣло рекомендуемъ ихъ нашимъ читателямъ, какъ весьма полезное чтеніе для ихъ дѣтей и питомцевъ.

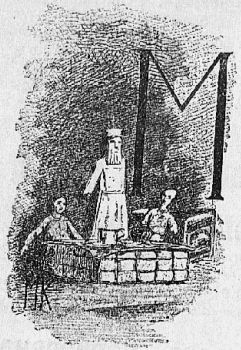
*) **Ближній бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.** Истор. повѣсть для дѣтей въ 2-хъ частяхъ, съ портр. Ц. 40 к.

Юные герои. (гарибальдійцы). Соч. Эдмонда де-Амичиса. 60 стр., 4 рис., ц. 35 к., въ папкѣ. Въ великой борьбѣ за освобожденіе и объединеніе Италіи ярче всѣхъ выдѣляется величавый образъ Джузеппе Гарибальди. Подъ его знамена, на его призывъ, стекались сотни тысячъ людей, не только мужчинъ, но и дѣтей. Въ предлагаемыхъ разсказахъ недавно скончавшійся знаменитый итальянскій писатель, авторъ любимой дѣтской книги „Дневникъ школьника", съ присущимъ ему талантомъ, ярко и увлекательно описываетъ подвиги дѣтей, юныхъ героевъ, жертвовавшихъ жизнью за славу и величіе своей родины.

Народовѣдѣніе, Гиберландта, приват-доцента въ Вѣнѣ. Пер. Гренсбурга. Спб., 1908 г. Съ 150 рис. Ц. 60 к.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по рас. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. зав.

Царь степей.

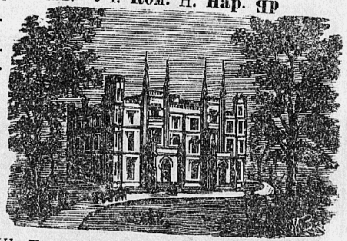


Путешествіе и приключеніе среди индѣйскаго племени. Сочиненіе Люсьвена Біара, съ рисунками художника Ликсъ. Переводъ Н. Н. Мазуренко, С.-Петербургъ, въ папкѣ, цѣна 1 руб. 35 к.

Маленькія школьницы пяти частей свѣта*).

Маленькая Гречанка, Дафнэ.— Маленькая Гаваитянка, Емма.— Маленькая Черногорка, Даринька.— Маленькая Негритянка, Лоли.— Маленькая Японка, Изами.— Маленькая Мексиканка, Жуана.—Маленькая Индуска, Сита. Соч. Эл. Бертэ. Переводъ Н. Мазуренко. Съ 65 рис. Спб., 256 стр., ц. въ хромолитограф. папкѣ 1 р. „Маленькія Школьницы", представляютъ собою весьма интересное чтеніе не только дѣтямъ старшаго возраста, но даже и взрослымъ, до такой степени онѣ богаты живописнымъ и разнообразнымъ матеріаломъ, знакомящимъ съ жизнью, нравами и обычаями жителей различныхъ странъ всѣхъ пяти частей свѣта. Въ особенности рельефно и интересно очерчены почти во всѣхъ разсказахъ семейная жизнь и воспитаніе дѣтей. Большинство этихъ маленькихъ героинь проявляютъ высокое самоотверженіе, горячую любовь къ родителямъ и ближнимъ и даже изумительную энергію, не говоря уже о находчивости, рѣдкой въ людяхъ взрослыхъ. Уч. **Ком. Н. Нар. Пр**

*) Юность знаменитыхъ людей.



Соч. Е. Мюллеръ. Пер. съ француз. 2-е изд. В. Владимірова. Спб., съ портретами и рисунками, ц. 1 руб. Бесѣды талантливаго дѣтскаго писателя Евг. Мюллера о юности великихъ людей даютъ интересную и полезную книжку. Въ книгѣ помѣщены примѣры изъ жизни замѣчательныхъ людей, полководцевъ, историковъ, философовъ, математиковъ, астрономовъ, музыкантовъ, художниковъ, писателей, каковы: полководцы: Наполеонъ I, Александръ Македонскій, Карлъ XII, Тюреннъ, Баярдъ. Историки: Плутархъ, Геродотъ, Гиббонъ. Художники: Рубенсъ, Микель-Анджело. Писатели: Торквато-Тассо, Аріосто, Кальдеронъ, Сервантесъ, Мильтонъ, Мольеръ Беранже, Бальзакъ, Лопе-де-Вега. Математики: Галилей. Философы: Даламберъ, Паскаль. Музыканты: Моцартъ, Бетховенъ, Керубини, Мендельсонъ, Паганини, Мейерберъ и пр. и пр.; въ папкѣ. Вн. въ первое доп. къ опыту кат. учен. библіот. сред. учеб. зав. вѣд. М. Н П

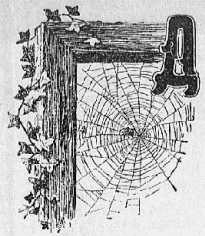
(Жизнь птицъ.

Для домашняго семейнаго чтенія. Сочиненіе А. Е. Бретма, перев. И. Страхова Роскошное изданіе съ 24 карминами и хромотипическими таблицами, выполненными за границею, яицъ и разныхъ породъ птицъ. Спб. 1866. Цѣна 2 р. 50 к.

Почему и потому.

По системѣ Отто Уле для учащихся въ семьѣ и школѣ. Зоологія и Ботаника. 800 вопросовъ и отвѣтовъ, по зоологіи и ботаникѣ съ 111 рисунками, составилъ Р. Гротріанъ Перев. съ нѣмецкаго. Изд. подъ редакціей кандидата естественныхъ наукъ Л. Френкеля. Спб., 1904 г. ц. 65 к.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.



Дѣтство и юность великихъ людей.

*) (Важнѣйшіе эпизоды и выдающіяся приключенія въ ихъ жизни). Соч. Л. Колэ. Съ 50 рис., пер. съ 12-го франц. 2-е изданіе. С. Майковой. Спб., ц. 1 р. Семейныя условія, какъ вообще и вся домашняя обстановка, при какихъ росъ и развивался тотъ или другой изъ знаменитыхъ людей, постоянно возбуждаютъ въ насъ болѣе или менѣе сильное любопытство; насъ невольно интересуютъ характеръ, привычки, взгляды и понятія какъ отца, такъ и матери будущаго великаго человѣка, намъ пріятно знать, въ какой именно средѣ протекли годы его дѣтства, отрочества и первой юности, пріятно видѣть его то баловнемъ какой-либо старшей сестры, то любимцемъ брата, и сами мы, съ своей стороны, невольно удѣляемъ частичку нашего сочувствія и восхищенія родителямъ, окружавшимъ его своими нѣжными заботами, любовью и ласками. Внес. въ первое доп. къ опыту кат. ученич. библ. сред. учеб. заведеній вѣд. М. Н. П.

Три сестры.

Повѣсть для молодыхъ дѣвицъ. Соч. Дж. Мансеръ. Переводъ съ англійскаго М. И. Ловцовой съ рис. англійскаго художника Маргенсона въ красивой папкѣ, цѣна 1 р. Предлагая юнымъ читательницамъ выше названную повѣсть, переводчица имѣетъ въ виду предоставить имъ занимательное и полезное чтеніе изъ англійскаго домашняго быта. Рано лишившись матери, тремъ сестрамъ приходится взять на себя всѣ хлопоты по хозяйству, воспитаніе младшей сестры и проч. Отецъ ихъ, отвлеченный литературною работой, ищетъ лишь временнаго отдыха у домашняго очага. Молодыя дѣвушки подчасъ тяготятся однообразною уединенною жизнью, но бодро приноравливаются къ обстоятельсвамъ и сохранивъ свою юную жизнерадостность пріобрѣтаютъ незамѣтно силу воли и самостоятельность. Книга читается легко и съ большимъ интересомъ.

Дѣтская забава.

Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Соч. М. Ростовской, съ многими рисунками, въ папкѣ. Спб., цѣна 1 руб. Кулекъ, дробинка, палачи, честность, кривулекъ, болото, павлины, дѣти натуралиста, дѣти, свѣтлый мальчикъ, у страха глаза велики, счастливый случай, сравненіе, бладій примѣръ, каширъ, карликъ, сосипатръ, смѣхъ и горе, зеркало, три мячика, крутое яичко, четвертакъ, шалуны, утятяти и пр. пр.

*) Донъ-Кихотъ Ламанчскій.

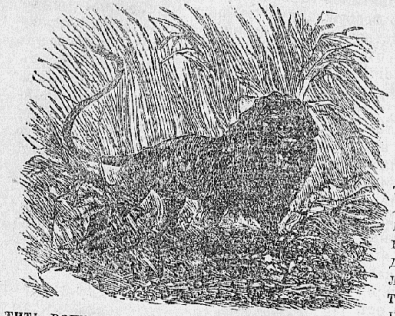
Изданіе подъ ред. М. Б. Чистякова. 4-е изданіе. Съ 100 рисунк. 1904 г. Ц. 1 р. Содержаніе: Предисловіе, обясняющее значеніе сочиненія Сервантеса.—Семейство Донъ-Кихота.—Отправленіе.—О посвященіи въ рыцари. — О случаѣ въ гостинницѣ. — Несчастье. — Второй отъѣздъ. — Борьба съ мельницами. — Замокъ. — Шлемъ. — Освобожденіе. — Горы. — Принцесса Маминконика. — Донъ-Кихотъ въ клѣткѣ. — Санхо-Пансо. — Дульцинея. — Рыцарь зеркалъ. — Приключеніе пастуха. — Прекрасная охотница.—Важныя событія. —О чарахъ Дульцинеи. — Губернаторство Санхо. — Донъ-Кихотъ дѣлается пастухомъ. — Ночное приключеніе. — Возвращеніе. **Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.** доп. въ учен. средн. возр., библ. средн. учебн. зав. и въ безпл. нар. библ. и чит.

*) Приключенія молодого натуралиста.

Соч. Біара. Перев. съ 15 изданія С. Брилланта, съ 130 рисунками, въ папкѣ, 400 стр. Ц. 1 р. 35 к.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб завед.

*) **Жизнь животныхъ, А. Брема.** Иллюстрированное изданіе въ трехъ большихъ томахъ. Подъ редакціей магистра зоологіи К. К. Сентъ-Илера. Бремъ всю свою жизнь посвятилъ изученію животныхъ, для чего совершилъ продолжительныя путешествія въ Африку, Азію, Америку, Египетъ, Норвегію, Сибирь и Европу, —вездѣ живя подолгу и изучалъ жизнь звѣрей и птицъ въ Европѣ, познакомился со всѣми



звѣринцами и зоологическими садами, дома у него была масса прирученныхъ животныхъ для наблюденія и изученіе ихъ. „Жизнь животныхъ“ Брема, подъ редакціею К. К. Сентъ- Илера, является не простымъ сокращеніемъ десятитомнаго изданія, а есть переработанный трудъ опытнаго и заслуженнаго педагога, сохранившаго все существенное большого изданія, но устранившаго все то что, по педагогическимъ началамъ, не должно быть изложено для юношескаго возраста. Такимъ образомъ новое изданіе, спец. для юношест. обоего пола даетъ возможность родителямъ, удовлетворяя любознательности своихъ дѣтей, дать имъ смѣло въ руки это изданіе, не опасаясь съ ихъ стороны встрѣтить вопросы, на которые часто нѣтъ возможности отвѣтить; состоитъ изъ трехъ битвъ, напечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ и заключаетъ въ себѣ 2150 страницъ текста большого формата, 690 рисун., исполненныхъ въ Библіографич. Институтѣ въ Лейпцигѣ и 3 худож. обложки работы К. Крюкова. Содержаніе: I томъ „Млекопитающія“. II томъ „Птицы“. III томъ „Пресмыкающіяся“, гады, рыбы, пасѣкомыя и всѣ низшія животныя“. Цѣна за три тома 3 р. съ перес. Имѣются въ роскошныхъ переплетахъ.

*) **Породы собакъ.** Охотничьи, сторожевыя и комнатныя. Популярное описаніе всѣхъ породъ собакъ; полный домашній лечебникъ собакъ. Соч. Крихлера, перев. съ нѣмецкаго В. Вольфсонъ. 47 рис., 2-е изданіе. Спб., ц. 1 р. Охотнич. собаки. Ганноверская и австрійская гончая. Баварская горная ищейка. Кровяная собака. Испанскій поденко. Лягавыя собаки. Щетинистая. Понтеръ. Сетеръ. Грифонъ. Эспаньелы. Ретриверъ. Испанскія лягавыя. Такса: коротконерстая, англійская. Бассетъ. Фокстерьеръ: коротконерстый, иглонерстый. Борзыя: англійская, русская. Шотландская оленья собака. Волкодавъ. Комнатныя и сторожевыя собаки. Нѣмецкій догъ. Датскій догъ. Англійскій мастиффъ. Сентъ-Бернардъ, длиннонерстый. Ньюфаундленскія собаки (водолазъ). Бульдогъ. Испанскій мистикъ. Овчарка. Карликовыя шпицы. Шелковистый шпицъ. Эскимосская собака. Пудель. Карликовый пудель. Пинчеръ или крысоловъ. Далматская собака. Терьеры. Гладконерстый пинчеръ. Мопсъ. Левретка. Карликовыя эспандолы. Мальтійская собачка. Шпицеркъ. Японскій хинъ. Болонка. Голыя собаки. Выращиваніе собакъ. Дрессировка собакъ. Охота съ гончими. Объ умѣ собакъ. Полный лечебникъ собакъ. Ц. 1 р. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ безпл. нар. чит. и библ.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

*) **Собиратель бабочекъ.** Сост. Александръ Ба. . Пер. подъ редакціей Л. Френкеля, съ 98 рисун., 130 стран. Спбг. 40 к.

Введеніе.—Общій обзоръ.—Образъ жизни и продолжительность жизни бабочекъ.—Ловля дневныхъ бабочекъ.—Ловля сумеречныхъ и ночныхъ бабочекъ.—Устройство коллекціи.—Размѣщеніе бабочекъ въ коллекціи.—Распознаваніе самцовъ и самокъ.—Сохраненіе коллекціи и т. д.—Коллекція гусеницъ.—Приготовленіе яичекъ и куколокъ для коллекціи.—Біологическая коллекція.—Записная книжка.—Купля и мѣна.—Упаковка и отправка бабочекъ.—Отправка живыхъ гусеницъ, куколокъ и яичекъ.—Собираніе во время путешествій.—Подраздѣленіе бабочекъ. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учен. библ. низшихъ учебн. завед.

*) **Чудеса древней страны пирамидъ.** Путешествіе за три тысячи лѣтъ. Географическія, историческія и бытовыя картины древняго Египта, въ періодъ его процвѣтанія и упадка. Соч. д-ра Карла Оппеля. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Страхова, исправленный и дополненный по 4-му изданію подъ редакціею А. А. Быкова. Съ 182 рисунками, помѣщенными въ текстѣ, и планомъ съ птичьяго полета египетскихъ памятниковъ Нильской долины. Спб., 1897 г., 3-е изд., 542 стр., ц. 3 р. 50 к.

*) **Калифорнскіе разсказы.** Соч. Бредъ-Гарта. Пер. съ англійскаго, подъ редакціей С. Брилліанта, большой томъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Великіе люди Греціи и Рима. Цари, Полководцы, Адмиралы и Государственные дѣятели. Соч. Гульда. Перев. М. Модель. Съ рисунками и портретами. Спб. ц. 1 руб.

Маленькіе Гарибальдейцы. Разсказы. Сочиненіе Де-Амичисъ. Съ рисунками. Въ папкѣ Цѣна 35 коп.

Приключеніе знаменитаго сыщика Шерлока Холмса. 5 томовъ, 180 рисунковъ, 1400 стр. Соч. Конанъ-Дойля. Жизнь и дѣятельность Холмса, этого замѣчательнаго сыщика, описаны Конанъ-Дойлемъ. Увлекательнос и безусловно правдивое содержаніе, на ряду съ безукоризненнымъ изложеніемъ—все это давало право разсчитывать на вниманіе даже серьезнаго читателя. Неудивительно поэтому, что произведенія талантливаго англійскаго писателя, посвященныя описанію жизни и дѣятельности этой исключительной натуры, переведены почти на всѣ европейскіе языки и, что имя Шерлока Холмса сдѣлалось весьма популярнымъ среди читающей публики. Спб., цѣна за 5 томовъ 4 р. Т. 1, 2 и 3. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учен. библ. учебн. завед. и въ безпл.

Происхожденіе міра. Космогоническія теоріи древнія и современныя, критика гипотезы Лапласа и собственная (теорія автора, съ добавленіемъ Н. Faye (Файе), члена парижской академіи наукъ. Защиты гипотезы Лапласа и теорій—Коркувда, Троубриджа, Ньюкомба, Г. Х. Дарвина, а также критика теоріи Н. Faye изъ соч. Космогоническія гипотезы К. Вольфа, члена парижской академіи, астронома обсерваторіи. 3-е изданіе. Спб., 1905 г., ц. 1 р. 25 к.

*) **Пять чувствъ человѣка.** Соч. д-ра І. К. Крейбаха. Общедост. лекціи . Съ 30 рисунками. Перев. съ нѣмец. подъ редакц. д-ра І. А. Шапиро. Спб., 1903 г. 148 стр. Ц. 45 коп. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. стар. воз. библ. сред. уч. зав.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

Нравственныя сочиненія С. Смайльса.

*) **Умъ и энергія.** I томъ. „Жизнь и Трудъ“ (Lifand labour). Большой томъ. Переводъ подъ редакціею Д. А. Коронѣскаго. Характеристики изъ жизни великихъ людей. Ц. 1 р. 20 к. допущ. въ учен. библ. сред. учебн. завед. Мин. Нар. Просв.

*) **Характеръ.** III томъ. Образованіе. Пер. С. Майковой, 9-е изданіе, 363 стр. Ц. 1 р. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. въ учен. библ. сред. уч. зав. въ безп. нар. чит.

*) **Саморазвитіе.** II томъ. Умственное, нравственное и практическое съ дополнительною статьею „Русскія дѣятели (Самодѣятельность“). Переводъ и дополненіе В. Вольфсона. Спб., 400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. въ учен. библ. ср. уч. зав.

*) **Вѣчный труженикъ.** IV томъ. Жизнь и приключенія шотландскаго натуралиста Томаса Эдуарда. 3-е изданіе. Съ рисунками. Спб. Ц. 1 р. Уч. Ком. мин. Нар. Пр. въ учен. биб. ср. уч. зав. въ безп. нар. чит.

*) **Долгъ.** V томъ. Нравственныя обязанности человѣка. Перев. С. Майковой. Спб. 3-е изданіе. 368 стр. Цѣна 1 р. 25 к. Уч. К. М. Н. Пр. въ учен библ. ср. уч. зав. а также въ без. нар. чит.

*) **Бережливость.** VI томъ. Переводъ Сысоевой. 3-е изданіе. Спб. 1904 г. Ц. 90 к. Уч. К. Мин. Нар. Пр. въ уч. библ. ср. уч. зав.. также въ библ. нар. чит.

*) **Путешествіе мальчика вокругъ свѣта.** VII томъ. Съ рисунками. Перев. В. Вольскаго. Спб. 2-е изданіе. Ц. 1 р. Уч. К. М. Н. Пр. въ учен. библ. ср. уч. зав. въ безп. нар. чит.

*) **Біографіи промышленныхъ дѣятелей.** VIII томъ. Переводъ съ англійскаго Н. Н. Мазуренко. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. Уч. К. М. Нар. Пр. въ уч. биб. уч. зав., а также въ без. нар. чит.

Отдохнемъ и почитаемъ. Разсказы для маленькихъ дѣтей, съ раскрашенными картинками, соч. С. Лаврентьевой. Спб. Ц. 80 коп.

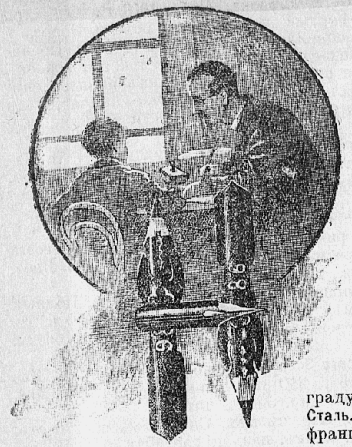
*) **Библейская исторія.** Сокращенно извлеченная изъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта протоіереемъ І. Базаровымъ. Съ 119 карт. Одобрена Учебнымъ Комитетомъ Святѣйшаго Синода для начальныхъ народныхъ училищъ въ качествѣ учебнаго пособія по Священной Исторіи, а также для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній въ качествѣ учебнаго руководства. Удостоена медали гр. И. Д. Киселева 33-е изд., ц. 1. руб. въ папкѣ.

*) **Бесѣды о здоровьи для народа.** Ц. 50 к. Доп. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для нар. чит. и библ. нар. и город., учит. и учительскихъ институтовъ и семинарій.

Охотничьи разсказы. *) Собранные Полемъ Вероемъ, для дѣтей средняго возраста, переводы О. М. Мижуевой, съ рисунками Т. Никитина, въ красивой папкѣ. Спб., ц. 1 р. 20 к.

*) **О воспитаніи умственномъ и нравственномъ.** В. Г. Бѣлинскаго. Сост. А. Н. Сальниковъ. Спб. 158 стр. Цѣна 50 коп. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ фундаментальныя библіотеки средн. учебн. завед. Министер.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.



На память дѣтямъ. Сост. Н. И. Позняковъ. Разсказы и стихотворенія, съ рисунками художн. Т. А. Карпинской, Т. И. Никитина и В. П. Овсяникова. Изд. 3-е. Спб., стр. 254. Ц. въ роскошной папкѣ 1 р. 50 коп. Одоб. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для ср. и низ. учеб. зав. и для безп. нар. биб. и чит.

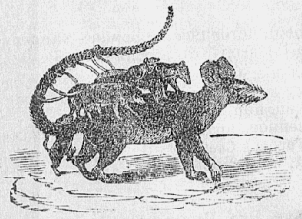
*) **Черкесъ.** Соч. Л. Черскаго. Воспоминанія кадета. Съ илл. люстраціями. Спб. 1901, стр. 31. Цѣна 30 к. Уч. Ком. М. Нар. Пр. доп. въ безп. нар. чит. и библ. и въ учен. библ. средн., для мал. возр. и низ. учебн. завед. Минист.

Нравственность семьи. *) Въ разсказахъ, сказкахъ, практическихъ наставленіяхъ и жизненныхъ правилахъ. Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей, и по распоряженію Министра Народнаго Просвѣщенія, назначенное въ награду ученикамъ какъ полезная книга. Соч. Сталь. Переводъ Н. Мазуренко. Съ 34 рисунками французскихъ художниковъ: Баара, Мари, Фрелиха, Бинетта, де-Вилорса и др., въ красивой папкѣ. Спб. 1905 г., 342 стр. Ц. 1 р. 25 к. Въ этой книгѣ, отъ первой страницы до послѣдней, рѣчь идетъ въ живописныхъ и увлекательныхъ, иногда чрезвычайно поэтичныхъ разсказахъ и поученіяхъ (напримѣръ: исторіи маленькаго пастуха и стараго капрала, только и исключительно о хорошихъ и дурныхъ чертахъ характера дѣтей, о средствахъ и способахъ вліянія на дѣтей, а также и исправленія и улучшенія ихъ характера Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. въ безплат. народн. читал. и библ.

*) **„Божественная Комедія“. Соч. Данте-Алегіери Адъ.** Томъ. I Переводъ В. В. Чуйко, со вступительною статьею переводчика о жизни и произведеніи автора. Съ 68 рисунками извѣстныхъ французск. художниковъ и съ портретомъ автора. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р, 50 к.

Чистилище. Томъ II. Пер. В. В. Чуйко, съ 75 рисунками. Ц. 1 р. 25 к.

Рай. Томъ III. В. В. Чуйко, съ 74 рисунками, Ц. 1 р. 25 к. „Божественная Комедія“ извѣстна всякому образованному читателю. Она отличается такими поразительными красотами истинной поэзіи, такою глубиною содержанія, что никогда не потеряетъ своего значенія и всегда будетъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду величайшихъ литературныхъ произведеній всѣхъ временъ и народовъ.



*) **Борьба человѣка съ животными.** Профес. К. Зкштейна, Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей кандидата естественныхъ наукъ Л. А. Фрешкеля. Съ 31 рисункомъ. 160 стр. Ц. 50 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учен. библ. ср. и низш. учебн. завед. и въ безпл. народн. чит. и библ.

Звѣздоча. Разсказы для маленькихъ дѣтей, съ раскрашенными рисунками, Соч. Л. Шелгуновой, въ папкѣ. Спб. Ц. 1 р.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учебн. завед.

*) **Дочь Египетскаго царя.** Историческій романъ Георга Эберса. Переводъ Вольфсона. Спб., 1907 г., 442 стр., Ц. 1 р. 50 коп. „Дочь египетскаго царя“ первый историческій романъ Эберса и лучшій изъ всѣхъ имъ написанныхъ. Онъ появился въ печати въ 1860 г. По богатству содержанія, по обилію историческихъ подробностей, по яркости красокъ и, наконецъ, по художественности языка, ни одно изъ позднѣйшихъ произведеній покойнаго Эберса не можетъ сравниться съ „Дочерью египетскаго царя“. Учеи Ком. Мин. Нар. Просв. доп. въ учеи. сред. воз., библ. сред. учеб. зав. и въ безп. нар. биб. и чит.

*) **Невѣста Нила.** Истор. романъ Георга Эберса. Пер. съ нѣмецкаго Н. Н. Мазуренко. Спб. 1905 г. 430 стр. Цѣна 1 р. 35 коп. Уч. Ком. ин. Нар. Пр. доп.въ уч. библ. и учебн. зав. и въ безпл. нар. биб. и чит.

*) **Уарда.** Историческій романъ. Цѣна 1 р. 50 коп.

*) [illegible] Истор. ром. временъ римскаго императора Адріана. Георга Эберса. Спб. 1898 г. 2-ое изд. 484 стр. Цѣна 1 р. 50 коп. Внес. въ кат. книгъ, изд. по распор. Мин. Нар. Просв., для безпл. нар. чит.

*) **Мелисса.** Тернистымъ путемъ. Историческій романъ Георга Эберса. Полный переводъ (большой томъ). Спб., 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к. Уч. Ком. Мин. нар. Пр. доп. въ учеи.,сред. и стар. воз., библ. сред. учеб. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

*) **Человѣкъ есмь.** Историч. ром. Георга Эберса. Переводъ съ нѣмецк. В. Мазуренко. Спб. 1903 г. 280 стр. Цѣна 90 коп. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. биб. учебн. зав. и въ безп. нар. биб. и чит.

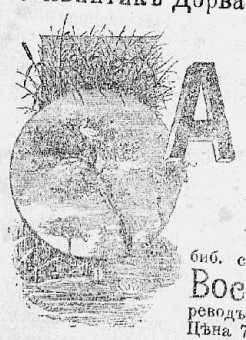
*) **Сепанись.** Истор. ром. Георга Эберса. Пер. съ нѣм. Спб. 3-ое изд. 276 стр. Цѣна 75 коп. Внес. въ кат. книгъ, изд. по рас. Мин. Нар. Просв. для безпл. нар. чит.

*) **Цертская красавица.** Историческій романъ ВальтеръСкотта. Спб., 1894 г., съ рисунками (большой томъ), 536 стр., Цѣна 2 р. Внес. въ кат. книг, изд. по рас. Мин. Нар. Пр. для безп. нар.чит.

Удстокъ. Романъ Вальтеръ-Скотта. Спб. Цѣна 80 к.

Карлъ Смѣлый. Историческій романъ. Соч. Вальтеръ-Скотта. Съ рисунками, 480 стр. Спб., 1893 г. Цѣна 2 р. 25 к. Описывая событія второй половины XV в., относящіяся къ той эпохѣ, когда рыцарство блистало уже послѣдними лучами своего величія, которому по выраженію автора, „суждено было скоро окончательно угаснуть“,—романъ этотъ вызываетъ большой интересъ и можетъ служить прекраснымъ подаркомъ къ праздникамъ въ любой семьѣ. (Отзывъ „Новаго Времени“).

*) **Квинтикъ Дорватъ.** Историческій романъ временъ Людовика XI. Соч. Вальтеръ-Скотть. Въ этомъ романѣ описана картина раздоровъ, волновавшихъ Европу въ продолженіи XV вѣка; особенно ярко выразилась борьба Людовика XI съ Карломъ Бургундскимъ, сплетеніе тайныхъ интригъ, безчисленное множество различныхъ похожденій шпіоновъ, цыганъ. пилигримовъ и переодѣтыхъ нищихъ, описаніе сраженій и пр. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50к.



Уч. Ком. Мин Нар. Пр. доп. въ учеи. биб. учеб. зав. и въ безп.нар. библ. и чит,

Ивенго. *) (Ivanhoe), историческій романъ Вальтеръ-Скотта. Переводъ съ англійскаго В. Владимірова. Второе изданіе. Спб., 1898 г., 362 стр. Ц. 1 р. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учеи. сред. и стар. зав., биб. сред. уч. зав. и въ безп. нар. библ. и чит

Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Соч. Герберта Спенсера. Новый полный переводъ съ англійскаго М. А. Лазаревой. Спб. 1906 г. изд. 2-е. Цѣна 75 коп.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по рас. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. зав.

16

Удивительныя приключенія полишинеля. Соч. Октава Фелье. 80 стр., 50 рисунковъ художника Берталя, перев. Черскаго. Спб. Л. 40 к., въ папкѣ. Полишинель—главный герой театра маріонетокъ, любимецъ дѣтей—сынъ веселой жизнерадостной Италіи, гдѣ такъ много солнца, смѣха и пѣсенъ. На зарѣ своей жизни онъ отправляется ко двору неаполитанскаго короля, искать счастья, и здѣсь, благодаря своему природному уму и находчивости, въ короткое время дѣлается любимымъ нажомъ красавицы-принцессы. Его приключенія до того необыкновенны, забавны и уморительны, что невольно заставляютъ смѣяться самымъ заразительнымъ смѣхомъ не только дѣтей, но даже взрослыхъ.

Русско-французско-нѣмецкіе разговоры. Въ двухъ частяхъ. Руководство, служащее къ пріобрѣтенію навыка и умѣнья основательно изъясняться на этихъ трехъ языкахъ и содержащее также разговоры о путешествіяхъ, желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ и др. Съ приложеніемъ: 1) Правилъ произношенія словъ французскихъ для русскихъ и нѣмцевъ; русскихъ для французовъ и нѣмцевъ; нѣмецкихъ для русскихъ и французовъ. 2) Идіотизмовъ. 3) Пословицъ и поговорокъ. 4) Омонимовъ, съ практическими упражненіями на каждый изъ нихъ. Девятое изданіе, вновь исправленное и дополненное, Спб.1903 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Читать, писать и говорить по англійски. Новый способъ выучиться въ 73 урока. Метода профессора Оллендорфа, одобренная парижскимъ факультетомъ. Составлена и приспособлена для русскихъ А. Михельсономъ. Ц. 2 р. Легкость изученія иностранныхъ языковъ по методѣ Оллендорфа признана всею Европою. Достоинства и преимущества ея передъ другими способами доказываются уже тѣмъ, что въ цивилизованномъ мірѣ нѣтъ народа, который не примѣнилъ бы ее для своего употребленія.

*) **Вулканы и землетрясенія.** Профессора Неймайра. Переводъ С. Чернова. 98 рисунк. 277 стр. С.-Петербургъ, 1903 г. Цѣна 90 коп.

*) **По великой русской рѣкѣ.** Очерки картины Поволжья А. П. Валуевой (Минтъ) съ многочисленными рисунками художника Т. Никитина Спб., 1904 г. 2-е изд., ц. 1 р. 50 к. Вн. въ пер. доп. къ оп. кат. уч. библ. ср. уч. зав. вѣд. М. Н. П.

Новая метода правильно читать, писать и говорить на нѣмецкомъ языкѣ въ 6 мѣсяцевъ. Сочиненіе профессора Оллендорфа. Одобренная парижскимъ факультетомъ, составлена (для русскихъ) по послѣднему парижскому изданію. 5-е изд., подъ ред. А. А. Быкова. 2 т., ц. 1 р. 50 к.

Метода Оллендорфа. Полный практическій учебникъ французскаго языка. Составилъ С. Коссовичъ. Въ 2-хъ частяхъ, 5-е исправленное изданіе, 2 тома. Спб., 800 стр. Цѣна 2 р. Метода Оллендорфа давно уже получила обширное примѣненіе, благодаря своимъ блестящимъ практическимъ результатамъ. Издаваемые по этой методѣ учебники являются хорошими самоучителями и нельзя отрицать того, что при желаніи и сравнительно небольшой посторонней помощи, языкъ, по крайней мѣрѣ, теоретически можно изучить и притомъ не въ особенно продолжительное время. Съ этой стороны практическій учебникъ французскаго языка, составленный г. Коссовичемъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Раздѣленіе учебнаго матеріала удачно, русско-французскій словарь составленъ полно, ключъ же можетъ служить не только подспорьемъ при переводахъ, но и прекрасною книгою, благодаря особому начертанію словъ, являющемуся однимъ изъ лучшихъ упражненій въ чтеніи. (Журналъ „Родина“).

Самоучитель итальянскаго языка. Практическая метода выучиться читать, писать и говорить по-итальянски безъ помощи учителя. Составилъ В. Вроблевскій. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

*) Внесны въ каталогъ книгъ изд. по рас. Мин. Нар. пр., для ихъ учеб. завед.

Самоучитель польскаго языка. Практическая метода выучиться читать, писать и говорить по польски безъ помощи учителя. Составилъ Врублевскій. Спб. 1903 г. Ц. 50 к.

Самоучитель французскаго языка, или легчайшій способъ научиться безъ помощи учителя читать, писать и говорить по-французски. Въ двухъ частяхъ. Спб. Ц. 50 к.

Самоучитель англійскаго языка. Легчайшій способъ научиться читать, писать и говорить по англійски безъ помощи учителя. Составленъ по Руководствамъ Робертсона, Гласко, Эдварда и др., въ 2-хъ частяхъ. 1903 г. Ц. 50 к.

Самоучитель нѣмецкаго языка. Легчайшій способъ научиться, безъ помощи учителя, читать, писать и говорить по нѣмецки. Составленъ по лучшимъ руководствамъ. Изд. 5-е. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.

*) **Краткій учебникъ русской исторіи.** Въ біографическихъ очеркахъ (курсъ младшаго возраста). Составилъ А. Н. Сальниковъ. Изданіе пятое, исправленное, съ картами въ текстѣ. Ц. 35 к. Одоб. ученымъ Комит. Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для третьяго класса гимназій и реальныхъ училищъ.

*) **Краткій обзоръ русской исторіи,** для городскихъ училищъ. Составилъ А. Н. Сальниковъ. Спб. 1902 г., Ц. 20 к. Одобренъ **Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.** какъ руков. для город. и уѣздныхъ училищъ, а также для 3-го класса гимназій реальныхъ училищъ, и съ рисунками.

*) **Учебникъ географіи.** Въ трехъ частяхъ. I. Краткія свѣдѣнія по математической, физичейской и политической географіи. II. Западная Европа. III. Внѣ-Европейскія страны. Съ рисунками и картами. Составила Н. С. Мальцева, преподавательница Пермской женской гимназіи Ц. 1 р. 25 к. **Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія** опредѣлилъ допустить означенную книгу въ качествѣ учебнаго руководства для женскихъ гимназій и прогимназій Министерства. **Ученымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ** опредѣлено одобрить къ употребленію въ женскихъ духовныхъ училищахъ въ качествѣ ученаго пособія по географіи.

Моментальное фотографированіе ручными камерами, общедоступное для всякаго любителя руководство. Составилъ фотографъ **Буяковичъ**, съ 53 рисун. Спб. 1901 г. Ц. 40 к.

Руководство къ сочиненію прозаическому и стихотворному. Планъ и слогъ сочиненія. — Стихосложеніе.—Романъ.—Повѣсть.—Разсказъ.—Очеркъ.—Набросокъ, эскизъ и пр. Трагедія.—Комедія.—Драма.—Корреспонденція обыкновенная. — Корреспонденція газетная.—Ораторскія рѣчи.—Пособіе къ конкурснымъ экзаменамъ по русскому языку.—Составилъ **М. Бродовскій.** Второе дополненное изданіе 102 стран. 1902 г. ц. 60 к.

Мать и дитя. 8-е изданіе, съ 298 рисунк. Ц. 3 р. (Большой томъ, 1165 стр.). Гигіена въ общедоступномъ изложеніи. Состав. В. Н. Жукъ. Книга „Мать и дитя“ удостоилась самаго лестнаго отзыва нашей прессы и въ короткое время разошлась 7 изданій, въ каждой семьѣ появленіе младенца считается однимъ изъ самыхъ важныхъ событій. Все въ такое время должно быть предусмотрѣно, и отъ малѣйшей неосторожности зависитъ жизнь не только малютки, но и его матери. А чаще всего наши матери, и въ особенности молодыя, совершенно не приготовлены къ исполненію своихъ священнѣйшихъ обязанностей. Тутъ-то имъ приходитъ на помощь книга В. Н. Жука. Въ ней до малѣйшихъ подробностей прослѣжена вся жизнь матери до и послѣ рожденія ею ребенка. Поданы совѣты, какъ ухаживать за больной и новорожденнымъ, описаны идеальныя одежды и дѣтская, словомъ, разсказано все, что можетъ относиться къ пользѣ въ этомъ отношеніи семьи, и при всемъ этомъ все передано доступнымъ пониманію каждаго языкомъ. (Отз. журн. „Родина“.

Исторія Греческихъ героевъ. Разсказанная Нибуромъ своему сыну. Перев. съ нѣмецкаго. Съ рисунками. Цѣна 20 коп.

Типографія Л. В. Гутмана, Спб., Калашниковскій пр., № 13.

Изданія В. И. ГУБИНСКАГО въ С.-Петербургѣ.

Слушайте дѣти! 25 разсказовъ, для дѣтей. Переводъ съ англійскаго М. А. Лялиной. 127 стр., съ 46 рисунк.; въ красивой папкѣ, ц. 60 к.

Пестрая книжка. 130 разсказовъ для маленькихъ дѣтей. Соч. Фр. Гофмана. Перев. В. Энгельгардтъ, съ раскраш. рис. 237 стр.; въ папкѣ, ц. 1 руб.

Разсказы дѣткамъ-малолѣткамъ. Б. Дубровской. Съ рис. и заставк. художн. Андреева, Зубрилова и др. 260 стр.; въ папкѣ, ц. 1 руб.

Маленькій золотоискатель въ Калифорніи. Соч. Герштекера. Переводъ Н. Мазуренко, съ рис. 288 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

***Для ума и сердца.** Разсказы для дѣтей средняго возраста, А. Н. Неѣловой. 270 стр., съ 60 рисунками; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

Серебряные коньки. Исторія одной Голландской семьи и ватаги школьниковъ. Сочиненіе Сталь. 324 стр., съ 50-ю рис.; въ папкѣ, ц. 1 руб. 25 к.

Красный морской разбойникъ. Соч. Фр. Гофмана. Перев. подъ редакціей С. Бриліанта. Спб. 319 стр., съ рис.; въ папкѣ, ц. 1 руб. 20 к.

Снѣжинки и лепестки. Разсказы П. И. Познякова, съ рис., художн. Зубрилова, Андреева и др. 240 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

***Библейская исторія** Ветхаго и Новаго Завѣта, прот. Базарова, 285 стр. съ 110 рис., въ текстѣ и 16 отдѣльными картинами художника Дорэ, въ красивой хромолитогр. папкѣ, ц. 1 руб.

Маленькіе баловни. Сборникъ разсказовъ для дѣтей младшаго возраста. М. А. Лялиной. 100 разсказ. Съ 80 рис. и заст.; въ папкѣ, ц. 1 руб.

Чудо-Сказочки. Соч. Бохштейна. Пер. съ нѣм. изданія А. Юрьева. 317 стр., съ 70 рис.; въ красивой папкѣ, цѣна 1 р.

Среди звѣрей. Русскія сказки собр. М. Шевляковымъ. Спб. 274 стр., съ 50 рисунк. художн. Животовскаго и др.; въ папкѣ, ц. 1 р.

***Бабушкины сказки.** Сочиненіе Жоржъ-Зандъ. Переводъ М. А. Лазаревой. Съ рисунками художника Табурина. Спб., 279 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

***Книга чудесъ.** Разсказы для дѣтей изъ миѳологіи. Составилъ Н. Готорнъ, съ рисунками. Спб. 3-е изданіе, 346 стр. Ц. 1 р. 25 коп.

***Въ странѣ алмазовъ (діамантина).** Соч. В. О. фонъ-Горна. Разсказъ для юношества. Перев. Чарусскаго. Съ рис., 112 стр.; въ папкѣ, 45 коп.

Преданный негръ. Разсказъ для юношества и народа. В. О. фонъ-Горна. Перев. Г. А. Чарусскаго. Съ рис.; ц. 35 к., въ папкѣ, 45 к.

***Отважная Перуанка.** Историческій разсказъ для юношества и народа. Соч. В. О. фонъ-Горна. Переводъ Чарусскаго. Съ рисунк., ц. 35 к., въ папкѣ 45 к.

Занесенные снѣгомъ. Разсказъ Фр. Гофмана, съ рис.; въ папкѣ, ц. 40 к.

Дѣла минувшихъ дней. Сборникъ разсказовъ С. Макаровой, съ 30 рисунками, художн. Н. М. Андреева и др., въ папкѣ, 1 руб.

Въ деревнѣ. Разсказы С. Макаровой, съ 40 рисунк. художн. Захарова и др. 242 стр.; въ папкѣ, ц. 1 руб.

Маленькіе проказники. Веселые разсказы. Въ пересказахъ Черскаго съ рисунк. художн. Андреева; въ папкѣ, 128 стр., ц. 60 коп.

Сказки бабушки про чужія странушки. Собрала и пересказала Е. Чистякова-Веръ. Съ 122 рисун. и заставками; въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

***Сказки Шведскія, Норвежскія и Финскія.** Переводъ Эльвенгрейнъ, съ 25 рисунками; въ папкѣ, 128 стр. цѣна 1 р.

Хижина дяди Тома или жизнь невольниковъ-негровъ въ штатахъ С. Амо рики. Романъ Бичеръ-Стоу. Переводъ Ландини. Съ 112 рисунками 383 стр., цѣна 90 коп.

***Донъ-Кихотъ Ламанчскій.** Соч. Мигуэля Сервантеса Сальверды. Переводъ съ испанскаго В. Карелина, 6-е изданіе, съ 700 иллюстр. Ц. 3 р.

***Улыбки и слезы.** Разсказы для дѣтей. Е. Чебышевой-Дмитріевой, съ рисунк. художника М. А. Андреева, въ папкѣ, 280 стр. ц. 1 р. 20 к.

***Дитя Лѣсовъ.** Приключенія мальчика три года бывшаго въ плѣну у орангъ-утановъ. Сочин. Эли Бертэ. Пер. Ратомскаго. Съ 42 рис. 240 стр.; ц. 1 р.

Золотоискатель. Разсказъ для юношества Гофмана. съ рис., въ папкѣ, ц. 40 к.

Синія тучки. Разсказы для дѣтей, сочин. **Л. Чарской**, съ рисунк. художника А. Шлипера; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

***Свѣтлый Воинъ—Князь Михаилъ Васильевичъ, Скопинъ-Шуйскій** Историческая повѣсть временъ царствованій: Бориса Годунова, Лже-Димитрія и Василія Шуйскаго. Сочин. **Л. Чарской**, съ рисунк. художника М. А. Андреева и друг. 360 стр. въ папкѣ, Спб., ц. 2 р.

***Солнышко.** Сборникъ разсказовъ для дѣтей **Л. А. Чарской**, съ рисунками художника М. Андреева, въ папкѣ, цѣна 1 р. 35 коп.

***Струйна за струйной—волна за волной.** Сборникъ разсказовъ, по нѣмецкимъ дѣтскимъ писателямъ **Л. А. Чарской.** Съ рис., ц. 1 р. 25 к.

Смѣлые, Сильные, Храбрые. Историч. разсказы **Л. А. Чарской.** Съ рисунк., художн. Андреева въ папкѣ, ц. 1 р. 35 коп.

Гимназисты. Сирена. Въ глуши. Три разсказа **Л. А. Чарской**, съ рисунк., художника М. А. Андреева; въ 227 стр. папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

Гимназистки. Разск. **Л. А. Чарской.** Съ рис.; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Огоньки. Сборн. разск. **Л. А. Чарской.** Съ рис.; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

***Яркія звѣздочки.** (Разсказы для дѣтей младшаго возраста). **Л. Чарской**, съ рисунками и заставками художника И. Зубрилова и др. Ц. 1 р. 20 к.

Бѣлыя пелеринки. Двѣ повѣсти изъ институтской жизни: Южаночка и Некрасивая. **Л. А. Чарской.** Съ рис. худ. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

Печать Цезаря. Историческій романъ для юношества, изъ временъ Юлія Цезаря. Рамбо. Переводъ Л. Шелгуновой. 27 рис. 268 стр.; въ папкѣ, ц. 1 руб.

Путешествіе Вокругъ Свѣта. Соч. Царвина. съ рис., въ папкѣ ц. 1 р. 50 к.

***Міръ сказокъ.** Собраніе самыхъ знаменитыхъ интересныхъ сказокъ Ю. Гофмана и Гримма. Перев. Владимірова. Съ 25 рисунк. 286 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

Удивительныя приключенія Полишинеля. Соч. Фельс. въ папкѣ, ц. 35 к.

***Приключенія молодого натуралиста.** Соч. Біара. Перев. съ 15 изданія С. Бриланта, съ 130 рис.; 400 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Путешествіе Коли къ индѣйскому султану Али-Бей-Лотосу. Юмористическая сказка въ стихахъ, Ратомскаго, съ 58 рис. С. Эрбера; въ папкѣ, ц. 50 к.

Въ родномъ гнѣздышкѣ. Двадцать разсказовъ для дѣтей Б. Дубровской, съ рисунк.; худ. М. Андреева въ папкѣ, 100 стр. ц. 60 к.

***Въ добрый часъ.** Разсказы для дѣтей изъ Американской жизни, Е. М. Чистяковой-Веръ. Съ 72 рис.; въ красивой папкѣ, ц. 1 р.

***Другъ дѣтей.** Сборникъ разсказовъ, собранныхъ и пересказанныхъ изъ нѣмецкимъ писателямъ А. Н. Неѣловой, съ 100 рис.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

***Сказки доброй Феи.** Соч. Ж. Массе, съ 48 рис., художн. Бертеля. Перев. съ французскаго А. Н. Неѣловой; въ папкѣ, 214 стр. ц. 1 р.

*Любимыя сказки Эд. Лабулэ. Съ 120 рисунками. Переводъ Доброславина и Н. Мазуренко; въ хромолитографической папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*Тысяча одна ночь, арабскія сказки для дѣтей. Соч. Фр. Гофмана. Перев. съ нѣмецк. Н. Михайловой, съ рисунками; въ папкѣ, ц. 1 р. 25.

*Маленькія школьницы (пяти частей свѣта). Соч. Эл. Бертэ. Перев. Н. Мазуренко. Съ 65 рисунк. 256 стр.; въ хромолитогр. папкѣ, ц. 1 р.

*Дѣтство и юность великихъ людей. Соч. Л. Колэ. Съ 50 рис. Перев. съ французскаго С. Майковой. Спб. 2-ое изд. Ц. 1 руб.

*Юность знаменитыхъ людей. Сочиненіе Е. Мюллеръ. Переводъ съ французск. В. Владимірова. 2-е изданіе съ 39 портретами и рисунками, ц. 1 руб.

Картины растительности. (Жизнь и Нравы Птицъ и Животныхъ). Сочиненіе Мазіуса. Переводъ Д. А. Коропчевскаго и Ф. Александрова, съ рисунками въ папкѣ, ц. 1 руб. 50 коп.

*Дѣвочка-Робинзонъ. Исторія маленькой сиротки. Соч. Евгеніи Мюллеръ. Маленькій дикарь, разсказъ Штейна. Переволъ съ французскаго В. Д. Владимірова. Съ 22 рисунками; 2 изд. 246 стр. въ папкѣ, ц. 1 р.

*Жучка. Разсказы изъ деревенской жизни.—Милордъ и Горгона; Человѣкъ и Попугай, очеркъ М. О. Ростовской. 4-е изд. Съ 35 рис.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Крестьянская школа. Исторія открытія сельской школы. М. О. Ростовской. Съ 100 рисунками и заставками художника Р. Штейна и др. 4-е изданіе. Спб. Ц. 1 р. 75 к. (Большой томъ); въ папкѣ 2 руб.

*Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей изъ деревенской жизни. М. О. Ростовской. 4-е изданіе. Съ 25 карт. худ. Штейна, Шлипера и др.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Пони. Приключеніе Эмскаго осла, повѣсть для дѣтей, и др. М. О. Ростовской. 4 изд., съ 27 рисунками; въ папкѣ. 221 стр. Спб. ц. 1 р.

*Дѣтскія забавы. 24 Разсказа для дѣтей. М. О. Ростовской. Съ 50 рис. худ. Захарова, Шлипера и др. 240 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Разсказы изъ Путешествій по Швейцаріи и др. Соч. М. О. Ростовской. 2-е изданіе, съ рисунками; въ папкѣ, 274 стр. ц. 1 руб. 25 к.

*Звѣздочка. Повѣсти и разсказы для дѣтей. М. О. Ростовской. Съ картинами; въ папкѣ, 3 изд., 259 стр. ц. 1 р.

Четыре времени года. Зима, Весна, Лѣто и Осень. — Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Разсказы изъ деревенскаго быта. Ростовской, ц. 1 р.

Сказки бр. Гриммъ, пересказанныя дядею Павломъ. Съ раскрашенными картинами художника Крюкова, 320 страницъ; въ папкѣ, ц. 1 р. 75 к.

*Чешскія сказки, собранныя Эрбеномъ и Нѣмцевой, перев. М. А. Лялиной, съ 36-ю рисунк., 286 стр., въ папкѣ, ц. 1 р.

Контрабандистъ. Разсказъ для юношества Гофмана; съ рис. въ папкѣ ц. 45 к.

*Сказки для дѣтей. А. Г. Сахаровой, съ рисунками художника Овсянникова; въ красивой папкѣ, ц. 1 р. 25 коп.

*Ноевъ Ковчегъ. Повѣсть. Соч. де-Питраль, урожденной граф. де-Сегюръ. Перев. В. Карпинской, съ 23 рис. худож. Робиди. Спб. въ папкѣ, ц. 1 р.

Сорванецъ. Записки бывшаго гимназиста. Воспоминанія Н. Ратомскаго. Съ рис. худож. М. Андреева; въ папкѣ, 116 стр., цѣна 50 коп.

*Итальянскія сказки, собранныя и обработанныя Е. М. Чистяковой-Вэръ, съ 62 рис. итальянск. худож. 318 стр. въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

На отдыхѣ. 27 разсказовъ для дѣтей средняго возраста, съ 77 рис. и заставками. Соч. Е. М. Чистяковой-Вэръ; въ папкѣ, ц. 1 руб. 25 коп.

Дѣдушка и внучка. Повѣсть Л. Мидъ. Перев. съ англійскаго Е. Чистяковой-Вэръ. Съ рисунк. худож. Шлипера. Спб., 236 стр. въ папкѣ, ц. 1 р.

Студентки. Повѣсть. Соч. Л. Мидъ. Переводъ съ англійскаго М. Лялиной. Съ рисунк. художника Г. Ледгау, въ папкѣ. Спб., ц. 1 руб.

Сказки. Соч. Фр. Гофмана, въ пересказѣ. Л. Чарской. Съ рисунк. художника Я. Сизова. Спб., 239 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Былое на Руси. Рядъ историческихъ разсказовъ: Ольга, Святославъ, Плачъ Ярославны, Ермакъ, Кружало, Кулачный бой, Скоморохи, Святки, Свадьбы, На ослятѣ и пр. и пр. Со многими рисунк. Соч. Черскаго. Ц. 1 р. 50 к.

*Маленькій человѣкъ. Романъ для юношества. А. Доде. Перев. съ франц. съ 65 рисунк., 292 стр.; въ папкѣ. Ц. 1 р.

*Чудеса древней страны пирамидъ. Путешествіе за три тысячи лѣтъ. Географ., историческія и бытовыя картины древняго Египта, въ періодъ его процвѣтанія и упадка. Соч. д-ра К. Оппеля, перев. Страхова. Съ 182 рис. 4-е изд., ц. 1 р. 50 к.

*На необитаемомъ островѣ. Приключеніе 4-хъ дѣтей, унесенныхъ бурею въ море. Соч. Мидъ, съ англійскаго М. Ловцовой, съ рис., 268 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Семь дѣвицъ. Картинки домашняго воспитанія. Соч. Л. Мидъ, перев. М. Ловцовой, съ рисунками, 237 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Дѣвичій міръ. Исторія школьнаго чтенія. Соч. Л. Мидъ, переволъ съ англійскаго М. А. Лялиной, съ рисунк., 230 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Нравственность семьи. Въ разсказахъ, сказкахъ, практическихъ наставленіяхъ и жизненныхъ правилахъ, сочиненіе Сталь, увѣнчанное французской академіей. Съ рисунк., 342 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

Рука Провидѣнія. Соч. Ж. Сандо, перев. Е. Давыдовой. 256 стр., съ рис. худож. Баяра и друг.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Приключеніе Финна. Соч. Марка Твэна, переводъ Н. Мазуренко, съ 151 рис., 299 стр. съ хромо-литогр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Приключенія Тома. Соч. Марка Твэна, перев. Н. Мазуренко, съ 70 рис., большой томъ, въ красивой папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Кругосвѣтное путешествіе. Соч. Марка Твэна, 461 стр. съ рисунк., худож. Зубрилова; въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

*Жизнь на Миссисипи. Очерки и картинки, соч. Марка Твэна, перев. Федоровой съ 100 рис., 296 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Принцъ и нищій. Приключенія Тома на воздушномъ шарѣ. М. Твэна, съ 100 рис. 264 стр.; въ папкѣ, ц. 1 руб. 25 к.

*Волшебныя сказки. Соч. Ж. Перро, съ добавл. сказки г-жи Лепренсъ-де-Бомонъ. Перев. съ франц. В. Владимірова, съ 63 рис.; 2-е изд., ц. 1 р.

Разсказы бабушки-всезнайки. Соч. Ант. Бѣлозоръ, съ рисунк. худож. Чикина, 299 стр.; въ красивой папкѣ, ц. 1 р.

*Были и былинки. Ант. Бѣлозоръ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей, съ рисунками худож. А. Чикина. 275 стр.; въ папкѣ, цѣна 1 руб.

*Избранныя сказки для дѣтей Вильг. Гауфа. Перев. Федоровой, съ рисунками, 240 стр.; въ красивой папкѣ, ц. 1 р.

*Маленькій разнощикъ. (Продавецъ спичекъ). Соч. Женневрэ. Произведеніе, увѣнчанное франц. академ. Полн. перев. съ послѣдн. франц. изд., Е. Д. Давыдовой, съ 25 рис., 250 стр.; въ красивой папкѣ, ц. 1 р.

*Царь степей. Путешествіе и приключеніе среди индѣйскаго племени. Сочиненіе Люсьена Біара, съ 33 рис. худож. Ликсъ, въ папкѣ, 221 стр., ц. 1 руб.

Приключенія мартышки, воробья да мышки. Юмористическіе разсказы соч. **Будекъ**. Перев. Л. Черскаго. Съ 80 рисунками; въ папкѣ, ц. 60 к.

Чтеніе—лучшее ученіе. Сборникъ разсказовъ, составленный по Американскимъ и Англійскимъ дѣтскимъ писателямъ Е. М. Чистяковой-Вэръ, съ 80 рис., 279 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

*Кавказскія сказки. Преданія и легенды, Л. Черскаго, съ рис. художн. Михайлова. Спб.; въ папкѣ, ц. 60 к.

*Русскіе историческіе разсказы для дѣтей. Л. Шелгуновой, съ 26 рисунками художника Неслера; 2-ое изд., въ папкѣ, ц. 60 к.

*Царство сказокъ. Карменъ Сильва (Елизаветы, Румынской королевы). Переводъ С. Майковой. 2-е изд. 311 стр. съ рис.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Сказки Уйда. Перев. съ англ. Лялиной, съ рис.; въ папкѣ, 2-е изд., ц. 1 р.

Польскія сказки. Съ рис. художн. Штейна. 312 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*Лазутчикъ и «На возвышенности Карро». 2 разсказа Фр. Гофмана. 2-ое изд. съ картинами; въ папкѣ, 264 стр., ц. 1 р.

*Опасности дикихъ странъ. Жизнь и необыкновенныя приключенія среди американскихъ лѣсовъ. Соч. Фр. Гофмана, перев. подъ редакціей Н. Позникова, съ рис. худож. Штейна. 2 изд., въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*Избранныя сказки Андерсена. Перев. М. А. Лялиной. 2-ое дополненное иллюстр. изд., 272 стр., съ 50 рис.; въ папкѣ, ц. 1 р.

Избранныя сказки Андерсена, 2-ой томъ. Перев. А. Н. Неѣловой, съ 90 рис. 272 стр. въ папкѣ, ц. 1 р.

*Маленькіе школьники пяти частей свѣта. Парижанинъ.—Американецъ.—Китаецъ.—Эскимосъ.—Африканецъ.—Австраліецъ. Соч. Эли Бертэ, переводъ А. Неѣлевой, съ 75 рис. и заставками; 237 стр., въ папкѣ; ц. 1 р.

Почитай—мы послушаемъ. Разсказы для дѣтей младшаго возраста. Соч. Гордѣевой-Щербинской, съ предисловіемъ **И. Тургенева**. Спб. 264 стр. съ 30-ю рис. художн. Зубрилова и друг.; въ папкѣ, ц. 1 р.

Катя. Повѣсть. Соч. Гордѣевой-Щербинской, съ 16-тью рисунками худож. И. Зубрилова и др. съ предисловіемъ **И. Тургенева** 231 страницъ; въ папкѣ, ц. 1 руб.

*Героизмъ. Соч. А. Рено. Примѣры героизма изъ исторіи всѣхъ народовъ. Перев. съ французскаго Владиміровъ, съ 25 рис.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузо, описанныя имъ самимъ. Соч. Даніэля Дэфо. Полный переводъ В. Владимірова съ 175 рис. художн. Граннвля, 459 стр., ц. 1 р.; въ папкѣ ц. 1 р. 20 к.

Юнга на кораблѣ Корсара. Соч. П. Маэль, перев. Михайловой, съ рис. франц. художника Париса и др., 262 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Святочные разсказы. Чарльза Диккенса. Полный переводъ съ англійск. Г. Резенера, 4 изд. 55 рис. 453 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

*Избранныя русскія сказки. Сост. по Афанасьеву и др., 5 изд. Съ 78 рис. и заставк. художн. Р. Штейна. 320 стр., ц. 1 р. 50 к.

Кладъ. Историческая повѣсть временъ завоеванія Іоанномъ III Великаго Новгорода. Соч. К. Теплова, съ рис.; въ папкѣ, ц. 60 к.

Маленькіе путешественники. Приключеніе трехъ дѣтей въ Алжирѣ. Повѣсть Ад. Баденя, съ 40 рис. франц. художн. Беннетъ; въ папкѣ, ц. 60 к.

Дѣтскій мірокъ. Разсказы Софьи Макаровой, съ рис. худ. Я. Сизова, ц. 60 к.

Три сестры. Повѣсть для молодыхъ дѣвицъ. Соч. Мансеръ, перев. съ англійскаго Львовой, съ рис. Маргенсона, въ папкѣ, ц. 1 р.

Шалуны. 20 разсказовъ о проказахъ гимназистовъ-шалуновъ Н. Ратомскаго, съ 25 рисун. художн. Захарова; въ папкѣ, ц. 50 к.

Зимнія и лѣтнія дѣтскія забавы. Сборникъ для младшаго возраста съ 131 рис. художн. Я. Сизова и др. Соч. Е. Чистяковой-Вэръ; въ папкѣ ц. 1 р.

*Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Изданіе подъ редакціею М. Б. Чистякова. 4-е изданіе, съ 100 рис., 320 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Дневникъ школьника. Эдм. Д'Амичисъ, переводъ и предисловіе В. Крестовскаго, 5-е изд., 262 стр., съ рис.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*Сказки, преданія и легенды всѣхъ странъ и народовъ. Подъ ред. Владиміровой-Европеусъ. 2-е изд., съ 50 рис., 320 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

*Сто сказокъ разныхъ странъ и народовъ. Сборникъ составленъ А. Н. Неѣловой. Большой томъ, 461 стр. Съ 165 рис. въ папкѣ, ц. 2 р.

*Избранныя сказки и разсказы. Соч. А. Додэ. Переводъ А. Н. Неѣловой. Съ 35 рисунк. художн. Баяра и Мари; въ папкѣ, 252 стр., цѣна 1 р.

*Путешествія и приключенія барона Мюнхгаузена. Сочиненіе Фр. Гофмана. Переводъ А. Неѣловой, съ 50 рисунками, нѣкоторые изъ нихъ хромолитографированные; въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

*Путешествіе Гулливера по отдаленнымъ странамъ свѣта. Обработано Фр. Гофманомъ. Переводъ А. Н. Неѣловой, съ 45 рисунками, нѣкоторые изъ нихъ литографированные; въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

*Двѣсти разсказовъ для дѣтей младшаго возраста, Хр. Шмидта. Перев. съ нѣмецк. А. Неѣловой. 270 стр., съ многочисленными рис.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Золотое дѣтство. Разсказы изложенные по сборникамъ нѣмецкихъ дѣтскихъ писателей А. Н. Неѣловой, съ 75 рисунк. 270 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

Гибель Іерусалима. Историческая повѣсть, временъ римскихъ Императоровъ Веспасьяна и Тита. Сочиненіе Генти. Переводъ М. Ловцовой, съ рисунками англійск. художн. 242 стр.; въ папкѣ, ц. 1 руб. 25 к.

*Бѣлоголовый. Разсказъ для юношества и народа, В. О. Фонъ-Горна. Перев. Г. А. Чарусскаго, съ рисунками; ц. 30 к., въ папкѣ 40 к.

Военныя похожденія Фридерикса въ 1812 году. Разсказъ изъ эпохи нашествія Наполеона на Москву. фонъ-Горна съ рис.; ц. 35 к., въ папкѣ 45 к.

*Китоловъ. Какъ онъ сдѣлался китоловомъ и что при этомъ узналъ и пережилъ. Разсказъ для юношества и народа. Сочин. В. О. фонъ-Горна. Перев. Чарусскаго. Съ рисунками, 112 стр.; ц. 35 коп., въ папкѣ 45 к.

*О быломъ. Русскіе историческіе разсказы Г. Т. Сѣвердева-Полилова, съ 60 рисунками художн. Захарова; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

*Приключенія маленькаго лорда. Соч. Ф. Бернетъ. Переводъ Е. М. Чистяковой-Вэръ, съ 25 рисунками; въ папкѣ, ц. 1 р.

Англійскія сказки, собранныя и обработанныя Е. М. Чистяковой-Вэръ. 361 стр. съ 100 рис.; въ папкѣ. ц. 1 р. 50 к.

Великіе люди Греціи и Рима. Цари. Полководцы. Адмиралы и Государственные дѣятели. Соч. Гульда. Перев. М. Модель. Съ 12 рисунками и 25 портретами 297 стр. Спб. ц. 1 р.; въ папкѣ 1 р. 20 к.

На дальнемъ сѣверѣ. Разск. Фр. Гофмана, съ рис.; въ папкѣ, ц. 45 к.

Книги, отмѣченныя звѣздочкой допущены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ихъ учебныя заведенія.